ПУТЕШЕСТВІЕ,

ЧРЕЗЪ

ЮЖНУЮ РОССІЮ, КРЫМЪ И ОДЕССУ,

ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, МАЛУЮ АЗІЮ,

СѢВЕРНУЮ АФРИКУ, МАЛЬТУ, СИЦИЛІЮ,

ИТАЛІЮ, ЮЖНУЮ ФРАНЦІЮ И ПАРИЖЪ,

въ 1836 и 1837 годахъ.

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

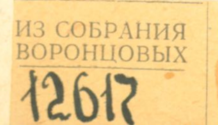
МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1839.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

I.

ПУТЕШЕСТВІЕ,

ЧРЕЗЪ

ЮЖНУЮ РОССІЮ, КРЫМЪ И ОДЕССУ,

ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, МАЛУЮ АЗІЮ,

СѢВЕРНУЮ АФРИКУ, МАЛЬТУ, СИЦИЛІЮ, ИТАЛІЮ,

ЮЖНУЮ ФРАНЦІЮ И ПАРИЖЪ,

въ 1836 и 1837 годахъ.

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Авуста 23 дня, 1838 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ГЛАВА I.

ПУТЬ ОТЪ МОСКВЫ ДО КРЫМА.

Конечно странно покажется, что я на 64 году моей жизни совершалъ путешествiе, которымъ съ 15-ти лѣтняго возраста бредилъ, и потомъ неоднократно предпринималъ совершить его; но занятiя службы, политическiя обстоятельства въ Европѣ, и домашнiя отношенiя препятствовали и всегда меня отвлекали. Надо и то сказать, что какъ при вступленiи моемъ въ свѣтъ счастье меня отмѣнно было забаловало, такъ быстрѣе потомъ покинуло; я началъ встрѣчать повсюду неудачи; служба не льстила; со всѣмъ усердiемъ моимъ на этомъ сорокалѣтнемъ поприщѣ, по истинѣ не

провинясь ни разу, я отсталъ чинами, наградами, почестями отъ всѣхъ моихъ не только товарищей, но даже подчиненныхъ. Обдумавъ хорошенько такое горе, не виня никого, кромѣ самого себя, я рѣшился отойти, перестать бороться съ счастьемъ, и, по пословицѣ: *плетью обуха не перешибешь*, рѣшился жить дома, съ родными и малымъ числомъ оставшихся у меня друзей; зарылся опять въ богатую свою библіотеку, снова полюбилъ Литтературу, и вдругъ, какъ говорятъ псовые охотники, *попалъ на старикъ* (*). Опять вспомнилъ я старыхъ друзей: Омира, Пиндара, Иродота, Ѳукидида и проч. и проч. Я не забылъ еще ихъ языка. Всѣ любимые мои Греческіе герои явились передо мной; знаменитыя мѣста Мараѳона, Платеи, Саламина и Термопилъ манили меня къ себѣ по прежнему; я встряхнулся: чувствую еще довольно силы, знаю, что паровыя машины и не такія массы нынѣ приводятъ въ подвижность. Такъ сяду на пароходъ, и въ родѣ стараго Донъ-Кихота, пу-

(*) Попасть на старикъ значитъ по охотничьи то, когда собака найдетъ старый слѣдъ, по которому ужъ гоняла, и опять примется по немъ гнать.

щусь искать приключеній. Признаюсь однако, что положеніе Турецкой Имперіи, вводимыя нынѣшнимъ Султаномъ перемѣны, отдѣленіе Египта и Сиріи, сильно возбуждали мое любопытство. Я хотѣлъ на мѣстѣ разгадать эту загадку, и, не основываясь на разсказахъ журналистовъ и на сужденіяхъ велухъ кабинетовъ Европы, рѣшился удостовѣриться самъ, чего можно ожидать отъ этого. Какъ ни говори, мы сосѣди, и стыдно было бы отъ дальнихъ узнавать то, что у насъ подъ носомъ. И такъ, помолясь у Иверской Божіей матери, распрощавшись съ старымъ Кремлемъ и Царскими теремами, я отправился молиться къ Влахернской Богородицѣ, къ стѣнамъ Константиновымъ, и ко дворцу Ѳеодосіеву: они межъ собой въ тѣсной связи, можно сказать въ сродствѣ, и я везъ отъ первыхъ поклоны и пожеланія благополучія и новаго счастья послѣднимъ. Время весеннее, погода прелестная, коляска готова, ямщикъ на козлахъ: «Ступай!»

Я выѣхалъ изъ Москвы въ Серпуховскую заставу, 17-го Апрѣля 1836 года, въ 9 часовъ утра. Время было теплое, даже жаркое, весна являлась уже во всей своей красотѣ: невольно вздохнулось!

Я вспомнилъ, что ровно сорокъ три года назадъ, я проѣзжалъ по этой дорогѣ съ другомъ своимъ, Графомъ Валеріаномъ Зубовымъ; насъ послала тогда Великая Екатерина, въ Молдавскую армію. Я никогда не забуду той минуты, когда пожаловавъ насъ къ рукѣ, она, съ этою божественною улыбкою, которая всегда сопровождала ея милостивое обхожденіе, сказала намъ: «Ступайте; васъ ждетъ слава; я не сомнѣваюсь, что вы скоро заслужите Георгіевскіе кресты. Я и того и другаго знаю; помните, что мои пожеланія васъ сопровождаютъ, мое вниманіе за вами послѣдуетъ.» Послѣ такого отпуска можно было навѣрное угадать, что изъ двухъ вещей одна неминуемо сбудется: или смерть или Георгіевскій крестъ; къ счастью сбылось послѣднее, и мы оба его получили, 7 Іюня, въ Польшѣ, подъ Жилинцами: онъ третьей, а я четвертой степени. Намъ было обоимъ по 21-му году. Отъѣзжая отъ пышнаго двора Великой, напитанные Ея славой, преисполненные преданности, желанія содѣлаться достойными Ея вниманія, сколько мечтаній, сколько воздушныхъ замковъ строили мы въ воображеніи! Въ Москвѣ, почтенный родитель, прощаясь со мной со слезами

(я былъ единственный сынъ его), сказалъ: «Не забывай, мой другъ, что предки наши, Князь Дмитрій Александровичъ Всеволожъ и сынъ его Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, были честь и подпора своего отечества.» Онъ благословилъ меня и отпустилъ съ миромъ. Теперь я ѣхалъ одинъ, безъ друга, безъ мечтаній, безъ надеждъ; горькая опытность показала мнѣ тщету всего, что прежде такъ прельщало; я почти одинъ остался отъ современниковъ, которые могли-бы еще вспомнить волшебныя времена Екатерины; друзья, товарищи, всѣ померли. Куда-жь? за чѣмъ я ѣду? Неужто опять мечтать? Опять строить воздушные замки? Но ежели и такъ, то ужь право не для себя. Ѣду потому, что судьба искони опредѣлила мнѣ быть въ Константинополѣ, въ Римѣ, и я слѣпо повинуюсь ея волѣ; не знаю за чѣмъ, но ѣду въ Константинополь, ѣду въ Римъ...... Подольскъ! что можно писать о Подольскѣ? Послѣ долгой разлуки увидѣвшись съ знакомымъ, самое лестное привѣтствіе было-бы, сказать ему: *вы ни сколько не перемѣнились;* я это сказалъ Подольску. Серпуховъ я проѣзжалъ ночью; но мнѣ показалось много улучшенія въ его строеніяхъ; я даже замѣ-

тилъ родъ бульвара, усаженнаго деревьями; нашелъ при трактирѣ лавку съ Тульскими издѣльями, весьма хорошими, и купилъ пару пистолетовъ и двуствольное ружье; переѣхалъ Оку на довольно плохомъ паромѣ, и 18-го утромъ прибылъ въ Тулу. Тула не очень древній, но историческій городъ; я зналъ его, когда онъ красотой своей могъ еще равняться съ лучшими у насъ губернскими городами: не большой, но красивый его кремль, оружейные заводы, огромныя казенныя заведенія, и машины всякаго рода, къ нимъ принадлежащія, дѣлали его однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ Государствѣ; теперь онъ только начинаетъ стрясать съ себя пепелъ, въ который былъ совершенно обращенъ недавними и ужасными пожарами; часть церквей, завода и множество домовъ сдѣлались жертвою пламени. Но Государь тотчасъ обратилъ на него свое вниманіе; большія суммы и всякаго рода льготы поспѣшили на помощь жителей. Я засталъ необыкновенную дѣятельность къ приведенію всего въ прежній видъ; плотники, каменьщики, кузнецы, какъ муравьи кишили по всѣмъ улицамъ; бдительное око, и могущая рука Монарха, при помощи гражданъ,

безъ сомнѣнія скоро возставятъ городъ въ прежнее цвѣтущее его состояніе! Я здѣсь пообѣдалъ, накупилъ множество бездѣлокъ Тульскихъ издѣлій; между прочимъ два кинжала, совершенно подражающіе Персидскимъ: это былъ запасъ на подарки въ Азію и Грецію; потомъ, пустился далѣе въ путь. Проѣзжая на другой день часть Богородскаго и Крапивенскаго уѣздовъ, я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на тучную и богатую почву. Поселяне уже вездѣ пахали; черные, глубокіе пласты издавали паръ, отъ силы произрастительной: какъ не родить этой землѣ! Дубовыя, ясеневыя и кленовыя рощи, довольно ужь доказывали присутствіемъ своимъ, что здѣсь земля ждетъ только оратая и готова сторицею вознаграждать его труды. Я имѣлъ случай, проѣзжая потомъ лучшими странами Италіи и Франціи, дѣлать сравненіе, и смѣло могу сказать, что грунтъ земли ни гдѣ, развѣ кромѣ Малой Азіи, не можетъ сравниться съ Тульскимъ грунтомъ тучностію и плодородіемъ. О климатахъ рѣчи нѣтъ; здѣсь ни маслины, ни винограду, ни многихъ другихъ плодовъ производить не можно; за то пшеница, ячмень, свекловица, безъ сомнѣнія, вдесять разъ

лучше родятся чѣмъ гдѣ нибудь. Крестьянинъ можетъ и долженъ быть избыточнѣе и довольнѣе: это будетъ зависѣть отъ правленія, и оно конечно не упуститъ этаго изъ виду. Я проѣзжалъ богатыми и великолѣпно-отстроенными деревнями Князя Гагарина и Г-на Лазарева; жаль что помѣщики рѣдко въ нихъ живутъ; кажется, не разстался бы съ такими сокровищами!

Въ Мценскѣ я только перемѣнилъ лошадей. Въ его уѣздѣ замѣчателенъ свеклосахарный заводъ, бывшій сперва Г-на Бланкеннагеля, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ А. И. Герардомъ, а потомъ одному послѣднему принадлежавшій. Это первой появившійся въ Россіи заводъ свеклосахарнаго производства. Сколькимъ опытамъ, сколькимъ неудачамъ, при первомъ заведеніи, должно было подвергнуться, тогда какъ и въ чужихъ краяхъ еще худо знали это дѣло; но прилежность хозяевъ, ихъ постоянство, и при небогатыхъ средствахъ умѣли все преодолѣть. Почтенный А. И. Герардъ, какъ трудолюбивая пчела, собиралъ отвсюду всѣ новыя по сей части открытія, приспособлялъ ихъ къ нашему климату, и съ помощью пріобрѣтенной имъ собственной опытности, осто-

рожно подвигался впередъ, такъ, что когда множество такихъ заведеній, послѣ него у насъ устроенныхъ, лопались и раззоряли помѣщиковъ, его уцѣлѣло, и нынѣ приноситъ пользу и доходъ его вдовѣ, которой оно досталось послѣ смерти Генерала. Въ Орелъ я пріѣхалъ ночью, и не останавливался. Городъ этотъ мнѣ былъ знакомъ; я живалъ въ немъ по цѣлому мѣсяцу, когда мой родной дядя, С. А. Зиновьевъ, былъ въ немъ Губернскимъ Предводителемъ. Я ѣзжалъ тогда навѣщать Князя А. Б. Куракина. Послѣ удаленія его отъ дѣлъ, въ царствованіе Императора Павла Перваго, ему велѣно было жить въ богатомъ его помѣстьѣ, Селѣ Куракинѣ. Посѣщая его, я исполнялъ долгъ благодарности. Во времена Екатерины мы были въ связи и жили дружно; потомъ, когда онъ сдѣлался министромъ и вельможей, а я подпалъ изгнанію, онъ не только, какъ многіе другіе, отъ меня не удалился, но взялъ подъ свое покровительство, и защитилъ въ дѣлѣ, отъ котораго зависѣло все мое благосостояніе; потомъ, при Императорѣ Александрѣ, исходатайствовалъ мнѣ почетное мѣсто и чинъ, и остался по смерть свою со мною друженъ. Миръ праху твоему, почтен-

ный вельможа! память твоя навсегда пребудетъ сердцу моему драгоцѣнна! — 21-го числа достигъ я до Курска. Погода продолжала быть прекрасная; я ѣхалъ въ одномъ сюртукѣ. Коляска моя изломалась и я долженъ былъ остановиться. Здѣсь нашелъ я знакомое мнѣ доброе семейство М. Н. Чарторижскаго; его не было въ городѣ. Жена его, милая и нѣкогда прекрасная Катерина Ивановна, урожденная Кошелева, со мной была въ сродствѣ; она меня отыскала и угостила. Я у нея обѣдалъ. Изъ двухъ ея дочерей одна, замужняя, еще не оправилась тогда отъ болѣзни; другая, прелестная и веселая Даша, усладила нашу бесѣду своей остротой и веселостью. Время нечувствительно и пріятно для меня пролетѣло до вечера. Не нужно говорить о красивомъ мѣстоположеніи Курска: кто его не знаетъ? Городъ быстро отстроивается и теперь можетъ считаться однимъ изъ пріятнѣйшихъ губернскихъ городовъ въ Россіи. Въ этотъ вечеръ улицы были иллюминованы: праздновалось тезоименитство Императрицы. Эффектъ освѣщенія, по живописнымъ неровностямъ Курска, прекрасенъ, и я проѣзжалъ посреди огней его, продолжая путь свой къ Бѣлгороду.

23 Числа пріѣхалъ я въ Бѣлгородъ. Было ужъ не такъ рано, и я не могу понять, отъ чего я нашелъ здѣсь такую пустоту? Никого на улицахъ, никого подъ окошками, словно завороженный городъ, въ которомъ всѣ окаменѣли. На почтовомъ дворѣ я насилу разбудилъ и расшевелилъ двухъ Малороссіянъ, которые лѣниво начали мнѣ запрягать лошадей; скоро однакожъ было готово, и мы поскакали.

Здѣсь чувствуешь ужъ совсѣмъ иную природу: ты вступилъ въ Малороссію! народъ не тотъ, черты лица другія, почва земли, мѣстоположенія, все принимаетъ другой видъ; женщины не лучше, но какъ-то веселѣе; вообще всѣ гостепріимнѣе, по всему разбросана какая-то нѣга, какая-то лѣнь; ужъ начинаешь чувствовать вліяніе умѣреннаго климата. Мнѣ хотѣлось рано поспѣть въ Харьковъ; но какъ я ни торопился, пріѣхалъ въ глубокую полночь. Я располагался здѣсь ночевать и на другой день обѣдать у Губернатора, Князя П. И. Трубецкаго; но вышло совсѣмъ иначе. Коляска моя такъ загрязла у самаго почтоваго двора, посреди улицы, что четверня добрыхъ лошадей никакъ не могла вытащить меня изъ топкой и вонючей этой

ямы. Выдти не было возможности; я заткнулъ носъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. За мной ѣхалъ въ своей повозкѣ чиновникъ, посланный отъ правительства, по дѣламъ службы, на Донецъ; онъ не загрязъ, и вышедъ изъ своего экипажа подошелъ ко мнѣ: «Прыгайте на меня; я васъ удержу,» сказалъ онъ. «Лошади не вытащатъ.» Легко было сказать, да прыгать-то я отвыкъ! Съ другой стороны, я задыхался отъ вони; надо было рѣшиться. Я прыгнулъ, онъ меня удержалъ. Почтовой дворъ былъ шагахъ въ тридцати; но вотъ новое горе: заперто. Мы долго стучали у дверей; я началъ думать, что мы ошиблись и стучимъ у дверей пустаго дома; но ямщики увѣряли, что это точно почтовой дворъ, а ямщики должны это твердо знать. Наконецъ слуга мой, разсердясь, вышибъ дверь; проснулось какое-то животное, вышло въ рубашкѣ, безъ свѣчи и объявило намъ, что писарь отлучился, подорожныхъ прописывать нѣкому, и въ домѣ никто не живетъ, а приходятъ въ него по утрамъ. Меня ужь и вонючая яма въ самомъ городѣ разсердила; непорядокъ на почтѣ, и невозможность, середи ночи, въ незнакомомъ городѣ, и находясь ужь на краю его, искать квартиры,

довершили мое бѣшенство; я рѣшился скорѣе изъ него выѣхать, не отдохнувъ и не видавъ никого. Къ счастью, чиновникова тройка помогла моимъ лошадямъ вытащить коляску; запрягли свѣжихъ лошадей, и я, въ провонягломъ своемъ экипажѣ, не прописавъ подорожной, поскакалъ изъ Харькова. Ночь была теплая, мѣсяцъ освѣщалъ дорогу, соловьи пѣли повсюду. Я отъ роду не слыхивалъ такого множества вдругъ поющихъ ночныхъ соловьевъ! Ихъ громкіе раскаты раздавались по всѣмъ садамъ, рощамъ, около ручьевъ. Эта ночная, усладительная гармонія помирила меня съ харьковскимъ приключеніемъ; я вдался въ думы, пробѣгалъ мысленно свою жизнь, обдумывалъ теперешнее путешествіе, и наконецъ къ утру крѣпко уснулъ, и проснулся только въ Константиноградѣ, проскакавъ нѣсколько станцій безъ просыпа. Отсюда, по прекраснымъ мѣстамъ, среди грушевыхъ и вишневыхъ деревъ въ полномъ цвѣтѣ, я чрезъ Ново-Московскъ, пріѣхалъ въ Екатеринославъ.

Губернскій городъ Екатеринославъ построенъ Великою Екатериною: она сама закладывала первый камень соборной церкви, въ присутствіи

Императора Іосифа Втораго, въ 1787 году. Онъ стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, нѣсколько верстъ повыше первыхъ пороговъ. Мнѣ кажется, онъ никогда не сдѣлается достойнымъ громозвучнаго имени своего. Теперь границы Государства со всѣхъ сторонъ отъ него удалились; ничего нѣтъ въ немъ такого, что привлекало-бы населяться, не взирая на пять установленныхъ въ немъ ярмарокъ. Какъ центръ губерніи, содержащій въ себѣ присутственныя мѣста, онъ удерживаетъ еще чиновниковъ, а дѣла окружныхъ жителей привлекаютъ нѣсколько людей и торговцевъ. Нынѣшній Генералъ-Губернаторъ, Графъ Воронцовъ, построилъ здѣсь для себя довольно красивый и обширный домъ. Впрочемъ, особенно замѣчательнаго въ городѣ ничего я не нашелъ. Пообѣдавъ довольно дурно въ трактирѣ, я продолжалъ свой путь вдоль Днѣпра къ Никополю. Дорога лежитъ по степи; тучныя пажити и высокая трава довольно показывали богатый грунтъ земли. Драхва и даже стрепеты прогуливались смирно, подлѣ самой почти дороги, и насъ не пугались. Перемѣнивъ лошадей, ужь поздно вечеромъ, мы ѣхали по степи, какъ вдругъ настигла насъ ужасная буря. Громовые

удары безпрестанно слѣдовали одинъ за другимъ; дождь лилъ, какъ изъ ведра; къ довершенію нашей бѣды, темнота была такова, что едва лошадей своихъ можно было видѣть. Мы сбились съ дороги, и уже верстъ десять, вмѣсто Перекопской, ѣхали по Херсонской; къ счастью ямщикъ спохватился, и предложилъ мнѣ ѣхать на Херсонь; это совсѣмъ не входило въ мой планъ, ибо составило-бы мнѣ верстъ 80 лишнихъ. Я велѣлъ остановиться, и къ крайнему удивленію ямщика и людей моихъ велѣлъ отпрягать лошадей. Я разсчелъ, что при этой темнотѣ, никакой не было возможности разглядѣть дорогу, и что если еще разъ собьемся, то не мудрено будетъ упасть въ оврагъ, которыхъ на этой степи много, и слѣдовательно лучше простоять и дождаться дня. Кучеръ и одинъ изъ людей моихъ сѣли подъ коляску, чтобъ нѣсколько защититься отъ дождя, а я съ другимъ закупорился въ ней совершенно. И такъ мы довольно спокойно проспали въ ней до утра; дождь прошелъ, лошадей запрягли, воротились назадъ, отыскали свою дорогу, и помчались въ Никополь. Подъѣзжая рано по утру къ Никополю, я невольно воспомянулъ о Запорожскихъ казакахъ. Это

мѣстечко принадлежало къ ихъ Сѣчи, и называлось тогда *Никитинъ рогъ*. Здѣсь содержали они перевозъ: Запорожскіе казаки и Украинскіе оставили по себѣ безсмертную славу. Отпадшіе въ несчастныя времена для Россіи, сыны отечества нашего, они основали здѣсь собственное правленіе. Мы видимъ ихъ то подъ покровительствомъ Польскихъ Королей, то союзниками Крымскихъ Хановъ, Молдавскихъ Господарей и Князей Трансильванскихъ; то ласкаемыхъ и вспомоществуемыхъ Турецкими Султанами, но непоколебимо сохранившихъ свою приверженность къ православной Греческой Церкви, къ родной землѣ и свободѣ. Претерпѣвая неслыханныя утѣсненія отъ Польши, они ей однакожъ долго и вѣрно служили; но непрестающее тиранство Поляковъ, угнетеніе вѣры, лишеніе свободы, вывели ихъ изъ терпѣнія. Они неоднократно возставали и вооружались противъ Поляковъ. Имена ихъ героевъ: Конашевича, Сагайдашнаго, Сулимы, Наливайки, наконецъ безсмертнаго Богдана Хмѣльницкаго и другихъ, останутся въ Исторіи, наравнѣ съ именами всѣхъ славныхъ избавителей своего отечества. Хмѣльницкій, разбивъ Поляковъ во многихъ кровопролитныхъ битвахъ, успѣлъ наконецъ склонить Царя Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ его покровительство. Съ этого времени, вся Украйна, древнее наше достояніе, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, и проч., на вѣки присоединились къ старымъ родичамъ и единовѣрцамъ своимъ Россіянамъ. Странно покажется иногда, что небольшой народъ, живущій посреди степей, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными державами, безпрестанно воюя, то съ тою, то съ другою, могъ удержаться, и не быть совершенно истребленъ; но взгляните на карту, и вы увидите, что находясь между Польшею и Крымомъ, онъ служилъ оплотомъ и сторожевымъ войскомъ Полякамъ противу Крымцевъ; въ случаѣ-же сильнаго угнетенія отъ своихъ властелиновъ, возставалъ, и вмѣстѣ съ Татарами врывался и пустошилъ Польшу. Начальники ихъ, по обстоятельствамъ приставая то къ той, то къ другой сторонѣ, увѣрены были всегда имѣть союзника; безстрашно плавая на малыхъ лодкахъ по Черному морю, придерживаясь береговъ, они опустошали Анатолію, неоднократно брали и грабили Требизондъ, Синопъ, сражались даже противъ Турецкихъ ко-

раблей; когда-же превосходныя силы непріятелей принуждали ихъ къ отступленію, они уходили за свои пороги и скрывались между островами Днѣпра, гдѣ ихъ преслѣдовать большимъ судамъ было трудно, или совсѣмъ невозможно. Тѣже самые острова служили имъ убѣжищемъ отъ Татаръ. Нынѣ вокругъ Никополя и Берислава богатыя селы. Многія изъ нихъ принадлежали Князю Потемкину, а нынѣ составляютъ помѣстья богатаго банкира Штиглица. Изъ Никополя одинъ переѣздъ до Берислава. Въ этомъ городѣ замѣчателенъ соборъ: онъ находился въ Запорожской Сѣчи, и весь срубленъ изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ. Князь Потемкинъ перевезъ его въ Бериславъ.

Бериславъ назывался нѣкогда Миллетополь. Россіяне, въ старину, переименовали его Бѣлою Вѣжею, а Татары Кизикерменемъ. Онъ построенъ на правомъ, крутомъ берегу Днѣпра, и принадлежалъ Запорожцамъ. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что этотъ городъ основанъ былъ Миллезіанцами, и отъ нихъ получилъ наименованіе свое Миллетополемъ. Мѣстоположеніе его красиво. Я здѣсь переѣхалъ Днѣпръ, проѣхалъ Каховку, и по песчаной, скучной дорогѣ дотащился до Пе-

рекопа! Не занимаясь еще Тавридой, въ которую вступаю и о которой стану говорить во второй главѣ, кстати скажу здѣсь, слова два, о встрѣчающихся часто на Екатеринославской, Херсонской и Крымской степяхъ курганахъ. Многіе писатели предполагаютъ, что они, подобно Керченскимъ, и тѣмъ, которые не рѣдко находятся въ Малой Азіи, не что иное какъ надгробныя насыпи; другіе принимаютъ ихъ за сторожевые маяки: это между прочимъ мнѣніе Герцога Рагузскаго, высказанное имъ въ послѣднемъ его путешествіи по полуденной Россіи. Но я ни съ тѣмъ ни съ другимъ мнѣніемъ согласиться не могу. По повелѣнію Князя Потемкина, и послѣ него, нѣкоторыми любопытствующими, разрываемо было нѣсколько кургановъ; даже иные были прорыты насквозь, крестообразно; но ни въ одномъ не найдено никакихъ гробницъ, и ниже слѣдовъ чего нибудь тутъ зарытаго: ни костей, ни пепла, ни малѣйшаго признака кладбищей. Замѣтьте потомъ неизмѣняемое, единообразное расположеніе этихъ кургановъ, имянно по три: два почти рядомъ, а третій составляетъ съ ними треугольникъ. Одинъ изъ трехъ, и именно изъ двухъ стоящихъ рядомъ, бываетъ

всегда больше и выше другихъ. Это показываетъ, мнѣ кажется, что насыпи имѣли какое нибудь постоянное и всегда одинаковое назначеніе. Если бы это были надгробные памятники, то они стояли бы въ большемъ числѣ, а иногда и по одному. Для чего-бы служило треугольное расположеніе ихъ? Отъ чего одинъ, именно и всякой разъ, больше и выше прочихъ? Сказать, что они служили маяками, также трудно: они часто никакого сношенія между собой не имѣютъ. Маяки должны быть расположены цѣпью, имѣть протяженіе отъ опредѣленнаго мѣста до другаго, чего здѣсь вовсе нѣтъ. Потомъ каменные уродливые истуканы, на всѣхъ почти курганахъ находившіеся, и на нѣкоторыхъ до нынѣ уцѣлѣвшіе, не взирая на грубую и дурную работу, въ которой едва распознается намѣреніе художника изобразить человѣка, показываютъ однако черты лицъ Скиѳскихъ кочующихъ народовъ, или Половцевъ и Печенѣговъ, отъ нихъ происшедшихъ. Но отъ чего-же на большомъ курганѣ всегда мужеское изображеніе, а рядомъ съ нимъ, на второмъ курганѣ, женское, на третьемъ-же никогда никакого истукана не находилось? Я предполагаю, соображаясь съ извѣстными намъ

отрывками Скиѳскихъ и Половецкихъ обычаевъ, что курганы служили на становищахъ этихъ кочующихъ народовъ для помѣщенія на большемъ кибитки Князя, или Хана, откуда онъ однимъ взглядомъ могъ обозрѣть весь народъ, вокругъ него расположенный; на второмъ курганѣ были его жена, или жены, а на третьемъ священникъ, или первый жрецъ. На площади между ними, вѣроятно, собирались, передъ глазами Князя, для совѣщанія старшины народа: здѣсь рѣшались дѣла и принимались мѣры для общаго благосостоянія; тутъ провозглашались миръ или война. Орда, переходя съ одного кочевья на другое, вездѣ находила готовые курганы. Замѣтить надо еще и то, что всегда, если только позволяла это мѣстность, они становились близь воды.

Въ степи, не доѣзжая Перекопа, увидѣлъ я въ первый разъ въ моей жизни замѣчательное явленіе природы: это *mirage* (миражъ). Употребляю здѣсь Французское названіе, потому что на Русскомъ языкѣ его, кажется мнѣ, нѣтъ, или я его не знаю. Рано по утру, когда солнечные лучи еще почти горизонтально скользили по небосклону, я увидѣлъ, какъ-бы въ полуверстѣ передъ собой,

широкую рѣку. Мнѣ даже видны были ея струи. Здѣсь географическія мои познанія совсѣмъ разстроились: я не понималъ, что это за рѣка? откуда она забрела въ степь, въ которой, по моимъ свѣдѣніямъ, воды никакой нѣтъ? Чѣмъ больше я разсуждалъ, тѣмъ больше терялся въ своихъ соображеніяхъ; наконецъ рѣшился спросить ямщика. «Что это за рѣка у васъ?» Тутъ нѣтъ никакой рѣки — хладнокровно отвѣчалъ онъ мнѣ. «Такъ это вѣрно озеро?»—И озера тутъ нѣтъ— «Да развѣ ты слѣпъ, ямщикъ! ты видишь, вода!» Да это, сударь, *наважденіе.* Мы это часто видимъ.—Мы скакали во всю прыть, и дѣйствительно давно-бы должны были достигнуть до рѣки; но она оставалась у насъ все въ томъ-же разстояніи. Я не могъ спустить глазъ съ этого феномена; по солнце стало выше: рѣка, вода и мечтанія мои исчесли.

ГЛАВА II.

КРЫМЪ.

Я въѣзжаю въ Тавриду, или Крымъ, въ это гнѣздо, изъ котораго столько вѣковъ хищные Татары, какъ саранча, влетали въ предѣлы Россіи, жгли села, города наши, грабили, убивали мирныхъ жителей пограничныхъ губерній, и уводили женъ и младенцевъ въ плѣнъ. Миръ былъ невозможенъ съ ними; никакіе трактаты, никакія клятвы съ ихъ стороны не могли быть надежными; при первомъ случаѣ, которой казался имъ удобнымъ, при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ, они, не взирая ни на что, снова вторгались въ предѣлы наши и возобновляли свои неистовства. Это было

необходимо для нихъ. Народъ, привыкшій жить грабежемъ, основывающій на грабежѣ все свое благосостояніе, перемѣниться не могъ. Слѣдственно, уже не говоря о необходимости для Россіи имѣть пристани на Черномъ морѣ, одно сосѣдство неукротимыхъ разбойниковъ не могло быть терпимо государствомъ могущественнымъ, и, безъ сомнѣнія, одно изъ величайшихъ благодѣяній Екатерины есть завоеваніе и присоединеніе Крымскаго полуострова къ Россіи. Князь Потемкинъ, которому поручено было это важное дѣло, въ награду за благоразумное исполненіе его, получилъ отъ Императрицы прозваніе Таврическаго.

Вѣроятно, что Крымскій полуостровъ былъ нѣкогда совершенно отдѣленъ отъ материка земли. По крайней мѣрѣ таково было мнѣніе знаменитыхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, какъ-то: Плинія, Иродота, Страбона, Бюффона, Палласа. Въ Крымъ въѣзжаешь, по моему, сквозь ворота со сводами. При самомъ въѣздѣ и по срединѣ перешейка стоитъ Перекопъ, по Татарски Оркапи, крѣпость каменная, почти регулярная, имѣющая шесть бастіоновъ, равелины, куртины и глубокіе рвы, также выкладенные камнемъ. Она довольно

крѣпка. Въ ней находятся гарнизонъ, военные начальники, и помѣщены всѣ необходимыя потребности, какъ-то: разнаго рода магазейны, гошпиталь, казармы и проч.; въ предмѣстіи живутъ одни чиновники, употребляемые при соляныхъ озерахъ, да маркитанты; прочіе жители, какъ-то купцы, мѣщане, ремесленники всякаго рода, поселились въ трехъ верстахъ отсюда, въ мѣстечкѣ, называемомъ Армянскій Базаръ, чрезъ который и дорога пролегаетъ изъ Перекопа въ Симферополь. На Перекопскихъ воротахъ вытесана на камнѣ сова. Полагаютъ, что это былъ гербъ царствовавшихъ Князей, Чингисханова рода. Этотъ городъ былъ взятъ Русскими войсками, подъ начальствомъ Фельдмаршала Миниха, въ 1736 году; потомъ, во второй разъ, Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, въ 1771-мъ; а въ 1783-мъ уже остался, со всѣмъ Крымомъ, подъ властію Россійскихъ Государей. Въ немъ православная церковь и одна мечеть; жители Россіяне, Татары, Греки, Армяне и Жиды. Здѣсь обширнѣйшіе соляные магазейны. Соль добывается изъ близъ лежащихъ озеръ, а садится въ нихъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Каждый годъ вывозится ея изъ Крыма болѣе чѣмъ

25-ть тысячь фуръ. Крымскій перешеекъ былъ укрѣпленъ съ древнѣйшихъ временъ, для защищенія полуострова отъ Тавро-Скиѳскихъ набѣговъ. Укрѣпленія эти состояли изъ стѣны съ башнями, отъ чего и мѣсто получило отъ Грековъ названіе *Неонтихоса* (новая стѣна). Теперешнее укрѣпленіе сдѣлано Турками на томъ же мѣстѣ. Оно состоитъ изъ землянаго вала, имѣющаго протяженіе отъ Чернаго моря до Сиваша, и изъ глубокаго рва, обложеннаго дикимъ камнемъ. Ровъ этотъ около 12 саженъ ширины и 25 футовъ глубины; онъ еще хорошо сохранился, но валъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осѣлъ. Отъ Перекопа къ Черному морю онъ простирается на $5\frac{1}{2}$ верстъ, и въ немъ устроены три батареи; самая сильная у моря. До Сиваша считаютъ 3 версты; тутъ только двѣ батареи, изъ которыхъ одна поставлена на самомъ Сивашѣ. Не льзя не подивиться точности, съ какою Страбонъ, никогда здѣсь не бывавши, опредѣлилъ ширину перешейка. Онъ обозначаетъ ее въ 40 стадій; полагая почти 5 стадій въ верстѣ, выходитъ ровно нашъ размѣръ, $8\frac{1}{2}$ верстъ. Какъ не заключить изъ этого, что можно съ увѣренностью полагаться на акуратную точность Греческаго гео-

графа, въ его описаніи Чернаго и Азовскаго морей и Таврическаго полуострова.

Разсматривая карту, можно легко замѣтить, что три четверти полуострова къ сѣверу состоятъ изъ обширной долины или степи, постепенно возвышающейся къ полудню; тутъ нѣтъ ни горъ, ни деревьевъ, ни ручьевъ. Только около Симферополя сцена перемѣняется.

Я не стану, послѣ знаменитаго Палласа, описывать соленыя озера, близъ которыхъ я проѣзжалъ. Надобно прибавить, что и время года было неудобно для обозрѣнія ихъ. Соль, какъ я уже, кажется, выше сказалъ, садится въ нихъ въ Іюлѣ; а я ѣхалъ въ Апрѣлѣ. До первой станціи, Терекли-Зушуна, было 26 верстъ. Я проскакалъ ихъ въ два часа. Отсюда проѣхалъ я по прекрасному, каменному со сводами мосту, построенному Турками на рукавѣ, выходящемъ изъ моря и прорывшемся изгибами довольно далеко въ степь. 18 верстъ далѣе достигъ я второй станціи, Дюрменя; отсюда степь примѣтно возвышается; по сторонамъ виднѣются Татарскія деревни и кладбища. Въ 26 верстахъ остановился я на станціи Айбаръ. Я замѣтилъ пашущихъ Татаръ: у иныхъ были за-

пряжены въ плуги верблюды, а у другихъ буйволы. Отсюда 22 версты до Абланы, гдѣ мечеть и медресъ, т. е. школа; далѣе послѣдняя станція, въ 16 верстахъ, Менлертчихъ; а отъ нея 26 верстъ до Симферополя.

Я прибылъ въ Симферополь 27 Апрѣля. Здѣсь, мнѣ кажется, прилично будетъ сказать нѣсколько словъ о теперешнихъ Крымскихъ Татарахъ. Ихъ должно раздѣлить на два рода, совершенно между собою разничные: горныхъ и степныхъ Татаръ. Послѣдніе явно происходятъ отъ Монголовъ, пришедшихъ въ Европу съ Батыемъ; они не смѣшались съ другими народами и не высоки ростомъ; толстыхъ изъ нихъ совсѣмъ нѣтъ; лица у нихъ широкія, скулы выпуклыя, носы плоскіе, и вообще они сходствуютъ съ Киргизцами и Калмыками, только больше бѣлокуры, или свѣтлорусы, не развязны, мѣшковаты и застѣнчивы. Горные, напротивъ того, народъ, перемѣшавшійся съ древними жителями Тавриды, съ Готѳами, Греками. Они вообще высокаго роста, стройны, черноволосы; черты лица ихъ правильны, физіономія и осанка выразительны; они свободны и какъ-то благородны въ обхожденіи; въ рѣчахъ ихъ больше

разсудка и размышленія. Между ними встрѣчаются, хотя рѣдко, пригожія женщины; между степными-же никогда; тѣ всѣ дурны, и отъ того-то, мнѣ кажется, такъ тщательно прячутся отъ иностранцевъ. Впрочемъ, вообще Татары здѣсь гостепріимны и кротки. Правительство имъ благопріятствуетъ, и они начинаютъ чувствовать это. Покровительствуя вѣрѣ ихъ, заводя школы, избавивъ отъ всѣхъ почти налоговъ и рекрутской повинности, ихъ совершенно обеззаботили, и теперь, исключая нѣкоторыхъ старыхъ мурзъ, еще воспоминающихъ самобытность древняго своего правленія, они видятъ, что могутъ жить и уже живутъ нынѣ счастливѣе, чѣмъ когда нибудь подъ правленіемъ своихъ Хановъ. Степной Татаринъ много работаетъ; онъ пашетъ, безпрестанно роетъ водопроводные каналы для своихъ полей; пасетъ стада; горный-же сидитъ цѣлый день въ тѣни своихъ садовъ, куритъ трубку или кальянъ, и глядя на плоды своихъ деревъ, на лозы своего винограда, разсчитываетъ, что этого достаточно будетъ на прокормленіе и содержаніе себя и своего семейства на цѣлый годъ. Послѣ этого онъ уже ни о чемъ не заботится и проводитъ дни свои въ лѣни

и совершенномъ бездѣйствіи. Мурзы и дворяне любятъ еще охотиться съ соколами и съ борзыми собаками.

Симферополь прежде назывался у Татаръ Акъ-Мечеть (что значитъ *Бѣлая Мечеть*), и также Султанъ-Сарай, или Дворецъ Султана, потому что здѣсь всегда имѣлъ свое пребываніе Калга-Султанъ. Онъ теперь губернскій городъ. Древностей и историческихъ воспоминаній въ немъ искать было-бы напрасно, потому что онъ основанъ только въ 1500 году, Ибраимъ-Беемъ, получившимъ мѣсто его отъ Хана, въ награжденіе за удачный набѣгъ на Россію. Но мѣстоположеніе его довольно живописно: Чатырдагъ, въ 20 верстахъ отъ него находящійся, кажется, будто владѣетъ городомъ и стоитъ у самыхъ стѣнъ его. Салгиръ, какъ чистый и быстрый ручеекъ, протекаетъ посреди его. Новый городъ, выстроенный со времени Россійскаго владѣнія, совершено отдѣляется отъ стараго, Татарскаго. Онъ регуляренъ; улицы въ немъ широкія и прямыя; по срединѣ площадь, на которой построены присутственныя мѣста, казармы и довольно великолѣпный соборъ; много уже и партикулярныхъ домовъ.—Возлѣ него старый

Татарскій городъ, въ которомъ также находятся одна Греческая и одна Армянская церковь, четыре мечети, базаръ, общественные, но полураззоренные фонтаны; улицы въ немъ кривыя, дома выстроены въ Турецкомъ вкусѣ, но между ними начинаютъ уже выстраиваться нѣкоторые по Европейскимъ образцамъ. Любопытно видѣть въ одномъ все заведенное по обычаямъ Азіятскимъ, въ другомъ все по Европейскому вкусу. Послѣдній ни въ чемъ не похожъ на Татарскій городъ; за то ни одинъ Татаринъ и не живетъ въ немъ; напротивъ, нѣсколько Русскихъ и иностранцевъ поселились въ Татарскомъ городѣ. Голосъ мусульманъ стараго города, призывающихъ съ своихъ минаретовъ на молитву, мѣшается съ звономъ колоколовъ новаго, также сзывающихъ на молитву Христіанъ. Это возбуждаетъ пріятныя размышленія о терпимости вѣръ и кротости Русскаго правленія. Въ Симферополѣ недавно стали разводить публичный садъ: онъ прекрасно обрисованъ въ Англійскомъ вкусѣ и уже довольно разросся, такъ что можетъ доставить гуляющимъ пріятную тѣнь. Здѣсь я нашелъ нѣсколько деревъ Индѣйскаго каштана (maronier des Indes), аршинъ въ пять вышины

и въ полномъ цвѣтѣ, множество Италіянскихъ тополей, душистой акаціи, Вавилонскія ивы, и другія древесныя и кустовыя растенія теплыхъ климатовъ. Въ Крыму вездѣ примѣтно попеченіе и предпочтительное стараніе о немъ Графа Воронцова, лелѣющаго эту страну, какъ любимое дитя свое. И надобно сознаться, что Таврида, если не всѣмъ, то многими улучшеніями обязана единственно ему! Я тотчасъ, по сдѣланному себѣ правилу, пошелъ явиться къ начальнику города. Здѣшній Губернаторъ, Г-нъ Казначеевъ, принялъ меня ласково, и предложилъ свое пособіе и покровительство во время объѣзда моего по его губерніи. Замѣчательно, что въ Россіи, вездѣ, начальники губерній вѣжливо и благосклонно принимаютъ всѣхъ путешествующихъ, и всегда готовы доставлять имъ всѣ зависящія отъ нихъ пособія. Пробывъ нѣсколько времени у Г-на Казначеева, я пошелъ шататься по городу. Проходя Салгирскій мостъ, мнѣ вздумалось зайти въ мѣльницу: она молола, но въ ней ни мѣльника, и ни одного работника не было. Пріѣхавшіе съ помоломъ, два молодые Татарина, сидѣли въ углу и прилежно играли въ карты. Они не оборотились

ко мнѣ, а можетъ быть и не примѣтили моего входа; я замѣтилъ, что оба очень горячились и кричали продолжая свою игру. Мнѣ показалось любопытно видѣть Татаръ, въ глуши Тавриды, играющихъ въ игру, изобрѣтенную для развлеченія сумасшедшаго Короля Французскаго. Я подошелъ къ нимъ; передъ ними лежали мѣдныя и мѣлкія серебряныя деньги, а играли они въ три листа, и, ни мало не занимаясь мной, продолжали играть. Я оставилъ ихъ въ этомъ упражненіи, размышляя, что мы еще не успѣли просвѣтить Татаръ, и уже принесли имъ начало разврата и страсть къ сребролюбію. Нѣтъ сомнѣнія, что играть научились они у солдатъ, или маркитантовъ нашихъ. Я возвратился на квартиру свою, въ гостинницу Француза Амабля. Служа мнѣ за обѣдомъ, Французъ успѣлъ разсказать, что онъ отличный поваръ, служилъ въ Петербургѣ, въ какомъ-то знатномъ домѣ, и накопивъ деньжонокъ (вѣрно отъ крупицъ съ трапезы богатаго своего барина), вздумалъ завести въ Крыму ресторацію; но что эти Татары истинные варвары, обѣдать къ нему не ходятъ, ни чего не понимаютъ, и даже ни разу не спрашивали свиныхъ ножекъ съ труфелями;

что холодные пастеты aux perdrix rouges часто портятся у него, ожидая покупщика; что Русскіе чиновники и проѣзжающіе развѣ человѣка два въ день посѣтятъ его. «Чувствую, прибавилъ онъ, что я ошибся въ своей спекуляціи. Эта непросвѣщенная страна не достойна такого таланта!» Онъ намѣревался оставить свое ремесло и заняться чѣмъ нибудь другимъ, «напримѣръ воспитаніемъ дѣтей». Я безспорно соглашался съ нимъ, поѣлъ водянаго супу его и жесткаго бифстека, и сталъ собираться въ дорогу.

Нанявши переводчика и проводника, Татарина Сеида, я отправился на другой день съ нимъ, верхомъ, на полуденный берегъ Крыма. Коляска моя ѣхала позади. Со всѣхъ сторонъ представлялись прелестныя картины. Чатырдагъ, съ цѣпью горъ, его окружающихъ; прекрасныя долины между ними, отѣненныя деревьями; беспрестанно извивающійся Салгиръ, который я, въ продолженіе этой дороги, нѣсколько разъ долженъ былъ переѣзжать въ бродъ, все это невольно приводитъ въ очарованіе. Скоро по выѣздѣ изъ города, я проѣхалъ Русскую деревеньку *Петровское*, а на второй верстѣ прекрасную дачу Г-жи Нарышки-

ной, урожденной Графини Ростопчиной. Подалѣе надобно подняться на горку и потомъ спуститься въ долину. Здѣсь картины столько-же пріятны, но онѣ угрюмѣе. Множество дикихъ козъ перебѣгали мнѣ путь, или показывались на покатостяхъ горъ и оживляли сцену. Луга и перелѣски были усѣяны эвфорбіей въ полномъ цвѣтѣ (*), и я ни гдѣ не видывалъ такого множества этого растенія. Пріятная весенняя погода, и эти живыя, свѣжія впечатлѣнія, дѣлали мое путешествіе усладительнымъ.

Я достигъ Кильбуруна, помѣстья И. И. Перовскаго, и пожалѣлъ, что его не было дома: мы старые знакомые и очень давно не видались. Я располагался было отдохнуть у него и побесѣдовать съ нимъ; но надобно было продолжать путь. Кильбурунъ мѣсто весьма замѣчательное для путешественниковъ: оно окружено прекрасными рощами; дорожки вокругъ дома обрисованы со вкусомъ. Оно у самаго Салгира, на возвышеніи. При немъ есть сады, огороды, изъ лучшихъ въ Крыму, и довольно луговъ, пашенъ и лѣсу: все

(*) Родъ миллефоліи.

это дѣлаетъ его богатымъ помѣстьемъ. Двѣ версты далѣе переѣхалъ я чрезъ мостъ *Джолма*. Близехонько влѣво отъ него видны развалины, довольно хорошо сохранившіяся. Сеидъ сказалъ мнѣ, что ихъ называютъ *Эски-Сарай*. Татары говорятъ, что это начатой и недостроенный Ханскій дворецъ; а Г. Палласъ полагалъ, что тутъ была Генуэзская крѣпостца. Еще черезъ три версты проѣхали мы большою деревнею Султанъ-Махмудъ. Мечеть и хорошіе сады вокругъ дома мурзы, помѣщика этаго селенія, придаютъ ему видъ благосостоянія и избытка, чего не замѣтно въ другихъ деревняхъ. При выѣздѣ отсюда опять встрѣчаешь Салгиръ. Надо ѣхать по его руслу до 7 версты, гдѣ онъ соединяется съ другою рѣчкою, Гангаръ, возлѣ мѣльницы и нѣсколькихъ Татарскихъ избъ, по пригорку расположенныхъ.

Дальше на лѣвой рукѣ, деревня Шумкой: здѣсь дорога ведетъ прямо къ источникамъ Салгира. Не доѣзжая Большой Чафки, на лѣво видите деревню Малыя Чафки, изъ которой пріѣзжаете прямо въ Кизилъ-Коба. На всемъ проѣханномъ мною пространствѣ земли плодородныя, хорошо обработанныя; вездѣ сады и поля, засѣянные та-

бакомъ и поливаемые изъ каналовъ, проведенныхъ отъ самаго Салгира. Въ Малыхъ Чафкахъ я остановился у стараго Рускаго, прикащика Г-жи Офренъ. Онъ показался мнѣ мужикомъ простымъ и добрымъ. Изба у него довольно опрятна, и мы съ Сеидомъ тутъ хорошо поѣли и отдохнули. Часа черезъ два мы опять сѣли на лошадей и по крутому спуску достигли деревни Кучукъ-Янкой. Отсюда уже близехонько до пещеръ. Надо было проѣзжать по берегу ручейка, обросшаго орѣшникомъ, и достигнувъ до кургана оставить лошадей. Поднявшись на довольно крутую гору, шаговъ въ триста, мы нашли тамъ природную террасу, окруженную полукругомъ каменныхъ, высокихъ и грозныхъ скалъ. Отсюда прелестный видъ на Чатырдагъ и на помѣстья *Яни-Салла* и *Кучукъ-Янкой*. Не вдалекѣ блеститъ небольшой водопадъ. На этой-же террасѣ есть родъ впадины, со сводомъ, гдѣ примѣтны маленькія вытесанныя ниши, и разбросано много обломковъ черепичныхъ. Явно, что когда-то жили на этомъ мѣстѣ, но, вѣроятно, очень давно, потому что Татары не сохранили о томъ ни какого преданія. Въ скалахъ Кизилъ-Коба два отверстія

пещеръ, но я не замѣтилъ ни какого сообщенія между самими пещерами. Чтобъ достигнуть верхняго отверстія, надо лѣзть шаговъ сто по острымъ и разсыпающимся камнямъ, что, признаюсь, было довольно тягостно. Отверстіе это такъ низко, что я долженъ былъ на брюхѣ туда ползти; однако скоро могъ стать на ноги. Здѣсь провожатый нашъ зажегъ восковыя свѣчи, которыми я нарочно запасся въ Симферополѣ. Шаговъ черезъ 40, по направленію къ сѣверу, есть большая пустота со сводомъ; потомъ галлерея продолжается еще шаговъ на 30 къ сѣверозападу; тутъ вторая камера и пустота; 40 шаговъ далѣе третья; потомъ во 100 шагахъ четвертая: остается шаговъ 50 до высокаго и узкаго выхода изъ пещеры, гдѣ съ трудомъ можно пройти. Надобно сказать, что изъ всѣхъ этихъ галлерей есть выходы въ другія, узенькія; но развѣ особенное любопытство заставитъ углубиться въ нихъ. Главная галлерея имѣетъ около сажени ширины и столько же вышины; полъ въ ней очень не ровенъ, но ямъ и дыръ, въ которыя можно было-бы провалиться, нѣтъ; слѣдовательно, кто идетъ осторожно, тотъ не подвергаетъ себя никакой опасности. Ширина

камеръ сажени три, высота двѣ сажени. Потолокъ въ третьей представляетъ смѣшеніе цвѣтовъ: видъ удивительный! По стѣнамъ ея сталактиты приняли формы необыкновенныя и странныя. Нижняя пещера не далеко отъ упомянутаго мной водопада. Отверстіе ея въ три сажени ширины, но оно съуживается по мѣрѣ углубленія въ скалу. Въ ней также нѣсколько камеръ; говорятъ, что какой то путешественникъ цѣлый день ходилъ по нимъ и не нашелъ конца. Шаговъ черезъ шестьдесятъ, въ ней есть родъ озерка, гдѣ неминуемо должно остановиться: вѣроятно, это скопленіе воды, проникнувшей сюда изъ наружнаго ключа. Вода чиста и вкусна. Здѣсь стѣны какъ будто обмазаны черною глиной, очень способною на дѣланіе курительныхъ трубокъ: Татары часто запасаются ею для этого. Не нашедъ здѣсь ничего особенно любопытнаго или достойнаго замѣчанія, я возвратился къ Русскому прикащику, въ Малыя Чафки, ночевать. Напившись чаю и закуривши трубку, я спросилъ у Сеида, что онъ думаетъ о Кизилъ-Кобскихъ пещерахъ?—«Ихъ, сударь, вырылъ Царь Соломонъ.» — На что?— Зарыть свои сокровища. У него вѣдь была тысяча женъ; а и съ двумя не

вдругъ уладишь. Онѣ стали просить сокровищъ, и онъ, чтобъ отвязаться отъ нихъ, вздумалъ было перевезти сюда свое богатство.—«Что ты, Сеидъ! да развѣ не могъ онъ въ своей землѣ найти удобнаго мѣста? Легко-ли было ему пуститься въ такую даль?»—Вся земля была его. Вы говорите даль! Развѣ вы не знаете, что у него было кольцо, которое стоило ему повернуть, такъ онъ мигомъ переносился куда хотѣлъ. — «Пускай такъ! да и тутъ, Сеидъ, ежели онъ таскалъ самъ, такъ ему надобно было нѣсколько тысячь разъ оборотиться.»—Развѣ, сударь, вы думаете быть умнѣе Соломона?—«Боже упаси, Сеидъ! я этого и думать не смѣю.»—Такъ на что-же вамъ пересуживать его намѣренія?»—И то правда! ляжемъ лучше спать.

На другой день, почти до свѣту, Сеидъ осѣдлалъ лошадей, и мы, расплатясь и распрощавшись съ нашимъ хозяиномъ, поѣхали въ путь. Шаговъ за 300 до пятой версты, на лѣво подлѣ дороги, видѣнъ фундаментъ крѣпкой стѣны. Татары приписываютъ ей большую древность. Это, по видимому, было укрѣпленіе. Они называютъ это мѣсто *Демиръ-Хапу* (желѣзныя ворота). Слѣды стѣны

видны еще далеко по горамъ; ихъ называютъ: Каланемъ-Баире. Я не стану входить въ изслѣдованіе этой древности: Г-нъ Кеппенъ, такъ хорошо и подробно занимавшійся здѣшними древностями, вѣроятно уже истолковалъ и эту. Въ 9-ти верстахъ отъ Чафки, безпрестанно спускаясь, и проѣхавъ чрезъ многіе пересохшіе ручьи, которые послѣ сильныхъ дождей становятся быстрыми и непроѣзжаемыми потоками, мы достигли до *Таушанъ-Базара* (Заячій рынокъ). Это долина, на которой нѣтъ никакого обиталища, но конные путешественники обыкновенно останавливаются здѣсь покормить лошадей. Отсюда надобно подниматься на такую крутую гору, что лошадь моя насилу шла шагомъ. Полагаютъ, что гора эта имѣетъ 2800 футовъ перпендикулярной высоты отъ уровня моря. Она находится въ 12 верстахъ отъ Чафки.

Здѣсь на горѣ поставленъ обелискъ, съ слѣдующею надписью:

Воздвигнутъ въ царствованіе Его Величества Императора Николая I-го, въ слѣдствіе даннаго повелѣнія въ 1824 году Его Величествомъ Императоромъ Александромъ I-мъ, Графъ М. С. Во-

ронцовъ будучи Генералъ-Губернаторомъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ, а Г-нъ Нарышкинъ Гражданскимъ Губернаторомъ, *Подполковникомъ Шепиловымъ.*

Здѣсь Императоръ Александръ отдыхалъ, проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Крымъ. Это мѣсто воспоминанія!... Глядя на грозный Чатырдагъ и на цѣпь горъ, подъ нимъ лежащую, вдыхая въ себя живой, чистый воздухъ на этой высотѣ, въ уединеніи, въ глубокой тишинѣ, вспоминаешь исторію и подвиги великаго соперника Наполеона!.... Все это наполняетъ душу таинственнымъ и вмѣстѣ усладительнымъ чувствомъ! Думая объ Александрѣ, о его судьбѣ, о ранней его смерти, повторяю съ Боссюэтомъ: *одинъ Богъ великъ!*

Отсюда дорога начинаетъ понижаться. Проѣхавъ шаговъ 800 уже видите море, но оно еще далеко, и съ высоты, на которой находитесь, посреди обширнаго пространства всего окружающаго, это зрѣлище моря не такъ поразительно. Разницу въ климатѣ начинаешь чувствовать спустившись еще нѣсколько верстъ.

Долина и мѣстечко Алушта, къ которымъ приближаетесь по прямой линіи, начинаютъ рисоваться

ся передъ глазами очень пріятно, какъ вдругъ слѣва появляется *Демирджинская* скала и привлекаетъ къ себѣ все вниманіе и любопытство путника. Вообразите огромную гору, неправильно и со всѣхъ сторонъ различно обтесанную природой: то является она женскою головой съ зачесаннымъ шиньономъ, то висящею скалою надъ деревенькой, у подошвы ея лежащей, которую грозитъ она раздавить, то неправильнымъ бастіономъ, и все это по мѣрѣ какъ обозрѣвающій ее перемѣняетъ свое мѣсто. Солнце ударяло лучами своими прямо на нее, и она казалась мнѣ тогда точно фарфоровою. Представьте себѣ яркій розовый, голубой и сѣроватый цвѣта большими пятнами (*), а по оврагамъ, на ней изрытымъ, и у подошвы ея, еще зеленый цвѣтъ кустарниковъ, и вы сознаетесь, что все это вмѣстѣ составляетъ единственную картину. Я остановился и не могъ на нее довольно наглядѣться! Демирджи навсегда впечатлѣлась въ мою память и оставила по себѣ пріятное воспоминаніе. На 16-й верстѣ проѣзжаете возлѣ ключа, обдѣланнаго дикимъ камнемъ. Вода въ немъ непомѣрно холодна:

(*) Вся скала составлена изъ мрамора этихъ цвѣтовъ.

я выпилъ ея стаканъ, и тотчасъ почувствовалъ, что простудилъ горло; дѣйствительно я охрипъ отъ этого на цѣлую недѣлю. На колодцѣ находится слѣдующая надпись: «Близъ сего мѣста, въ «сраженіи противу Турокъ, Генералъ-Маіоръ Ми-«хайло Кутузовъ, что послѣ былъ Фельдмарша-«ломъ и Княземъ Смоленскимъ, раненъ въ глазъ.»

Еще воспоминаніе моей молодости! Я помню дружеское ко мнѣ расположеніе М. Л. Кутузова, подъ начальствомъ котораго сражаясь не одинъ разъ, я учился военному ремеслу, жилъ въ его палаткѣ и пользовался его наставленіями (*).

Спустясь еще ниже, вы видите на полдень и вправо отъ Алушты гору, называемую Кастель. Здѣсь я выѣхалъ изъ горъ, и переѣхавъ рѣчку *Шуму* находился въ Алуштинской долинѣ, у самаго въѣзда въ это мѣстечко. Тутъ вездѣ виноградники, насажденные уже по Европейскимъ методамъ.

(**) Кто не слыхалъ о чудесной ранѣ, полученной Мих. Илар. Кутузовымъ на этомъ мѣстѣ? Пуля пробила у него правый високъ и вышла въ лѣвый, пройдя позади глазъ и не попортивъ ихъ.

Графъ Воронцовъ распространилъ насажденіе винограда и выдѣлку изъ него вина. За нѣсколько лѣтъ считалось на Крымскомъ полуостровѣ едва 300 тысячь насажденныхъ лозъ; а нынѣ ихъ болѣе двухъ милліоновъ. Первые опыты винодѣлія конечно не соотвѣтствовали ожиданіямъ покупщиковъ; Судакскія вина, вышедшія изъ виноградниковъ Татарскихъ или по плоскимъ мѣстамъ и по берегамъ рѣкъ насажденныхъ и часто поливаемыхъ, оказались слабыя; но они были первыя въ продажѣ, отъ чего во всей Россіи и даже въ Москвѣ приняли ихъ весьма неблагопріятно. Но изъ этого заблужденія скоро выйдутъ и отдадутъ имъ всю справедливость. Вина полуденнаго берега Крыма, выдѣланныя изъ спѣлаго винограда, искусно обработанныя, сохраненныя въ хорошихъ погребахъ, и отправленныя въ удобное время, ни чѣмъ не уступятъ добрымъ столовымъ винамъ въ Европѣ. Я-бы желалъ, чтобъ Господа Крымскіе помѣщики перестали величать ихъ чужими именами. Къ чему названія Бургонскаго, Мадеры, Медока, когда это Массандра, Кораисъ, Кучукъ-Ламбатъ? Покупщикъ тотчасъ по названіямъ дѣлаетъ сравненія. Не всякой знатокъ въ ви-

нѣ, и часто даже то, что въ Крымскомъ превосходнѣе чѣмъ въ иностранномъ, не нравится потому только, что по сравненію нѣтъ этого въ иностранномъ винѣ. Но узнаютъ доброту, привыкнутъ ко вкусу, и станутъ предпочитать чужому свое. Разница въ цѣнахъ неминуемо откроетъ Крымскимъ винамъ большой ходъ; они замѣнятъ иностранныя и дадутъ этой промышленности большее развитіе, а помѣщикамъ значительные доходы. Только надобно терпѣніе.

Алушта построена на возвышеніи, близъ морскаго берега, на самой развилинѣ двухъ долинъ: по каждой изъ нихъ протекаютъ рѣчки. Здѣсь почтовая станція, гостинница и большая мечеть. Я осмотрѣлъ три башни, оставшіяся намъ отъ древности, и не соглашаюсь съ путешественниками, приписывающими построеніе ихъ Генуэзцамъ. Все напротивъ доказываетъ, что это былъ Фруріонъ, или такъ называемый укрѣпленный замокъ, какихъ нѣсколько на Таврическомъ берегу приказалъ построить Императоръ Юстиніанъ, около 465 года, для защиты страны отъ Гунновъ и Угровъ. При Грекахъ Алушта была мѣстопребываніемъ Епископа; жителей въ ней считалось много; теперь это

не богатое мѣстечко, гдѣ кромѣ древнихъ трехъ башенъ ничего нѣтъ замѣчательнаго. Хотя высокія горы, Чатырдагъ, Бабуанъ, и Демирдже, закрываютъ нѣсколько Алуштинскую долину отъ сѣвера, но разрывы между ними пропускаютъ сѣверные вѣтры, и отъ того морозы доходятъ иногда до 12 градусовъ по Реомюру. За всѣмъ тѣмъ, здѣсь виноградниковъ не зарываютъ, какъ въ Астрахани, и даже во все ни чѣмъ не прикрываютъ отъ стужи.

Изъ Алушты я отправился въ Кучукъ-Ламбатъ, богатое помѣстье пріятеля моего, Сенатора А. М. Бороздина, и проѣхалъ между домомъ и садомъ Карабатъ, принадлежащими Гну Кеппену, тому самому ученому, который издалъ въ 1837 году Крымскій Сборникъ. Сочиненіе его особенно любопытно и замѣчательно по критическимъ разысканіямъ о древностяхъ южнаго берега Тавриды, и заслуживаетъ уваженіе ученыхъ людей. Отсюда полуденный берегъ становится на каждомъ шагу живописнѣе и пріятнѣе. Мнѣ случилось ѣхать по узенькой дорожкѣ, вдоль морскаго берега, такъ, что волны выплескивались до ногъ моей лошади, но крутизна горы съ другой стороны не позво-

ляла никакъ отъ нихъ отдалиться. Виды перемѣнялись безпрестанно, по мѣрѣ какъ извивалась дорога: то еще виднѣлся въ туманахъ Чатырдагъ, то являлась Кастельгора, то показывался вдали передо мной Аюдагъ. Около Кучукъ-Ламбата вездѣ пестрѣли сады, виноградники, обработанная земля, и это придавало веселый и оживленный видъ ландшафту. Наконецъ я достигъ до помѣстья моего пріятеля. Съ какою радостію обнялъ я стараго и добраго моего товарища! Онъ напомнилъ мнѣ пріятные дни нашей молодости, проведенные въ лучшихъ обществахъ Петербурга, и въ кругу общихъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Его радушіе и дружескій пріемъ оживили и утѣшили меня. Мы сладко бесѣдовали за его лакомой трапезой, курили табакъ, и не могли наговориться; однако мнѣ нуженъ былъ покой, и мой благосклонный, добрый хозяинъ отложилъ до другаго дня гулянье по его прелестной дачѣ. Андрей Михайловичъ можетъ назваться старожиломъ Тавриды. Онъ одинъ изъ первыхъ поселился здѣсь постоянно. Я переночевалъ, совершенно освѣжился, и позавтракавъ чаемъ, пошелъ съ нимъ гулять. Въ Кучукъ-Ламбатѣ хорошенькая пристань. Противъ дома воз-

вышается огромный Аюдагъ (Медвѣдь-Гора), покрытый каменьями, хотя на немъ растетъ немного лѣсу. Эта гора совсѣмъ выдалась въ море, къ которому понижается она крутыми скалами, поросшими кустарникомъ. Большая часть жителей здѣсь Татары; они занимаются землепашествомъ и береговымъ мореплаваніемъ; Русскіе жители почти всѣ ремесленники. Горы, принадлежащія къ цѣпи Яйла, защищаютъ Кучукъ-Ламбатъ отъ сѣвера; съ востока онъ прикрытъ скалою, выдающеюся въ море и составляющею здѣсь бухту, въ которой суда находятъ спокойное пристанище. И такъ, не мудрено, что виноградъ здѣсь отмѣнно хорошъ, и вино А. М. Бороздина считается между лучшими. Съ террасы стараго дома (*) виды къ морю и на Аюдагъ живописны: оттуда какъ на ладони прекрасная дача и строеніе Карассана, принадлежащаго родному брату А. М., Генералъ-Лейтенанту М. М. Бороздину. За нѣсколько лѣтъ на Аюдагѣ нашли остатки строенія, крестъ, и почти изглаженныя надписи. Должно

(*) А. М. выстроилъ теперь новый домъ, а старый, съ частію сада и дачи, продалъ, не помню кому-то.

предполагать, что тутъ нѣкогда былъ Греческій монастырь, или церковь. Многіе писатели полагаютъ, что эта гора та самая, которую Страбонъ и другіе древніе писатели называли Кріу-Метопонъ; но географическое положеніе Аюдага противорѣчитъ этому мнѣнію. Кріу-Метопонъ (Баранья голова) должна-бы выдаваться въ море, посреди полуострова; а Кучукъ-Ламбатъ въ боку и гораздо лѣвѣе. Я скорѣе соглашусь съ тѣми, которые отыскиваютъ историческое мѣсто въ Алупкѣ.

Сады, цвѣты, и вообще всѣ заведенія А. М. заслуживаютъ любопытство путешественника. Разнообразныя познанія, начитанность, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лучшихъ авторовъ, а болѣе всего гостепріимство, добрый нравъ и радушіе здѣшняго помѣщика ни съ чѣмъ не могутъ сравниться. Еслибъ я не спѣшилъ увидѣться съ сестрой, я прогостилъ бы у него, кажется, долго; но надо было распрощаться. Онъ снабдилъ меня всѣмъ нужнымъ на дорогу, далъ мнѣ собственную верховую лошадь, и мы распрощались; но я взялъ съ него слово, что онъ скоро пріѣдетъ навѣстить меня въ Корайсѣ, у сестры моей. Я обнялъ моего

пріятеля, и поскакалъ съ Сеидомъ, моимъ вѣрнымъ сопутникомъ, въ Партенитъ.

Деревня эта любопытна мѣстоположеніемъ своимъ, на довольно крутой покатости, у самаго моря. Она въ 4 верстахъ отъ Кучукъ-Ламбата. Я нашелъ жителей ея въ избыточномъ состояніи. Они сѣютъ ленъ, табакъ и наживаютъ ва это деньги отъ сосѣдей своихъ. Посрединѣ селенія есть огромное орѣховое дерево; оно достопамятно тѣмъ, что подъ нимъ писалъ Принцъ Де Линь къ Екатеринѣ II-й письмо о путешествіи своемъ по Крыму. Изъ Партенита шесть верстъ до Артека, прекраснаго имѣнія, недавно проданнаго Г-мъ Олизаромъ Александру Михайловичу Потемкину. Новая помѣщица, Татьяна Борисовна Потемкина, искала здѣсь умѣреннаго климата и уединенія, нужныхъ для ея здоровья, и для жизни, истинно христіанской, посвященной добродѣтели и благотворенію. Не взирая на скромность свою, она не могла скрыться отъ благодарности окружающихъ и облагодѣтельствованныхъ ею людей. Она какъ роза, которую ни какая тѣнь утаить не можетъ: благоуханіе этого цвѣтка всегда покажетъ его присутствіе. Т. Б.

истинно оправдала названіе своего помѣстья (*). Впрочемъ, оно довольно замѣчательно и собственно собой: прелестный видъ морскихъ скалъ и горъ, окружающихъ Урсуфъ и Ай-Даніель; всякаго рода заведенія, построенныя у подошвы Аюдага и прикрываемыя лѣсами его; луга, раздѣляющіе прекрасные виноградники; строенія въ хорошемъ вкусѣ, новый погребъ, Англійскіе сады, водопадъ, масличныя деревья, которыя здѣсь успѣшно растутъ, все это вмѣстѣ дѣлаетъ помѣстье Г-на Потемкина прелестнымъ и достойнымъ особеннаго замѣчанія.

Изъ Артека проѣзжалъ я мимо множества небольшихъ дачь, какъ-то Г-жи Казначеевой, Кн. Ан. Бор. Голицына; переѣхалъ прекрасную рѣчку *Суюксу*, и дачу Султана Кати-Гирея. Не далеко отсюда небольшія, но еще не обработанныя дачи Г-жи Полтарацкой и Г-на Понятовскаго. Черезъ часъ былъ я въ Урсуфѣ.

Не доѣзжая до этой деревни, можно видѣть остатки Генуэзскихъ укрѣпленій, основаніе кру-

---

(*) Артекъ, или Кардіа-Триконъ, значитъ по-Гречески: *излеченіе сердца или утѣшеніе сердца.*

глой башни, и каменную стѣну, спускающуюся къ морю со скалы, которую стѣна раздѣляетъ на двое. Дальше скала соединяется съ плотиною, основанною на камняхъ и составляющею родъ пристани.

Мѣстоположеніе Урсуфа самое пріятное. Здѣсь дача, съ прекраснымъ домомъ, принадлежавшая нѣкогда Дюку Де Ришелье. Англійскій садъ, по покатости расположенный и искусно разбитый, дернъ, собраніе гранатовыхъ, смоковичныхъ деревъ, кипарисы, тополи, украшаютъ это мѣсто. Въ правой рукѣ цѣпь горъ Яйлы; впереди деревня и скалы Урсуфа; наконецъ море, котораго волны тихо выплескиваются на покатый берегъ у самаго сада, все это придаетъ Урсуфу видъ очаровательный. У меня есть хорошій рисунокъ этой дачи, гдѣ между прочимъ изображенъ, и очень сходно, Императоръ Александръ, верхомъ, разсматривающій мѣстоположеніе Урсуфа. Отъ Дюка Де Ришелье дача перешла къ Графу Воронцову, и нынѣ принадлежитъ Г-ну Фундуклею. Извиваясь еще на нѣкоторомъ пространствѣ по берегу, дорога удаляется отъ моря влѣво: она ведетъ въ Ай-Даніель. Ай-Даніель

также одно изъ помѣстьевъ Графа Воронцова. Здѣсь разводятся виноградныя лозы почти всѣхъ извѣстныхъ родовъ, и устроены богатые погреба. Во всѣхъ заведеніяхъ Графа примѣтна одна цѣль: это общественная польза. Онъ своимъ примѣромъ поощряетъ другихъ помѣщиковъ къ улучшенію ихъ собственностей, и не щадитъ издержекъ на опыты, которые были-бы имъ тяжелы; испытанныя-же имъ и удачныя нововведенія перенимаются потомъ съ пользою другими, и такимъ образомъ онъ съ этой стороны можетъ назваться благодѣтелемъ Крыма. Не подалеку отсюда хорошенькія дачки Барона Беркгейма и Г-на Жаксона.— *Никита,* дача выдавшаяся въ море, съ ботаническимъ садомъ, гдѣ собранъ разсадникъ почти всѣхъ извѣстныхъ виноградовъ, и деревъ теплыхъ климатовъ, которыя можно приспособить въ Крыму: это казенное заведеніе содержится въ хорошемъ порядкѣ, подъ смотрѣніемъ Г-на Партвица. Подалѣе его Магарачъ и, наконецъ, Марсанда, богатое имѣніе, въ которомъ болѣе 600 десятинъ. Графиня Браницкая купила его и подарила молодому внуку своему, Графу Воронцову. Это мѣсто напоминаетъ исполинское предпріятіе Гра-

фини Потоцкой, которая владѣла имъ и хотѣла тутъ основать большой городъ. Ѣхавши изъ Никиты надобно замѣтить, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ большой дороги, недавно достроенную, прекрасную церковь Дорической архитектуры. Изъ-подъ-фундамента ея бьетъ сильный ключъ чистой и свѣжей воды; портикъ церкви окруженъ орѣховыми деревьями; между ними есть дубъ, почитающійся самымъ огромнымъ во всей Тавридѣ. Въ этомъ имѣніи, украшенномъ богатыми строеніями всякаго рода, Графъ Воронцовъ помѣстилъ конскій заводъ. Отъ Марсанды къ Ялтѣ виды становятся еще прекраснѣе: передъ вами Ялтинская долина, ущелія горъ, обросшія большими соснами; за Ай-Василіемъ, Дерекой и Ауткою, густые лѣса, по Яйлской цѣпи горъ; наконецъ продолженіе плодороднаго полуденнаго края, вездѣ обработаннаго и лентою извивающагося по берегу моря. Живописно, прекрасно, восхитительно! Вдали выказывается высокая бѣлая Оріандская башня, между купами окружающихъ ее деревъ, и довершаетъ эту прелестную картину.

ГЛАВА III.

КРЫМЪ.

(продолженіе.)

Отъ Марсанды въ Ялту, версты двѣ, ѣдете все подъ гору.

Ялта нынѣ городокъ. Въ немъ довольно спокойная пристань, и пароходы, летающіе изъ Одессы въ Керчь, а изъ Керчи въ Одессу, еженедѣльно и постоянно заходятъ сюда, отъ чего мѣстечко становится день отъ дня важнѣе и полезнѣе для всего полуденнаго берега. Здѣсь уже начинаютъ строиться хорошіе домы, заводятся гостинницы, трактиры; лавки съ товарами умножаются, и уже есть много складочныхъ амбаровъ. Ялта, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени будетъ

значительный и богатый городокъ. Прекрасная долина ея изобильна всѣмъ, и обрисована природою съ плѣнительнымъ кокетствомъ. Здѣсь, не вдалекѣ, дача Адмирала Графа Мордвинова, Ливадія Генерала Ревеліоти, и Оріанда, вызывающая названіемъ своимъ грустныя воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ! Онъ хотѣлъ тутъ строить для себя домъ, потому что мѣстоположеніе ему понравилось. Сколько размышленій влечетъ за собой это намѣреніе Государя, прошедшаго черезъ столько испытаній и видѣвшаго у ногъ своихъ всѣ славы міра..... Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ послѣдній проѣздъ свой по Тавридѣ, подарилъ это помѣстье Супругѣ своей, Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Конечно не могло въ лучшія руки перейти имѣніе, любимое Александромъ. Съ этимъ имѣніемъ смежны земли, принадлежавшія Гр. Дибичу Забалканскому! Еще отблескъ славы! Ея лучъ скользнулъ мгновенно по его имени, и скоро исчезъ съ нимъ въ могильной тмѣ, на берегахъ Вислы! — Близъ Ялты достоинъ замѣчанія водопадъ Акарсу: онъ низвергается со скалы, имѣющей 40 саженъ вышины. Рано весною

и послѣ большихъ дождей, масса воды очень велика; въ другое время она какъ ручеекъ разсыпается внизу мѣлкою водяною пылью.

Въ Ялтѣ я сѣлъ въ телѣжку и не останавливаясь проѣхалъ мимо богатаго помѣстья, такъже Оріандой называемаго и принадлежащаго Графу Витту, чрезъ Гаспру, прекрасный замокъ Кн. Александра Николаевича Голицына, и чрезъ дачу племянника моего, Кн. Сергѣя Ивановича Мещерскаго. Послѣ буду говорить объ этихъ мѣстахъ; теперь тороплюсь въ Кораисъ: у меня сердце бьется отъ нетерпѣнія скорѣе увидѣть сестру мою, Кн. Голицыну, съ которой я болѣе десяти лѣтъ въ разлукѣ и которую спѣшу обнять, можетъ быть въ послѣдній разъ! —

Наконецъ я въ Кораисѣ, наконецъ я обнимаю сестру, друга, котораго никогда, ни на одну минуту не переставалъ любить! Не знаю для чего воображеніе переселило меня ко днямъ нашей молодости, но вмѣсто прелестной, стройной, ловкой женщины, я держалъ въ объятіяхъ согбенную, худую старушку. Однако черты лица ея по

прежнему выражаютъ умъ, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась Княгиня Голицына. И она, какъ я, но можетъ быть съ большими правами, могла мечтать о счастьѣ! И ее, какъ меня, оно мгновенно польстило и обмануло! Но уму ея нужны были, въ замѣну этого, дѣятельныя занятія, и она умѣла найти ихъ, употребляла постоянно съ пользой себѣ и ближнимъ, чего я, съ вѣчными мечтаніями своими, никогда не умѣлъ сдѣлать. Теперь, удалясь отъ свѣта, она живетъ въ уединенномъ уголкѣ Крыма, но еще любима и уважаема всѣми, кто имѣетъ счастье знать ее, кто умѣетъ цѣнить ея достоинства и постигаетъ великость ея души. Въ первыя минуты мы не могли наговориться, спрашивали другъ друга не дожидаясь отвѣтовъ, и только поуспокоившись могли вполнѣ насладиться нашимъ свиданіемъ.

Я давно не былъ такъ счастливъ! Мы пробѣгали воспоминаніями нашими прежнее, говорили о нашихъ общихъ друзьяхъ, знакомыхъ, о событіяхъ, въ которыхъ иногда вмѣстѣ участвовали! Она нашла пристанище въ вѣрѣ и въ этой христіанской философіи, къ которой и я стремился; но сколько мытарствъ еще надобно мнѣ пройти!

сколько испытаній выдержать, до тѣхъ поръ пока я съ нею сравняюсь!

За столомъ я возобновилъ знакомство съ неразлучной подругой сестры моей, почтенной и добродѣтельной Баронессою Беркгеймъ. Она въ недавнемъ времени лишилась супруга, скончавшагося здѣсь въ помѣстьѣ своемъ. Послѣ обѣда присоединилась къ нашей бесѣдѣ Г. Сабанская, урожденная Графиня Ржевуцкая. Я рѣдко встрѣчалъ женщинъ, столько прелестныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она жила въ маленькомъ домикѣ, посреди сада сестры моей. Мы гуляли по саду, разведенному Кн. Голицыной, и по горѣ, до самаго моря понижающейся. Здѣсь все создала помѣщица; во всемъ видны вкусъ и мысль о пользѣ. Домъ въ два этажа, спокойно расположенный, и убранный не богато но прилично, небольшая, но прекрасная церковь: этого довольно для такой спокойной и благочестивой жизни. Но вотъ свѣтлые кристальные ключи: они бьютъ изъ горы, орошаютъ всю дачу, и такъ проведены всюду, что ихъ достаточно для поливки всѣхъ растеній; вотъ богатые виноградники, уже приносящіе большой доходъ; вотъ дерьвья, рѣдкія или невиданныя въ Крыму: все это уже относится къ пользѣ общей и частной. Винодѣліе усовершенствовалось стараніями сестры моей. Она выписала изъ Франціи и Германіи мастеровъ, погребщиковъ, бондарей, и все необходимое для этой промышленности. Насажденіе маслинъ также начинаетъ у нея процвѣтать. Словомъ: на голомъ и дикомъ мѣстѣ сдѣлала она всё, что можно придумать къ пользѣ, и при томъ къ украшенію ея собственности. Правда, что и природа много помогала ей: здѣсь уже были огромныя орѣховыя деревья; цѣпь Яйлы, позади самаго дома, защищаетъ дачу отъ стужи и сѣверныхъ вѣтровъ; изобиліе воды, столь необходимой въ здѣшнемъ климатѣ, всё это вмѣстѣ дѣлаетъ Кораисъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ помѣстьевъ полуденнаго берега. Я просилъ и даже требовалъ, чтобы мое присутствіе ни сколько не нарушало заведеннаго порядка въ дѣлахъ и упражненіяхъ. Ввечеру, послѣ чаю и прогулки, еще нѣсколько времени сидя на террасѣ, мы наслаждались благорастворенным воздухомъ и прелестными видами съ высоты Кораиса; потомъ сестра читала вслухъ священное писаніе; за

тѣмъ всѣ распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ. На другой день и во все время, покуда я оставался въ Кораисѣ, распредѣленіе времени и занятія были одинаковы. Это однообразіе могло-бы показаться инымъ людямъ скучно; но посреди трехъ умныхъ, образованныхъ и милыхъ (каждая въ своемъ родѣ) женщинъ, скука не могла найдти себѣ мѣста, и я не видалъ какъ время протекло. Почти двѣ недѣли, проведенныя мной у сестры моей, показались мнѣ однимъ и пріятнѣйшимъ днемъ моей жизни!

Назначивъ Кораисъ моею главною квартирою, я расположилъ свои набѣги и посѣщенія по окрестнымъ мѣстамъ. У сестры была тамъ для меня верховая лошадь, маленькая и приспособленная къ здѣшнимъ дорогамъ, и сверхъ того была еще спокойная таратайка. И такъ, съ карандашемъ и тетрадкой, я началъ свои осмотры на третій день.

Первую поѣздку посвятилъ я Гаспрѣ, Князя А. Н. Голицына. Вновь выстроенный, готическій, прекрасный замокъ съ башнями, окруженный обширнымъ Англійскимъ садомъ (въ немъ 8 десятинъ), составляетъ владѣніе Князя. Изъ оконъ замка виды обширны и прелестны: въ одну сторону море и берега его до Мисхора и Алупки, въ другую, цѣпь горъ Яйлы, и большая дорога, вновь отдѣланная, которая пролегаетъ у самыхъ воротъ дома; наконецъ, возлѣ самаго почти сада, прекрасный домикъ Князя С. И. Мещерскаго, какъ бы нарочно выстроенный для украшенія его, и какъ будто совершенно входящій въ его планъ. Все это вмѣстѣ составляетъ ландшафтъ, достойный кисти Клодъ-Лоррена. Домъ, богато и съ отличнымъ вкусомъ меблированный, наполненъ всѣми потребностями и ждетъ хозяина. Но хозяинъ никогда здѣсь не бывалъ, и вѣроятно не будетъ: слишкомъ сорокъ лѣтъ служа при Дворѣ, удостоенный любви трехъ Государей, Царедворецъ, занимавшій высокія должности, Министръ и Членъ Государственнаго Совѣта, можетъ-ли онъ оставить Петербургъ! Но Князь часто твердитъ о Гаспрѣ, о полуденномъ берегѣ Крыма, о климатѣ, о своемъ здоровьѣ, требующемъ отдохновенія. Объ этомъ онъ часто пишетъ къ сестрѣ моей, но пишетъ уже такъ давно, что она и ждать его перестала. Впрочемъ, для него и то полезно, что мысль эта пріятно занимаетъ его. Готическій замокъ Гаспры, для Кн. А. Н. воздушный замокъ,

лелѣющій его воображеніе!— Я здѣсь нашелъ садовника, стараго Нѣмца, который посвятилъ всю жизнь свою садовому искуству: онъ ни о чемъ другомъ не говоритъ, ничего другаго не любитъ, и сокрушается только объ одномъ, что Князь не ѣдетъ, и не увидитъ его успѣховъ. Надобно впрочемъ отдать ему полную справедливость: садъ его прекрасенъ; онъ искусно умѣлъ воспользоваться всѣми выгодами мѣстоположенія, да и теперь безпрестанно роется, сажаетъ, уравниваетъ. Жаль, что онъ старъ и глухъ: почти нѣтъ возможности съ нимъ говорить. Часть Гаспры, принадлежащая Князю Мещерскому, также помѣстьице очень пріятное: у него насажено уже болѣе 50 тысячь лозъ винограда, и вино производится очень хорошее.

Отсюда мнѣ вздумалось ѣхать горами и посмотрѣть на Татарскія жилища. Я поднялся на Яйлу. Дорожка шла въ полугорѣ, возвышаясь нечувствительно; я любовался видами, дышалъ какъто свободнѣе на этой высотѣ, и вдругъ былъ пораженъ великолѣпною картиною заходящаго солнца: огненный шаръ его почти касался волнъ и готовился потонуть въ нихъ; фіолетовые, розовые лучи его разливались по горизонту моря, на ко-

торомъ вдали бѣлѣлись парусы плывущихъ лодокъ и кораблей; тѣнь разстилалась у подошвы Яйлы, но верхи скалъ еще горѣли въ лучахъ солнца. Описать этой картины невозможно! Я остановилъ лошадь; тихія, сладостныя ощущенія наполняли душу мою, и я съ четверть часа былъ недвижимъ. Наконецъ я замѣтилъ впереди родъ маленькой террасы: мнѣ показалось, что съ нея еще лучше увижу я окрестности. Я поворотилъ свою лошадь, и едва успѣлъ взъѣхать на террасу, какъ вдругъ лошадь моя провалилась всѣмъ передомъ.... Я испугался, думая, что неминуемо полечу съ вершины Яйлы въ какую нибудь пропасть. Конь мой не могъ подняться и барахтался на одномъ мѣстѣ. Я успѣлъ соскочить съ него и не понималъ, какъ на такой высокой горѣ могъ онъ увязнуть? Еще болѣе изумился я, когда услышалъ подъ собою крикъ, увидѣлъ двухъ Татаръ и столько же Татарокъ, которые явились ниже меня и всѣ кричали! Я не постигалъ, откуда они взялись и чего хотятъ, но человѣкъ, ѣхавшій за мной и уже сошедшій съ лошади, подбѣжалъ ко мнѣ съ ними вмѣстѣ, и дѣло объяснилось: я принялъ за террасу или площадку — плоскую кровлю Татарской лачуги, при-

строенной, или лучше сказать прилѣпленной къ горѣ, что̀ здѣсь довольно часто встрѣчается. Вообразите удивленіе и страхъ этихъ бѣдныхъ поселянъ, которые сидѣли за ужиномъ, и вдругъ увидѣли надъ чашкой своей двѣ болтающіяся лошадиныя ноги! Они ожидали, что и всадникъ съ конемъ упадетъ къ нимъ въ похлебку! Сначала они было закричали на меня, но узнали слугу сестры моей, которую всѣ въ округѣ чтутъ и называютъ Султаншею, схватили за хвостъ и за шею мою лошадь, и стащили ее невредимо и благополучно на дорогу. Я сѣлъ на своего россинанта и поѣхалъ назадъ, отложивъ поѣздку на вершины Яйлы до другаго дня. Заплативъ Татарамъ пять рублей за свое дурачество, я поѣхалъ сопровождаемый ихъ пожеланіями добраго пути. Надобно знать, что народу собралось много: тутъ цѣлая деревушка, и всѣ домы построены такъ-же, какъ этотъ, въ который я было провалился. А я никакъ не примѣтилъ ея! Зрители смѣялись и всѣ кричали мнѣ вслѣдъ: добрый путь, добрый путь!... Я проѣхалъ почти до самой Оріанды Графа Витта, и оттуда воротился домой, разсказывать, не безъ прикрасъ, по праву и обычаю всѣхъ путешествен-

никовъ, свое рыцарское приключеніе любезнымъ моимъ хозяйкамъ.

Вторая экспедиція моя была въ Оріанду Графа Витта. Богатые виноградники, искусно расположенные сады, орошаемые изобильною, текучею водою, всякаго рода строенія хорошей архитектуры составляютъ эту дачу. Мѣстоположеніе ея самое романтическое! Особенно прекрасна высокая скала, называемая *Мегаби*, на верху которой поставленъ блестящій вызолоченный крестъ. Виды отвсюду обширные и, какъ на всемъ почти полуденномъ берегѣ, прелестные. Хозяина не было: онъ находился тогда въ Одессѣ, и я, не останавливаясь долго, поѣхалъ опять на Яйлу. Невыразимое наслажденіе находилъ я быть въ горахъ. Тамъ, въ уединеніи, окруженный дикой природой, посреди шороха деревъ и ропота водопадовъ, какъ-то сближаешься съ величественной простотою творенія и съ необъятными небесами. Внезапное блеяніе оленя, или шелестъ испуганнаго волка, прерываютъ мгновенно спокойствіе природы, и опять все стихаетъ, опять остается человѣкъ съ своими размышленіями...... Я пробрался на самую вершину горы и очутился совершенно въ другой ча-

сти Крыма. Верхи Яйлы вездѣ покрыты зеленью; только на нихъ растетъ по большей части кустарникъ и верескъ, а хорошія пастьбища и крупный лѣсъ на полугорѣ и дальше. Я увидѣлъ большое стадо овецъ и между ними нѣсколько лошадей, подъ присмотромъ двухъ молодыхъ Татаръ. Одинъ изъ нихъ игралъ на дудкѣ, но увидѣвши меня пересталъ, подошелъ ближе и сталъ любопытно разсматривать меня. Я зналъ нѣсколько словъ по-Татарски и началъ было говорить ему; но видно онъ не понялъ меня, продолжалъ глядѣть молча, наконецъ повернулся ко мнѣ спиной и пошелъ прочь. Прогулка моя нечувствительно продолжилась; я рано выѣхалъ со двора, но тутъ солнце уже было высоко, жаръ усиливался и я поторопился домой, тѣмъ больше, что сестра моя обѣдала довольно рано, а горный воздухъ и верховая ѣзда сильно пробудили мой аппетитъ. Когда я пріѣхалъ домой, меня ужъ ждали. Послѣ обѣда и послѣ обычнаго своего отдыха, который Итальянцы такъ выразительно означаютъ словами: *far la siesta*, я одинъ съ сестрой пошелъ гулять по ея дачѣ. Въ разговорѣ съ нею мнѣ показалось, что она скучаетъ, что ея хозяйственныя занятія

мало занимаютъ ее: она какъ будто чувствовала свое одиночество и ей надоѣли заботы всякаго рода. Я не сказалъ ей моего замѣчанія, зная, что она не сознается въ истинѣ его; но меня огорчило это внезапное открытіе. Если спокойствіе ея нарушится, думалъ я, и она, охладѣвши ко всему, что ее занимаетъ здѣсь, почувствуетъ скуку, которую слишкомъ трудно будетъ преодолѣть..... дай Богъ, чтобы я ошибся!.... Уединившись въ свою комнату, я задумался, обратился къ себѣ, и почувствовалъ, что величайшее несчастіе въ жизни: потерять всѣ обольщенія, всѣ мечты. Это почти смерть сердца, когда мы не можемъ любить, какъ любили, не можемъ восхищаться, какъ восхищались прежде. Не значитъ-ли это вообразить, что природа вянетъ, когда она еще во всемъ своемъ блескѣ? Болѣзнь воображенія дѣйствуетъ и на организмъ. Ахъ! оставаться холоднымъ при восхожденіи или захожденіи солнца, при взглядѣ на великолѣпіе и гармонію природы, не радоваться душой, не восхищаться ея картинами, видѣть только ложь и обманъ въ обществѣ, не вѣрить ни чьимъ словамъ, не смѣть заглянуть въ сердце человѣческое изъ страха ужаснуться его, и нако-

нецъ истребить въ себѣ доброту, довѣрчивую къ словамъ и которую такъ долго хранимъ мы въ душѣ своей какъ сокровище не растраченное.... дойти до презрѣнія ко всему и не имѣть силъ возвыситься до ненависти!.... Это страшно и горько!... Сколько это разочарованіе разстилаетъ мраку на жизнь, и какъ убиваетъ ее! Но судьба доведетъ насъ къ этому тихо и незамѣтно. Надежда, прелесть ниспосланная Провидѣніемъ, привязываетъ къ неизвѣстному; надежда много разъ еще увлекаетъ насъ, прежде нежели разстаемся наконецъ и съ нею. Такія размышленія навели на меня грустную думу. Я былъ готовъ отказаться отъ своего путешествія; но опять встрепенулся, сказалъ: впередъ, впередъ! Судьба велитъ ѣхать въ Константинополь! велитъ ѣхать въ Римъ!

На другой день Г-жа Сабанская очень мило сказала мнѣ, что мои разъѣзды лишаютъ ихъ пріятной бесѣды, а между тѣмъ скорый отъѣздъ мой грозитъ на долго потерять ее. Она прибавила, что рѣшилась не отпускать меня одного и ѣдетъ со мной въ Мисхоръ и Алупку. Ничего не могло быть для меня пріятнѣе этого предложенія! Я велѣлъ заложить таратайку, и мы поѣхали вмѣстѣ.

Дорогой, разговаривая съ нею, я еще больше удостовѣрился, что съ прелестью красоты она соединяетъ умъ необыкновенный, большой навыкъ въ свѣтѣ, и любезность, рѣдкую даже въ самыхъ лучшихъ обществахъ.

«Останьтесь съ нами еще нѣсколько времени!» сказала она мнѣ. «Мы такъ пріятно проводимъ эти дни съ вами! Но, можетъ быть, мы не довольно любезны, и потому не въ силахъ удержать васъ съ собой! — «Если-бъ я былъ моложе, сударыня, то вашъ Корапсъ сдѣлался-бы для меня Калипсинымъ островомъ. Новый Телемакъ, безъ Ментора, который столкнулъ-бы меня со скалы увидѣвши Финикійскій корабль, я непремѣнно остался-бы прикованнымъ къ прелестямъ Эвхарисы; но Фенелонъ не описалъ-бы моихъ приключеній, и тогда, прощай Римъ! прощай Константинополь! — Она улыбнулась и отвѣчала мнѣ: — А что-жъ сказало-бы потомство?.... Такъ разговаривая мы доѣхали до Мисхора, дачи Льва Александровича Нарышкина. Она на берегу моря. Домъ, со вкусомъ построенный, прекрасный садъ, множество цвѣтовъ, все это дѣлаетъ Мисхоръ очень пріятнымъ мѣстомъ для хозяевъ. Особенно

замѣчательна цѣлая роща лавровыхъ деревъ. Виноградникъ здѣшній производитъ хорошее бѣлое вино: рислингъ и мускатъ-люнель. Мы довольно долго гуляли по саду; но съ сопутницею моею время летѣло! Она первая (и это должно было такъ быть) замѣтила, что пора ѣхать дальше. Близко отсюда начинаются богатые виноградники Гр. Воронцова. Мы проѣхали потомъ черезъ Алупку, не останавливаясь въ ней, чтобъ оставить экипажъ свой въ гостинницѣ, выстроенной на другой сторонѣ помѣстья и называемой: *Два кипариса.* Тутъ дѣйствительно два огромные кипариса, посаженные Кн. Потемкинымъ, въ бытность здѣсь Екатерины Великой, посреди большихъ гранатовыхъ и лавровыхъ деревъ. Кипарисы эти первые и, можно сказать, праотцы всѣхъ растущихъ теперь въ Крыму. Отсюда пошли мы пѣшкомъ осматривать обворожительную Алупку. Съ первымъ шагомъ обрисовались въ глазахъ нашихъ виды, чудесные и безпрестанно перемѣняющіеся! Огромная гора *Ай-Петра* (святаго Петра), имѣетъ 500 саженъ перпендикулярной высоты отъ поверхности моря, и оканчивается вверху голыми, дикими скалами. Большія отрасли ихъ, или обломки, наполняютъ даже верхній садъ, и между ними изобильныя воды то бьютъ ключами и фонтанами, то прорываютъ себѣ скромное русло.... Тутъ искуство начинаетъ помогать природѣ. Въ иномъ мѣстѣ оно загораживаетъ воду, и составляетъ изъ нея прозрачные озерки; въ другомъ стѣсняетъ ее невидимыми трубами, и раздраженная стихія бьетъ высокими фонтанами и освѣжаетъ воздухъ. Здѣсь пробита скала, и вода льется въ обширныя марморныя или гринштейновые басейны, оживленные насаженными въ нихъ форслями. Скалы вошли въ планъ сада, обсаженныя всякаго рода прекрасными деревьями и раздѣленныя дорожками, вьющимися между ними, по которымъ гуляющій приходитъ то на лужокъ, устланный ковромъ мѣлкаго дерна, то въ густой лѣсъ, гдѣ розовый лавръ, душистая акація, пирамидальный тополь, или тюльпановое дерево, предлагаютъ свою усладительную тѣнь, то ко входу въ пещеру, около которой шумятъ воды и протекаетъ ручеекъ. По берегамъ ручья разсѣяны благовонные цвѣты, а пещера готова принять изумленнаго, отъ видѣнныхъ имъ красотъ, путника, и дать ему пріютъ и отдыхъ. Вездѣ одна природа, однако виды без-

престанно перемѣняются. Каждымъ пунктомъ воспользовалось невидимое искуство. Съ одного мѣста Ай-Петра ужасаетъ своею огромностію и дикостію, съ другаго видѣнъ истинно царскій дворецъ Гр. Воронцова; тамъ видно море во всемъ его великолѣпіи! Все это изумительно, прелестно, единственно! Мнѣ сказали, что Графиня Воронцова съ любовью занимается этимъ садомъ, и что хотя искусный ея садовникъ, *Гнъ Кибашъ*, трудится надъ нимъ, но онъ изъ воли и распоряженій ея не выступаетъ. Я тогда еще не зналъ Графини, но познакомившись съ нею потомъ въ Одессѣ, ясно понялъ Армидины сады.

Другая половина сада расположена около моря, на незамѣтной покатости. Она отдѣляется отъ верхней большой дорогой, по которой мы пріѣхали изъ Мисхора. Здѣсь сцены не такъ разнообразны. Но широкія Англійскія дорожки, богатая зелень, прекрасныя деревья нравятся и послѣ красотъ верхней половины. Тутъ замѣчательно строеніе съ колоннадой, поставленное на возвышеніи у самаго моря: отсюда взглядъ обнимаетъ неизмѣримый горизонтъ. Берегъ и ограждающія его отъ волнъ скалы, видны на большомъ разстояніи.

Въ самой деревнѣ Графъ выстроилъ, для обитающихъ въ ней Татаръ, большую и красивую мечеть.

Долго было-бы описывать всѣ красоты этого обворожительнаго мѣста. Въ одну прогулку я не могъ осмотрѣть всего; не льзя однако не сказать, хоть нѣсколько словъ, о домѣ, который строитъ здѣсь Графъ Воронцовъ. Онъ будетъ единственный въ своемъ родѣ, и по архитектурѣ, и по великолѣпію, и по богатству матеріяловъ, употребляемыхъ на него. Вообразите древнее готическое аббатство, какія еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи: все это построено изъ камня и съ низу до верху обложено гринштейномъ. Пріятно было-бы имѣть и табакерку изъ этого камня, а здѣсь изъ него цѣлый дворецъ!...... Отъѣзжая, я опять осмотрѣлъ положеніе Алупки, и нахожу, что трудно назначить здѣсь мѣсто древняго Кріу-Метопона; Аюдагъ въ Кучукъ-Ламбатѣ не въ центрѣ полуострова, однако онъ сходенъ съ описаніями древнихъ; въ Алупкѣ, хотя точно это почти средина Тавриды, и географическое положеніе соотвѣтствуетъ Страбонову Кріу-Метопону, Ай-Петра совсѣмъ не выдается въ море.

Гора эта, правда, очень отличается отъ другихъ, окружающихъ, своею высотою, своими голыми вершинами; но никакое воображеніе не представитъ въ ней сходства съ бараньею головою. И такъ, по мнѣнію моему, означеннаго древними мѣста еще не льзя опредѣлить съ точностію.

За Алупкою Симеисъ, принадлежащій Князю В. И. Мещерскому и И. А. Мальцову. Мѣстоположеніе его, сады, виноградники сходны красотою и богатствомъ почти со всѣми, которые объѣхалъ я, начиная отъ Алушты; но я пишу не путешествіе въ Крымъ, а только припоминаю себѣ нѣкоторыя мѣста, больше поразившія меня и оставившія по себѣ пріятныя воспоминанія. Скажу здѣсь однакожъ, что Иванъ Акимовичъ Мальцовъ учредилъ на дачѣ своей складку нѣкоторыхъ товаровъ, или матеріяловъ, необходимыхъ для земледѣлія, садоводства и домашняго употребленія, которыхъ достать было очень трудно, и то развѣ за большую цѣну. Таковы: полосное желѣзо, чугунъ, строевой лѣсъ, доски, стекла для окошекъ, бутылки, даже хрустальная посуда; потомъ мука, крупа и другіе припасы. Г. Мальцовъ привозитъ все это сюда моремъ, и безъ сомнѣнія оказываетъ

жителямъ полуденнаго берега большую услугу, доставляя способъ снабжаться предметами, для нихъ необходимыми, которые, безъ его пособія, рѣдкій могъ-бы получить. Я даже увѣренъ, что Г. Мальцовъ не получаетъ за это никакого барыша, да и не считалъ на него, желая только общественной пользы, въ чемъ, безъ сомнѣнія, совершенно успѣлъ.

Мы воротились домой послѣ прогулки, усладительной для меня. Я пошелъ къ себѣ въ комнату записать все видѣнное мной, а остатокъ дня провелъ съ такою-же пріятностію въ бесѣдѣ съ сестрой и ея друзьями. Время летѣло; ждали парохода въ Ялту. Я со страхомъ считалъ минуты; но откладывать отъѣздъ мнѣ было невозможно. Я страшился часа прощанія: я никогда не любилъ его, а избѣгнуть теперь никакъ не могъ! Сестра моя также задумывалась. Она скрывала, что ей также тягостна была эта разлука, послѣ кратковременнаго свиданія. Мы оба чувствовали, что въ наши старые годы мало намъ остается надежды свидѣться вновь. Эта мысль навела на обоихъ насъ какое-то принужденіе, и становилась даже несносна. 3-го Мая, кто-то изъ слугъ сестры

моей вбѣжалъ въ комнату и поспѣшилъ возвѣстить, что пароходъ изъ Одессы идетъ и уже очень виденъ съ террасы. Никто не отвѣчалъ на эти слова; всѣ замолчали. Я всталъ. Г-жа Сабанская сказала мнѣ: Вы нетерпѣливо хотите увидѣть пароходъ?— Нѣтъ, я иду въ свою комнату.—Сестра поняла меня; я хотѣлъ скрыть, какъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, будто неожиданнымъ!

На другой день я велѣлъ изготовить телѣжку... Сердце мое стѣснилось, и я почти молча обнялъ сестру, простился съ Б. Беркгеймъ, съ Г-жею Сабанской, выбѣжалъ изъ дома и поскакалъ въ Ялту. Я могъ-бы еще сутки пробыть съ ними; но положеніе мое становилось несносно; для меня гораздо легче горевать одному и уже не видать людей, съ которыми тяжко разставаться. Въ Ялтѣ я не хотѣлъ даже остановиться: прямо сѣлъ на пароходъ, и до отплытія его, цѣлыя сутки, сидѣлъ на немъ одинъ. Сестра и Г-жа Сабанская писали ко мнѣ; я отвѣчалъ имъ; но это было ужь какъ будто изъ другаго края свѣта.

Живши у сестры, я познакомился съ докторомъ и операторомъ Г-мъ Ванцѣти: онъ, кажется, родомъ изъ Падуи. Къ необыкновенному искуству

оператора, особенно глазнаго, Г. Ванцѣти присоединяетъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ медицины. Онъ любезенъ и очень пріятенъ въ обхожденіи, молодъ и хорошъ собою; я совѣтовалъ ему и даже уговаривалъ его переѣхать въ Москву, для глазныхъ болѣзней; онъ нашелъ-бы для себя много занятій. Не знаю, послушаетъ-ли онъ меня.

Здѣсь я познакомился также съ Русскимъ художникомъ, Г-мъ Чернецкимъ. Онъ живописецъ. Я видѣлъ множество снятыхъ имъ видовъ замѣчательнѣйшихъ мѣстоположеній Крыма, и былъ очень доволенъ его *гуашами* и *акварелями*. Колоритъ прекрасный, нигдѣ не отступающій отъ природы; рисунокъ правильный; перспектива превосходная: однимъ словомъ, пейзажи Г-на Чернецкаго достойны его таланта, и были-бы уважены первыми художниками по этой части въ другихъ странахъ Европы. Сестра обѣщала мнѣ рисунка два этого художника; но, къ сожалѣнію моему, я ихъ не получилъ. Правда, что Г-нъ Чернецкій былъ обремененъ работой, и, вѣроятно, не имѣлъ времени обо мнѣ вспомнить.

ГЛАВА III.

ОДЕССА.

Сидя одинъ на пароходѣ, я имѣлъ время пробѣгать въ умѣ моемъ все видѣнное мной въ Тавридѣ. Цѣпь горъ и прелестный берегъ были еще передъ моими глазами. Въ зрительную трубку, ясно и какъ подлѣ себя видѣлъ и разсматривалъ я *Акарсу:* этотъ водопадъ былъ тогда прелестенъ! Крымъ, самъ собою, и въ политическомъ отношеніи, страна необходимая для Россіи. Во-первыхъ, это ключъ Азовскаго моря; онъ держитъ подъ своею властью всю торговлю Таганрога, Тамана и части полуденной Россіи. Во-вторыхъ, гавани его безцѣнны для насъ, и въ одной изъ

нихъ весь Черноморскій флотъ помѣщается безопасно и утверждаетъ за нами владычество Чернаго моря. Во всѣхъ своихъ частяхъ, Крымскій полуостровъ имѣетъ начала внутренняго благосостоянія. Даже въ степной или верхней части, соленыя озера и богатыя пастьбища для насъ источники богатства. Нагорная часть прекрасна: плодоносная во всѣхъ отношеніяхъ земля ея, живописное мѣстоположеніе, воды, лѣсъ всякаго рода, и даже строильный, доставляютъ жителямъ возможность совершенно обходиться безъ чужихъ пособій. Полуденный берегъ, эта Италія Россіи, заключаетъ въ себѣ все, что можетъ усладить жизнь и доставить спокойствіе человѣку. Чего-жъ недостаетъ Крыму? Людей.... общества! Крымъ слишкомъ отдаленъ отъ столицъ; ничто не привлекаетъ туда селиться богатыхъ. Слѣдовательно, капиталы не проникаютъ на полуостровъ и не даютъ способа развиться промышленности, земледѣлію, наукамъ, художествамъ, этимъ источникамъ внутренняго изобилія, богатства и просвѣщенія. Графъ Воронцовъ, нынѣшній начальникъ Новороссійскій, любитъ Крымъ и лелѣетъ его какъ милое свое дитя. При обширныхъ познаніяхъ, при стремленіи ко

всему полезному, и, смѣю сказать, великому, онъ исполненъ неограниченнаго усердія къ исполненію Высочайше ввѣренной ему службы. Онъ заботится оживить, украсить и, если можно, обогатить Тавриду. Онъ уже далъ ей жизнь; но это еще жизнь искуственная. Онъ воздвигаетъ зданія, дворцы, и по его примѣру строятся друзья его, приверженные къ нему люди; онъ часто переѣзжаетъ на полуденный берегъ, и Крымъ оживляется; онъ любимъ народомъ, и, могу сказать, всѣми жителями, потому что занимается ихъ благосостояніемъ; онъ справедливъ, принимаетъ участіе въ каждомъ... но все это зависитъ отъ одного человѣка. Будь кто иной на его мѣстѣ, даже съ тѣмъ-же усердіемъ, съ тѣми-же дарованіями (что однакожь довольно трудно), но если этотъ новый правитель не будетъ такъ страстно любить Крыма, или не будетъ такъ богатъ какъ Графъ Воронцовъ, то отъ одного этого Крымъ падетъ въ прежнюю свою мертвенность, хотя не потеряетъ ни красотъ своихъ, ни живописныхъ береговъ, ни благотворнаго климата, ни источниковъ своего изобилія. Севастополь останется всегда превосходною и необходимою гаванью; соленыя озера будутъ высылать по прежнему обозы соли въ Малороссію; предположимъ даже, что и Керчь останется транзитнымъ богатымъ портомъ; но Крымъ запустѣетъ и потеряетъ свою жизненность! Горько помыслить, что отъ одного человѣка зависитъ теперь вся дѣятельность, вся пріятность жизни на полуденномъ берегѣ Тавриды. Этому причиной не иное что, какъ отдаленность отъ центра государства; слѣдовательно, не взирая на красоту здѣшнихъ мѣстоположеній, на прелесть климата, на изобиліе плодовъ, и всего что нужно для жизни, всегда станутъ предпочитать имъ дачу на влажныхъ и плоскихъ островахъ Невы, и даже холодную Подмосковную.

Пассажиры начинаютъ собираться. Я забылъ сказать, что пароходъ нашъ называется *Петръ Великій*. Онъ построенъ прекрасно. Капитанъ нашъ, Михайло Парфентьевичъ Захаровъ, человѣкъ вѣжливый и пріятный въ обращеніи. Я съ удовольствіемъ узналъ, что въ числѣ пассажировъ находится дама: это была вдовствующая супруга бывшаго Губернатора Тавриды, Нарышкина, урожденная Графиня Растопчина. Тутъ-же были: Г. Кеппенъ, тотъ самый ученый описатель древностей Крыма, о которомъ я упомянулъ выше; Г.

Войцеховичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода, человѣкъ образованный, съ которымъ мнѣ очень пріятно было бесѣдовать во все время нашего плаванія; наконецъ Докторъ Ванцети, о которомъ я говорилъ въ предъидущей главѣ. Погода была прекрасная; пароходъ бѣжалъ по 8, 9 и даже 10 узловъ въ часъ; онъ извѣстенъ своимъ необыкновенно быстрымъ ходомъ. Плаваніе наше началось благополучно. Я еще разъ взглянулъ на Кораисъ; но мы шли довольно далеко отъ берега, и я не могъ никого увидѣть; вѣроятно и оттуда глядѣли на насъ! Мысленно распрощавшись съ близкими сердцу, я не въ силахъ былъ продолжать бесѣду съ сопутниками моими, и пошелъ въ свою койку спать. Рано по утру мы почувствовали боковую качку. Кто бывалъ на морѣ, тѣмъ не для чего объяснять что̀ значитъ этотъ несносный морской терминъ: право, онъ и въ звукѣ напоминаетъ себя очень непріятно. Въ виду Балаклавы мы обѣдали: намъ подали камбалу (Turbot), особаго рода, безъ камешковъ на чешуѣ. Здѣсь зовутъ эту рыбу *Калканъ;* она гораздо нѣжнѣе и вкуснѣе обыкновенной камбалы.

Возлѣ Балаклавской пристани видно было древнее Генуэзское укрѣпленіе. Скоро показался Георгіевскій монастырь, и маякъ на мѣстѣ древняго Херсониса. Вотъ мѣста, гдѣ Владиміръ Великій познал Христіанскую вѣру и просвѣтилъ потомъ Рускихъ. Противъ Херсониса увидѣлъ я въ первый разъ дельфиновъ; они постоянно шли за кораблемъ, играли и выплескивались передъ нами очень забавно. Вдали виднѣлись Севастополь и Тендра, съ своимъ маякомъ; берегъ къ Очакову отъ насъ удалялся. При названіи этой крѣпости, я вспомнилъ безпокойство Екатерины Второй, долго не получавшей извѣстія изъ арміи своей, осаждавшей Очаковъ при наступленіи Декабрскихъ морозовъ; подумалъ о затрудненіи военачальника ея, Князя Потемкина, потерявшаго всѣхъ лошадей, и наконецъ воображалъ, какъ въ день Чудотворца Николая, 6-го Декабря, Русскіе герои штурмовали крѣпость, преодолѣли всѣ препятствія, торжествовали и успокоили Великую.

Вотъ и Кинбурнская коса, напоминающая единственнаго, непобѣдимаго Суворова! Когда прибѣжали ему сказать, что Турки высаживаютъ войско, и начинаютъ окапываться валомъ, «Помилуй Богъ!

«не мѣшайте имъ!» вскричалъ онъ. «Пусть всѣ «выберутся на берегъ: тогда ужь ни одинъ не «уйдетъ.» — Такъ и сбылось: Турки всѣ сошли, укрѣпились, отослали корабли въ Очаковъ; Суворовъ атаковалъ, разбилъ и истребилъ ихъ до послѣдняго! —

Въ 8-мь часовъ утра, военный пароходъ *Метеоръ* повстрѣчался съ нами; онъ плылъ отъ насъ саженяхъ въ 20-ти. Зрѣлище было прекрасное; мы раскланивались, а матросы на обоихъ судахъ прокричали ура! Наконецъ, ровно черезъ сутки послѣ отплытія нашего изъ Ялты, въ часъ пополудни бросили мы якорь въ Одессѣ, у самой набережной.

Видъ Одессы съ моря прелестенъ. Здѣсь двѣ пристани: карантинная и вольная, совершенно одна отъ другой отдѣльныя. Я сошелъ съ корабля, и оставилъ на немъ людей своихъ при вещахъ, а самъ, полагая, что скоро найду извощика, взялъ съ собой довольно тяжелую шкатулку и пошелъ отыскивать квартиру. Я принужденъ былъ взлѣсть на довольно высокую гору, а день жаркой, извощика нѣтъ въ виду.... Къ счастію, мнѣ попался на встрѣчу А. К. Лачиновъ, Директоръ Одесской

таможни: мы были пріятелями еще въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ благосклонно показалъ мнѣ лучшую гостинницу, въ которой и самъ квартировалъ: это *Hôtel de Richelieu* (Отель де Ришельё), гдѣ я тотчасъ и поселился.

Одесса, прежде бѣдная Татарская деревенька, *Гаджибей,* при которой находилось не большое Турецкое укрѣпленіе, показалась Адмиралу О. М. де Рибасу удобнымъ мѣстомъ для построенія города и пристани. Нездоровое мѣстоположеніе Херсона, и множество неудобствъ тамошней пристани, дали ему мысль замѣнить этотъ городъ Одессою. Можетъ статься, и желаніе превзойти услугою Г-на Синельникова, который строилъ Херсонъ и получилъ за то богатое награжденіе, входило въ разсчеты де Рибаса; но какъ-бы ни было, онъ подалъ докладъ Императрицѣ Екатеринѣ II, а она утвердила его и поручила ему строеніе города. Миръ съ Портою Оттоманскою, 1792 года, распространилъ границы Имперіи отъ Буга до Днѣстра; почти въ то-же время присоединено было отъ Польши древнее наше достояніе, нынѣшнія Подольская и Волынская губерніи, прилегающія почти къ Черному морю, и послѣ этого явилась

необходимость открыть торговлѣ удобное мѣсто къ сбыту пшеницы и другихъ произведеній, безъ переправы чрезъ Бугъ. Все это конечно входило въ планы Императрицы, и она увидѣла, что новая пристань именно выполнитъ ея цѣль. Обративъ на нее все свое вниманіе, она только въ 1796 году назвала новый городъ Одессою, и даровала ему нѣкоторыя привиллегіи. Начали селиться, начали торговать; но до восшествія на престолъ Императора Александра I-го, Одесса еще мало подвигалась къ цвѣтущему состоянію. Несогласія между Англіей и Россіей въ это время прекратились; торговыя сношенія съ Франціей были возобновлены трактатомъ 8 Октября 1801 года; послѣ Аміенскаго мира Франція заключила съ Портою трактатъ, по которому кораблямъ ея предоставлялось право плаванія по Черному морю; скоро потомъ Англичане, Пруссаки, Испанцы, Неаполитанцы, Рагузинцы, Голландцы и Правленіе Семи Острововъ, получили то-же право. Съ этой замѣчательной эпохи, Черное море освободилось отъ владычества Турецкаго, и сдѣлалось общею собственностію Европы, центромъ обширныхъ торговыхъ оборотовъ, которые сосредоточились

большею частію въ Одессѣ. Правительство наше, тщательно и успѣшно занимаясь благосостояніемъ южнаго края, тотчасъ почувствовало важность обширнаго движенія въ торговлѣ, и поощрило ее, сложивъ 25 процентовъ съ пошлиннаго сбора. Въ 1803 году, когда Государь поручилъ Дюку де Ришельё управленіе полуденнымъ краемъ Россіи, изъ 900 кораблей, вошедшихъ въ Черное море, 336 прибыли въ Одессу, почти всѣ съ балластомъ, и всѣ нагрузились пшеницею; а ее почти всю доставили изъ Подольской, Волынской, Кіевской и Херсонской губерній. Въ этотъ годъ было выпущено пшеницы 643,000 четвертей, которыя, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, составили уже 4,000,000 рублей, а навѣрное можно сказать, что болѣе половины этой суммы заплачено было звонкою монетою: Голландскими червонцами и Испанскими піастрами, привозимыми черезъ Броды или на самихъ корабляхъ. Въ этомъ году народонаселеніе Одессы простиралось до 8 тысячь человѣкъ; домовъ еще было мало, и тѣ маленькіе, безпокойные, дурно построенные; магазиновъ для складки товаровъ, такъ-же какъ и публичныхъ зданій, вовсе не существовало. Карантинъ, худо устроен-

ный; окрестности города дикія и пустыя; въ городѣ для продовольствія почти ничего; о роскоши стола не могли имѣть и мысли, когда не было даже чистой воды; вотъ что засталъ тамъ Дюкъ де Ришельё! Новый Генералъ-Губернаторъ посвятилъ все свое стараніе, всю дѣятельность свою на улучшеніе средствъ и положенія города. Онъ выпросилъ новыя льготы, доходы отъ винной продажи, и десятую часть таможеннаго сбора въ пользу Одессы; исходатайствовалъ у Монарха капиталъ для раздачи строящимся и поселяющимся тамъ, въ видѣ займа по 6 процентовъ. Городъ съ своей стороны застроилъ пристань, новый и обширный карантинъ, положилъ основаніе огромному собору, Католической церкви, госпиталю, театру, словомъ: почти всѣмъ заведеніямъ, которыя нынѣ ставятъ Одессу на равнѣ съ богатѣйшими городами въ Европѣ. Правительство обратило свое вниманіе и на окрестности: тамъ, на обширной степи, поселились колоніи Славянъ, Болгаръ, Венгровъ и Нѣмцевъ, добровольно выходящихъ въ Россію. Одесса вполнѣ начала пользоваться благоразумными трудами и распоряженіями своего Начальства, и Дюкъ де Ришельё совершенно до-

стоинъ воздвигнутой ему статуи въ созданномъ имъ городѣ!... Но Графу М. С. Воронцову было предоставлено распространить, усовершенствовать, и можно сказать переобразовать начатое Дюкомъ. Въ правленіе его, городъ считаетъ уже около 50 тысячь жителей, и неимовѣрно до какой красоты достигла при немъ Одесса, какимъ, часъ отъ часу возрастающимъ, благоденствіемъ пользуется она при немъ! Этотъ государственный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, ревностный исполнитель Монаршей воли, ждетъ своего историка. Я только странникъ: могу лишь радоваться, что такихъ сыновъ имѣетъ Россія! Хвалить ихъ не мнѣ!.... Теперь въ Одессѣ есть множество прекрасныхъ домовъ, въ два и три этажа, складочные магазины для товаровъ всякаго рода, и улицы, всѣ вымощенныя камнемъ: а это не бездѣлица, когда вообразишь, что большая часть камня привезена изъ Мальты. Карантинъ доведенъ до такого совершенства, что далеко превосходитъ Марсельскій. Заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ, и при немъ прекрасный публичный садъ, наполненный всякаго рода растеніями, красивыя площади, улицы широкія, усаженныя по сторонамъ тѣни-

стыми деревьями, по большей части цвѣтущей акаціи и Италіянскаго тополя: вотъ, при первомъ взглядѣ, несомнѣнные знаки заботливости городскаго управленія! Магазины здѣшніе, напоминающіе лучшіе Петербургскіе щегольскою наружностью, наполнены товарами всякаго рода, потому что нынѣ Одесса вольная пристань, слѣдовательно вы найдете здѣсь, для удовлетворенія роскоши и даже прихоти, всё, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле чѣмъ гдѣ нибудь въ другихъ городахъ Россіи. Прекрасный Италіянскій театръ здѣсь не безъ талантовъ; особенно пѣвецъ Г-нъ Марине заставляетъ и донынѣ въ Италіи сожалѣть о потерѣ его. Пріемъ, всегда гостепріимный, въ домѣ чтимаго и любимаго всѣми Начальника и его супруги, довершаютъ очарованіе путешественника въ Одессѣ, и онъ можетъ иногда позавидовать здѣшнимъ жителямъ.

На другой день по пріѣздѣ явился я къ Графу Воронцову, нетерпѣливо желая видѣть этого знаменитаго сановника. Онъ встрѣтилъ меня благосклонно и пригласилъ обѣдать. Съ привычкой къ свѣту и людямъ, легко было увидѣть въ немъ человѣка обширнаго ума, исполненнаго свѣдѣній

всякаго рода. Онъ занимался въ своемъ кабинетѣ дѣлами, и потому нескромно было-бы мнѣ долго оставаться; я пошелъ отыскивать своихъ знакомыхъ, а ихъ было въ Одессѣ довольно. Гуляя по городу, я радовался, восхищался этою дѣятельностію, этою заботою, новостью, живостію, которую почти всегда встрѣчаютъ въ приморскихъ торговыхъ городахъ. Я видѣлъ здѣсь людей всѣхъ націй: Грековъ, Италіянцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Жидовъ (ихъ здѣсь много), Армянъ, и толпу Украинцевъ, отдыхающихъ между волами и фурами своими на площадяхъ. Послѣдніе только что привезли и ссыпали свою пшеницу. Вообще разнообразныя картины моря и совершенно Европейскаго, великолѣпнаго города, удивительно привлекательны. Переодѣвшись, я поѣхалъ обѣдать къ Генералъ-Губернатору; онъ представилъ меня Графинѣ, супругѣ своей. Не нахожу словъ, которыми я могъ-бы описать прелесть ея, умъ, очаровательную пріятность въ обхожденіи. Соединяя красоту съ непринужденною вѣжливостію, удѣломъ образованности, высокаго воспитанія, знатнаго, большаго общества, Графиня плѣнительна для всѣхъ и умѣетъ занять всякаго разговоромъ пріятнымъ!

Въ ея обществѣ не чувствуешь новости своего положенія; она умно, пріятно и весело разговариваетъ со всѣми. Удивительно-ли что я, сдѣлавшись почти вседневнымъ посѣтителемъ дома и общества Графа и Графини Воронцовыхъ, съ трудомъ могъ оставить Одессу: такъ не хотѣлось мнѣ лишиться ихъ общества, какого не найду въ чужихъ краяхъ! Въ этотъ день я видѣлъ у нихъ Ольгу Станиславовну Нарышкину: назвать её, значитъ напомнить красоту, умъ, ловкость, и всѣ прелести, какія только бываютъ соединены въ женщинѣ. Тутъ-же были: Графиня П..., Гр. Ш..., Гр. Б...., Кн. Г...., Г-жа Щ.... Всѣ, кто имѣетъ честь знать ихъ, согласятся, что трудно собрать въ одно мѣсто столько милыхъ и занимательныхъ дамъ, и что счастливымъ долженъ почесться собесѣдникъ такого общества, особенно находясь на краю просвѣщеннаго міра.—Здѣсь-же имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Графомъ Ив. Ос. Виттомъ, Инспекторомъ всей поселенной кавалеріи. Еще необыкновенный человѣкъ! Еще генералъ, исполненный достоинствъ и ума! Жалѣю, что не имѣлъ случая видѣть военныя поселенія, Высочайше ввѣренныя его начальству; они давно изумляютъ всѣхъ

иностранцевъ, и Герцогъ Рагузскій, въ Путешествіи своемъ по Южной Россіи, превозноситъ ихъ похвалами. Послѣ Высочайшаго смотра и манёвровъ въ 1837 году, Государь Императоръ наградилъ труды и усердіе Графа Витта своимъ Высочайшимъ благоволеніемъ.

Пароходъ Николай I-й, на которомъ я долженъ былъ отплыть въ Константинополь, починивался, и мнѣ оставалось болѣе недѣли для Одессы; этимъ я въ полной мѣрѣ и воспользовался. Графъ Воронцовъ, не переставая оказывать мнѣ свою благосклонность, записалъ меня своимъ гостемъ въ здѣшнемъ клубѣ; я бывалъ тамъ, иногда обѣдать, иногда играть въ вистъ, и всегда находилъ очень пріятное общество иностранныхъ консуловъ, купцовъ, чиновниковъ; часто встрѣчалъ и Графа, который охотно удѣлялъ часа два своего времени нашей бесѣдѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нашелъ я въ Одессѣ М. А. Нарышкину! Я изъ первыхъ ея знакомыхъ въ Россіи; помню когда она пріѣхала, почти ребенкомъ, съ матерью своею, Кн. Четвертинскою, сестрою и братомъ, ко Двору Екатерины. Несравненная красота ея была предметомъ удивленія всѣхъ, кто ее видѣлъ! Государыня тот-

часъ отличила ее, и всегда была къ ней особенно милостива. Всего больше дѣлаетъ чести М. А. ея ангельская доброта во все время жизни. Посреди пышностей Двора, и посреди окружавшихъ ее знакомыхъ, она никогда и ни къ кому не перемѣнялась, а искала случая оказать услугу или одолженіе. По крайней мѣрѣ я навсегда останусь благодарнымъ ея почитателемъ, за то, что во всякое время находилъ ее тою-же, какою зналъ при первомъ нашемъ знакомствѣ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ ее въ Одессѣ. Она еще хороша, и такъ-же была добра ко мнѣ, какъ прежде; нынѣ строитъ она огромный домъ, на лучшей улицѣ города, противъ самаго булевара. Не знаю долго-ли она останется здѣсь; кажется, скучаетъ! Потеря ея будетъ чувствительна для здѣшняго общества!

Я часто видался съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Домъ его и Графа Витта могутъ почесться первыми, по красотѣ и великолѣпію, послѣ дома Гр. Воронцова. Здѣсь замѣчательны паркеты и большая часть мебелей изъ чинароваго дерева; я ничего лучше не видывалъ!... Радушіе и любезность хозяина и хозяйки, сдѣлали для меня домъ Нарышкиныхъ драгоцѣннымъ! Я посѣщалъ

манежъ Л. А., и, какъ старый кавалеристъ и страстный охотникъ до лошадей, часто бесѣдовалъ съ нимъ объ общей нашей охотѣ. Графъ В. А. Бобринскій и прекрасная супруга его, также дозволяли мнѣ часто пользоваться ихъ бесѣдою. Графъ охотникъ заниматься всякими полезными предметами. Мы ѣзжали съ нимъ на купленную имъ близъ моря дачу, гдѣ онъ хотѣлъ разводить сады. По вечерамъ, иногда, слушалъ я Графиню, которая, аккомпанируя себѣ на фортепьяно, пѣла очаровательнымъ голосомъ... Сколько наслажденій... Присоедините къ этому множество любезныхъ и добрыхъ Московскихъ знакомыхъ моихъ, которыхъ я нашелъ въ Одессѣ, и вы сознаетесь, что пребываніе мое здѣсь было самое пріятное. Остается мнѣ еще выразить искреннюю благодарность Андрею Яковлевичу Фабру, за доброе расположеніе: я имѣлъ случай просить его оказать свое покровительство живущему здѣсь старому наставнику моему, Профессору Шнейдеру, и онъ обѣщалъ мнѣ руководствовать его своими совѣтами. Г. Спада, Директоръ Одесской Библіотеки и Музеума, извѣстный своею вѣжливостью, показывалъ мнѣ съ снисходительнымъ терпѣніемъ всѣ предметы этихъ

двухъ собраній, въ которыхъ есть много достойнаго замѣчанія археологовъ. Онъ подарилъ мнѣ прекрасно сохранившуюся медаль древней Ольвіи, и она съ благодарностью была принята въ Парижскомъ богатомъ Кабинетѣ, гдѣ не было еще ни одной принадлежавшей этой древней Греческой колоніи.

Я упомянулъ о Профессорѣ Шнейдерѣ и не могу не сказать еще нѣсколькихъ словъ объ этомъ старомъ, добромъ и ученомъ наставникѣ моей молодости. Я лѣтъ тридцать не видалъ его и думалъ, что онъ уже давно умеръ. Судите о моемъ удивленіи, когда мнѣ сказали, что онъ, въ маститой старости, преблагополучно живетъ съ своею престарѣлою сестрою въ Одессѣ! Я спѣшилъ навѣстить его, и хотѣлъ узнать, не могу-ли быть ему полезенъ въ чемъ нибудь. Я сохранилъ живѣйшую благодарность къ этому человѣку, замѣчательному своими обширными познаніями и своимъ краснорѣчіемъ. До Французской революціи онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Рейбелемъ, былъ адвокатомъ Верховнаго Совѣта въ Кольмарѣ (Conseil Souverain), потомъ переѣхалъ въ Россію, былъ въ домѣ отца моего наставникомъ моимъ

и Профессоромъ Юриспруденціи въ Московскомъ Университетѣ. Получивъ отставку, онъ купилъ помѣстье въ Швейцаріи; но происки якобинцевъ вытѣснили его оттуда. Этотъ человѣкъ много разъ бесѣдовалъ наединѣ съ Наполеономъ, тогда еще Генераломъ Республики, желавшимъ его видѣть. Онъ зналъ, что Шнейдеръ имѣетъ большія связи во Франціи и пользуется извѣстностью, какъ писатель о государственномъ благоустройствѣ и комментаторъ знаменитаго сочиненія Монтескьё: *О сущности законовъ*. Теперь добрый и ученый Шнейдеръ, дряхлый старикъ, живетъ неизвѣстный никому въ Одессѣ. Онъ сперва не узналъ меня, но потомъ чрезвычайно обрадовался! Почитаю себя счастливымъ, что передъ отъѣздомъ моимъ успѣлъ его видѣть, обнять, и оказать ему услугу. Профессору Шнейдеру должно быть болѣе девяноста лѣтъ.

Описывая Одессу, не льзя не упомянуть объ окружающихъ ее дачахъ. Принадлежащая Г-ну Рено (Renaud) очень живописна: это прекрасный домикъ, въ долинѣ, на берегу моря, заслоненный крутымъ берегомъ. Сады, еще столь рѣдкіе
Одессѣ, дѣлаютъ ее безцѣнною. Здѣсь ь Кон-
а Бутенева.

времени имѣла пребываніе свое Императрица Александра Өеодоровна. Дача Г-на Стурдзы прелестна: садъ хорошо разбитъ въ Англійскомъ вкусѣ, и множество цвѣтовыхъ кустовъ и растеній даютъ ей видъ самый пріятный. Въ ней, какъ выражаются охотники, *Вилладжьятуры* болѣе чѣмъ на дачѣ Г-на Рено, хотя та великолѣпнѣе. Дача покойнаго пріятеля моего, Гр. Петра Алексѣевича Разумовскаго, почти въ самомъ городѣ; безъ хозяина, она теперь запущена. Я ѣхалъ мимо, но не имѣлъ духу заглянуть въ нее.

Посѣщая много разъ Италіянскій театръ, я имѣлъ случай замѣтить, что большая часть зрителей въ партерѣ Жиды. Они показались мнѣ страстными охотниками до музыки. Съ какимъ жаромъ принимали они участіе то въ томъ, то въ другомъ актерѣ! Съ какимъ восторгомъ апплодировали! Они истинно оглушали сидящихъ въ креслахъ, и безпрестанно вызывая актеровъ кричали съ изступленіемъ! Я признаюсь, эти *fanatico per la musica* меня отмѣнно забавляли. Вообще публика здѣсь любитъ музыку и поддерживаетъ свой спектакль.

былъ въ летѣло быстро. Пароходъ вычинился и

былъ готовъ къ отплытію. Полученное мной въ это время письмо изъ Парижа, отъ Л. Н. Жюльвекура, обрадовало и манило меня. Я, съ сожалѣніемъ оставляя Одессу, поспѣшилъ отправиться. Прощаясь со всѣми, кто меня здѣсь такъ благосклонно принималъ, я особенно жалѣлъ, что не буду наслаждаться обществомъ Графа и Графини Воронцовыхъ. Они оставили во мнѣ глубокое воспоминаніе своею милою обязательностью. При самомъ отъѣздѣ моемъ, Графиня нашла случай обязать меня благодарностію, прося принять на память нѣсколько древнихъ медалей и стеклянную лакриматорію, найденныя въ Керченской гробницѣ. Въ душѣ моей невольно раждалась тяжелая мысль: неужели никогда не увижусь я съ этими рѣдкими людьми?

Не прежде какъ въ самый день моего отъѣзда узналъ я, что наканунѣ пріѣхали въ Одессу новые спутники мнѣ въ Константинополь: Графиня Хребтовичева, съ дочерью, съ сыномъ, и супругою его, урожденною Графинею Нессельроде. Они ѣхали для свиданія съ другою дочерью Графини Хребтовичъ, супругою Посланника нашего въ Константинополѣ, Аполлинарія Петровича Бутенева.

ГЛАВА IV.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ОДЕССЫ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ, И БОСФОРЪ ѲРАКІЙСКІЙ.

21 Мая, въ 9 часовъ утра, отправился я на корабль, съ однимъ своимъ камердинеромъ; другаго слугу отослалъ я въ Москву. Все было готово. Ожидали только семейства Графини Хребтовичъ. Въ одиннадцать часовъ пріѣхали и онп. Тотчасъ загремѣлъ якорь и мы пустились въ путь. Время было благопріятное. Но вскорѣ продольная и довольно сильная качка стала оказывать свое дѣйствіе: дамы наши, а потомъ и нѣкоторые изъ мужчинъ, начали разнемогаться. Но всѣхъ больше страдалъ ученый оріенталистъ докторъ *Пиннеръ*. Онъ плылъ въ Константинополь, съ надеждой со-

брать у тамошнихъ Евреевъ нѣкоторыя свѣдѣнія, а если можно то и достать манускрипты, нужные ему для огромной его работы: перевода на Нѣмецкій языкъ Талмуда. Во все время нашего плаванія онъ бѣдный пролежалъ почти безъ движенія, на палубѣ, не глядѣлъ ни на право, ни на лѣво. Что нужды ему было смотрѣть на берега, когда наконецъ увидѣли мы ихъ? Его не занималъ ни походъ Аргонавтовъ, ни Вѣщій Олегъ, ни разгульные набѣги Запорожскихъ казаковъ.... Ему нуженъ былъ Талмудъ, одинъ Талмудъ! Только о немъ думалъ онъ, имъ однимъ бредилъ, и все остальное предоставилъ намъ.

На другой день пути, рано утромъ, я вышелъ на палубу. Дамы всю ночь не спали и даже не входили въ каюты: имъ постлали матрасы на палубѣ, и онѣ лежали тамъ, ужасно разстроенныя отъ качки корабля. Старая Графиня казалась крѣпче другихъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій съ ними, я расположился на кормѣ пить чай, и закурилъ трубку. Солнце уже было высоко; береговъ ни съ которой стороны не было видно; но дельфины, мои старые знакомые, явились, и хоть немного нарушили однообразіе этой картины. Никогда они

такъ меня не забавляли! Ихъ было множество. Я любовался оборотами ихъ вокругъ корабля, и при свѣтѣ солнца разсматривалъ этихъ морскихъ жителей: ихъ гладкая кожа, при лучахъ солнечныхъ и сквозь воду, казалась аквамариновою или блѣдноизумрудною. Они играли около насъ цѣлыми стаями: иные, оборачиваясь колесомъ, выкидывали изъ воды огромные плески, на подобіе корабельнаго руля. Когда сообразишь огромность и тяжесть этой рыбы, то невольно подивишься, съ какою легкостію выметывается она изъ воды. Многіе дельфины плыли за нами, выставивъ по верхъ воды весь хребетъ, какъ будто именно для того, чтобъ дать намъ лучше разсмотрѣть себя. Меня долго занимало это зрѣлище. Потомъ, красота моря, ясное небо, неизмѣримое пространство, разстилающееся передо мной, завлекли меня мало по малу въ какія-то усладительныя размышленія. Съ благоговѣніемъ созерцалъ я природу и дивился величію Создателя ея!.... Вдругъ, что-то обрушилось и застучало вплоть подлѣ меня: я вскочилъ!... Это былъ мой камердинеръ: онъ несъ мнѣ столикъ, чай и трубку, но, отъ качки корабля потерялъ равновѣсіе, зацѣпился за веревку и упалъ со

всѣмъ приборомъ! Куда дѣвались мои размышленія, мои видѣнія! Пропалъ мой чай, разбилась моя трубка! Камердинеръ бранилъ море, качку, корабль: всѣ засмѣялись, съ другими и я. Вскорѣ я не только утѣшился, но и самъ пошелъ утѣшать бѣднаго доктора, стараясь помочь болѣзни его разговоромъ о Талмудѣ.

На кораблѣ заговорили объ обѣдѣ, но кромѣ меня никто не хотѣлъ ѣсть. Дамы только отвѣдали бульену; Графъ Хребтовичъ, то-же едва проглотилъ кусочекъ чего-то. Мы уже довольно ознакомились другъ съ другомъ: ничто такъ не сближаетъ какъ корабль. Дамы, сопутницы наши, были очень любезны. Старая Графиня казалась очень добра, обходительна, и, не взирая на морскую болѣзнь, довольно весела; невѣстка ея, урожденная Графиня Нессельроде, также милая и очень пріятная дама; но это увидѣлъ я послѣ, а во время пути она больше всѣхъ терпѣла отъ качки, и лежала почти безъ чувствъ. Дѣвица Гр. Хребтовичъ, молодая, веселая, свѣжая, шутила, и очень забавно, надъ собой и надъ кочевьемъ своимъ подъ открытымъ небомъ среди корабля. Молодой Графъ началъ оправляться: я увидѣлъ въ

немъ человѣка образованнаго, вѣжливаго, со свѣдѣніями, и очень радъ былъ съ нимъ сблизиться. Бѣдный нашъ Пиннеръ вздыхалъ, во-первыхъ отъ того, что его тошнило, а еще болѣе, что ничего не могъ ѣсть. Его поддерживала одна надежда отыскать у Жидовскаго Каханъ-Паши въ Константинополѣ что нибудь еще неизвѣстное ему на Еврейскомъ языкѣ; но и тутъ онъ сомнѣвался, а это еще больше его мучило.

День прошелъ нечувствительно. Ввечеру, какъ наканунѣ, дамы и Графъ Хребтовичъ остались ночевать на палубѣ; я ушелъ въ каюту и проспалъ спокойно и безъ просыпа до утра.

На другой день, рано одѣвшись, я вышелъ на верхъ. Сопутники мои, кажется, немного уснули, и всѣ были пободрѣе; даже докторъ Пиннеръ бродилъ на кормѣ и улыбался. Я съ нетерпѣніемъ глядѣлъ впередъ, по направленію корабля. Около двѣнадцатаго часа закричали: берегъ! Я затрепеталъ, и вперилъ свои глаза на черную точку, появившуюся передъ носомъ корабля: это былъ берегъ Азіи. Распознать еще не льзя было ничего, но я не отводилъ глазъ. Наконецъ стали по немногу обрисовываться горы, мысы; берегъ ясно

обозначался, и корабль, принявъ другое направленіе, повернулъ къ западу. Мы пошли къ Ѳракійскому Босфору: уже былъ видѣнъ берегъ Европы. Я замѣтилъ, что Азіятская сторона вообще гораздо выше Европейской. Вотъ и Кіанійскіе острова, или, лучше сказать, голыя скалы: ихъ два у Европейскаго и два у Азіятскаго берега, при самомъ входѣ въ Босфоръ. Не могу описать съ какимъ восторгомъ вступилъ я наконецъ въ эти страны, которыя такъ давно желалъ видѣть. Тысячи мыслей и воспоминаній историческихъ тѣснились въ моемъ воображеніи: я видѣлъ, кажется, Язона и знаменитыхъ его сопутниковъ, выплывающихъ изъ Босфора Ѳракійскаго, и устрашенныхъ Кіанійскими скалами (*). Но ко мнѣ были благосклонны эти скалы: оставались недвижимы, спокойны, и корабль нашъ благополучно вступилъ въ проливъ. Я воображалъ также древнихъ предковъ нашихъ, смѣлыхъ Норманновъ, плывущихъ на легкихъ и утлыхъ ладьяхъ своихъ, подъ предво-

(*) Въ Баснословіи сказано, что эти скалы, при проходѣ кораблей между ними, сближались и раздавливали ихъ, а потомъ опять расходились.

дительствомъ Олега, Игоря, опустошать богатые берега и налагать дань на приведенныхъ въ ужасъ слабыхъ Императоровъ Константинопольскихъ. Желѣзные предки наши какъ будто указывали путь могущественнымъ наслѣдникамъ своимъ. Не стало Греческихъ Императоровъ: другой народъ, другіе цари стоятъ нынѣ лагеремъ въ раззоренной ихъ столицѣ, и будто предчувствуютъ непрочность своего завоеванія, потому что уже около 500 лѣтъ тяготя владычествомъ своимъ несчастную Грецію и Малую Азію, они не сдѣлали ничего для прочной власти, и до сихъ поръ остаются только потомками завоевателей, не думаютъ о благѣ народномъ, и, странное дѣло, даже не сохранили, не поддержали ни одного древняго зданія!... Ничего не основали и вновь (*). У нихъ все разрушается, всѣ государственныя пружины ослабли, и дѣйствуютъ только насильственно; ни гдѣ и ни въ чемъ не видно систематическаго хода благоустроеннаго государства! Они заняли у побѣжденныхъ ими Грековъ только роскошь и нѣгу, обыкновенно довершающія паденіе царствъ. Впро-

(*) Кромѣ мечетей и бань.

чемъ, я согласенъ съ Г-мъ Базили (*), когда онъ говоритъ, что нѣтъ страны, болѣе достойной вниманія нашихъ соотечественниковъ. Уже десять вѣковъ постоянно устремлены взгляды Россіи на Босфорскую столицу: то заманиваетъ она нашихъ древнихъ рыцарей своимъ богатствомъ, то изливаетъ на обрадованный Сѣверъ свѣтъ Христіанства, то завѣщаетъ Московскому Князю послѣднюю отрасль Императорскаго Дома и улетѣвшихъ отъ плѣнныхъ береговъ Босфора орловъ Рима; то занимаетъ великіе помыслы Екатерины II-й, и обѣщаетъ міру новыя судьбы, а удивленной Европѣ новую эпоху рыцарства. Въ наши дни, испуганный городъ Султановъ, съ высоты своихъ холмовъ и минаретовъ, видитъ бивачный дымъ Русской арміи и блескъ побѣдительныхъ штыковъ; потомъ наше войско и нашъ флотъ приносятъ Востоку даръ мира! Но я оставлю теперь преждевременное разсужденіе о Туркахъ и займусь Босфоромъ, въ который мы только что вступили. Объѣхавъ оба берега его болѣе пяти разъ, въ бытность мою въ Константинополѣ, я могу, ка-

(*) Очерки Константинополя.

жется, описать его довольно точно. Разумѣется, не тотчасъ по пріѣздѣ могъ я обозрѣть его; но чтобъ не обращаться къ нему болѣе, начну здѣсь мое описаніе.

При самомъ входѣ въ Босфоръ изъ Чернаго моря, на Кіанійскомъ островѣ съ Европейской стороны, стоитъ такъ называемая, не знаю почему, *Помпеева колонна:* это просто жертвенникъ, поставленный въ честь Императора Августа, что ясно видно изъ надписи:

CÆSARI Augusto
E. CL. Annidius
L. F. CLA.
Fronto.

На берегу, надъ самымъ островомъ, находится Европейскій маякъ (Roumeli Fener). Мысъ, на которомъ онъ поставленъ, назывался въ древности *Паніумъ;* тутъ нынѣ укрѣпленіе, или зȧмокъ (Фанараки), построенный въ 1796 году Греческимъ архитекторомъ, гдѣ есть 15 пушекъ. Подалѣе, на томъ-же берегу, находится укрѣпленьице *Карипше,* древняя пристань Ликійцевъ; его строилъ Баронъ *Тоттъ* въ 1773 году; здѣсь 23 пушки.

Еще подалѣ *Буюкъ-Лиманская* батарея, сооруженная Французскими инженерами: на ней 12 пушекъ. Это мѣсто называлось въ древности *Ефезіанскою пристанью;* оно почти возлѣ самаго устья древняго *Хрисороаса* (*), отъ котораго, до самаго укрѣпленія *Карипше,* берегъ состоитъ изъ огромныхъ скалъ, раздѣленныхъ только въ одномъ мѣстѣ Буюкъ-Лиманскою бухтою.

Ниже, по теченію, и не вдалекѣ, стоитъ первый Европейскій зȧмокъ *Румеликавакъ;* при немъ батарея, построенная въ 1783 году, Французомъ *Туссенемъ,* и распространенная въ 1794 году, также Французомъ, инженеромъ Монье. Подлѣ самаго зȧмка видны развалины старой Генуэзской крѣпости, за которыми течетъ Хрисороасъ: тутъ, на возвышеніи, находилась нѣкогда башня. Греки называли ее *Тимеа,* и на ней былъ поставленъ маякъ, указывающій мореплавателямъ изъ Чернаго моря входъ въ Босфоръ. Съ этой точки видны: Черное море, Константинополь и Марморное море. Не доплывая еще до Буюкдерской долины, вы

(*) Названіе Хрисороасъ происходитъ отъ того, что въ древности, какъ полагаютъ, находили здѣсь золото въ пескѣ.

увидите Греческое селеніе, сохранившее свое древнее наименованіе: *Селектрина ;* Турки зовутъ его *Сарикью.* Оно подлѣ самаго залива , называемаго въ древности, по его имени, *Селектринумъ.* По словамъ Діонисія Византійскаго, заливъ оканчивается къ полудню мысомъ, что нынѣ *Мезарбурунъ.* На немъ былъ жертвенникъ , посвященный *Венерѣ Меретриксъ* (*). На сѣверной оконечности того-же залива былъ еще храмъ , прямо противъ храма *Юпитера-Уріуса,* на Азіятскомъ берегу. Тутъ нынѣ сильная батарея , изъ 25-ти пушекъ большаго калибра.

Вблизи Буюкдерскаго залива, въ древности *Ваѳикольпосъ,* видны остатки монастыря Святыя Евфиміи , и часовня , до сихъ поръ называемая по имени этой угодницы Божіей. Въ самомъ началѣ залива загородный домъ Русскаго Посольства , и въ это время Посланникъ нашего Двора, А. П. Бутеневъ, находился тутъ.—Я остановлюсь на минуту въ описаніи Европейскаго берега Босфора. Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ давно и нетерпѣливо ждалъ нашего парохода; онъ зналъ, что на

(*) Венерѣ распутной.

немъ семейство его. Едва поравнялись мы съ домомъ, и уже Посольская лодка отчаливала отъ пристани и быстро неслась къ намъ. Шесть богато-одѣтыхъ Турецкихъ гребцовъ, Россійскій флагъ и убранство шлюпки привлекли наше вниманіе. Пароходъ остановился, и мы скоро увидѣли нашего Посланника: онъ бросился въ объятія своихъ родныхъ, которыхъ обнималъ послѣ долгой разлуки. Слезы радости и умиленія, восторженныя, несвязныя рѣчи восхитили, растрогали всѣхъ, и я особенно боялся въ такую минуту развлечь Посланника, такъ что даже не подошелъ къ нему. Когда уже онъ сталъ сбираться въ обратный путь и увозилъ моихъ сопутниковъ , я вручилъ ему письма , бывшія у меня къ нему. Въ это время и Г. Хребтовичъ началъ говорить обо мнѣ.... Я зналъ Г-на Бутенева въ Москвѣ , почти ребенкомъ ; не удивительно, что, не встрѣчавшись съ тѣхъ поръ, мы не узнали-бы другъ друга. Г. Посланникъ очень вѣжливо пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать , и со всѣмъ семействомъ Графини Хребтовичъ поплылъ къ Русскому дворцу , гдѣ нетерпѣливо ожидала ихъ супруга его , стоявшая во все это время на пристани. Пароходъ опять

закурился; мы быстро понеслись въ Константинополь, и черезъ полчаса бросили якорь. Тамъ въ минуту окружили насъ лодки, и со всѣхъ сторонъ послышались приглашенія, по-Италіански, по-Французски, по-Нѣмецки, по-Гречески. «Ко мнѣ, сударь! у меня вы найдете комнаты, хорошій столъ, за самую дешевую цѣну!» Одинъ изъ пригласителей вскочилъ на пароходъ, взялъ меня подъ руки, и увѣряя, что онъ точно тотъ трактирщикъ, котораго рекомендовали мнѣ въ Одессѣ, увелъ въ свою лодку. Между тѣмъ, человѣкъ десять Турокъ расхватали мои пожитки (замѣтьте, что достаточно было-бы троихъ). Я боялся, что все это растащатъ и весь мой скарбъ пропадетъ. Но лодка отчалила и я скоро очутился въ Перѣ, въ довольно дурномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Hôtel de Hongrie* (Венгерская гостинница). Надо знать, что я спрашивалъ о рекомендованномъ мнѣ въ Одессѣ домѣ, Hôtel de Russie (Русская гостинница), и мой плутъ хозяинъ увѣрялъ меня на кораблѣ, что это та самая. Я смѣючись сталъ ему пенять, а онъ началъ увѣрять меня, что *въ томъ* трактирѣ гораздо хуже, что *всѣ* нумера давно заняты, а у него буду я жить прекрасно и пре-

спокойно.... Ну, хоть и такъ! Я остался, увидѣлъ, что пожитки цѣлы, расплатился съ плутами-носильщиками, и къ удовольствію своему узналъ еще, что добрый нашъ докторъ Пиннеръ остановился въ томъ-же трактирѣ, рядомъ съ моею комнатою. Здѣсь кстати сказать слова два о *бакгизѣ*. Меня посадили съ корабля въ лодку — *бакгизъ;* вмѣсто трехъ носильщиковъ десятеро схватились за мои вещи: одинъ взялъ футляръ съ шляпой, другой портфѣль, третій шкатулку, четвертый кисетъ съ табакомъ, и проч. Всѣ потомъ кричали *бакгизъ!* Съ берегу подниматься довольно круто, и я взялъ верховую лошадь; какой-то шалунъ придержалъ мнѣ стремя—*бакгизъ;* другой сдѣлалъ тоже, когда я слѣзалъ съ лошади—*бакгизъ!* Это наше Русское *на водку*. И все это не въ счетъ рядной суммы. Къ счастью, не дорого: каждому двѣ, три пары. Я прожилъ потомъ недѣли три въ Константинополѣ, и, право, не было дня, въ который не случилось-бы мнѣ десять разъ лазить въ карманъ за *бакгизомъ*. Но пора возвратиться къ описанію Босфора, съ того мѣста, гдѣ я оставилъ его въ Буюкдерскомъ заливѣ.

За Буюкдерскимъ заливомъ находится обширная и прелестная долина, которую, за плодородіе и красоту ея, съ самой древности и понынѣ называютъ *Калосъ-Агросъ.* Она служитъ нынѣ мѣстомъ прогулки для Франковъ, обитающихъ въ Буюкдере. Сюда переѣзжаютъ въ весеннее время жить иностранные министры, купцы и богатые Греки; здѣсь они блистаютъ Европейскою роскошью, предъ глазами набожнаго Мусульманина, нечувствительнаго къ ихъ наслажденіямъ и внутренно всѣхъ ихъ презирающаго.

По всему Босфорскому берегу, до сихъ поръ мною описанному, видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалины и остатки древнихъ построекъ. Продолжая плаваніе далѣе къ Константинополю, увидите возвышеніе, называемое Турками *Кересъ-Бурунъ,* а Греками *Діалитра:* это послѣдній пунктъ, съ котораго еще можно видѣть входъ въ Черное море. Шаговъ 500 далѣе *Терапія,* на бухтѣ того-же имени. Встарину, бухта или заливъ этотъ назывался *Фармакіасъ.* Древніе полагали, что тутъ Медея оставила зелья, которыя везла съ собою. Въ Терапіи загородные домы Французскаго и Ан-

глійскаго пословъ (*). Далѣе заливъ и корабельная пристань *Стеніосъ,* обширнѣйшая и удобнѣйшая изъ всѣхъ, находящихся въ Босфорѣ. Мнѣ сказывали, что Екатерина II хотѣла купить или какъ нибудь иначе пріобрѣсть это мѣсто, и построить тутъ дворецъ и пристань для Русскихъ кораблей; но Султанъ, испугавшись такого близкаго сосѣдства, не согласился. Небольшая рѣчка, которую Діонисій Византійскій называетъ *Кимаросъ,* впадаетъ въ Балталиманскій заливъ. Тутъ встарину были: кипарисовая роща, а на возвышеніи, у самаго устья рѣки, храмъ Гекаты. Приливъ въ этомъ мѣстѣ очень силенъ и волны съ шумомъ разбиваются у подошвы пригорка. Немного подалѣе выдается *Кизляръ-Бурунскій* мысъ: на немъ крѣпость или замокъ *Румели-Гиссаръ.* Вотъ откуда честолюбивый Дарій Персидскій смотрѣлъ на переправу чрезъ Босфоръ безчисленнаго своего войска! Тутъ-же переходили потомъ Готы

(*) Противу дома Англійскаго посла всегда стоитъ Англійскій вооруженный и всегда готовый къ отплытію фрегатъ, такъ-же какъ въ Буюкдере Россійскій корабль, противу дому нашего Посланника.

и Рыцари-Крестоносцы, только въ противную сторону. Поближе къ столицѣ, при мысѣ *Акинди-Бурунъ*, а въ древности *Эстіасъ*, лежитъ деревня *Арнаутъ-Кью:* около нея теченіе такъ быстро, что спуская лодку въ этомъ мѣстѣ, принимаютъ ее на бичеву: иначе два гребца едва-ли могли-бы бороться съ волнами. Не даромъ-же Турки называютъ здѣшнія волны *Шайтанъ-Акиндиси* (Чортово теченіе). Далѣе, въ деревнѣ Куру-Чесмѣ, знатные Греки и Епископы ихъ вѣры по большей части имѣютъ дачи, которыя можно различить отъ Турецкихъ по темной окраскѣ домовъ, незавидныхъ снаружи, хотя многіе изъ нихъ богато и даже роскошно убраны внутри.

Въ деревнѣ *Бешикташъ,* гдѣ была древняя пристань Родосцевъ, Турки съ благоговѣніемъ хранятъ прахъ *Гаджи-Бектама*, основателя орды тѣхъ вооруженныхъ монаховъ, которые послѣ, подъ именемъ Янычаръ, такъ долго ужасали Европу и Азію. Кровопролитное истребленіе этого необузданнаго войска принадлежитъ къ Исторіи нынѣ царствующаго Султана Махмуда. Это событіе изложено весьма хорошо въ *Очеркахъ Константинополя*, Г-на Базили. За Бешикташемъ

возвышается Султанскій дворецъ *Долма-Бакче*, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда присталъ Язонъ, плывшій въ Колхиду за Златымъ руномъ. Дворецъ построенъ довольно живописно; купы деревьевъ, окружающихъ его, составляютъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ видовъ Босфора Ѳракійскаго. Здѣсь было любимое пребываніе Султана Селима III-го. Неподалеку находился въ древности храмъ, воздвигнутый Византійцами въ честь Птоломея, за то что онъ подарилъ имъ въ Азіи округъ земли, богатый пшеницею, и при томъ оружія и денегъ, когда они нуждались во всемъ этомъ. Деревня Фондукли получила названіе свое отъ дома Гуссейнъ-Аги. Если не ошибаюсь, то она занимаетъ мѣсто древняго Айонъ-Ѳеона, гдѣ Мегаряне поклонялись Аяксу, сыну Телемакову. Гуссейнъ-Ага былъ богатѣйшій Турокъ въ царствованіе Магомета IV-го, и не проходило недѣли, чтобъ онъ не удостоился принимать Султана въ своемъ домѣ, называемомъ Фондукли, и находящемся возлѣ Перы, въ виду Императорскаго дворца. Въ немъ были устроены комнаты, выдающіяся окнами на самый каналъ, такъ что Султанъ, не обезпокоиваясь, съ дивана могъ удить рыбу. Мы

и Рыцари-Крестоносцы, только въ противную сторону. Поближе къ столицѣ, при мысѣ *Акинди-Бурунъ,* а въ древности *Эстіасъ,* лежитъ деревня *Арнаутъ-Кюю:* около нея теченіе такъ быстро, что спуская лодку въ этомъ мѣстѣ, принимаютъ ее на бичеву: иначе два гребца едва-ли могли-бы бороться съ волнами. Не даромъ-же Турки называютъ здѣшнія волны *Шайтанъ-Акиндиси* (Чортово теченіе). Далѣе, въ деревнѣ Куру-Чесмѣ, знатные Греки и Епископы ихъ вѣры по большей части имѣютъ дачи, которыя можно различить отъ Турецкихъ по темной окраскѣ домовъ, незавидныхъ снаружи, хотя многіе изъ нихъ богато и даже роскошно убраны внутри.

Въ деревнѣ *Бешикташъ,* гдѣ была древняя пристань Родосцевъ, Турки съ благоговѣніемъ хранятъ прахъ *Гаджи-Бектама,* основателя орды тѣхъ вооруженныхъ монаховъ, которые послѣ, подъ именемъ Янычаръ, такъ долго ужасали Европу и Азію. Кровопролитное истребленіе этого необузданнаго войска принадлежитъ къ Исторіи нынѣ царствующаго Султана Махмуда. Это событіе изложено весьма хорошо въ *Очеркахъ Константинополя,* Г-на Базили. За Бешикташемъ

возвышается Султанскій дворецъ *Дольма-Бакче,* на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда присталъ Язонъ, плывшій въ Колхиду за Златымъ руномъ. Дворецъ построенъ довольно живописно; купы деревьевъ, окружающихъ его, составляютъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ видовъ Босфора Ѳракійскаго. Здѣсь было любимое пребываніе Султана Селима III-го. Неподалеку находился въ древности храмъ, воздвигнутый Византійцами въ честь Птоломея, за то что онъ подарилъ имъ въ Азіи округъ земли, богатый пшеницею, и при томъ оружія и денегъ, когда они нуждались во всемъ этомъ. Деревня Фондукли получила названіе свое отъ дома Гуссейнъ-Аги. Если не ошибаюсь, то она занимаетъ мѣсто древняго Айонъ-Ѳеона, гдѣ Мегаряне поклонялись Аяксу, сыну Телемакову. Гуссейнъ-Ага былъ богатѣйшій Турокъ въ царствованіе Магомета IV-го, и не проходило недѣли, чтобъ онъ не удостоился принимать Султана въ своемъ домѣ, называемомъ Фондукли, и находящемся возлѣ Перы, въ виду Императорскаго дворца. Въ немъ были устроены комнаты, выдающіяся окнами на самый каналъ, такъ что Султанъ, не обезпокоиваясь, съ дивана могъ удить рыбу. Мы

плывемъ еще нѣсколько времени, и вотъ передъ нами Константинополь, во всей своей красѣ. Картина этого величественнаго города приводитъ въ удивленіе и восторгъ всякаго, кто видитъ ее въ первый разъ. Противъ самаго парохода нашего Серальскій дворецъ, съ своими теремами, башнями, кипарисами и висячими садами. Онъ построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Византія, и занимаетъ пространство цѣлаго города. Восточная его архитектура, его великолѣпіе и роскошный видъ невольно напоминаютъ Багдадскихъ Халифовъ и Тысяча одну ночь. Султанская пристань, гдѣ видны разноцвѣтныя и позлащенныя шлюпки, собственно Султану принадлежащія, плѣнительна для глазъ! Отсюда начинается Марморное море. По правому его берегу, отъ самаго Сераля, видишь протяженіе древнихъ стѣнъ города до Семибашеннаго замка; насупротивъ, необозримое пространство моря; по лѣвую сторону, Принцевы острова; вдали Олимпъ; ближе городъ Скутари, древній *Халкедонъ,* или Хрисополисъ, окруженный кипарисными рощами и украшенный мечетями и минаретами. На правой сторонѣ зрѣлище новое и не меньше поразительное: это портъ Константи-

нополя, или такъ называемый Золотой рогъ. Тамъ видны тысячи кораблей, лѣсъ мачтъ, и между ними военные огромные корабли Турецкаго флота. Здѣсь развѣваются флаги всѣхъ державъ. По лѣвую сторону пристани, Константинополь, на семи холмахъ своихъ возвышается съ своими мечетями и минаретами; между ними куполъ Святыя Софіи и нѣкоторые другіе замѣчательны зодчествомъ и великолѣпіемъ. По правую сторону пристани видишь арсеналъ, а по горамъ предмѣстія *Перу* и *Галату,* какъ будто отдѣльные, особые города. Тысячи каикъ (такъ называютъ здѣсь легонькія лодочки), мелькаютъ безпрестанно и во всѣхъ направленіяхъ по проливу и между кораблями. Вообразите, что вся эта картина является вдругъ, и что вы видите ее всю съ одной точки! Прибавьте ко всему этому ясный майскій день, голубое небо, благорастворенный восточный воздухъ, блестящія струи Пропонтиды, и вы легко поймете чувство и восхищеніе путешественника. Я не могу выразить моихъ чувствованій въ эту минуту! Не распространяясь болѣе объ очарованіи представленной мною картины, возвращаюсь къ Азіятскому берегу Босфорскаго пролива, чтобы совершенно окончить мое

описаніе. Первый мысъ Азіятской стороны Босфора, противъ Паніумскаго мыса въ Европѣ, есть тотъ самый, который въ древности называли мысомъ Якоря, именно потому, что Аргонавты, по велѣнію оракула, взяли тутъ каменный якорь. Здѣсь Азіятскій маякъ защищенъ такимъ-же укрѣпленіемъ, какъ описанный выше, на Европейскомъ берегу. Онъ построенъ тѣмъ-же архитекторомъ. Ниже его Азіятскія Кіанійскія скалы: одну изъ нихъ Діонисій Византійскій называетъ башнею Медеи. Мысъ Корасіонъ, насупротивъ Ефезіанской пристани, названъ такъ по множеству вороновъ, всегда собирающихся на немъ. Нынѣ зовутъ его Филь-Бурунъ. Не подалеку отъ него построена, въ 1773 году, Барономъ Тоттомъ, крѣпостца *Поріасъ-Лиманъ*, съ 23 пушками. Далѣе, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ зáмокъ, или укрѣпленіе *Анадоли-Кавакъ*, былъ въ древности храмъ Юпитера-Уріа. Въ 1783 году Французъ Туссенъ, по повелѣнію Гассана-Паши, укрѣплялъ Анадоли-Кавакъ: въ немъ было тогда 25 пушекъ и 8 мортиръ; но въ 1794 году укрѣпленіе распространили и прибавили еще 12 пушекъ и 6 мортиръ. Подъ этой батареей еще видѣнъ въ водѣ остатокъ пло-

тины, къ которой прикрѣплялась цѣпь, преграждавшая плаваніе по проливу; другой конецъ ея примыкалъ къ Европейскому берегу, у противолежащей крѣпости Румали-Кавакъ. Такимъ образомъ плотина служила для прикрѣпленія цѣпи, и составляла въ то-же время пристань *Храма*, гдѣ корабли защищены были отъ теченій и сѣверныхъ вѣтровъ. Тотчасъ за пристанью возвышается мысъ *Аргиронійумъ*, нынѣ называемый *Маджаръ-Бурунъ*, гдѣ есть батарея изъ 23 пушекъ и 12 мортиръ, построенная Французскимъ инженеромъ Монье. И теперь еще видны, на крутой горѣ, надъ укрѣпленіемъ, развалины церкви Святаго Панталеона, вѣроятно изъ остатковъ храма Юпитера-Уріа. Недалеко отсюда находится Великанова гора, высочайшая изъ всѣхъ на берегахъ Босфора. На вершинѣ ея Турки показываютъ необыкновенной величины гробницу, въ которой, говорятъ они, покоится прахъ Великана. Удивляюсь, какъ многіе писатели не узнаютъ тутъ гробницы побѣжденнаго Поллуксомъ Аймика, котораго Валерій-Флаккъ называлъ *великаномъ*. Подалѣе, за *Сельви-Бурунскимъ* мысомъ, деревня Бейкосъ. Султанъ Солиманъ построилъ тутъ кіоскъ, теперь уже раз-

рушенный; но сады, бывшіе при немъ, цѣлы и прекрасны; ихъ называютъ нынѣ *Султанъ-Бекчези.* За тѣмъ является *Катанфіонскій* заливъ, оканчивающійся мысомъ *Гларіумъ* (у Турокъ *Кондлидже-Бурунъ);* а за нимъ новый Азіятскій замокъ *Анадоли-Гисаръ.* Далѣе втекаютъ въ Босфоръ Ѳракійскій двѣ рѣки: первая называлась у Грековъ Аретей, а Турки назвали ее Юкъ-су; эта самая большая изъ рѣкъ, впадающихъ въ проливъ, начиная отъ Чернаго моря до Халкедона или Скутари. Вторая рѣка: *Кучукъ-су* (Малыя воды). Между обѣими рѣками построенъ великолѣпный загородный дворецъ Султана. Однимъ словомъ: весь берегъ Азіятскій, начиная отъ Анадоли-Гизара до Скутари, усѣянъ почти не прерывающимися прелестными дачами, между которыми замѣчательна *Иставровская,* гдѣ Султанъ Абдулъ-Гамидъ построилъ прекрасную мечеть. *Скутари,* древній Хрисополисъ, или златой городъ, по мнѣнію Діонисія Византійскаго, назывался такъ потому, что въ немъ собирали Персы всѣ доходы свои съ покоренныхъ ими городовъ; другіе говорятъ, что названіе происходитъ отъ похороненнаго здѣсь Хрисеса, сына Агамемнона и Хрисанды. Ксено-

фонтъ повѣствуетъ, что Аѳиняне укрѣпили и обвели стѣнами Хрисополисъ, для того, чтобы сбирать пошлину со всѣхъ кораблей, проходившихъ чрезъ Босфоръ Ѳракійскій. На здѣшнихъ высотахъ Константинъ разбилъ Ликинія, и тѣмъ соединилъ раздробленныя части Римской Имперіи подъ власть одного Государя. Скутари занимаетъ точно мѣсто древняго Хрисополиса. Въ немъ много хорошихъ мечетей, домы опрятны и построены такъ, что изъ нихъ прекрасный видъ на Константинополь. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ кладбищами, гдѣ хоронятъ знатныхъ Турокъ, всегда почитающихъ Азію прямымъ отечествомъ Магометанъ; они полагаютъ даже, что ихъ кости тутъ останутся спокойнѣе, а что Европа не прочна власти Оттоманской.

За мысомъ *Восъ,* говоритъ Діонисій Византійскій, находятся ключъ или фонтанъ Гермагора, храмъ героя Евростеса, храмъ Венеры, и наконецъ городъ Халкедонъ, на рѣкѣ того-же имени. Этотъ городъ былъ славенъ своею древностью, великими людьми, въ немъ рожденными, разными перемѣнами судьбы своей, и наконецъ зданіями, украшавшими его; особенно былъ знаменитъ храмъ

Аполлона, котораго прорицанія не уступали Дельфійскимъ.

Мегаряне, основатели Халкедона, долго назывались слѣпцами, и дѣйствительно заслуживали это названіе, если только отъ нихъ зависѣло избрать мѣсто Византіи, лежащей насупротивъ. Ключъ Гермагора, о которомъ упоминаетъ Діонисій Византійскій, и донынѣ течетъ въ долинѣ *Ковакъ-Сарая;* но рѣка Халкедонъ потеряла свое наименованіе. Городъ Халкедонъ, неоднократно опустошаемый Персами, лишенный стѣнъ своихъ Императоромъ Валенціемъ, разрушенный Готами, возстановленный Корнеліемъ-Авитомъ, еще разъ истребленный Сарацынами, нынѣ самая бѣдная деревнишка, называемая Турками *Коди-Кью.*

Знаменитая церковь Св. Евфиміи, въ которой собирался Вселенскій Соборъ, не существуетъ; осталась часовня во имя той-же Святой. Здѣсь-то твердый и краснорѣчивый Златоустъ былъ осужденъ къ ссылкѣ, за проповѣди свои, въ которыхъ гремѣлъ противу распутства женщинъ и противъ неприличнаго Христіанамъ поклоненія статуѣ Императрицы Евдокіи. Заливъ за мысомъ Мунде-Бурунъ, есть древняя Евтропіева пристань, гдѣ

еще видно множество камней, остатковъ древнихъ стѣнъ. Въ этой пристани Фока умертвилъ Маврикія и четырехъ сыновей его. Проливъ оканчивается мысомъ Гереумъ: на немъ поставленъ Азійскій маякъ *Фенеръ-Бакчези.* Прокопій пишетъ, что Юстиніанъ построилъ тутъ дворецъ и бани. Еще видны развалины большаго водохранилища, разрушеннаго Геракліемъ, который разрушалъ ихъ вездѣ, потому что ученый Стефанъ предрекъ ему гибель отъ воды.

Я нѣсколько распространился въ описаніи Босфора Ѳракійскаго, почитая его настоящею большою дорогою изъ С. Петербурга въ Константинополь. Прибавлю еще нѣкоторыя общія замѣчанія о немъ. Всю длину его можно полагать въ 28 или тридцать верстъ, отъ Кіанійскихъ скалъ до Халкедонскаго мыса; ширина не вездѣ одинакова; въ иныхъ мѣстахъ проливъ не шире Невы противу Зимняго дворца; но въ другихъ почти вездѣ вдвое или въ полтора раза шире. Неравенства береговъ его, изгибы, заливы, мысы, выдающіеся иногда перпендикулярно теченію, все это дѣлаетъ быстроту его почти вездѣ неравною, и отъ того корабли, плывущіе изъ Чернаго моря, встрѣчаютъ

нѣсколько разъ теченія, совершенно противныя имъ. Короче: въ этомъ проливѣ есть семь изгибовъ, и столько-же теченій: *первое* изъ Чернаго моря стремится къ Европейскому берегу; *второе,* при Канлидже-Бурунъ, къ Азіятскому; *третіе* къ Кизляръ-Буруну; *четвертое* къ мысу Ваніе-Кью; *пятое* къ Эфенди-Буруну, откуда частію относитъ къ Азіятскому, а частію къ Европейскому берегу близъ Салибараса; *шестое* къ Скутарійскому мысу; *седьмое* прямо на Серальскій уголъ. Всѣ эти семь теченій такъ сильны, что корабли, при попутномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ, съ трудомъ преодолѣваютъ ихъ, и для флота на всякой случай необходимо имѣть при себѣ нѣсколько пароходовъ для буксировки. Но эти, часто борющіяся между собой теченія, весьма полезны для Константинопольской пристани: они безпрестанно *вымываютъ* ее и не даютъ ей засариваться; а безъ этого благодѣтельнаго пособія природы пристань давно-бы обмѣлѣла отъ множества всякой нечистоты, выбрасываемой въ нее, и отъ наноснаго въ нее илу и песку изъ рѣкъ, падающихъ съ материка. Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ укрѣпленіяхъ, которыми унизаны оба берега пролива. Мнѣ

кажется, что вслучаѣ войны они не принесутъ Туркамъ большой пользы. Во первыхъ, съ сухаго пути не защищены они ничѣмъ, да и не могутъ быть защищены, потому что вездѣ повелѣваютъ ими высоты, находящіяся сзади; а имѣть сильные корпусы войскъ для прикрытія ихъ съ тылу также невозможно, потому что Турецкая армія, вѣроятно, будетъ занята собственною обороною отъ непріятелей, съ одной стороны слѣдующихъ изъ-за-Балкана, а съ другой по Азіятскому берегу Чернаго моря. Не смотря ни на какія усилія, не достанетъ войскъ для защиты всюду. Слѣдовательно, противъ небольшаго, напримѣръ, 10-ти тысячнаго корпуса десантнаго войска, ни одна изъ крѣпостей здѣшнихъ не продержится сутокъ, если противъ нихъ пошлютъ по одному или по два батальона (*). Довольно будетъ овладѣть бата-

(*) Я полагаю, что непріятель, имѣющій превосходство на морѣ, легко войдетъ въ Босфоръ Ѳракійскій, не смотря на крѣпостцы и батареи, защищающія его; что-же касаешся десантовъ, то я могу указать нѣсколько мѣстъ на Европейскомъ и на Азіятскомъ берегу, весьма для нихъ удобныхъ и безопасныхъ, а содѣйствіе флота еще больше облегчитъ это. Съ Европейской стороны, начиная отъ маяка до Эски-Фанари, на четы-

рееию, сбросить съ лафетовъ и заклепать пушки, не занимаясь болѣе ими, и потомъ идти далѣе. Цѣль будетъ достигнута, потому что флотъ мо-

рехъ-верстномъ разстояніи, есть нѣсколько бухтъ, или неболь-
шихъ заливовъ, гдѣ обыкновенно пристаютъ лодки: туда де-
сантныя суда войдутъ очень удобно. Съ Азіятской стороны, въ
двухъ стахъ саженяхъ отъ замка, есть обширный заливъ съ
песчанымъ грунтомъ: онъ выходитъ на пространную и ровную
долину, по которой протекаетъ рѣчка. Сосѣдства замка опасать-
ся нечего, потому что выстрѣлы его направлены не въ эту сто-
рону, да и не могутъ быть дѣйствительны, отъ высоты берега
этой бухты со стороны крѣпости. Полторы версты далѣе есть
еще бухта, называемая *Рива*: она раздѣляется на двѣ части
длиннымъ мысомъ. Плохое укрѣпленьице, въ глубинѣ ея постав-
ленное, не помѣшаетъ десанту, и въ одно мгновеніе будетъ взято
вмѣстѣ съ Азіятскимъ замкомъ. Надобно замѣтить также, что
вездѣ, гдѣ я предполагаю возможность сдѣлать высадку, военные
корабли могутъ подходить къ берегу на самое близкое разстоя-
ніе и становиться на хорошемъ якорномъ грунтѣ, для содѣйствія
войску. И такъ вѣроятно, что при надлежащей предосторожности,
всѣ эти крѣпости и батареи, съ такимъ иждивеніемъ построен-
ныя, пали-бы въ одну ночь, и за тѣмъ слѣдовало-бы если не
взятіе Константинополя, то ужь по крайней мѣрѣ совершенное
его раззореніе. Никакъ не предполагая войны съ Турками, из-
лагаю свои замѣчанія единственно желая доказать, что всѣ бере-
говыя укрѣпленія Босфора, даже по мѣстному положенію ихъ,
излишни, и вслучаѣ войны не послужатъ ни къ чему.

жетъ тогда идти до самаго дворца въ Сералѣ и до пристани Константинопольской.

Сдѣлавъ такимъ образомъ топографическое и археологическое описаніе Босфора Ѳракійскаго, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о прекрасномъ мѣстоположеніи и о видахъ его береговъ. Вообразите себѣ этотъ проливъ самою широкою рѣкой, которая величественно и быстро течетъ изгибами между гористыхъ, плодородныхъ и живописныхъ береговъ. Долины, часто встрѣчающіяся въ прорѣзѣ горъ, почти всѣ орошаются небольшими рѣчками, впадающими въ заливъ. На нихъ, то деревеньки, то загородные домы, то дворцы вездѣ украшаютъ пейзажъ и придаютъ ему новую прелесть. И вездѣ неразлучны съ ними воспоминанія какого нибудь историческаго событія, или имя великаго человѣка. Здѣсь рѣшилась судьба цѣлаго царства кровопролитной битвой; тутъ милліонъ Персовъ и другихъ подвластныхъ Дарію народовъ переходилъ чрезъ Босфоръ, чтобъ покорить горсть свободныхъ Грековъ; тамъ Крестоносцы шли на освобожденіе Іерусалима. Повсюду берега эти, прельщая взоры, погружаютъ въ размышленіе. Теперь они усѣяны по обѣ стороны

великолѣпными дворцами и садами Султана, сестеръ его, вельможъ, и укрѣпленными замками. При каждомъ изгибѣ, съ каждой точки, виды перемѣняются и являютъ новыя красоты. Прибавьте, что находитесь подъ вліяніемъ климата Малой Азіи и дышите благорастворённымъ ея воздухомъ: вы сознаетесь, что одна прогулка по Босфору стоитъ того, чтобъ рѣшиться ѣхать изъ самыхъ дальнихъ странъ, взглянуть на него и восхитить-ся имъ!

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

На другой день моего пріѣзда въ Константинополь, меня пробудили рано по утру стукъ и крики носильщиковъ всякаго рода. Слухъ мой еще не привыкъ къ ихъ голосамъ и языку. Они продавали съѣстные припасы, зелень, рыбу, плоды, бузу и проч. Я сѣлъ къ окну. Передо мной толпился разноплеменный народъ: Турки въ военныхъ костюмахъ, и въ старомъ своемъ нарядѣ, въ чалмахъ; Армяне въ огромныхъ своихъ шапкахъ, Греки, Франки, и множество Жидовъ, которые молча и робко пробирались подлѣ стѣнки. Наконецъ, вотъ и женщины, закутанныя такъ, что раз-

вѣ по цвѣту ихъ туфлей можно было узнать какой онѣ націи. Вотъ арбы (родъ крытаго фургона), запряженныя быками, украшенными лентами, или суконными лоскутками и бубенчиками. Это экипажъ Турецкихъ дамъ. Далѣе навьюченные верблюды, или рядъ ословъ, съ мѣшками воды, или съ ношами дровъ: все это толпилось по узкой, едва вымощенной улицѣ и толкало другъ друга. Прибавьте къ этому стаи гадкихъ и голодныхъ собакъ, которыя скитаются посреди всего этого народа, и ихъ никто не бьетъ: вы сознаетесь, что я увидѣлъ прелюбопытный и совершенно новый для меня маскарадъ.

Я велѣлъ позвать цырюльника: вошелъ преважный Армянинъ въ большой шапкѣ, а за нимъ смиренный мальчикъ, который несъ тазикъ, родъ кофейника съ горячею водою, мыло, бритвы и полотенце. Хозяинъ намылилъ мнѣ бороду просто ладонью, вытащилъ преогромную бритву, и я, къ удивленію моему, замѣтилъ, что она въ черенкѣ своемъ не гнется, какъ наши бритвы, а просто укрѣплена, какъ сѣкира, и удобнѣе казалась мнѣ отрубить голову или по крайней мѣрѣ перерѣзать горло, чѣмъ выбрить бороду. Однако онъ обрилъ

меня такъ проворно, легко и ловко, что я приказалъ ему приходить ко мнѣ черезъ день, для исправленія своей должности.

Теперь опишу мою квартиру. Это небольшая комната, съ однимъ огромнымъ Италіянскимъ окномъ, которое выдается на главную улицу Перы, такъ что мнѣ можно смотрѣть вдоль ея на обѣ стороны. Эта комната служитъ мнѣ спальнею, столовою и гостиною. Изъ нея выходъ въ сѣни, а изъ сѣней дверь на балконъ, или террасу, главное украшеніе моего *дворца*. Здѣсь я проводилъ большую часть времени, читалъ, пилъ чай, курилъ трубку, и часто, въ прохладныя майскія ночи, просиживалъ до восхожденія солнца. Съ балкона моего былъ совершенно видѣнъ Сераль, и именно часть садовъ и гарема, которые недоступны путешествующимъ. Въ нихъ передо мною величаво возносилась Юстиніанова колонна. Я часто наводилъ туда телескопъ, чтобъ посредствомъ его, хотя украдкою, взглянуть на какую нибудь гурію Махмудова гарема, но, кромѣ садовниковъ, никогда и никого не видалъ, можетъ быть отъ того, что Султанъ жилъ тогда въ *Кіатъ-Гане*, да и всѣ покои въ гаремѣ, какъ слышалъ я, въ это

время переправляли. Далѣе видно было море, Принцевы острова и синія горы вокругъ Олимпа. Видъ прелестный! На террасу мою выходило сосѣднее окошко, и черезъ него я часто разговаривалъ съ прекрасною Гречанкой. Кокона Катерина была сестра діакона церкви Успенія Богородицы, веселая характеромъ. Она говорила мнѣ, что очень желаетъ знать по-Русски, любитъ единовѣрцевъ и берется учить меня по-Гречески. Она жила съ мачихой одна, и кажется скучала своимъ уединеніемъ. Я въ самомъ дѣлѣ воспользовался этимъ пріятнымъ сближеніемъ, протвердилъ почти забытый мною Греческій языкъ, употребляемый между народомъ, и сталъ потомъ говорить имъ гораздо свободнѣе. Катерина была истинно прекрасна и проста въ обхожденіи, а какъ на балконъ мой не приходилъ никто, и онъ былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, то она, познакомившись со мною, обходилась совершенно свободно. Къ тому-же мои шестьдесятъ лѣтъ представляли ей совершенную безопасность; она видѣла во мнѣ отца, или и дѣдушку. Мы разговаривали, смѣялись, и однажды она осмѣлилась даже выпрыгнуть на мой балконъ и пить со мной чай. Я упросилъ ее пропѣть нѣ-

сколько Греческихъ пѣсенъ, и она не отговариваясь исполнила мою просьбу. Ей хотѣлось видѣть Русскихъ дамъ; особливо Русскую Царицу. Съ любопытствомъ распрашивала она, что если-бъ была въ Россіи, то могла-ли-бы къ Ней быть допущена? Хотѣла знать говорятъ-ли у насъ о Грекахъ; но больше всего занимали ее дамскіе уборы. Она не могла понять, когда я увѣрялъ ее, что наши дамы одѣваются лучше и богаче Перотокъ. Зная, что у меня бываютъ гости, она просила никого не пускать на балконъ: я обѣщалъ, и съ тѣхъ поръ балконъ сдѣлался почти гаремомъ моимъ. Правда, изъ комнаты доктора Пиннера также было окошко на балконъ; но, во-первыхъ, доктора почти никогда не было дома, и онъ ни разу не подымалъ занавѣса; къ тому-же кокона Катерина не знала по-Еврейски и не читывала Талмуда; какъ-же могъ онъ обратить на нее свое ученое вниманіе?

Въ два часа я отправился обѣдать къ Посланнику нашему въ Буюкдере, и нанялъ для этого каику съ двумя гребцами. Садясь безъ привычки въ эту узенькую, но длинную лодочку, я чуть было не опрокинулъ ея, не зная, что въ нее не льзя

иначе ступить, какъ поставя ногу на самую середину. Лодка заколыхалась, но наемный слуга мой, стоя еще на пристани, успѣлъ схватить меня за воротъ; гребцы закричали было, однако все кончилось благополучно. Наученный опытомъ, я осторожно спустился въ лодку и смирнехонько усѣлся по срединѣ ея, на подушку. Гребцы работали веслами съ большимъ усиліемъ, потому что мы должны были во все время плыть противу теченія. Дорогою еще засталъ насъ дождь, и я принужденъ былъ выдти на берегъ, кажется въ Фондукли, и укрыться въ кофейномъ домѣ. Тутъ сидѣло уже много Турокъ, большею частію военныхъ. Они не обратили на меня ни малѣйшаго вниманія. Прислужники заботились, бѣгали, подавали кальяны, трубки, разносили кофе, и одинъ спросилъ меня, что мнѣ угодно? Чтобъ не даромъ укрываться у нихъ отъ дождя, я велѣлъ подать себѣ кофе. Компанія была самая тихая; большая часть гостей сидѣли и курили молча. Черезъ нѣсколько минутъ дождикъ пересталъ, и я, расплатясь, продолжалъ свой путь.

Въ Буюкдере Посланникъ нашъ принялъ меня съ обыкновенною своею вѣжливостью, представилъ

своей супругѣ и познакомилъ съ нѣкоторыми чиновниками посольства. Онъ рекомендовалъ мнѣ въ чичероне Грека господина Комидаса, и поручилъ меня совѣтамъ и попеченію Сергѣя Ивановича Богданова. Я съ удовольствіемъ увидѣлся съ моими сопутниками. Дамы были здоровы, и кажется неисказанно восхищались прелестями Босфорскихъ береговъ! Графъ Хребтовичъ начиналъ разнемогаться и не выходилъ изъ своей комнаты. Я самъ навѣстилъ его. У него была желчная болѣзнь и требовала спокойствія. Послѣ обѣда, Апполлинарій Петровичъ гулялъ со мною по саду, гдѣ множество старыхъ и густыхъ деревъ доставляютъ гуляющимъ пріятную тѣнь; а это первое сокровище въ жаркомъ климатѣ! Г. Посланникъ показалъ мнѣ нѣсколько кустовъ розановъ, аршина по четыре вышины, и съ низу до верху покрытыхъ цвѣтами. Тутъ видѣлъ я прекрасные и огромные чинары, кипарисы, пирамидальные тополи, орѣховыя деревья, и всякаго рода растенія, свойственныя здѣшнему климату. Внутри сада довольно крутая гора, гдѣ старый пріятель мой Александръ Семеновичъ Хвостовъ, отправляя здѣсь нѣкогда должность Посланника, устроилъ спокойную мрамор-

ную лѣстницу, въ угодность какой-то дамѣ, которая жаловалась на крутизну всхода. Обласканный всѣмъ семействомъ Г. Посланника, я провелъ посреди него одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни, и къ вечеру отправился обратно въ Константинополь. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось начать мои обозрѣнія и расположить ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Обратное плаваніе мое было гораздо легче: мы плыли по теченію, и оно быстро принесло насъ въ городъ. Времени прошло въ половину менѣе, чѣмъ при восхожденіи по проливу въ Буюкдере. Я нашелъ добраго моего товарища, доктора Морица Пиннера, совершенно довольнымъ: онъ былъ у Жидовскаго Каханъ-Паши, который вѣжливо предложилъ ему свои услуги и пособія во всѣхъ его разысканіяхъ, и Пиннеръ цѣлый день провелъ среди старыхъ манускриптовъ, а возвратился покрытый драгоцѣнною ихъ пылью. Онъ сознался мнѣ однако, что особенно рѣдкаго и нужнаго для себя еще ничего не нашелъ; но ему оставалось еще многое видѣть, рыться въ библіотекѣ Кахана, разговаривать съ раввинами, и онъ не терялъ надежды сдѣлать какое нибудь открытіе и пріобрѣсти достаточно ма-

теріяловъ для своей работы. Мы просидѣли остатокъ дня вмѣстѣ, курили и бесѣдовали очень пріятно, о восточныхъ обычаяхъ, о Іудейскихъ древностяхъ, о нашихъ предположеніяхъ на слѣдующій день, и разошлись по своимъ комнатамъ очень довольные собою.

По утру рано я занялся визитами, и роздалъ карточки господамъ чиновникамъ Посольства, не находя почти никого дома; успѣлъ однакожь пригласить къ себѣ обѣдать Г-на Комидаса, необходимаго мнѣ для обозрѣнія Константинополя. Онъ пришелъ; мы разговорились, и я нашелъ въ немъ человѣка опытнаго въ сопровожденіи иностранцевъ по любопытнымъ мѣстамъ города. Отъ большаго навыка, онъ зналъ древнія наименованія многихъ зданій, но не былъ археологъ. Чрезвычайно услужливый, неутомимый, всегда готовый доставить всякое удовольствіе, онъ отличался пріятнымъ характеромъ. Константинополь нынѣшній зналъ онъ наизусть, и въ этомъ никто съ нимъ сравняться не можетъ. Онъ говорилъ чисто по-Турецки. Я замѣтилъ, между прочимъ, что онъ ревностный Римскій Католикъ, отъ того, что, не знаю дѣдъ или прадѣдъ его, удостоился быть причисленъ

Папою въ число святыхъ мучениковъ, и Г. Комидасъ не долюбливалъ моихъ единовѣрцевъ, даже не охотно посѣщалъ ихъ. Я замѣтилъ это потомъ, въ посѣщеніяхъ моихъ къ Патріархамъ и въ Греческія церкви, куда онъ долженъ былъ меня провожать. Впрочемъ, не льзя было имѣть болѣе пріятнаго и услужливаго чичероне. Во все время моего пребыванія въ Константинополѣ, я былъ имъ чрезвычайно доволенъ и остаюсь благодаренъ! Мы положили на другой день рано начать наши прогулки. Я имѣлъ правиломъ, во всякомъ замѣчательномъ городѣ сперва взглянуть на общность его и окрестностей, чтобы потомъ удобнѣе и яснѣе узнавать его части; по этому плану, мы рѣшили прежде всего взойти на Галатскую высокую башню, взглянуть съ нее на панораму Константинополя, и потомъ объѣхать городъ вокругъ, для подробнаго обозрѣнія его любопытныхъ для археолога и прелестныхъ для живописца стѣнъ; за тѣмъ войдти (если можно) въ Семибашенный замокъ, и оттуда уже водою (иначе не льзя) довершить обозрѣніе стѣнъ и тѣмъ окончить первую прогулку.

Я поручилъ Г-ну Комидасу приготовить къ раннему утру верховыхъ лошадей, съ проводни-

ками. На другой день мы отправились въ Галату, и пошли на башню. Она построена Генуэзцами, когда они владѣли здѣшнимъ предмѣстіемъ. Всходя по лѣстницѣ, я очень усталъ, хотя ступеньки довольно удобны и башня раздѣлена на три или четыре этажа, и въ каждомъ изъ нихъ есть просторная комната, гдѣ можно отдохнуть; но нетерпѣніе мое взобраться на самый верхъ было такъ велико, что я почти не останавливался. Оттуда я увидѣлъ весь Константинополь, даже весь полуостровъ, на которомъ онъ построенъ: видны очень ясно Принцевы острова, большая часть Босфорскаго пролива, а подъ ногами предмѣстія Тофана, Галата, Пера и пристань. Ни гдѣ въ свѣтѣ не льзя увидѣть подобнаго зрѣлища! Я согласенъ съ Герцогомъ Рагузскимъ, который говоритъ: «Если и теперь видъ этотъ такъ чудесенъ, то «что-жь онъ былъ когда пространство это покры«вали пышныя зданія, обширные и великолѣпные «дворцы! Теперь ихъ и остатковъ нѣтъ! Не толь«ко дворцы не устояли противу дѣйствія вѣковъ «и рукъ человѣческихъ, но и развалины пали подъ «ихъ соединенными силами. Не многое, что еще «существуетъ, и показываетъ древнее могущество

«и прошедшую пышность, скрыто теперь отъ лу-
«чей солнца: и это должно отыскивать подъ зем-
«лею! Все, что на поверхности, куда ни взгляне-
«те, построено изъ дерева: это необъятное мно-
«жество лачугъ, которыя могутъ истребиться отъ
«одной искры! Эти расписанные и изукрашенные
«домы, только временныя и непрочныя убѣжища.
«И такъ справедливо сказано, что *Турки только*
«*кочуютъ въ Европѣ.*» Мнѣ ничего не остается
прибавить къ этому справедливому описанію.

Я долго наслаждался этой панорамой Константинополя, но мнѣ надобно было еще многое видѣть. Мы сошли съ башни, и я отправился къ пристани. Переѣхавъ въ лодкѣ на ту сторону пристани, мы сѣли на лошадей и, намѣреваясь объѣхать вокругъ стѣнъ всего города, выѣхали въ ворота Эгри-Капи (Косвенныя врата). Здѣсь хочу я описать древнія и нынѣшнія наименованія всѣхъ воротъ, прежде чѣмъ стану говорить о стѣнахъ города.

До взятія Магометомъ II Константинополя, въ немъ было 43 воротъ: изъ нихъ 13 отпирались къ Марморному морю, 12 на пристань, и 18 на твердую землю. Большая часть этихъ воротъ заклаженны и теперь не существуютъ; но которыя остались, тѣ по большей части сохранили наименованія, соотвѣтственныя древнимъ, только на Турецкомъ языкѣ. Начнемъ описаніе оставшихся 7 воротъ, изъ 18 отпиравшихся на твердую землю, съ того мѣста, гдѣ мы теперь находимся, то-есть съ угла отъ пристани.

Первыя назывались въ древности *Ксилопорта*, или Ксилоцирконъ: они прилегали къ Влахернскому кварталу и дворцу; возлѣ нихъ была тогда больница. Они донынѣ сохранили свое названіе.

Вторыя, *Эгри-Капу* (Косвенныя), въ которыя я выѣхалъ, въ древности *Харзіаскія;* они стоятъ на прежнемъ мѣстѣ.

Третьи, Адріанопольскія, *Эдрене-Капуси*, прежде *Поліандріонъ*, такъ названныя отъ того, что тутъ собиралось множество рабочихъ людей изъ Венетовъ и Празіевъ (*), одни передъ другими работавшихъ въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго, при возстановленіи стѣны, обрушенной землетрясеніемъ.

(*) Названіе двухъ сторонъ, спорившихъ между собою на конскихъ ристалищахъ въ циркѣ.

Четвертыя, Святаго *Романа,* нынѣ *Топъ-Капуси* (ворота Пушки). Здѣсь-то славно палъ, съ оружіемъ въ рукахъ, послѣдній Константинъ, защищая свою столицу. На это мѣсто были обращены огромныя пушки Магомета втораго.

Пятыя, *Мевлане-Сени,* встарину Меландизія (*).

Шестыя, *Селиври-Капуси,* въ древности *Квинтусовы.*

Седьмыя, *Капаню-Капуси,* Атталовы врата.

Что-жь касается до Златыхъ воротъ (**), я отыскалъ ихъ не безъ труда: они цѣлы, и находятся въ Семибашенномъ замкѣ, какъ я послѣ скажу.

Прежде нежели окончимъ эти названія всѣхъ воротъ, взглянемъ на древнія стѣны, мимо которыхъ проѣзжаемъ теперь, поперегъ перешейка по твердой землѣ, то-есть между Семибашеннымъ зàмкомъ и *Золотымъ рогомъ,* или пристанью. Эта часть древнихъ укрѣпленій Константинополя построена Императоромъ Ѳеодосіемъ: стѣны въ два ряда и защищены глубокимъ, въ 25 футовъ ши-

(*) Мелетій, Гл. 424.

(**) Пахимеръ, Книг. II. Глав. 27. Дукасъ, Глава 28, Прокопій, Книга I, de Aedificiis.

рины, рвомъ. Башни и стѣны выдержали много землетрясеній, много осадъ, и еще удивительно сохранились. Къ тому-же онѣ представляютъ самую живописную картину древности: ихъ готическая архитектура, и въ разрушенныхъ мѣстахъ плющъ, висящій цѣлыми полотнами по зубцамъ и башнямъ, часто большія и уже съ плодами деревья смоквы, растущія въ разсѣлинахъ стѣнъ, разведенные во рву огороды, все это восхищаетъ любителя живописи и питаетъ размышленія путешественника. Одинъ Римъ можетъ представить подобную картину! По обѣ стороны каждыхъ воротъ возвышается башня. Онѣ не всѣ одинакой архитектуры, но всѣ величавы и живописны. На самомъ углу стѣны, вдоль моря, находится Семибашенный замокъ, по Турецки *Едикуль.* Здѣсь Золотыя ворота: они какъ будто укрыты отъ любопытныхъ двумя огромными башнями, построенными Палеологомъ для усиленія укрѣпленій города съ этой стороны. Рѣдкому изъ путешественниковъ удавалось видѣть этотъ зàмокъ и входить въ него, такъ что многіе изъ нихъ сомнѣвались даже въ его существованіи. Получивъ дозволеніе осмотрѣть *Едикуль,* я, по самымъ-же этимъ двумъ башнямъ,

легко отыскалъ Золотыя ворота. Они находятся между башнями, и аркою своею соединяютъ ихъ. Дуга или арка поддерживается Коринѳскими пиластрами (довольно посредственнаго стиля). Этотъ памятникъ воздвигнутъ Ѳеодосіемъ, по случаю одержанной имъ побѣды надъ бунтовавшимъ Максимомъ, что доказывалось надписью, которую видѣли и списали многіе ученые: она не существуетъ болѣе и со всѣмъ изглажена Турками, хотя Англичанинъ, почти въ одно время со мною бывшій въ Константинополѣ, и увѣряетъ въ противномъ. Но я смотрѣлъ тщательно, даже нашелъ остатки нѣкоторыхъ буквъ: надписи уже нѣтъ. Вотъ она, какъ списали ее видѣвшіе до насъ:

Aurea Sœcla gerit qui Portam construit auro.

Они были названы Золотыми по великолѣпію ихъ украшеній, и потому, что ими всегда, въ торжественныя шествія, въѣзжали Императоры въ Константинополь. Вверху на нихъ стояла статуя Ѳеодосія Великаго; но при Императорѣ Львѣ Изврянинѣ (*) она упала отъ землетрясенія. Ту-же участь имѣла въ царствованіе Михаила, сына Ѳеофилова,

(*) Ѳеофанъ и Зонара.

статуя Побѣды, на нихъ-же бывшая. Лѣтъ двѣсти назадъ можно еще было видѣть Геркулесовы подвиги, казнь Прометея и множество другихъ изображеній, теперь вовсе не существующихъ.

Древніе писатели Константинополя считали четырнадцать тысячъ шаговъ отъ Золотыхъ воротъ до Влахерны, т. е. до другаго конца стѣнъ, которыми я проѣзжалъ отъ пристани. Стоитъ только взглянуть на карту, чтобъ удостовѣриться, какъ до сихъ поръ точно это измѣреніе (*).

Теперь продолжимъ обозрѣніе воротъ со стороны моря. Первыя отъ *Едикуля* называютъ Турки *Гранатными*, *Нарлевъ-Капу*, потому, что приходящія съ гранатами и апельсинами изъ Архипелага лодки, обыкновенно тутъ пристаютъ.

Вторыя за ними, *Песочныя*, *Псаматія-Капуси*, отъ Греческаго слова Псаматосъ, *Arena*, песокъ, потому что они стоятъ на углу, къ которому теченіемъ наноситъ множество песку.

Третьи, *Давудъ-Пашинскія* ворота. Это должны быть древнія врата Св. Емеліана, гдѣ оканчива-

(*) Это составляетъ около девяти верстъ.

лись стѣны Константина, до распространенія ихъ Ѳеодосіемъ.

Четвертыя, *Новыя врата*, *Іени-Капуси*, близъ которыхъ Армянскій кварталъ.

Пятыя называются также какъ вторыя *Песочными*, но по-Турецки *Кумъ-Капуси*; въ древности-же *Кондоскалія*.

Шестыя, Турки называютъ *Тшатлади-Капу* (*).

Седьмыя, Конюшенныя, *Акхуръ-Капуси:* черезъ нихъ провозится все нужное для Султанскихъ конюшенъ. Здѣсь начинается стѣна, окружающая Сераль, которая оканчивается у *Яли-Кіоска* (**). Къ пристани отъ *Едикуля* до Серальскаго угла, вся стѣна обвалена огромными каменьями, набросанными безъ всякаго порядка одинъ на другой, и служащими оплотомъ противъ сильнаго ударенія морскихъ волнъ о стѣны. У Едикуля я долженъ былъ оставить лошадей и плыть въ лодкѣ. Намъ остается осмотрѣть ворота по Пристани, до того мѣста, съ котораго я началъ мою прогулку.

Кантакузинъ назначаетъ *Евгеніевы* ворота на

(*) Разсѣвшіяся.

(**) Кіоскъ, или теремъ пристани.

томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ *Сарай-Бурунъ* (уголъ Сераля). Неизвѣстно какой Евгеній далъ имъ свое имя, тотъ-ли, который возсталъ противъ Ѳеодосія Великаго и былъ имъ побѣжденъ? или тотъ, который въ числѣ двѣнадцати Сенаторовъ, сопровождавшихъ Константина, переѣхалъ съ нимъ изъ Рима въ новую столицу Имперіи? Этихъ воротъ уже нѣтъ. За ними были такъ называемыя *Неорія* (Флотскія ворота). Нынѣшніе Греки сохранили имъ искаженное названіе *Орая*, а Турки зовутъ ихъ *Тшифутъ-Капу* (Жидовскія ворота), потому, что тутъ поселилось много Жидовъ, не далеко отъ нынѣшней таможни. Здѣсь-то прикрѣплялась цѣпь, преграждавшая входъ въ Константинопольскую гавань. Другимъ концемъ достигала она Галаты (*) и поддерживалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ набитыми въ пристани сваями. Землеописатель Мелетій (**) полагалъ, что Неорійскія ворота тѣ самыя, которыя называются нынѣ *Балукъ-Базаръ* (врата рыбнаго рынка) и ведутъ въ *Безестейны* (базары).

(*) Дука, Глав. 38.

(**) Стран. 425.

Четвертыя ворота, *Порта-тонъ Каравіонъ*, или врата Судовъ, а у Турокъ *Джеми-Искела* (ворота Плодовъ) и *Зинданъ-Капуси*.

Пятыя были *Мучныя*, *Farinaria*: они теперь закладены; но Турки сохранили имъ древнее ихъ названіе и зовутъ ихъ *Унъ-капаневъ-Капуси* (закладенныя Мучныя ворота).

Шестыя ворота *Стекольщиковъ*, *Джубали-Капуси*.

Седьмыхъ я не отыскалъ. Вѣроятно они скрыты въ какомъ нибудь частномъ домѣ.

Осьмыя, какъ въ древности, такъ и нынѣ извѣстны подъ именемъ *Ая-Капуси*, Святыя ворота. Здѣсь садились въ лодки переѣзжавшіе на ту сторону пристани богомольцы, къ церкви Святыя Θеодосіи.

Девятыя, называютъ Турки *Петри-Капуси*. Они находились въ той части города, которую Французъ (*) обозначаетъ именемъ Regio Petri, и гдѣ, въ послѣднюю Магометомъ II осаду города, такъ храбро сражался Нотарасъ.

Десятыя мнѣ неизвѣстны.

(*) Книга 3 Глава. 2.

Одиннадцатыя были *Императорскія*, *Василике-Пуле*. Это, вѣроятно, тѣ самыя, которыя Турки называютъ теперь *Балатъ*: искаженное имя Палатіума, или Палатина.

Двѣнадцатыя ворота назывались *Кинегіонъ*, или амфитеатра. Турки именуютъ ихъ *Гайванъ-Гисари-Капу*, т. е. врата замка дикихъ звѣрей.

Стѣны города, по берегу Марморнаго моря и вдоль пристани, были часто поправляемы Турками: это и замѣтно, потому что на каждомъ шагу можно увидѣть въ нихъ закладенные обломки колоннъ, надписей, драгоцѣннаго мрамора, перемѣшанныхъ съ глиною и съ самыми простыми каменьями.

Извѣстно по Исторіи, что Императоръ Юстиніанъ построилъ двѣ церкви, противъ обоихъ концовъ городскихъ стѣнъ, и обѣ во имя Пресвятыя Богородицы, одну противъ Влахерна, а другую противъ Золотыхъ воротъ. Эти два храма, по словамъ *Прокопія*, были поставлены передъ градскими стѣнами, и долженствовали служить имъ защитою, (*) или, лучше сказать, городъ и

(*) Прокопій, de Aedificiis, Кн. 1. Гл. 3.

стѣны его поручены были покровительству Богородицы. Влахернская раззорена до основанія: видны еще остатки фундамента и небольшая, почти совсѣмъ заваленная часовенька, въ которой поставлена икона Влахернской Богоматери. Я нашелъ тамъ стараго священника и отслужилъ молебенъ. Другая церковь, которая была противъ Золотыхъ воротъ, сгорѣла; однакожъ съ позволенія нынѣ царствующаго Султана Махмуда возобновлена совершенно. Онъ, говорятъ, даже выдалъ значительную сумму на отстройку ея. Проѣзжая отъ Адріанопольскихъ воротъ къ Золотымъ, я увидѣлъ, саженяхъ въ полутороста отъ городскихъ стѣнъ, на правой рукѣ, подлѣ Жидовскаго кладбища, небольшую церковь, окруженную кипарисами и тополями. Мнѣ сказали, что эта самая церковь Богородицы въ Балуклахъ при Живоносномъ источникѣ, въ которомъ чудесно сохраняются семь живыхъ рыбъ, отъ временъ осады Турками Константинополя. Я повернулъ туда мою лошадь, и, подъѣхавъ къ оградѣ, сошелъ помолиться Матери Господа нашего.

Нѣсколько священниковъ сидѣли у паперти, подъ кипарисами. Узнавъ обо мнѣ, они, казалось, об-

радовались моему присутствію. Старшій изъ нихъ тотчасъ пошелъ въ церковь, и, надѣвъ епитрахиль, скоро вышелъ назадъ съ крестомъ и святою водою. Допустивъ приложиться ко кресту и окропивъ водою, онъ повелъ меня въ церковь. Я нашелъ ее прилично и благолѣпно украшенною. Она совершенно вновь отдѣлана: иконостасъ изъ сѣраго, настоящаго мрамора; рисунокъ его простъ, но правиленъ и приличенъ; рамы вокругъ образовъ позолочены червоннымъ золотомъ, а также и царскія врата. Я вошелъ въ алтарь: вся утварь церковная богатая; сосуды, дароносица, звѣзды, кресты, серебряныя, вызолоченныя: это даръ Московскаго благочестиваго купечества, и за то сословіе его съ благодарностію внесли въ диптики и за каждой обѣднею поминаютъ. Священникъ разсказалъ мнѣ довольно любопытный анекдотъ. Когда я спросилъ его, отъ чего въ иконостасѣ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, поставленъ образъ Іоанна Крестителя, а не Божіей Матери, какъ это обыкновенно въ Греческихъ церквахъ бываетъ, онъ, улыбнувшись, отвѣчалъ мнѣ, что Султанъ, одинъ разъ проѣзжая мимо ихъ церкви, чрезвычайно перепугалъ ихъ: сошелъ съ лошади и пошелъ

прямо въ церковь. Не зная что подумать о такомъ необыкновенномъ посѣщеніи, бросились отпирать ему двери. Онъ вошелъ, осмотрѣлъ все новое устройство, милостиво одобрилъ, и подходя къ иконостасу указалъ на образъ Спасителя, говоря: *Исса Бенъ-Маріамъ?* (т. е. Іисусъ сынъ Маріи?) Священникъ отвѣчалъ: точно такъ, государь! Потомъ Султанъ указалъ на образъ Богоматери, и сказалъ: Маріамъ? Ему тоже отвѣчали. Тогда онъ приказалъ, чтобы тутъ поставили *Іоанна Крестителя*, а образъ Маріи на другое мѣсто. Отъ чего эта мысль пришла Султану? Какое участіе пробудилось въ немъ? Это осталось для всѣхъ загадкою. Священникъ сказывалъ мнѣ притомъ, что онъ отъ кого-то слышалъ, будто Махмудъ и въ своихъ покояхъ хранитъ икону Предтечи. Но правда-ли это? онъ не знаетъ, да и мнѣ кажется очень сомнительно. Дѣло однакожь въ томъ, что волю его безпрекословно исполнили, и икона Іоанна Крестителя стоитъ тутъ по приказанію Махмудову. Султанъ, прямо царскими вратами, вошелъ потомъ въ алтарь, удивился богатству утвари, и спросилъ, на какое иждивеніе она сдѣлана? Ему отвѣчали, что это приношеніе еди-

новѣрнаго купечества Московскаго. Онъ сказалъ: *Пеки, пеки,* что значитъ: *хорошо, хорошо*, и вышелъ изъ церкви, пожаловавъ священникамъ нѣкоторую сумму денегъ. Они усердно благодарили Бога, что гроза такъ счастливо миновалась, и съ тѣхъ поръ живутъ спокойны.

Приближалось время служить обѣдню, и они для меня еще поускорили начатіемъ ея. Я усердно молился, и благодарилъ Всевышняго за его милосердіе, которымъ онъ сохранилъ меня, и, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, цѣла и здрава привелъ исполнить обѣтъ мой, воздать Ему хвалы на томъ мѣстѣ, откуда просіялъ намъ лучъ истинной вѣры и Святаго Евангелія Его! При большомъ выходѣ, діаконъ провозгласилъ во-первыхъ имя Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Государя Императора Николая Перваго и всей Царской Его благовѣрной фамиліи и проч. Это меня сердечно обрадовало; но, признаюсь, я поопасался за священниковъ, и когда, послѣ службы, сказалъ имъ о томъ, они отвѣчали, что не думаютъ сдѣлать этимъ непріятное Султану, да и хотѣли на этотъ разъ почтить Русскаго богомольца, усерднаго слугу

своего Государя. Евангеліе читалъ діаконъ по-Славянски и довольно хорошо. Послѣ обѣдни я отслужилъ молебенъ Богородицѣ, сошелъ внизъ къ Живоносному источнику, прикладывался къ явленной иконѣ, и смотрѣлъ рыбъ. Послѣ службы, священники угощали меня у себя. Мы пили кофе, курили табакъ, и довольно долго бесѣдовали. Они поднесли мнѣ икону Божіей Матери, что въ Балуклахъ, описаніе чудесъ Живоноснаго источника и рыбъ, и внесли имя мое въ диптики; а я отблагодарилъ ихъ раздачею денегъ, и сдѣлалъ небольшой вкладъ къ образу; потомъ распростился съ ними съ сердечнымъ умиленіемъ, и поскакалъ обратно къ стѣнамъ города.

Окончивъ такимъ образомъ обозрѣніе стѣнъ, башенъ и воротъ Константинополя, кстати напомню здѣсь всѣ выдержанныя имъ осады, съ указаніемъ, сколько разъ онъ былъ взятъ осаждавшими его.

Съ самаго начала своего основанія, называясь еще Византіею, до взятія Магометомъ II въ 1453 году, Константинополь былъ 29 разъ въ осадѣ, и въ томъ числѣ восемь разъ взятъ непріятелемъ.

Подробное хронологическое исчисленіе этого помѣщаю здѣсь въ примѣчаніи (*).

---

(1) Въ 477 году до Рождества Христова, послѣ Платейскаго сраженія, осажденъ Павзаніемъ Лакедемонскимъ, и взятъ.

2. Въ 410, Алкивіадомъ Аѳинскимъ, *взятъ*.

3. Въ 347 до Рождества Христова, Леономъ, военачальникомъ Царя Филиппа Македонскаго.

4. Въ 197 году послѣ Рождества Христова, въ царствованіе Императора Септимія Севера, *взятъ*.

5. Въ 313 по Р. Х., Цезаремъ Максиміемъ.

6. Въ 315, Императоромъ Константиномъ Великимъ, *взятъ*.

7. Въ 616, Царемъ Хосроемъ Персидскимъ.

8. Въ 626, Коганомъ Аварцомъ.

9. Въ 654, Сарацынами, подъ предводительствомъ Моависа, военачальника Халифа Алія, въ царствованіе Констанція III.

10. Въ 667, Язидомъ, сыномъ Моависа, въ тоже царствованіе Констанція III.

11. Въ 672, Софіанъ-Бенъ-Ауфомъ, полководцемъ Халифа Моависа.

12. Въ 715, Муслемою и Омаръ-Авдиль-Асизомъ, сыновьями Халифа Мервана.

13. Въ 739, Сулейманомъ, сыномъ Халифа Абдиль-Мелека.

14. Въ 764, Паганосомъ, Кралемъ Булгарскимъ, въ царствованіе Константина V.

15. Въ 790, Халифомъ Гарунъ-Алрашидомъ, при Императорѣ Львѣ IV.

16. Въ 798, Авдулъ-Мелекомъ, военачальникомъ Халифа Гарунъ-Алрашида.

Возвратясь домой обѣдать довольно поздно, я, къ удовольствію моему нашелъ, что докторъ Пиннеръ насъ дожидался. Мы пріятно бесѣдовали, пили шампанское за здоровье отсутствующихъ, и говорили всякой о своемъ: онъ о Талмудѣ, я о стѣнахъ города, Комидасъ о перотахъ. Не такъ-

---

17. Въ 811, Крумомъ, Деспотомъ Славянскимъ.

18. Въ 820, Ѳомою Славеномъ, въ царствованіе Михаила Косноязычнаго.

19. Въ 866, Славяно-Русскими Князьями Кіева, Аскольдомъ и Диромъ.

20. Въ 914, Симеономъ, Кралемъ Булгарскимъ.

21. Въ 1043, Ѳорникіемъ, мятежникомъ при Императорѣ Михаилѣ Мономахѣ.

22. Въ 1081, Императоромъ Алексіемъ Комненомъ, *взятъ*.

23. Въ 1204, Крестовыми рыцарями, *взятъ*.

24. Въ 1263. Императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, *взятъ*.

25. Въ 1390, Султаномъ Баязидомъ Ильдеримомъ.

26. Въ 1407, тѣмъ-же Султаномъ.

27. Въ 1414, Муссою, сыномъ Султана Баязида.

28. Въ 1422. Султаномъ Мурадомъ II, сыномъ Магомета.

29. Въ 1453, Султаномъ Магомедомъ II, взятъ 29 Маія.

Я не полагаю въ число осадъ набѣга, въ 941 году, Русскихъ Князей Олега и Игоря. Хотя они и подходили подъ стѣны Константинополя, но удовольствовавшись данью, тотчасъ отошли и возвратились съ добычею въ свои земли.

ли часто бываетъ и въ свѣтѣ? Вѣжливо слушаешь разговоръ сосѣда, а занимаешься совсѣмъ другимъ. Въ этомъ я нашелъ ту пользу, что отъ такихъ разговоровъ никогда не случается споровъ, и всѣ остаются довольны.

Отдохнувъ послѣ обѣда, мнѣ вздумалось побывать въ Турецкой банѣ. Мы опять переправились черезъ пристань, и почти на самомъ берегу ея нашли одну изъ лучшихъ бань въ городѣ: построеніе ея вѣрно принадлежитъ къ временамъ Греческой Имперіи. Это истинно великолѣпное зданіе, гдѣ своды и стѣны выложены разноцвѣтнымъ мраморомъ, комнаты обширны и высоки. Я постараюсь описать всю прославленную роскошь восточныхъ бань, потому что гдѣ-же могутъ онѣ быть лучше, какъ не въ Константинополѣ? Меня ввели сперва въ пространную квадратную залу, гдѣ я раздѣлся: здѣсь высушиваютъ бѣльё и тутъ же находится надзиратель съ банщиками, для услуги приходящихъ мыться. Когда я раздѣлся, мнѣ подали полотенце, опоясаться, и деревянныя туфли дойдти до бани; потомъ повели по узкому, теплому корридору. Мы очутились въ обширной, натопленной скрытыми печами комнатѣ, гдѣ готова

вода для бани, а по сторонамъ есть очень спокойные кабинеты. По срединѣ комнаты, противъ купола ея, полъ возвышенъ и покрытъ сукномъ, на которомъ меня положили. Тутъ я началъ сильно потѣть, а между тѣмъ вошелъ банщикъ, почти нагой, кромѣ пояса. Онъ, какъ говорится, сталъ править мнѣ тѣло, по направленію мускуловъ, тщательно вытиралъ поры, такъ что всѣ члены дѣлались гибче, и когда началъ сгибать мнѣ суставы, истинно захрустѣли всѣ кости. Онъ началъ это съ большихъ пальцевъ и щиколотокъ у ногъ, и прошелъ колѣни, пальцы, поясницу и ребры; потомъ онъ сталъ крутить мнѣ шею; поворотилъ меня спиною вверхъ, загнулъ мнѣ руки на спину, упиралъ свое колѣно между моихъ плечъ, словомъ, я думалъ, что онъ изломалъ меня въ кусочки. Окончивъ это ломанье, онъ сталъ тереть мнѣ тѣло фланелевой рукавицей, которая, наподобіе *стригила* (*) древнихъ, стёрла съ меня всю грязь. Послѣ этого повелъ онъ меня въ кабинетъ, гдѣ я нашелъ трубки для благоуханнаго куренія и бассейнъ съ кранами для горячей и холодной воды.

(*) *Стригила*, родъ скребницы.

Здѣсь банщикъ принесъ, въ деревянной шайкѣ, напѣненнаго мыла и губку, вытеръ имъ меня съ головы до ногъ, и окатилъ нѣсколько разъ довольно горячею водой. Наконецъ подали мнѣ мягкія и нагрѣтыя простыни, укутали ими и отвели обратно въ первую комнату, гдѣ приготовили постель, на которой я скоро и уснулъ. Когда я проснулся, послѣ легкаго и пріятнаго сна, мнѣ подали трубку и чашку кофе: этимъ кончилось все дѣйствіе, и никогда не чувствовалъ я себя свѣжѣе и развязнѣе, какъ послѣ этой операціи; а за все это заплатилъ я десять піастровъ, что составитъ на наши деньги съ небольшимъ три рубли.

Такъ заключился первый день моихъ обозрѣній. Возвратясь домой, я просидѣлъ весь вечеръ на моемъ балконѣ, въ *dolce far niente*, курилъ табакъ, наслаждался видами, благорастворенiемъ воздуха, и терялся въ мечтаніяхъ и размышленіяхъ всякаго рода, пока не пришло время лечь спать.

Въ первый разъ вступилъ я во внутренность города чрезъ Балукъ-Базарскія ворота. Надобно сказать, что первый взглядъ на него не привлекателенъ: столица Великаго Константина едва кажет-

ся городомъ; она представляетъ, напротивъ того, нѣсколько разныхъ слободъ, раскиданныхъ по берегу моря и по многимъ холмамъ, выбѣленныя зданія, домы, раскрашенные всѣми цвѣтами, обширные пустыри между ними, гдѣ видны остатки обгорѣлыхъ домовъ, мѣстами деревья посреди самыхъ населенныхъ кварталовъ, повсюду мечети, съ ихъ куполами въ Арабскомъ вкусѣ, и минаресъ тами, возвышающимися къ небу на подобіе воздушныхъ колоннъ; за стѣнами кладбищные кипарисы, окружающіе городъ могильнымъ поясомъ: вотъ что сначала поражаетъ взоръ. Посреди этой картины, Златой рогъ, или пристань, какъ море вливается въ средину города, касается главныхъ его частей и служитъ для сообщенія между ними. Тамъ во всѣхъ направленіяхъ скользятъ тысячи лодокъ и покрываютъ пристань. Далѣе, цѣлый лѣсъ мачтъ, и между ними линейные корабли съ флагами Оттоманской Порты; наконецъ флаги всѣхъ земель. Въ городѣ видите узкія и темныя улицы, разломанныя и грязныя мостовыя, нечистыя лавки, худо обстроенные домы. Словомъ, Константинополь вблизи разочаровываетъ зрителя; на него надобно смотрѣть съ высоты, издалека. Онъ пред-

ставляетъ чудесныя перспективы, и каждая изъ нихъ подобна надеждѣ, удаляющейся отъ насъ въ будущность, по мѣрѣ нашего къ ней приближенія.

Я пошелъ въ безестейны, или по нашему въ ряды. Они точно тоже, что наши Московскіе, и раздѣлены совершенно также, по роду товаровъ, въ каждомъ продающихся. Они крытые, но шире и кажутся гораздо богаче. Я полагаю, что наши ряды точно бѣднѣе съ того времени, когда у насъ завелись богатые магазины и лавки отдѣльно, по разнымъ частямъ города, гдѣ и продаются лучшіе товары. Слѣдственно, богатство нашихъ лавокъ раздѣлилось по всему городу, а у Турокъ все сосредоточено въ безестейнахъ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ ничего купить невозможно. Еще другая разница, что въ Константинополѣ проѣзжаютъ въ нихъ верхомъ, и даже лошади съ вьюками по нимъ проходятъ; потому-то они гораздо шире нашихъ. Особенно замѣчательны здѣсь ряды: съ оружіемъ всякаго рода, башмачный, и тотъ, гдѣ продаютъ шелковыя и парчевыя матеріи. Въ этихъ двухъ можно всегда застать множество Турчанокъ. Онѣ сидятъ, иногда долго, подлѣ знакомой имъ лавки, и часто купецъ подчиваетъ ихъ кофеемъ и сорбе-

тами. Мнѣ случилось, однажды, покупать женскіе башмаки, шитые золотомъ и жемчугами, которые я хотѣлъ привезти домой, какъ гостинецъ съ востока. Въ то время у лавки сидѣли двѣ женщины: одна старая, другая молодая и очень пригожая; за ними стояли двѣ невольницы. Старая замѣтила, что я покупаю башмаки разной величины, и спросила чрезъ Жида, тутъ-же стоявшаго: кому я покупаю башмаки? Я велѣлъ ей сказать, что покупаю ихъ женѣ. «Да онъ христіанинъ,» возразила она, «много женъ имѣть не можетъ, а покупаетъ башмаки разныхъ мѣръ.« Тогда я осмѣлился спросить: много-ли у мужа ея женъ?—Двѣ, сказала она.—А невольницъ?—Семь.—«А у меня, сударыня, одна жена, а невольницъ пять сотъ.» Она тотчасъ встала, плюнула и пошла прочь; молодая засмѣялась (*).

(*) Почти всѣ путешественники по восточнымъ странамъ
описываютъ намъ ужасную неволю Турецкихъ женщинъ, всег-
дашнее ихъ заключеніе, невозможность доступиться до нихъ,
познакомиться съ ними и даже ихъ видѣть. Намъ изображаютъ
страшныя опасности при малѣйшемъ на то покушеніи, и при-
водятъ, обыкновенно слышанные или видѣнные, примѣры стро-
гости и наказанія. Но въ дѣйствите.ности это немногаго сто-
итъ труда въ Константинополѣ; только необходимо умѣть, хоть

Для меня, любопытнѣе всѣхъ рядовъ показались *оружейный* и *книжный!* Въ первомъ изъ нихъ, охотникъ до рѣдкаго оружія найдетъ все, что только вздумать можно въ этомъ родѣ и въ восточномъ вкусѣ. Однакожъ сабельныя хорошія по-

немного, говорить по-Турецки; иначе, знакомство съ женщинами
конечно почти невозможно. Турчанки средняго состоянія всюду
ходятъ свободно, и однѣ. Я самъ встрѣчалъ ихъ на улицахъ,
въ безестейнахъ, особенно въ башмачныхъ и шелковыхъ ря-
дахъ: это ихъ любимое гулянье! Отъ праздности-ли, отъ без-
престаннаго-ли уединенія, или отъ врожденнаго въ женщинахъ
любопытства, но онѣ охотно смотрятъ на Европейцевъ, и мо-
лодой, пригожій мужчина не рѣдко обращаетъ на себя ихъ вни-
маніе. Даже, если въ уединенныхъ прогулкахъ по прекраснымъ
Босфорскимъ долинамъ, встрѣтите вы этихъ гаремныхъ затвор-
ницъ съ черными невольниками, и взглядъ Турка не пугаетъ
ихъ, то часто покрывала ихъ развертываются, и вы увидите
хорошенькое личико, выражающее вамъ рѣшительную готов-
ность отбросить всѣ предразсудки Востока. Самая трудность въ
свиданіяхъ сокращаетъ обыкновенныя околичности и сближаетъ
знакомства. Мнѣ разсказывалъ давно живущій здѣсь, и опыт-
ный въ такихъ дѣлахъ соотечественникъ нашъ, Г-нъ Ф....., ко-
торому можно вѣрить, что часто Турчанка, замѣтившая васъ,
проходя мимо, и даже не взглядывая на васъ, скажетъ въ пол-
голоса: *Есть-ли мѣсто*? (разумѣется для свиданья). Тогда, если
вы, также не глядя на нее, скажете: *Есть*, она пойдетъ за

лосы и здѣсь становятся рѣдки и чрезвычайно до-
роги. Хорошаго *мессиръ*, древней Египетской
полосы, и найти не льзя; стараго дамаску также
трудно. За такую полосу платятъ не рѣдко до
трехъ тысячъ піастровъ. Новый дамаскъ можно

вами куда хотите. Опасны въ этомъ случаѣ шпіоны! Это обыкновенно бѣдные бродяги Турки, которые, не имѣя гроша, ищутъ случая что нибудь сорвать: они доносятъ своимъ единовѣрцамъ, что гьяуръ вошелъ въ такой-то домъ съ мусульманкой. Но и противу этого очень легко взять предосторожности; въ случаѣ-же несчастья, почти вся опасность падетъ на женщину. Пойманную, безъ всякаго суда, завязываютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море! Европеецъ можетъ еще, принадлежа къ какой нибудь націи, спастись защитой Посланника своего Государя. Домы для свиданія бываютъ у торговокъ Гречанокъ, Армянокъ или Жидовокъ. Вы заблаговременно приготовите себѣ такую квартирку, и проходя мимо дома, не примѣтно для всякаго другаго, кромѣ идущей за вами красавицы, укажете на дверь: она тотчасъ войдетъ; вы-же идете, не оглядываясь, мимо, и черезъ нѣсколько минутъ, по другой дорогѣ, входите въ другія двери на свиданіе съ вашей новою знакомкой. Часто онѣ остаются съ вами до другаго утра. Это покажется удивительно только тѣмъ, которые не знаютъ обычаевъ Турецкихъ. Здѣсь мужъ, или отецъ, не имѣютъ никакого средства узнать, гдѣ была ихъ жена или дочь; она, уходя изъ дома, сказала, что идетъ къ родственницѣ и вѣроятно у ней ночуетъ: это у

купить очень дешево, но онъ въ презрѣніи и не-
годенъ. Славились Самаркандскія фабрики, но онѣ
не существуютъ болѣе. Теперь лучшая сталь Пер-
сидская, и потому сабли изъ нея и кинжалы пред-
почитаются всѣмъ другимъ. Я видѣлъ здѣсь бога-
то убранные, каменьями, жемчугомъ и золотомъ,
ружья и пистолеты; но они хороши только для
кабинетовъ любителей, а на войнѣ и на охотѣ ни
куда не годятся.

Книжный рядъ особенно замѣчателенъ для ино-

нихъ въ обыкновеніи и не запрещается, и мужья въ родственныхъ связяхъ женъ не стѣсняютъ. Въ случаѣ-же подозрѣнія, если-бъ мужъ и захотѣлъ узнать, подлинно-ли была жена его въ домѣ такого-то родни, то у кого спросить? Хозяинъ дома (если еще не обидится) на вѣрно будетъ отвѣчать, что не видаетъ женщинъ, входящихъ къ его женѣ. Спросить жену его? Да ее никогда не льзя увидѣть. Впрочемъ, пріятель мой сказывалъ мнѣ, что въ такихъ знакомствахъ, кромѣ нѣкоторой опасности, нѣтъ никакого наслажденія. Бесѣда съ этими женщинами вообще скучна: онѣ почти всѣ необразованы и безъ всякаго воспитанія; говорить съ ними совершенно не о чемъ, а безпрестанно увѣрять въ любви невозможно. Какъ-бы ни была хороша женщина, одна красота ея удержать постоянно мужчину не можетъ. Отъ того, связи эти рѣдко бываютъ продолжительны и благоразумный человѣкъ долженъ избѣгать ихъ.

странца. Здѣсь вы увидите, что въ одной лавкѣ полируютъ пергаментъ и бумагу, во многихъ другихъ сидятъ писцы и, въ глубокомъ молчаніи, внимательно занимаются списываніемъ рукописей. Для фигурныхъ и заглавныхъ буквъ есть особые краснописцы: они выводятъ съ большимъ искуствомъ, золотомъ, лазурью или киноварью, слова или рисунки вкругъ листовъ. Вообще употребляютъ для того родъ перьевъ изъ тростника. Въ книжномъ ряду тишина и молчаніе совершенныя. *Каллиграфія* здѣсь доведена почти до совершенства, и я, видя какого труда и времени это стоитъ, нахожу что рукописи еще и не такъ дороги. Я купилъ одну, на тонкомъ пергаментѣ, съ богатыми золотыми и лазуревыми заглавными буквами, въ сто листовъ или болѣе, и въ шелковомъ футлярѣ, за 75 рублей на наши деньги. Я забылъ еще сказать, что въ этомъ ряду и переплетчики; тутъ-же продаются пергаментъ, чернила, перья, и все необходимое для книжнаго дѣла.

Москотильные ряды (ихъ не одинъ) изобильны товаромъ. Здѣсь всѣ лекарственныя вещества, травы, соли, кажется, собраны со всѣхъ краевъ свѣта. Краски, сѣра, селитра, купоросъ, лежатъ гро-

мадами. Тутъ-же продается сахаръ, кофе. Мѣдный рядъ оглушителенъ: въ немъ не только продаютъ, но и выработываютъ всякую мѣдную посуду, а отъ этого стукъ безпрерывный: тотъ выковываетъ кастрюли, другой плющитъ подносъ. Я былъ радъ вырваться изъ этого маленькаго аду, гдѣ отъ угля ужасно воняетъ чадомъ.

Можетъ быть, я слишкомъ распространился о безестейнѣ, и конечно отъ того, что часто ходилъ туда гулять. Тамъ безпрестанно толпится множество народа всѣхъ націй, въ разныхъ костюмахъ. Только тамъ свободно можно видѣть женщинъ почти всѣхъ возрастовъ и всѣхъ народовъ; а для путешественника такое зрѣлище привлекательно и любопытно. Такъ-же какъ въ нашихъ Московскихъ рядахъ, въ безестейнѣ разнощики, со всякими съѣстными припасами и напитками, расхаживаютъ и кричатъ о своемъ товарѣ: одинъ продаетъ изготовленный пилавъ, другой кусочки кебаба, этотъ плоды; подчиваютъ сорбетами, бузой. Я хотѣлъ все отвѣдывать и, признаюсь, многое мнѣ очень полюбилось, особенно напитки: они похожи на наши воды, брусничную, смородиновую, инбирную, и проч.

Изъ Безестейна ѣздилъ я смотрѣть водохранилища и водопроводы Константинопольскіе, древніе и нынѣ существующіе. Хотя, по словамъ Прокопія, въ Византіи (*) было большое изобиліе воды, однако извѣстно, что лѣтомъ источники часто изсякали. Чтобы избѣгнуть такого неудобства, тягостнаго для народа, устроили, въ разныхъ частяхъ города, обширные и великолѣпные водоемы, подобные тому, который служитъ фундаментомъ церкви Св. Софіи. Многіе изъ нихъ я отыскалъ и видѣлъ: самый главный называютъ водоемомъ Тысячи колоннъ. Не подумайте однакожъ, чтобы въ немъ дѣйствительно было такое число колоннъ: ихъ всего тамъ 336, каждая составная изъ трехъ частей; но помножьте колонны этими частями, и выйдетъ въ самомъ дѣлѣ тысяча слишкомъ. Теперь водоемъ пустъ: въ немъ фабричные работники разматываютъ шелкъ. Въ древности называли его: *Cisterna Basilica* (Царскій водоемъ). Другой водоемъ: *Аспарисъ*, находится близъ мечети *Лаллели*; его поддерживаютъ 80 мраморныхъ столбовъ, 14 дюймовъ въ діаметрѣ. Названіе свое онъ получилъ

(*) De Aedificiis, Гл. II.

отъ *Аспара*, жившаго въ царствованіе Императора Льва, и построившаго его близъ городскихъ стѣнъ. Большой водоемъ — *Cisterna Maxima*. Мокеевъ водоемъ, такъ названный по близости своей къ церкви Св. Мокея; тутъ нынѣ садъ, и Турки зовутъ его: *Тчикуръ Бостанъ* (малый садъ). Онъ близъ мечети *Эсси-мармара*. Я видѣлъ еще водоемъ около мечети *Имроръ-Джами*: въ немъ 24 колонны Коринѳскаго ордена, изъ гранита, въ 20 дюймовъ толщины въ діаметрѣ. Есть много и другихъ; иные цѣлы, другіе разрушены; но какъ я ихъ не видалъ, то и описывать со словъ другихъ не стану.

Еще до раздѣленія Имперіи на Восточную и Западную, Императоръ Адріанъ построилъ водопроводъ (aqueduc) для снабженія Византіи водою, и назвалъ его по своему имени (*). Вѣроятно, это самое зданіе называлось потомъ Валенсовымъ, а послѣ Ѳеодосіевымъ. Прокопій жалуется, что въ царствованіе Юстиніаново его запустили и не чинили, а Зонара говоритъ даже, что Императоръ Юстиніанъ выбралъ весь свинецъ изъ трубъ и

(*) Ватиканская лѣтопись (Chronique Vatic.).

употребилъ на другія зданія (*). Въ царствованіе Гераклея Авары раззорили его; Константинъ Иконоборецъ возобновилъ; наконецъ Султанъ Солиманъ II нашелъ его въ совершенномъ упадкѣ и выстроилъ вновь съ основанія. Не понимаю отъ чего нынѣ называютъ его Юстиніановымъ водопроводомъ? Я осматривалъ его и даже срисовалъ: по мнѣнію моему, онъ принадлежитъ не Юстиніану, да и Солиману II не льзя приписать чести совершеннаго его возстановленія. Даже теперь легко различить въ немъ цѣлыя части древней постройки, а другія новой починки, которыя однѣ и принадлежатъ Солиману. Это зданіе строено такъ-же какъ стѣны Константинопольскія: нѣсколько рядовъ складено изъ камня, а остальныя изъ кирпича. Но оно не имѣетъ ни той смѣлости, ни того величія, какія нашелъ я потомъ въ такихъ-же зданіяхъ около Рима. Двойныя его готическія арки показываютъ безвкусіе архитектора. Удивляешься огромности этой работы, но недостатки ея тяготятъ взоръ. Турки называютъ теперь этотъ

(*) Зонара, листъ 52. Соркатъ кн. 4. глава 8. Никифоръ, книг. II. глав. 4.

водопроводъ: *Боздоганъ-Кемеръ.* Мнѣ кажется, Бургасскій водопроводъ, съ которымъ онъ сходится, построенъ красивѣе и прочнѣе. Во-первыхъ этотъ весь изъ дикаго камня, тщательно притесаннаго, и также въ два ряда арокъ. Столбы, всею толщиною своею, проходятъ насквозь галлерею, такъ что можно проѣхать верхомъ во всю длину его, что составляетъ 120 саженъ. Вода рѣки *Гидролиса,* изъ-за 13 верстъ, протекаетъ по двумъ этимъ водопроводамъ въ самыя возвышенныя части Константинополя, откуда снабжаетъ бани и многочисленные фонтаны города.

Въ этотъ день я былъ приглашенъ обѣдать къ Г-ну Фродингу, и поторопился окончить свою прогулку осмотромъ нѣскольких кофейныхъ домовъ. Ихъ множество въ Константинополѣ, но лучшіе находятся около *Еникапу* (Новыя ворота), что къ Марморному морю: тутъ во всякое время собираются Турки, даже и знатные, тихо сидятъ на диванахъ, курятъ кальянъ, или трубку, пьютъ молча кофе, и иногда между собою бесѣдуютъ—это любимое ихъ собраніе и они проводятъ тамъ почти цѣлый день; потомъ также смирно и тихо расходятся по домамъ. Употребленіе опіума годъ

отъ году уменьшается: теперь очень рѣдко увидишь охотника до этого зелья. Еще можно встрѣтить въ кофейныхъ домахъ, близъ Солимановой мечети, нѣсколько стариковъ, привыкшихъ къ наслажденію опіумомъ. Замѣтно, однакожъ, что съ тѣхъ поръ какъ открыли кабаки и явно продаютъ вино, которое Турки очень охотно пьютъ, мода на опіумъ совсѣмъ прошла.

ГЛАВА VI.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(продолженіе).

Весь слѣдующій день посвятилъ я обозрѣнію Сераля, церкви Святыя Софіи, и Ипподрома. Я вступилъ въ городъ опять черезъ *Балукъ-Капу*, повернулъ на лѣво, и вдоль старинной стѣны, окружающей Сераль со стороны города, дошелъ до первыхъ воротъ, называемыхъ здѣсь различно, чаще же *Баба-Гумаюмъ* (Блистательная Порта). Я три раза былъ въ Сералѣ; не могу однако похвалиться, что видѣлъ въ немъ то, чего-бы другіе до меня не видали и не описали прежде. При входѣ въ названныя мною ворота, я замѣтилъ по обѣ стороны впадины (родъ нишей), гдѣ выставляются

отрубленныя головы государственныхъ преступниковъ, или остатки убитыхъ на войнѣ непріятелей. За тѣмъ идетъ первый дворъ, гдѣ монетная палата (Терапъ-Гане), Диванъ Верховнаго Визиря и древняя церковь святыя Ирины, обращенная нынѣ въ арсеналъ (*). Ворота, ведущія отсюда на второй дворъ, называются *Орта-Капуси*. По бокамъ ихъ двѣ башни: тутъ казнятъ только Визирей. На этомъ же первомъ дворѣ, по лѣвую сторону зала Дивана, и Султановы конюшни.

На второмъ дворѣ, такъ называемыя ворота Спасенія, *Бабъ-шадемъ*, ведутъ въ тронную залу, куда Султанъ допускаетъ на аудіенцію иностранныхъ Пословъ. Библіотека, бани, казна, гаремъ и

(*) Я имѣлъ дозволеніе войти въ этотъ арсеналъ, и хотя краткость времени не дозволила мнѣ подробно разсмотрѣть всего, однако я успѣлъ замѣтить множество любопытныхъ и драгоцѣнныхъ для археологовъ оружій, особенно-же древнихъ осадныхъ машинъ, извѣстныхъ намъ только по описаніямъ. Здѣсь также много древнихъ шлемовъ, Римскихъ, Греческихъ, и въ особенности рыцарскихъ, временъ крестоносцевъ. Къ сожалѣнію, я видѣлъ, что въ размѣщеніи всего этого нѣтъ никакого порядка и вообще все худо содержится и не сохранено даже отъ ржавчины и пыли.

сады занимаютъ остальную часть всего пространства въ стѣнахъ Сераля (*); сады усажены различными деревьями: чинары, пирамидальные тополи, кипарисы доставляютъ довольно тѣни. Между ними множество кіосковъ, или бесѣдокъ, и террасъ, утвержденныхъ стѣнами, которыя выкрашены зеленою краской. Онѣ усѣяны множествомъ цвѣтовъ всякаго рода. Есть много и пустырей въ этомъ Султанскомъ саду; вообще-же все здѣсь не обдѣлано, безъ вкуса; повсюду безпорядокъ и разнохарактерность.

Въ казнѣ, какъ говорятъ, собраны большія сокровища. Это зданіе раздѣлено на четыре палаты: въ первой хранятся луки, стрѣлы, ружья, сабли, однимъ словомъ, всякое оружіе, поднесенное въ подарокъ Султанамъ; во второй богатый его гардеробъ, ковры, подушки шитыя золотомъ и жем-

(*) Здѣсь, посреди кипарисовъ, еще стоитъ древняя колонна. Многіе писатели несправедливо называютъ ее Юстиніановою. Могу сказать утвердительно, что она та самая, которую воздвигъ Θеодосій Великій, въ память покоренія Готθовъ и Царя ихъ Атацарика. Это достаточно подтверждается и надписью на ней, хорошо сохранившеюся:

Fortunæ reduci ob devictos Gothas.

чугомъ; въ третьей, конскіе уборы, сбруи и сѣдла, украшенные разноцвѣтными каменьями и брилліантами, множество серебряной и золотой посуды, часовъ, драгоцѣнныхъ камней всякаго рода; въ четвертой, наконецъ, сундуки, наполненные серебряной и золотой монетой. О гаремѣ я говорить не стану; я его не видалъ, повторять же чужіе разсказы не хочу. Знаю только, что когда одна изъ одалискъ родитъ сына, то это бываетъ для нее большимъ счастіемъ. Она тотчасъ получаетъ наименованіе *Гассеки*, и особенные покои; къ ней назначается дворъ, или прислуга, и она повсюду имѣетъ въ Сералѣ свободный входъ, даже безъ доклада, и когда только пожелаетъ, ходитъ къ самому Султану.

Видъ Сераля прекрасенъ съ моря, или еще лучше съ высоты котораго нибудь изъ Константинопольскихъ холмовъ. Онъ представляетъ тогда громаду окруженныхъ деревьями строеній, расположенныхъ безъ симметріи, безъ всякаго порядка и правильности: тутъ отдѣльные павильоны съ теремами, тамъ большой домъ на деревянныхъ аркахъ. Все это живописно, если хотите; но странность этого великолѣпія и вкуса, перемѣшанныхъ, не-

опредѣленныхъ, такова, что ея почти невозможно описать, если-бъ даже случай и позволилъ здѣсь разсмотрѣть все свободно и подробно.

Мечеть Софійская довольно близко отъ Сераля. Я не стану входить въ подробности объ этомъ знаменитомъ храмѣ, столько разъ, и такъ подробно описанномъ прежде меня, какъ въ видѣ христіанскаго собора, такъ и потомъ, по преобразованіи его въ мечеть. Къ тому-же я не могъ хорошенько разсмотрѣть его, входилъ во внутренность почти украдкою и торопился выйти, чтобъ не застигло меня тамъ время, въ которое собираются на молитву мусульмане. Я не имѣлъ фирмана, хотя мнѣ и обѣщали его. Надобно было-бы дожидаться, а мнѣ оставалось мало времени и я спѣшилъ въ Малую Азію, желая застать Ахмета-Пашу въ Бруссѣ. Впрочемъ, я набросаю здѣсь краткій историческій и архитектурный очеркъ: въ этомъ поможетъ мнѣ Бандурій и другіе Византійскіе писатели, которые не всѣмъ извѣстны; добавлю и то, что самъ успѣлъ разсмотрѣть.

Церковь святыя Софіи началъ строить, не задолго до своей кончины, Константинъ Великій; сынъ его Констанцій довершилъ ее, по плану,

кажется, очень сходному съ тѣмъ, по которому выстроена церковь святаго Апостола Павла, за Римскими стѣнами. Церковь св. Софіи горѣла нѣсколько разъ; между прочимъ въ то время, когда противники Іоанна Златоустаго сожгли въ ней всѣхъ, кто не соглашался на изгнаніе его. Ѳеодосій возобновилъ ее въ большемъ размѣрѣ, а Юстиніанъ построилъ совершенно вновь, 17 лѣтъ употребляя для этого всѣ доходы Египта. Онъ перевезъ изъ Малой Азіи, съ Архипелажскихъ острововъ и даже изъ Галліи лучшіе мраморы; восемь порфирныхъ колоннъ взяты изъ храма Солнца, построеннаго Императоромъ Авреліаномъ, и посвящены святой Софіи одною Римскою дамой. Другія восемь изъ зеленой яшмы, присланы были Императору Ефесскими градоначальниками. Народъ, съ самаго начала построенія этой церкви, имѣлъ къ ней набожную привязанность и привыкъ видѣть въ ней палладіумъ своей столицы: и теперь еще, вся надежда бѣдныхъ Грековъ въ Константинополѣ, всѣ ихъ ожиданія стремятся ко дню, въ который услышатъ въ ней свою литургію.

Откуда ни подходишь къ св. Софіи, видишь широкій и какъ-бы сплюснутый ея куполъ. Во-

кругъ него видно множество другихъ куполовъ, гораздо ниже и меньшаго размѣра. Тяжелые контрфорсы со всѣхъ сторонъ окружаютъ и поддерживаютъ стѣны.

Общій видъ церкви представляетъ Греческій крестъ; длина ея, отъ востока къ западу, 270 фут., ширина отъ сѣвера на полдень 240 фут. (*). Кромѣ трапезы, въ ней находится еще отдѣленіе, въ которомъ стояли оглашаемые во время совершенія таинъ. Въ соборъ вели девять бронзовыхъ воротъ, украшенныхъ барельефами; сорокъ колоннъ изъ разнаго камня, больше или меньше драгоцѣн-

(*) Вотъ сравнительные размѣры трехъ знаменитѣйшихъ теперь въ Европѣ церквей: Петра Апостола въ Римѣ, Павла Апостола въ Лондонѣ, и Св. Софіи въ Константинополѣ. Очень жаль мнѣ, что не могу помѣстить здѣсь размѣра великолѣпнаго храма Исаакія Далматскаго въ С. Петербургѣ, потому что онъ не оконченъ строеніемъ; знаю только, что онъ, какъ величиною, такъ и великолѣпіемъ, далеко превзойдетъ Лондонскую церковь и Св. Софію, и будетъ, по огромности своей вторымъ послѣ церкви Св. Апостола Петра въ Римѣ

Церковь	610	фут.	длины,
Святаго	420	—	ширины,
Петра	133	—	діаметра въ куполѣ,
въ Римѣ	369	—	высоты подъ ключемъ свода.

наго, поддерживали 60 другихъ колоннъ, украшавшихъ хоры, называемые у Грековъ *Гинетиконъ*, потому что на нихъ однѣ женщины присутствовали богослуженію.

Куполъ, съ двумя полукуполами и шестью меньшими куполами, почитается превосходнымъ произведеніемъ архитектуры: онъ утвержденъ на четырехъ огромнѣйшихъ столбахъ, соединенныхъ между собою большими дугами и скрѣпленныхъ еще 8 гранитными колоннами, 4 футовъ въ діаметрѣ. Между 24-мя довольно узкими окошками храма, сдѣланы изъ мозаики арки, которыя съуживаются до самой его вышины; плоскость свода такова, что онъ не имѣетъ болѣе 10 фут. высоты, хотя храмъ отъ помоста до ключа возвышается на 165 футовъ, а въ діаметрѣ купола 105 футовъ.

Павла Апостола въ Лондонѣ	474	фут. длины,
	207	— ширины,
	100	— діаметра въ куполѣ,
	234	— высоты подъ ключемъ свода.
Святыя Софіи	270	фут. длины,
	240	— ширины,
	105	— діаметра въ куполѣ,
	165	— высоты подъ ключемъ свода.

Турки увѣряли меня, что церковь св. Софіи построена изъ ноздреватаго камня и даже изъ пемзы. Это послѣднее увѣреніе доказываетъ только ихъ невѣжество, но первое можетъ быть истина. Въ Мальтѣ всѣ строенія изъ такого камня. Но здѣсь удостовѣриться въ этомъ было мнѣ не льзя, когда я не смѣлъ взлѣзть и отскоблить штукатурку. Турецкая чернь донынѣ увѣрена, что если христіанинъ взойдетъ на верхъ этой мечети, то она неминуемо развалится. Но, предполагая, что для свода дѣйствительно употребили ноздреватый камень, нечего и удивляться, что такой огромный куполъ такъ давно и такъ твердо держится безъ малѣйшаго поврежденія.

Въ то время, когда еще была посвящена церковь св. Софіи христіанскому служенію, для нея одной опредѣлено было до 900 священниковъ и прочаго причта. На содержаніе ихъ Императоръ Юстиніанъ назначилъ болѣе милліона нашихъ рублей годоваго дохода. Тогда здѣсь, какъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ, было по одну сторону мѣсто для Императора, а по другую для Патріарха.

Многіе Европейскіе писатели увѣряли, будто Магометъ II, по взятіи города, въѣхалъ въ соборъ

св. Софіи верхомъ: это совершенная выдумка. Онъ сошелъ съ лошади, вошелъ въ храмъ, и остановился пораженный его величіемъ, богатствомъ и красотою; даже ударилъ одного изъ своихъ воиновъ, который осмѣлился коснуться мраморнаго помоста. Онъ осмотрѣлъ храмъ подробно, съ низу до верху, и потомъ уже велѣлъ начать богослуженіе по своему обряду. (*) Послѣ молитвы поставили Алкоранъ въ магарабъ. (**) Императорское мѣсто оставлено для Султана, а Патріаршее для Муфтія. Нынѣ полъ покрытъ Египетскими цыновками и коврами; я не смѣлъ приподнять ихъ, но меня увѣряли, что подъ ними сохранились еще, на многихъ мраморныхъ плитахъ, Греческія надписи, двуглавые орлы, и кресты, такъ-же какъ подъ штукатуркою сохранилась мозаика.

(*) Ни гдѣ не льзя найдти такого прекраснаго и достовѣрнаго описанія взятія Константинополя, какъ въ Исторіи Оттоманской Имперіи, Г. Гаммера. Онъ заимствовалъ свѣдѣнія не только у современныхъ Византійскихъ писателей, но и у всѣхъ Турецкихъ историковъ. Histoire de l'Empire Ottoman, par J. de Hammer, trad. de l'allemand par J. J. Hellert. Tome II, pag. 429.

(*) Родъ шкафа, сдѣланнаго для этой книги въ стѣнѣ каждой мечети. Магарабъ всегда обращенъ къ сторонѣ *Кеблы*, или города Мекки.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о церкви Святыхъ Апостоловъ, построенной Константиномъ Великимъ и украшенной потомъ Юстиніаномъ (*). Лѣтописцы увѣряютъ, что она ни чемъ не уступала Святой Софіи (**). Изъ описанія Евсевія видно, что расположеніемъ своимъ она сходствовала съ нынѣшними Султанскими мечетями. Передъ нею, такъ-же какъ передъ мечетями, былъ обширный дворъ, окруженный портиками; вокругъ двора были устроены публичныя школы, купальни, жилища для церковно-служителей. Въ ней погребенъ Константинъ Великій. Тѣло его было положено въ золотую раку, и опущено въ прекрасную порфировую гробницу: нынѣ показываютъ обломки ея, выброшенные близъ Сейрекской мечети (***), и оставленные на поруганіе черни.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что церковь св. Апостолъ была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Магоме-

---

(*) Θеофанъ, стр. 21., Прокопій, de Ædificiis, книг. 1. глав. 4.

(**) Евагрій, Кн. 4 Гл. 30. Зонара, листъ 33.

(***) Гробница Константинова имѣла 10 фут. длины, шесть ширины и восемь глубины. Мнѣ не удалось видѣть ея остатковъ.

това мечеть. По моему мнѣнію, напротивъ, ей должно быть тамъ, гдѣ донынѣ видна Константинова гробница, слѣдственно на мѣстѣ нынѣшней Сейрекской мечети, довольно древней. Контрфорсы, поддерживающіе эту мечеть, на покатости четвертаго холма, и планъ Бандурія, утверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи.

Римскій Патрицій Студій, человѣкъ въ свое время строгой набожности, выстроилъ монастырь въ Константинопольскомъ предмѣстіи (*). Въ числѣ иноковъ, прославившихъ эту обитель, особенно замѣчателенъ былъ Ѳеодоръ, прозванный Студитомъ, отъ котораго остались намъ разныя сочиненія не безъ достоинства. Этотъ смѣлый и твердый въ своихъ правилахъ мужъ, находился 7 лѣтъ въ изгнаніи за то, что не соглашался съ ученіемъ иконоборцевъ. Онъ даже осмѣлился публично упрекать Императора Константина, сына Льва IV, за разводъ его съ женой для того только, чтобъ вступить въ бракъ съ другою. Студіева церковь и до нынѣ существуетъ: это мечеть *Имроръ-Джами*, между Семибашеннымъ замкомъ и Псаматійскими

(*) Безъимянный, часть 1. (Anonym. pars prima.)

вратами. Преддверіе ея украшено четырьмя мраморными колоннами, на которыхъ довольно красивый архитравъ. Еще недавно можно было видѣть въ ней два ряда Коринѳскихъ колоннъ; но послѣ послѣдняго пожара осталось ихъ только 14, и то по одну сторону мечети. Онѣ изъ зеленой яшмы (vert d'antique); толщина діаметра ихъ 26 дюймовъ. *Фатиге-Джамисъ* (Мечеть Завоевателя), былъ храмъ Пресвятыя Богородицы, построенный Михаиломъ Дукою. Въ немъ покоились тѣла многихъ Императоровъ и Императрицъ Комненова и Палеологова рода. Между ними, гробница Анны Комненой была въ дорогомъ саркофагѣ, подъ Императорскими орлами. Здѣсь-же находился гробъ послѣдняго Князя дома Палеологовъ. Ѳома, деспотъ Морейскій, сначала убѣжавшій въ Римъ, возвратился потомъ подъ великодушное покровительство Магомета II, и скончался въ Константинополѣ. Но когда этотъ храмъ, въ послѣдствіи времени, обратили въ мечеть, то всѣ царскія гробницы выбросили изъ него. О маломъ числѣ оставшихся въ цѣлости Греческихъ церквей я упомяну въ своемъ мѣстѣ; теперь обращаюсь къ Ипподрому.

Ипподромъ, а по-Турецки *Атмейданъ* (*), былъ начатъ Императоромъ Северомъ и оконченъ Константиномъ. Въ постройкѣ его подражали большому Римскому цирку. Два ряда колоннъ, поставленные одинъ надъ другимъ, на широкомъ подножіи, составляли его окружность. Мраморныя статуи, изображенія звѣрей, служили ему украшеніемъ. Тутъ были статуи Императоровъ и отличныхъ бойцовъ; особенно замѣчательны, бывшіе здѣсь, четыре бронзовые коня, привезенные изъ Рима, тѣ самые, которые были увезены потомъ въ Венецію, а изъ нея Наполеономъ въ Парижъ, откуда они возвратились опять въ Венецію и находятся тамъ донынѣ. Здѣсь совершился тріумфъ побѣдителя Африки и Вандаловъ, Великаго Велисарія, и вскорѣ потомъ, если вѣрить нѣкоторымъ преданіямъ, у подножія тѣхъ-же памятниковъ, столько разъ спасенныхъ рукой его, онъ просилъ милостину. Я не хочу вѣрить, чтобы Юстиніанъ навѣки посрамилъ свое имя такою ужасною и почти безпримѣрною неблагодарностію! Я готовъ согласиться съ тѣми историками, которые утверждаютъ,

(*) Конная площадь.

что Велисарій подпалъ немилости Императора, но ходатайствомъ жены своей Антонины и Императрицы Θеодоры, возвратилъ себѣ прежнюю благосклонность Государя.

Изъ всѣхъ памятниковъ украшавшихъ нѣкогда Ипподромъ, осталось теперь только три: Гранитный обелискъ, полуразрушенная пирамида, нѣкогда обложенная бронзою Константиномъ Багрянороднымъ, и славная бронзовая колонна, составленная изъ трехъ свитыхъ змѣй, на головахъ которыхъ стоялъ золотой треножникъ, посвященный Греками храму Аполлона Дельфійскаго, послѣ разбитія ими Ксеркса. Этотъ памятникъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ, въ числѣ всѣхъ оставшихся намъ отъ древности.

Зосима, Евсевій, Сократъ и Созоменъ (*) особенно именуютъ его между священными сокровищами, увезенными Константиномъ изъ Дельфовъ. Когда Магометъ II вошелъ въ Константинополь, онъ, въ ярости противу всѣхъ памятниковъ христіанскихъ, ударилъ топоромъ по одной изъ змѣиныхъ головъ и отшибъ ее.

(*) Бандурій, Æd. Antiq. Constant. стр. 668. Жиллій, Кн. II. глава 15.

Гранитный обелискъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, былъ перевезенъ изъ Рима; другіе утверждаютъ, что онъ взятъ изъ Египта и поставленъ здѣсь въ царствованіе Θеодосіево. Гіероглифы, покрывающіе четыре его фаса, очень правильнаго рисунка; но памятникъ самъ не пропорціоналенъ; пьедесталъ не соотвѣтствуетъ ни его древности, ни вкусу. На немъ четыре барельефа относятся къ Θеодосіевой исторіи: въ одномъ видѣнъ этотъ Государь, держащій вѣнецъ и окруженный музыкантами и плясунами, будто отдыхающій, среди веселія, отъ трудовъ правленія. Въ двухъ другихъ онъ представленъ принимающимъ дары и вѣнцы отъ народовъ; въ четвертомъ, наконецъ, онъ даетъ наставленія сыновьямъ своимъ, Аркадію и Гонорію. Столпъ Багрянороднаго имѣетъ форму тяжелаго обелиска: онъ составленъ изъ гранитныхъ плитъ, скрѣпленныхъ между собою пиронами; его покрывала золоченая мѣдь, но по взятіи Турками города, они содрали мѣдь и оставили его голымъ посреди Атмейдана, какъ колоссальный скелетъ (*). Теперь онъ грозитъ своимъ паденіемъ мимоидущимъ. На мраморномъ подножіи надпись сравниваетъ его съ Колоссомъ Родосскимъ, хотя между ними не бывало ни малѣйшаго сходства. Развѣ не одинаковъ-ли металлъ (*)?

(*) Вышина его 94 фута.

Во всю длину Ипподрома построена великолѣпная мечеть Ахмета. Надобно сознаться, что Турки никогда и ни чего не воздвигали превосходнѣе этого зданія. Оно одно, своею красотою, могло-бы утѣшать въ гибели тѣхъ изящныхъ зданій древности, которыя разрушены завоевателями, если что нибудь можетъ утѣшать въ этомъ. Для теперешняго Ипподрома осталось только 250 шаговъ въ длину и 150 въ ширину. На немъ и нынѣ бываютъ военныя ристанія и смотры, во время придворныхъ церемоній, или въ торжественные выѣзды Султана; черезъ него бываетъ шествіе, такъ-же какъ бывало это и при Римскихъ Императорахъ. Таково нынѣшнее величіе Ипподрома!

Остается мнѣ упомянуть еще о нѣкоторыхъ древностяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ конечнаго истреб-

(*) Изъ той-же надписи видно, что Константинъ Багрянородный не былъ его основателемъ; онъ только обновилъ его.

ленія. Порфировая колонна, перенесенная изъ Рима, поставлена здѣсь на третьемъ холму, гдѣ былъ прежде форумъ, а нынѣ *Таукъ-Базаръ*. Она была воздвигнута въ честь Константина Великаго. Вышина ея 90 фут. На ней стоялъ Фидіевъ Аполлонъ, окруженный лучами, съ надписью: *Константину, сіяющему подобно солнцу!* Колонна стоитъ еще не обгорѣвшая, окованная желѣзными обручами, чтобъ нѣсколько удержать ее отъ совершеннаго разрушенія. Видно, что она была Дорическаго ордена. Четыреугольный пьедесталъ ея 18 фут. въ вышину. Нѣкоторые путешественники несправедливо говорили, что во внутренности этой колонны есть пустота. Она 38 фут. въ окружности, и вся составная, изъ нѣсколькихъ кусковъ порфира, которыхъ швы скрывала обвивающая ее гирлянда: отъ того-то и полагали, что это *монолитъ*. Каждый камень ея имѣетъ 10 фут. вышины, и прежде было ихъ восемь; но въ царствованіе Алексѣя Комнена громомъ сшибло статую и три верхніе камня. Этотъ Государь велѣлъ исправить разрушенное, накладкою изъ простыхъ плитъ; потомъ крупными словами сдѣлалъ надпись, и передалъ въ ней потомству имя возобновителя, и без-

вкусіе, какъ свое собственное, такъ и вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Отъ Аркадіевой колонны остался одинъ пьедесталъ ея; онъ близъ *Авретъ-Базара* (Женскаго рынка). На углахъ еще примѣтны четыре орла, колесница, запряженная четырьмя конями (quadrige), и еще нѣсколько фигуръ (*). Первый рядъ камней самой колонны еще цѣлъ; по немъ можно видѣть, что она была 12 футовъ въ діаметрѣ.

Есть еще гранитная колонна близъ мечети Ибрагима-Паши. Она 15 футовъ въ вышину. Турки

(*) По описаніямъ, которыя читалъ я въ Византійской библіотекѣ, она была изъ бѣлаго мрамора, 140 фут. въ вышину, и обвита спирально барельефомъ, гдѣ Аркадій изобразилъ побѣды отца своего Ѳеодосія надъ Скиѳами. На ней была поставлена статуя этого Императора, вылитая изъ серебра, въ 7 тысячь фунтовъ вѣсу. Разстроенные финансы при Юстиніанѣ заставили расплавить статую; Императоръ Анастасій, на мѣсто ея, поставилъ свою. Съ высоты ея *Тіерій де Лозъ*, одинъ изъ Крестовыхъ рыцарей, сбросилъ Алексѣя Марзуфла, убійцу Алексѣя Комнена и похитителя его престола. Колонна эта, уже поврежденная пожарами и землетрясеніями, стояла еще до конца 18 вѣка, но грозила ежечасно паденіемъ, и разрушена совершенно по приказанію правительства.

называютъ ее *Кизъ-Ташъ* (Камень Дѣвы) (*). Но дѣйствительно это Маркіанова колонна, что видно изъ надписи, отъ которой еще остается нѣсколько буквъ. Веллеръ видѣлъ ее въ полной цѣлости, и списалъ надпись, которую передаетъ намъ такъ:

Principis hanc statuam Marciani
Cerne torumque
Ter ejus vorit quod Tatianus opus.

Маркіанъ родился во Ѳракіи, отъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей, началъ службу простымъ солдатомъ, и своими достоинствами достигъ высшей степени въ Имперіи. При немъ все взяло другой видъ: Имперія какъ будто возродилась. Онъ принялъ строгія мѣры противъ злоупотребле-

(*) Хотя Г. Базили и говоритъ, что она изъ бѣлаго мрамора, но онъ ошибается. Послѣдній пожаръ, когда горѣли всѣ строенія, стоявшія вокругъ нея такъ тѣсно, и когда сгорѣла даже лачуга у самаго подножія ея, этотъ пожаръ неминуемо обратилъ бы ее въ известь; но она цѣла, и только почернѣла. Теперь присвоилъ ее себѣ какой-то Турокъ: онъ поставилъ шалашъ у самаго пьедестала и завладѣлъ правомъ собират. гроши со всѣхъ любопытныхъ иностранцевъ. Онъ не отходитъ отъ своего шалаша.

ній, возвратилъ ссыльныхъ, уничтожилъ тяжелые налоги, и отказался платить постыдную дань, наложенную Аттилою. Когда этотъ завоеватель сталъ требовать ея, Маркіанъ велѣлъ отвѣчать ему, какъ истинный Римлянинъ: «Золота у насъ много, но «оно хранится для друзей, а для непріятелей у «насъ есть желѣзо!» Этотъ великій человѣкъ готовился идти въ Африку, противъ лжеимператора, возставшаго тамъ, когда смерть постигла его, и лишила Имперію великаго, уважаемаго всѣми Государя.

Возвратившись домой, я нашелъ у себя записочку отъ Серг. Иван. Богданова. Онъ, извѣщая меня, что на другой день, въ Пятницу, Султанъ будетъ присутствовать на молитвѣ въ Рамизъ-Чифликской мечети, предлагалъ заѣхать за мной, чтобъ отправиться туда вмѣстѣ и видѣть Султана. Часу въ десятомъ утра, на другой день, нанявъ шлюпку мы отправились. Со мной были еще Турецкій кавазъ и мой наемный слуга. Приставъ у самой мечети, мы узнали, что Государь прислалъ адъютанта своего сказать, чтобъ его не ждали, и что онъ не будетъ. Такая неудача привела насъ въ недоумѣніе. Куда-же ѣхать? Утро было пре-

красное; возвратиться домой—далеко, цѣлый день пропадетъ. Пока мы разсуждали объ этомъ, какой-то военный Турокъ, очень видный собою и бѣлокурый, подошелъ ко мнѣ и спросилъ очень чистымъ и правильнымъ Нѣмецкимъ языкомъ, не Султана-ли я хотѣлъ видѣть? Точно такъ, отвѣчалъ я ему, но къ сожалѣнію слышу, что Его Величество сюда не будетъ. — Такъ поѣзжайте въ *Кіатъ-Гане.*—Мнѣ сказали, что въ этотъ дворецъ никого не допускаютъ. — Велите сказать о себѣ *Акимъ-Пашѣ* (*): онъ о васъ доложитъ Султану и вы вѣрно будете допущены.

Мнѣ показалось это довольно странно: съ какой стати пойду я къ Акимъ-Пашѣ, который обо мнѣ, вѣроятно, никогда и не слыхивалъ? Да и зачѣмъ пойдетъ онъ съ докладомъ объ иностранцѣ къ Государю? Если я имѣю на то какое нибудь право, то почему не адресуюсь къ своему Посланнику? Вѣроятно, отказъ мнѣ дастъ случай другимъ иностранцамъ, очень справедливо, посмѣяться надо мною, и все это будетъ весьма непріятно Аполлинарію Петровичу Бутеневу. Онъ такъ

(*) Лейбъ-Медику.

благосклонно меня принялъ, а я ни о чемъ не увѣдомилъ его и не спросилъ. Сергѣй Ивановичъ, съ которымъ я сталъ совѣтоваться, былъ совершенно моего мнѣнія, и сказалъ мнѣ, что этотъ ренегатъ (*) вретъ. Съ какой стати Акиму-Пашѣ докладывать? Это не его дѣло, и онъ никогда не осмѣлится съ этимъ идти къ Султану. И такъ совѣтъ Турецкаго Нѣмца оставили мы безъ вниманія, и рѣшились ѣхать прогуливаться по рѣчкѣ *Кіатъ-Гане.* Берега ея живописны. Тутъ былъ кавалерійскій лагерь, и прекрасный павильонъ, гдѣ еще не давно Султанъ давалъ праздникъ; не задолго была и великолѣпная иллюминація. Мы, безъ всякой опредѣленной цѣли, поплыли вверхъ по рѣчкѣ, любовались окрестностями ея и пріятно бесѣдовали. Вдругъ начался споръ между нашимъ кавазомъ и стоявшимъ на берегу часовымъ. Г. Богдановъ, вслушавшись въ ихъ споръ, сказалъ мнѣ, что часовой кричитъ, чтобъ лодка не плыла далѣе, и что не велѣно пускать такъ близко ко дворцу. Кавазъ нашъ, упрямясь плыть далѣе, былъ не-

(*) Мы оба заключили это по чистому Нѣмецкому выговору Турка и совершенному его незнанію этикета Турецкаго Двора.

правъ, а часовой исполнялъ свою должность: надобно было повиноваться. Я тотчасъ велѣлъ пристать къ берегу, и ни мало не зная, что мы были такъ близко ко дворцу, спросилъ любезнаго спутника своего, гдѣ-же дворецъ? Онъ указалъ мнѣ, шагахъ въ 50, огромныя ворота: у нихъ толпилась куча людей. Мы пошли туда. Подходя ближе, онъ узналъ въ этой толпѣ многихъ знатныхъ чиновниковъ. Не предвидя никакого неудобства мы подошли къ нимъ. У воротъ стояли часовые; около нихъ нѣсколько офицеровъ и Полковникъ. Какъ скоро Полковникъ замѣтилъ насъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, чего я хочу? Я попросилъ Г. Богданова перевести ему, что мы ѣздили въ Рамизъ-Чифликъ, надѣясь видѣть Султана, но узнавши тамъ, что Е. В. туда не будетъ, поѣхали кататься по направленію Кіатъ-Гане, ко дворцу, думая, не счастливѣе-ли будемъ здѣсь? Онъ спросилъ: кто я? Я отвѣчалъ, что я Русскій путешественникъ, генеральскаго чина, и очень желаю удостоиться видѣть ихъ Государя. Полковникъ сказалъ мнѣ, что въ этомъ дворцѣ Султанъ никого не принимаетъ, а въ доказательство—прибавилъ онъ— вы видите здѣсь Пашей и

другихъ чиновниковъ нашихъ, которые даже и воротъ не проходятъ. «Однако я о васъ доложу дежурному Генералу.» Дѣйствительно, скоро пришелъ дежурный Паша, сдѣлалъ мнѣ тѣже вопросы, и когда я повторилъ ему свои отвѣты, онъ еще спросилъ меня: въ какихъ войскахъ я служилъ? Я сказалъ ему, что когда былъ въ военной службѣ, то служилъ въ кавалеріи. «Хотя здѣсь Султанъ никого не принимаетъ, однакожъ объ васъ, Московъ-Паша, я доложу Генералъ-Адъютанту *Ахметъ-Пашѣ.*»

Ахметъ-Паша самъ вышелъ ко мнѣ. Я сказалъ тогда Его Пр-ву, что главнымъ предметомъ моего путешествія черезъ Константинополь было видѣть великаго Государя, преобразователя своего народа, слѣдующаго примѣру нашего Великаго Петра. Ахметъ весьма благосклонно сказалъ мнѣ, что онъ доложитъ это Султану, и увѣдомитъ меня о его волѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ выбѣжалъ мой Полковникъ и сказалъ мнѣ, что Султанъ приказалъ ввести меня одного, а прочихъ оставить за воротами. — Я не знаю восточныхъ языковъ— замѣтилъ я — и безъ товарища моего, Г-на Богданова, буду совершенно глухъ и нѣмъ.—

«Пусть онъ войдетъ съ вами.» — сказалъ Полковникъ, и насъ провели черезъ ворота. Мы вошли въ небольшой дворикъ: по правую сторону его крылечко, въ три ступени, ведущее въ придворную мечеть; прямо противъ насъ были двуэтажные покои Султанскихъ сыновей. Меньшой изъ нихъ, прекрасное дитя, на рукахъ толстаго евнуха арапа, глядѣлъ въ окошко, подъ которымъ стоялъ фронтъ пѣхоты съ музыкантами. Вблизи меня были поставлены въ два ряда какіе-то старики, въ коричневыхъ кафтанахъ, съ медалями на груди: я узналъ потомъ, что это были Камергеры. Между ними и фронтомъ былъ проходъ съ другаго двора, изъ внутреннихъ покоевъ. Меня поставили подлѣ стариковъ, и Г-на Богданова со мною, немножко позади. Вдругъ загремѣла музыка, солдаты взяли ружья подъ прикладъ, и изъ внутреннихъ воротъ показались два чиновника, несущіе огромныя серебряныя и позолоченныя курильницы, въ видѣ вазъ, изъ которыхъ исходило благовоніе алоэ. Вслѣдъ за ними шелъ Султанъ, поддерживаемый по правую руку Галиль-Пашею, а по лѣвую Сераскиромъ Хозревомъ. Солдаты сдѣлали на караулъ, и Султанъ тихими шагами прошелъ,

очень близко подлѣ меня, въ мечеть. Когда Е. В. поравнялся со мною, я низко поклонился ему; онъ удостоилъ меня благосклоннымъ взоромъ. Такимъ образомъ желаніе мое видѣть Султана исполнилось. Полагая, что мнѣ тутъ оставаться болѣе не для чего, я располагался было уйти, тѣмъ больше, что лучи солнца немилосердо палили меня, посреди маленькаго этого двора, на пескѣ и безъ малѣйшей покрыши; но товарищъ мой весьма благоразумно замѣтилъ мнѣ, что какъ допускъ мой передъ лицо Султана долженъ быть принятъ за особенную милость, тѣмъ больше, что никто, кромѣ меня, не получилъ дозволенія войти во дворъ, такъ онъ и совѣтуетъ мнѣ дождаться возвращенія Султана изъ мечети, чтобы въ другой разъ поклониться Его Величеству, и тѣмъ изъявить благодарность за оказанное мнѣ милостивое вниманіе. Я послушался совѣта Сергѣя Ивановича Богданова, и не раскаялся, потому что вскорѣ послѣ этого вышелъ изъ мечети тотъ-же Полковникъ, и сказалъ мнѣ, что Султанъ, опасаясь, чтобы я, ожидая его на дворѣ подъ солнцемъ, не потерпѣлъ отъ сильнаго жару, поручилъ двумъ Пашамъ пригласить меня въ покои, до возвращенія

его изъ мечети. Въ самомъ дѣлѣ, ко мнѣ вышли два молодые Генералъ-Маіора, одинъ служащій въ пѣхотѣ, а другой въ кавалеріи, и повели въ комнаты, надъ которыми, какъ я выше сказалъ, живутъ молодые Принцы, сыновья Махмуда. Когда мы вошли въ комнату, гдѣ вокругъ стѣнъ были диваны, меня пригласили сѣсть, а Паши сѣли по обѣ стороны меня: служители подали намъ всѣмъ по трубкѣ и скоро потомъ кофе. Бесѣда наша началась съ ихъ стороны привѣтствіями. Они сказали мнѣ, что я первый иностранецъ, допущенный во дворецъ *Кіатъ-Ганг,* въ которомъ Е. В., отдыхая отъ дѣлъ, рѣдко допущаетъ къ себѣ и вельможъ своихъ. Я отвѣчалъ, что чувствую эту милость Султана, и принимаю ее во всей цѣнѣ. Потомъ они начали общій и неминуемый разговоръ того времени о Чорчиллѣ (Churchill), стали разсказывать эту исторію, и спрашивали, слышалъ-ли я о ней?—Слышалъ (отвѣчалъ я коротко). *Англичанинъ виноватъ.* — Сказавъ это я примѣтилъ, что слова мои какъ будто отразились радостью на лицахъ ихъ. «*Не правда-ли, Московъ-Паша?* Но «Султанъ нашъ такъ добръ, что это его очень «огорчило! Человѣку, ужъ не молодому, пріѣхав-

«шему на чужую сторону по дѣламъ торговли, «не надобно было шататься по полямъ и стрѣлять «перепелокъ; да и тутъ, вмѣсто птицы, онъ под-«стрѣлилъ ребенка. Мудрено-ли, что отецъ и мать «дитяти порядочно поколотили его? Жаль только, «что не отослали его потомъ къ Англійскому «Послу.» Этотъ разговоръ расплодился, и когда мы совершенно истощили его, то одинъ изъ Пашей отправился въ мечеть, вѣроятно донести о моихъ словахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, неминуемый Полковникъ взошелъ къ намъ и объявилъ мнѣ, что Султанъ скоро выйдетъ изъ мечети, и что онъ, желая лучше видѣть меня, приказалъ Камергерамъ удалиться, а мнѣ стать на ихъ мѣстѣ одному. Я тотчасъ пошелъ съ Г. Богдановымъ, и мы заняли назначенный намъ постъ. Вышедъ изъ мечети, Махмудъ пріостановился на крыльцѣ; окинулъ насъ взглядомъ, какъ-бы желая удостовѣриться, что приказаніе его исполнено, и прежнимъ порядкомъ пошелъ, прямо ко мнѣ. Подойдя очень близко, онъ остановился и что-то сказалъ Галиль-Пашѣ. Этотъ оборотился ко мнѣ, и положа руку на грудь отдалъ мнѣ поклонъ. Хотя не слѣдовало-бы мнѣ, въ присутствіи Государя, кланяться

другому лицу, но я разсудилъ, что поклонъ Галиля могъ быть слѣдствіемъ того, что сказалъ ему Султанъ (чего однако отъ музыки и барабановъ Г-нъ Богдановъ не разслушалъ), и потому я рѣшился отплатить Галиль-Пашѣ его поклонъ. Послѣ этого Государь продолжалъ свое шествіе во внутренніе покои, а мы отправились къ своей лодкѣ.

Теперь кстати, мнѣ кажется, описать особу Султана, и костюмъ, въ которомъ я его видѣлъ.

Махмудъ роста средняго, плечистъ и довольно строенъ; лицо у него смуглое, но выразительное; глаза его проницательные, но во взглядѣ есть что-то строгое и даже грозное; брови черныя, почти колесомъ, носъ орлиный, но пропорціональный; ротъ маленькій. На поклоны онъ отвѣчаетъ, когда хочетъ изъявить благосклонность, ласковымъ взглядомъ и даже улыбкой, но головой никогда не кивнетъ. Его высокій фесъ, съ огромною шелковой кистью, надвинутъ до бровей, что придаетъ лицу его нѣкоторую мрачность. Бороду носитъ онъ довольно коротко остриженную; она совершенно черна; легко можетъ статься, что онъ ее и краситъ. Говорятъ, онъ весьма здороваго сложенія, никогда не лечится, и Акимъ-Паша (Лейбъ-Ме-

дикъ) у него мебель совсѣмъ не нужная, а только роскошь или прихоть этикета.

Мнѣ сказывали, что Султанъ еще красивѣе на лошади, ѣздитъ теперь на Европейскомъ сѣдлѣ, и смѣло, свободно скачетъ передъ фронтомъ, на горячемъ Арабскомъ жеребцѣ; но я этого не видалъ. Махмудъ одѣвается съ большимъ вкусомъ, и на немъ новый костюмъ Турецкій можетъ понравиться. Одинъ Галиль-Паша, и то съ тѣхъ поръ какъ побывалъ въ Петербургѣ, можетъ равняться съ нимъ въ щегольствѣ. Въ тотъ день, когда я видѣлъ Султана, на немъ былъ кафтанъ (родъ казакина) суконный синій; Французскіе сапоги (bottes à l'écuyère), стройно сшитые, съ золотыми шпорами, на правильныхъ и пропорціональныхъ ногахъ, обували его очень красиво. Шпоры онъ всегда выписываетъ изъ Франціи. Сверхъ казакина былъ накинутъ недлинный плащъ, застегнутый на груди брилліантовымъ фермуаромъ; на рукахъ были перчатки. Все это вмѣстѣ составляло костюмъ довольно красивый для глазъ; но трудно сказать, удержится-ли это новое введеніе узкаго платья? Народъ вообще не любитъ его, Улемы и старики

имъ гнушаются, но повинуются боясь теперь Махмуда.

Упоминая безпрестанно о дворцѣ Кіатъ-Гане, и о рѣчкѣ того-же имени, по которой я до него доплылъ, я долженъ здѣсь объяснить гдѣ именно онъ находится и почему такъ называется.

Древніе называли Византійскую пристань *Хрисокерасъ* (Золотой рогъ). Это названіе выводятъ писатели разнымъ образомъ. Я не имѣю нужды разыскивать, да и трудно было-бы достовѣрно сказать, откуда оно происходитъ; знаю только, что три мыса представляются при входѣ въ пристань: Серальскій (1), Егри-Капуйскій, въ Галатѣ (2), и Скутарійскій, на Азіятской сторонѣ (3). Я думаю, ни въ одной пристани въ свѣтѣ нельзя найти такого множества разныхъ рыбъ. Здѣсь ихъ сборище изъ двухъ морей, изъ Понта Эвксинскаго, или Чернаго моря, и изъ Средиземнаго. Древніе Византійцы, потомъ Греки, а нынѣ Турки пользуются этимъ изобиліемъ, и названіе Зо-

(1) Акрополисъ.

(2) Метопосъ.

(3) Дамалисъ.

лотаго рога, можетъ статься, происходитъ отъ этого. Двѣ рѣчки впадаютъ въ пристань: древнее имя одной изъ нихъ было *Барвисесъ*; оно теперь совсѣмъ неизвѣстно: ее-то называютъ Турки *Кіатъ-Гане*, а Греки *Картарикосъ*, что на обоихъ языкахъ означаетъ бумажные заводы, которые дѣйствительно тутъ были. Въ эту рѣчку впадаетъ другая, маленькая, называвшаяся у древнихъ *Гидролисъ*, нынѣ *Камаръ*, или *Кимаръ*: изъ нее-то Императоръ Андроникъ, посредствомъ водопроводовъ, привелъ воду въ самый Константинополь. Есть еще рѣчка Кидарисъ, которую называютъ теперь *Махлена.* Ея теченіе больше *Кіатъ-Гане*, но она уже. Почти при самомъ сліяніи этихъ рѣчекъ находится Султанскій дворецъ, въ которомъ я видѣлъ Махмуда. Эти зданія называются дворцемъ Прѣсныхъ водъ (des eaux douces), потому что они стоятъ не на самой пристани, гдѣ вода соленая, а при рѣчкахъ, гдѣ прѣсная вода.

Изъ Кіатъ-Гане я еще успѣлъ проѣхать по Константинополю посмотрѣть звѣрей, которыхъ содержатъ въ *Асланъ-Гане:* это была прежде церковь Іоанна Богослова, построенная при Царѣ Иракліи. Турки обратили ее въ звѣринецъ. Я на-

шелъ тутъ нѣсколько львовъ, барсовъ, множество волковъ и лисицъ; но все это содержится въ большой нечистотѣ; перегородки деревянныя, гнилыя, и въ звѣринцѣ такъ темно, что сторожъ, показывающій звѣрей, держитъ въ рукахъ факелъ, хотя кучи соломы и всякаго сору лежатъ вокругъ, и могутъ мгновенно вспыхнуть. Но, видно, уже судьбою опредѣлено, чтобъ у Турокъ все было въ безпорядкѣ.

На другой день, я отправился въ Буюкдере, обѣдать у нашего Посланника, и разсказать ему все бывшее со мною у Султана. Посланникъ въ тотъ-же день былъ у Рейсъ-Эфендія, и узналъ отъ него, что какой-то Рускій былъ допущенъ во дворецъ. Онъ сказалъ мнѣ при этомъ, что Рейсъ-Эфенди отставленъ. У Апполлинарія Петровича я провелъ время, по обыкновенію, очень пріятно, и возвратился въ Константинополь ужъ довольно поздно.

Въ Воскресенье поѣхалъ я къ обѣднѣ въ Патріаршій соборъ. Это не очень большая церковь, во имя Св. Георгія (Айосъ-Гіоргіосъ). Въ ней ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго. Въ иконостасѣ показываютъ два образа Пресвятыя Богороди-

цы, изъ мозаики; тутъ-же есть кресла Іоанна Златоустаго, обдѣланныя перламутромъ, да столбъ, къ которому Жиды привязали Іисуса Христа, во время его страданій. Когда я вошелъ, обѣдня уже началась. Читали евангеліе. Патріархъ сидѣлъ на тронѣ у праваго клироса. Пѣли въ носъ и довольно дурно. По окончаніи литургіи, Патріархъ подозвалъ меня и далъ мнѣ просфору, а когда Архіерей вышелъ со крестомъ, онъ взялъ его, и давъ мнѣ приложиться возвратилъ Архіерею; потомъ благословилъ меня и пригласилъ въ свои палаты. Тамъ я нашелъ Патріарха уже сидящаго на диванѣ. Онъ былъ окруженъ духовными особами, изъ которыхъ человѣкъ шесть Архіереевъ сидѣли съ нимъ на диванѣ; два Протодіакона стояли у дверей, и отправляли, казалось мнѣ, должность церемоніймейстеровъ: они встрѣчали и провожали входящихъ къ Патріарху. Когда я вошелъ, Патріархъ всталъ. Я подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ его руку; онъ привѣтствовалъ меня очень вѣжливо, и спросилъ: давно-ли я въ Константинополѣ. Узнавъ, что я былъ у Султана, онъ сказалъ мнѣ, что я счастливѣе многихъ, потому что во дворецъ, гдѣ теперь нахо-

дится Е. В., никого не пускаютъ. Патріархъ имѣетъ осанку важную. Онъ молчаливъ и чрезвычайно остороженъ въ разговорахъ, особенно съ Рускими и при постороннихъ людяхъ. Этому не должно дивиться: онъ всегда окруженъ шпіонами, и, къ несчастію, не можетъ ввѣриться даже и своимъ, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, тайно ищутъ его мѣста, а другіе хотятъ выслужиться у Двора какимъ нибудь доносомъ. Его положеніе совершенно политическое и стѣсненное. Намъ подали трубки, потомъ кофе, по Турецкому обычаю. Бесѣда была довольно суха, и я, пробывъ у Патріарха съ полчаса, откланялся. При прощаніи онъ благословилъ меня крестомъ, содержащимъ въ себѣ частицу древа креста Спасителя. Отъ него пошелъ я къ Іерусалимскому Патріарху. Я забылъ сказать еще, что, при прощаніи, Константинопольскій Патріархъ просилъ меня отвезти поклоны его нашимъ Митрополитамъ, С. Петербургскому, Московскому и Кіевскому, и сказать имъ, что онъ въ молитвахъ своихъ всегда о нихъ поминаетъ.

Іерусалимское подворье не давно сгорѣло. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ комнатъ въ высокомъ теремѣ,

на горѣ, и небольшая церковь, составляютъ теперь все строеніе этого монастыря. Я нашелъ Патріарха сидящаго посреди комнаты, на коврѣ. Онъ былъ обложенъ подушками, на которыя облокачивался. Комната его была наполнена розами и жасминами. Осьмидесяти-лѣтній старецъ, съ довольно длинною сѣдою бородою, Патріархъ казался еще довольно свѣжъ. Извиняясь, что не встаетъ, онъ сказывалъ, что только пришелъ отъ обѣдни, долженъ былъ взойдти почти на сто ступеней до своего терема, и отъ того чрезвычайно усталъ. Благословивъ меня, онъ просилъ сѣсть возлѣ него, и потомъ ласково и словоохотно бесѣдовалъ со мною. Я рѣдко видывалъ такого радушнаго и пріятнаго старика. Онъ съ любопытствомъ распрашивалъ меня о Россіи, о духовенствѣ нашемъ; спросилъ еще, знаю-ли я въ Москвѣ Архіепископа ихъ, собирающаго подаянія на храмъ Спасителя въ Іерусалимѣ? Удовлетворивъ его любопытство, я коснулся слышаннаго мной, будто у него много сохранилось древнихъ и никому еще неизвѣстныхъ манускриптовъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что точно есть, но при послѣднемъ пожарѣ, торопясь скорѣе спасти книги, ихъ побросали всѣ,

безъ всякаго порядка, въ большіе сундуки, гдѣ онѣ и лежатъ неразобранныя.—«Да и мѣста нѣтъ!» прибавилъ онъ. «Куда ихъ помѣстить?»—Отъ чего-же, «спросилъ я еще,» столько знаменитыхъ путешественниковъ, почти всѣхъ націй, послѣ тщательнаго разысканія увѣряютъ, будто въ Константинополѣ, въ Аѳонскихъ монастыряхъ, и на Синайской горѣ, манускриптовъ уже никакихъ нѣтъ? — «На Синайской горѣ точно ихъ нѣтъ,» сказалъ Патріархъ, «но въ Аѳонскихъ монастыряхъ можно еще найти нѣсколько древнихъ евангелій, псалтирей и служебниковъ; манускриптовъ языческихъ, какъ-то Греческихъ поэтовъ, историковъ, конечно не найдешь. Въ Константинополѣ было ихъ множество въ Патріаршей библіотекѣ, но при частыхъ пожарахъ—особенно во время послѣдняго — всѣ истреблены, и то очень недавно. Что-жь касается до меня, «прибавилъ Патріархъ,» я почитаю себя счастливымъ, что успѣлъ еще сохранить нѣсколько и этихъ.» Онъ очень сожалѣлъ, что не могъ ничего показать мнѣ, потому что всѣ его книги безъ всякаго порядка были навалены въ сундукахъ, такъ что въ цѣлый мѣсяцъ не дойщешься, можетъ быть, до чего ни-

будь, заслуживающаго вниманіе.—«Да почему-же, Святѣйшій Патріархъ, всѣ путешественники такъ утвердительно говорили, что манускриптовъ нѣтъ?» — Потому, что мы не хотимъ сообщать ихъ Католикамъ, а чтобъ отвязаться отъ нихъ, говоримъ всегда, что у насъ манускриптовъ никакихъ нѣтъ. Вамъ, какъ Рускому, какъ единовѣрному, мы-бы охотно ихъ сообщили, если-бъ вы дали слово никому объ этомъ не сказывать; но теперь, по несчастію, и этого исполнить я не въ состояніи.» Еще долго мы разговаривали о Іерусалимѣ, и положеніи христіанскихъ церквей, съ тѣхъ поръ какъ Сирія подъ властью Магомета-Али. Патріархъ сказалъ мнѣ, что хотя особеннаго покровительства и нѣтъ, однакожь теперь прекращено нахальство нижнихъ чиновниковъ, которые прежде грабили и притѣсняли монастыри и приходящихъ богомольцевъ; что, по крайней мѣрѣ, Христіане живутъ довольно спокойно, и что Ибрагимъ-Паша, когда жалобы доходятъ до него, справедливо и безпристрастно судитъ всякаго. — Я распрощался съ почтеннымъ старцемъ. Онъ обнялъ меня, и подарилъ мнѣ Бострскаго (*) табаку, очень рѣдкаго,

(*) Бостра, столичный городъ Каменистой Аравіи.

и Іерусалимскаго мыла. Гораздо драгоцѣннѣе былъ мнѣ другой даръ его: четки, лежавшія во всю страстную недѣлю на гробѣ Господнемъ. Въ заключеніе, Патріархъ благословилъ меня. Я былъ очень тронутъ ласкою его и радушнымъ пріемомъ. Сохраняю къ нему истинное почтеніе и сыновнюю любовь.

Послѣ этого посѣщенія къ Патріархамъ, я еще осмотрѣлъ нѣсколько Греческихъ церквей, и, между прочимъ, одну близъ Жемчужнаго терема, *Инджули-Кіоскъ*. Въ самыхъ стѣнахъ Сераля есть ключъ святой воды во имя Спасителя, *Аязма-Ту Сотиросъ*, къ которому Греки имѣютъ большую вѣру. Извѣстно, что Цимисхій, послѣ побѣды надъ Святославомъ, по обѣщанію построилъ въ сѣняхъ дворца своего, называвшагося *Халка*, храмъ Спасителя. Тамъ находился этотъ ключъ, и по немъ теперь легко опредѣлить мѣсто дворца Греческихъ Императоровъ.

Входъ въ небольшую храминку, гдѣ теперь ключъ, съ наружной стѣны, въ узенькомъ проулкѣ: тутъ живетъ Турокъ, который, за небольшую плату, дастъ святую воду приходящимъ за нею Грекамъ. Я засталъ его спящимъ; но онъ тотчасъ

всталъ, подалъ мнѣ воды, указалъ на preветхій образъ Николая Чудотворца (не знаю почему тутъ находящійся), взялъ съ меня піастръ, и, прехладнокровно, тотчасъ легъ опять спать.

Близъ мечети Ибрагима-Паши есть часовенька, посвященная Василію Великому. Она сооружена на развалинахъ славнаго монастыря, гдѣ похоронили Патріарха Іосифа, въ царствованіе Андроника Стараго (*). Церквей во имя Николая Чудотворца было въ Константинополѣ много. Одна изъ нихъ находилась во Влахернѣ (**), другая внутри большаго дворца; ее построилъ Василій Македонскій (***); третью выстроилъ Англичанинъ, бѣжавшій въ Константинополь по завоеваніи отечества его Вильгельмомъ Нордманнскимъ (****); четвертая, наконецъ, была основана Патрикіемъ и Квесторомъ Василидомъ, въ царствованіе Юстиніана: эту послѣднюю еще можно видѣть, между мечетью и Градскими воротами, *Топъ-Капу*.

(*) Пахимеръ, кн. 7, гл. 13.

(**) Прокопій, de Ædif., гл. 6.

(***) Анна Комнина, кн. 2. Алексіады, стр. 82.

(****) Готселинусъ, кн. 1, гл. 36.

Мощи свят. Параскевіи хранились въ Патріаршей церкви; но какъ по Турецкимъ законамъ запрещено имѣть въ церквахъ мертвыя тѣла, то Василій, Князь Молдавскій, едва успѣлъ, и то за большія деньги, получить дозволеніе увезти ихъ въ Яссы, гдѣ и положилъ въ монастырѣ трехъ Іерарховъ. Греки особенно чтутъ эту святую, и потому сохранили еще двѣ церкви въ ея память: одна въ сѣверной части пристани, между деревнями Пири-Паша и Гаскю, другая близъ Семибашеннаго замка, между Ходжа-Мустафинскою и Измаилъ-Пашинскою мечетями. Въ Фанарскомъ предмѣстіи, близъ Влахъ-Сарая (Валлахскій дворецъ), принадлежащаго Господарямъ Валлахскимъ, есть церковь, которую Турки называютъ *Канлы-Клиссія*, а Греки *Мокліа-Панъ-Агія*: она зависитъ отъ *Мегало-Спиліонскаго* монастыря (монастырь большой пещеры), построеннаго Палеологами, на Морейскомъ полуостровѣ въ *Калавритѣ*; въ этой церкви есть два святые источника: одинъ посвященъ св. Аннѣ, другой прозванъ Магуліотиса, отъ простонароднаго слова *Магуло* (челюсть), потому, что которая-то Императрица излечилась отъ зубной боли цѣлебными его водами.

Церковь св. Поликарпа, близъ Псаматійскихъ воротъ, замѣчательна куполомъ, имѣющимъ 36 фут. въ діаметрѣ. Въ этой церкви я входилъ въ подземельную пещеру, гдѣ есть ключъ воды, посвященный св. Минѣ. Есть еще церковь, называемая *Панагія Экси-Мармара,* въ которой придѣлъ Архангела Михаила, съ источникомъ святой Дѣвы избавительницы. Церковь *Панагія ту Канджерли* (Богородица съ кинжаломъ), потому такъ названа, что на образѣ, въ серебряной ризѣ, Богоматерь изображена съ кинжаломъ, пронзающимъ ей сердце. Эта церковь близъ стараго Константинова дворца (Текиръ-Серай). Въ ней придѣлъ и источникъ св. Параскевіи.

Близъ Валамскихъ воротъ, почти въ концѣ пристани, двѣ церкви, и обѣ называются *Таксіiархи,* съ прибавленіемъ *Асоматонъ* и *Архистратиго* (*) (такъ именуютъ Архангела Михаила). Одна изъ нихъ принадлежитъ Армянамъ, а другая Грекамъ; во дворѣ послѣдней показывали мнѣ чудотворный камень (**), съ сквознымъ отверстіемъ посрединѣ,

---

(*) Кантакузинъ, кн. 3, гл. 88.

(**) Никифоръ Грегорасъ, кн. 5, стр. 30.

въ которое пролѣзаютъ для излеченія отъ лихорадки.

Есть и еще нѣсколько церквей въ Галатѣ и Перѣ; но, во-первыхъ, я не имѣлъ времени осмотрѣть ихъ; во-вторыхъ, онѣ бѣдны и не достопамятны ничѣмъ, относительно древности или искуствъ. Патріаршая ризница богата, такъ-же какъ и вся утварь въ церквахъ; но этимъ обязаны, по большей части, нашимъ Царямъ, Князьямъ Молдавскимъ и Валлахскимъ, и нѣкоторымъ богатымъ Грекамъ. Впрочемъ, произведеній искуства въ нихъ вовсе нѣтъ. Духовенство по сіе время въ большомъ угнетеніи отъ Турокъ. Только Патріархъ пользуется еще нѣкоторымъ уваженіемъ, единственно потому, что бываетъ нуженъ въ смутныя времена, по вліянію, которое онъ имѣетъ надъ православными Греками.

Теперь обращусь къ предмѣстію Фанари, которое можно назвать довольно сходнымъ изображеніемъ прежней Восточной Имперіи (*). Греки,

(*) Это сходство гораздо слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ большая часть знатныхъ Греческихъ фамилій переѣхала въ новое Королевство Греческое, а Молдаванскіе и Волошскіе Господари не избираются болѣе изъ нихъ.

живущіе въ немъ, точные царедворцы тогдашняго времени, только больше угнетенные и презираемые своими повелителями; но они, тонкостью, униженіемъ и хитростями своими, умѣютъ пріобрѣсти довѣренность Турецкаго правленія, вмѣсто котораго управляютъ и почти царствуютъ. Дайте имъ школы, просвѣтите ихъ, и, можетъ быть, изъ нихъ возродятся Греки временъ Перикловыхъ и Александровыхъ. Такъ нравственный бытъ народовъ преодолѣваетъ истребленіе вѣковъ и даже силу тяжкаго ига: оно не разрушило природы Грековъ, какъ не могло разрушить горныхъ хребтовъ, пролегающихъ по государству.

Изъ Фанари я опять заѣзжалъ во Влахерну, взглянуть на развалины Велисаріевыхъ палатъ: это груда камней, и нѣтъ никакого повода предполагать, что тутъ когда нибудь были палаты великаго Велисарія. Мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе, что эти остатки принадлежали дворцу или монастырю Влахернскому.

На третій день послѣ моего представленія Султану, я получилъ, рано по утру, отъ Сераскира Хозрева приглашеніе къ нему обѣдать. Адъютантъ, посланный съ этимъ приглашеніемъ, сказалъ мнѣ,

что кромѣ меня у Сераскира никого не будетъ, и чтобы я также никого съ собой не бралъ, ни даже переводчика. Время назначалось мнѣ 7 часовъ вечера. Я отвѣчалъ, что непремѣнно буду по приглашенію Его Превосходительства, въ назначенный часъ.

Прежде посѣщенія моего къ Хозреву, не худо предварительно познакомить съ нимъ читателей моихъ. Для этого я займу у Г-на Базили очень хорошо сдѣланное описаніе; я не могъ-бы въ немъ ничего ни прибавить, ни убавить: такъ оно вѣрно (*).

Хозреву-Пашѣ за восемьдесятъ лѣтъ; но красный носъ и яркій румянецъ на морщинахъ его лица, безпокойная живость взгляда, и борода, торчащая остроконечнымъ клочкомъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе при взглядѣ на него. Онъ хромаетъ, ужасно неловко держится на лошади, и на разводы ѣздитъ въ *коги*, Турецкой каретѣ, не ресорной, обитой снаружи краснымъ сукномъ, въ какую обыкновенно садятся только женщины.

(*) Очерки Константинополя, Г-на Базили.

Сказываютъ, что онъ приноситъ обильныя возліянія Вакху, и это подтверждается цвѣтомъ его лица. Онъ Грузинецъ; рожденъ въ Христіанскомъ законѣ; былъ въ молодости Серальскимъ невольникомъ, вмѣстѣ съ славнымъ Гуссейномъ, и сдружился съ нимъ. Когда Гуссейнъ былъ сдѣланъ Капитанъ-Пашею, онъ вспомнилъ стараго товарища, и взялъ его къ себѣ въ секретари. За 40 слишкомъ лѣтъ онъ занималъ Египетскій пашалыкъ; потомъ постоянно удержался въ высокихъ должностяхъ, и былъ всегда любимъ Дворомъ, при всѣхъ его переворотахъ. Этимъ онъ заслужилъ репутацію глубокомысленнаго политика. При Махмудѣ онъ былъ шесть лѣтъ Капитанъ-Пашею; къ счастью его, передъ самымъ открытіемъ Греческой войны, интриги недруговъ лишили его этого мѣста, въ которомъ, можетъ быть, онъ-бы взлетѣлъ на воздухъ отъ брандеровъ Канариса. Въ самой немилости, онъ получилъ Требизондскій пашалыкъ.

Махмудъ, въ началѣ преобразованій, окружилъ свой престолъ людьми, извѣстными по опытности и по уму; Хозревъ вновь былъ сдѣланъ Капитанъ-Пашею. Славная для Греческихъ моряковъ Самос-

ская битва должна была, казалось, омрачить его военную славу; но Хозревъ придумалъ средство возстановить свою репутацію: остановился съ флотомъ въ Дарданеллахъ, и сталъ вводить строгую дисциплину; каждый день засѣкали до смерти, душили и топили народъ; этимъ до того напугалъ онъ Турокъ, что всѣ провозгласили его отличнымъ Адмираломъ. Дальновидный Хозревъ предчувствовалъ слѣдствія Лондонскаго трактата, при упрямствѣ Махмуда, и въ 1827 году упросилъ Султана уволить его отъ этой должности, по слабости здоровья и старости лѣтъ. Турки, имѣя, какъ мы сказали, самое высокое понятіе о военныхъ дарованіяхъ Хозрева, приписали Наваринское несчастіе тому, что не онъ командовалъ флотомъ.

Съ того времени, какъ его сдѣлали Сераскиромъ, или Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ столицы и главнокомандующимъ регулярными войсками, онъ показалъ себя однимъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ дѣятельность ростетъ съ лѣтами. Онъ славится геніальными мыслями, которыя раждаются въ его головѣ при самыхъ затруднитель-

ныхъ обстоятельствахъ. Чернь роптала и Диванъ опасался бунта Янычарской партіи. Сераскиръ обнародовалъ, что онъ собирается наказать нарушителей общественнаго спокойствія; онъ послалъ чаушей, а за ними показался самъ. Объѣхавъ улицы, схватилъ до трехъ сотъ человѣкъ, которыхъ физіономіи показались ему подозрительными, и безъ всякаго разбора велѣлъ ихъ душить, въ примѣръ другимъ! Не знаю, каково покажется это любителямъ правосудія? Но если спросите Хозрева, онъ скажетъ вамъ, что такимъ образомъ сохранено спокойствіе, и предупреждено возмущеніе черни. Сердце Сераскира съ годами черствѣетъ: онъ совершенно равнодушенъ къ крови; впрочемъ не проливаетъ ея съ свирѣпою жаждою, какъ иные Паши, а только тогда, когда это нужно по его разсчетамъ.

Сераскиръ, веселостію и любезностію своего нрава, пріобрѣлъ особенную благосклонность Махмуда; въ частной бесѣдѣ Султанъ просто и свободно шутитъ съ старикомъ Сераскиромъ, но въ то-же время цѣнитъ его умъ, его преданность, ревность его къ преобразованіямъ, и, еще болѣе, кажется, высокое о немъ мнѣніе Турокъ, которые

жалѣютъ, что не всегда въ Диванѣ слѣдуютъ мнѣнію Хозрева.

Сераскиръ непримиримый врагъ Магомета-Али и Ибрагима; эта ненависть еще болѣе привязываетъ его къ Султану, и удвоиваетъ его дѣятельность въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Онъ нѣсколько разъ и давно уже имѣлъ порученіе отдѣлаться отъ Магомета-Али средствами, обычными у Турокъ; но это не удавалось ему, потому что Магометъ-Али всегда съ нимъ на сторожѣ, *при дружескихъ* его посѣщеніяхъ.

Главная страсть Хозрева, непомѣрная скупость. Султанъ, зная это, пошутилъ надъ нимъ, не такъ давно, очень забавно. Онъ подарилъ ему прекрасный домъ на Босфорѣ, давно конфискованный у Армянина и весьма запущенный. Сераскиръ отдѣлалъ домъ, и убралъ съ роскошью, со вкусомъ; открылъ въ горѣ новыя террасы для садовъ, провелъ воды, устроилъ бани и фонтаны, и когда все было кончено, пригласилъ Султана, желая показать, какъ высоко цѣнитъ онъ его подарокъ, для украшенія котораго не пожалѣлъ ничего. Султанъ былъ такъ восхищенъ этими улучшеніями, что, отдавая полную справедливость вкусу стараго скупяги, взялъ себѣ обратно его домъ! (Изъ соч. Г-на Базили.)

Въ шесть съ половиною часовъ, я, съ своимъ переводчикомъ, отправился на каикѣ въ Константинополь. Переправившись черезъ пристань, я взялъ верховую лошадь, и поѣхалъ тихонько въ старый Сераль, нынѣ Сераскирскій дворецъ. Тамъ, кажется, меня ожидали: четверо или пятеро Турокъ стояли у крыльца, и какъ скоро я подъѣхалъ, они подошли держать мнѣ стремя. Я слѣзъ съ лошади, и, по условію, отпустилъ лошадей и слугу моего домой. Меня проводили по лѣстницѣ до первой комнаты, гдѣ нашелъ я человѣка четыре военныхъ. Когда я вошелъ, они встали, и одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ дверь, а стоявшій подлѣ арапъ отворилъ ее. Вторая комната была большая, длинная зала, устланная коврами до половины; въ углу стоялъ большой диванъ. Я узналъ послѣ, что въ этой комнатѣ, по утрамъ, Сераскиръ принимаетъ просьбы и даетъ аудіенціи. Тутъ нѣсколько стариковъ сидѣли на коврѣ и что-то писали. Я подождалъ съ минуту, пока вышелъ ко мнѣ чиновникъ и попросилъ идти далѣе. Я прошелъ третью комнату, которая была гораздо

меньше первыхъ; здѣсь два арапа отдернули штофный занавѣсъ, служившій дверью въ угловую комнату: тамъ увидѣлъ я Сераскира. Онъ стоялъ, опершись на полочки съ бумагами, и держалъ одну бумагу въ рукахъ. Увидя меня, онъ тотчасъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу, пригласилъ сѣсть, и, предупреждая меня, сѣлъ на диванъ, стоявшій въ углу комнаты. Я оглядѣлъ весь покой, и увидѣлъ, что онъ убранъ въ полу-Европейскомъ вкусѣ. Двѣ софы и нѣсколько креселъ, обитыхъ штофомъ, обои, два зеркала, принадлежали Европѣ; въ небольшихъ нишахъ, или впадинахъ стѣны, стояли корзинки съ цвѣтами; курильница разливала благовоніе алоэ; Египетскія цыновки съ изображеніемъ цвѣтовъ, покрывали полъ; небольшой фонтанъ, по срединѣ, билъ въ мраморномъ бассейнѣ: это принадлежало Азіи. Какъ скоро мы усѣлись на одномъ диванѣ, намъ подали трубки; я не начиналъ курить, пока не началъ Сераскиръ (учтивость того требовала). Слуги вышли вонъ, а вмѣсто ихъ вошелъ толмачъ и сталъ передъ нами. Помолчавъ съ минуту, Хозревъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ меня въ Кіатъ-Гане, у Султана, и что, при первомъ взглядѣ, видъ мой при-

влекъ его вниманіе и расположилъ къ дружбѣ. Я отвѣчалъ, что благорасположеніе и дружба такого человѣка, какъ Сераскиръ, для меня очень лестны, и я всячески буду стараться оправдать ихъ. Опять полминуты молчанія; послѣ этого онъ спросилъ: имѣю-ли я какія порученія отъ моего Государя, и если имѣю, то онъ предлагаетъ свои услуги, и готовъ содѣйствовать мнѣ въ чемъ только можетъ. Я отвѣчалъ, что я служилъ 40 лѣтъ, но теперь отъ службы уволенъ; порученій никакихъ не имѣю, а путешествую изъ любопытства; въ Константинополь-же пріѣхалъ единственно видѣть Государя, преобразователя Востока, нынѣ живущаго въ особенной дружбѣ съ моимъ Государемъ. Подумавъ немного, Хозревъ сказалъ: «Да, конечно въ дружбѣ, что ни говори иные люди.» — А что-жь они говорятъ, Сераскиръ? — «Что намъ не должно очень полагаться на васъ, что вы нынче друзья, а завтра нѣтъ.» Тутъ онъ разсмѣялся и прибавилъ: «врать вѣдь не запретишь!» — Эти люди, Сераскиръ, либо вовсе не знаютъ нашего Государя, либо клевещутъ. Нашъ Государь такъ великъ, что Ему нѣтъ надобности увѣрять въ томъ, чего Онъ не думаетъ. Его слово законъ, и Онъ его не из-

мѣняетъ. Я догадываюсь, о какихъ людяхъ вы говорите. Скажите: эти друзья помогли-ли вамъ противъ бунтующаго Магомета-Али? Нѣтъ, они продавали ему корабли, пушки, снаряды!—«Правда, правда!» прервалъ Сераскиръ.—У нихъ одинъ Богъ: корысть — продолжалъ я — другаго они не знаютъ. Торгъ, барышъ, вотъ единственная цѣль ихъ политики. Нашъ Государь превыше всего этого: честь, великодушіе, и народное благо, вотъ предметы Его помышленій! Завоеванія были-бы легки Ему, но они Ему не нужны и Онъ о нихъ не думаетъ. Владѣтель почти трети земнаго шара не имѣетъ надобности въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ; они обременятъ Его больше, чѣмъ принесутъ ему пользы. Дружбу-же свою къ Султану Онъ показалъ на дѣлѣ: едва малѣйшая опасность явилась отъ бунтовщиковъ вашихъ, какъ флотъ Его и войско явились въ распоряженіе Махмуда. Одинъ отблескъ Русскихъ штыковъ устрашилъ Ибрагима и прекратилъ войну. Вотъ дружба, Сераскиръ, и безкорыстная еще!—Хозревъ сказалъ мнѣ на это: «Вы истинную правду говорите! Государь Русскій великъ, и Султанъ нашъ Его чтитъ и любитъ. Если когда вашему Царю нужда будетъ, Султанъ готовъ помогать.

Тутъ вошли слуги и приняли трубки; другіе подали кофе. За кофеемъ Сераскиръ спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Константинополѣ, и обѣщалъ прислать каваса (*), чтобы я могъ свободно повсюду ходить. Поблагодаривъ его, я отвѣчалъ, что полагаю пробыть здѣсь еще дня три, и поѣду въ Никомидію и Бруссу. «*Пеки*» (хорошо) сказалъ онъ. «Это очень кстати: туда ѣдетъ въ это-же время Ахметъ-Паша; я поручу васъ ему, и онъ васъ тамъ будетъ угощать.» Здѣсь Хозревъ хлопнулъ ладоньми: всѣ, и даже толмачъ, вышли вонъ (**). Явились другіе служители, съ серебряными рукомойниками: одинъ бросилъ мнѣ на плечо тонкое кисейное полотенце, вышитое по концамъ золотомъ, поднесъ лахань и полилъ на руки розовой воды. Я омылъ руки и ротъ, и утерся полотенцемъ; Сераскиръ дѣлалъ то-же, только гораздо продолжительнѣе меня. Когда и эти слуги

(*) Прежде, для охраненія знатныхъ иностранцевъ, въ Константинополѣ давались янычары; нынѣ, вмѣсто ихъ, даютъ изъ полицейскихъ, или другихъ нижнихъ чиновъ, кавасовъ.

(**) Толмачъ говорилъ, во все время, чисто и свободно по-Французски; но произношеніе его показывало, что онъ долженъ быть Грекъ, или Итальянецъ.

вышли, другіе поставили между нами, на томъ-же диванѣ, на которомъ мы сидѣли, низенькій чинаровый столикъ, и арапъ принесъ на головѣ большое мѣдное блюдо, на которомъ было тарелочекъ съ десять разныхъ кушаньевъ. Мнѣ подали черепаховую ложку. Какъ давно привыкшій къ восточнымъ трапезамъ, я не затруднился, и, послѣ своего хозяина, бралъ руками съ нѣкоторыхъ тарелокъ кушанье. Первый сервизъ не простоялъ минуты передъ нами; его вынесли и подали другой. Кажется за вторымъ сервизомъ, Сераскиръ смялъ въ своей ладони пилаву и подалъ мнѣ. Хотя мнѣ и не очень это полюбилось, но зная, что онъ хотѣлъ тѣмъ показать мнѣ вниманіе и ласку, я почтительно принялъ кусокъ и съѣлъ. Не стану описывать здѣсь блюдъ: ихъ было около сотни. Я съѣлъ жареную перепелку, которую раздиралъ руками, кусочка три кебаба, да нѣсколько слоеныхъ пирожковъ съ вареньемъ. Когда молчаливая трапеза наша окончилась, намъ подали опять умыться, точно такъ-же какъ передъ обѣдомъ, окурили насъ алоэмъ, и слуги вышли вонъ: мы съ Сераскиромъ остались одни. Толмача не было, слѣдовательно я по неволѣ молчалъ; Сераскиръ

тоже; но онъ не спускалъ съ меня глазъ, и быстрый взоръ его, казалось, проникалъ во внутренность мою. Здѣсь началась сцена, которой я никогда не забуду. Хозяинъ опять хлопнулъ ладоньми. Вошелъ арапъ: въ правой рукѣ онъ держалъ два золотые бокала, а на лѣвой было надѣто серебряное ведро со снѣгомъ, въ которомъ таилась бутылка; по знакомой мнѣ формѣ ея, тотчасъ узналъ я присутствіе шампанскаго вина. Измѣривъ глазами бокалы, я увидѣлъ, что каждый легко вмѣститъ обыкновенныхъ шампанскихъ рюмокъ шесть. Поставивъ передъ нами бокалы, арапъ наполнилъ ихъ виномъ; оно мало пѣнилось, слѣдственно его вмѣстилось больше. Сераскиръ тотчасъ взялъ свой бокалъ, и, качнувъ головой, сказалъ мнѣ чистымъ Русскимъ языкомъ: *хватимъ!* Я чуть было не захохоталъ; но къ счастью воздержался, и важно повторилъ ему: *хватимъ!* Онъ улыбнулся, и подлинно хватилъ разомъ весь бокалъ до суха. Я послѣдовалъ его примѣру, и когда осушилъ свой бокалъ, то опрокинулъ его вверхъ дномъ. Онъ сказалъ мнѣ тогда: *пеки, пеки* (хорошо, хорошо), и велѣлъ налить по другому. Я было пооробѣлъ, не привыкши много пить; но

подумалъ, что еще вынесу противъ 80-ти лѣтняго старика, и рѣшился не отставать отъ него. Выпили по другому; опять: *пеки, пеки!* Послѣ этого Хозревъ задремалъ; арапъ вышелъ и тотчасъ воротился съ новой бутылкой. Вино было отличной доброты, кажется *Crémant rosé*. Я еще не чувствовалъ никакого охмѣлѣнія, и рѣшился, въ свою очередь, вызвать Сераскира на бой. Онъ продолжалъ дремать; я указалъ арапу на бокалы; онъ послушался и налилъ намъ опять вина. Хозревъ взглянулъ, и видя у меня полный бокалъ, улыбнулся. Тогда я сказалъ ему: *хватимъ!* Онъ захохоталъ, сказалъ: *пеки*, и выпилъ со мною послѣдній бокалъ. Тутъ онъ не на шутку заснулъ. Арапъ вышелъ, а я, подождавши не много, и полагая, что хозяинъ мой крѣпко спитъ, началъ приподыматься, чтобъ оставить его въ покоѣ; но онъ очнулся и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я не уходилъ, хлопнулъ въ ладоши, и когда вошелъ слуга, приказалъ позвать толмача, который вѣроятно стоялъ за дверьми, потому что тотчасъ явился. Сераскиръ велѣлъ ему сказать мнѣ, что онъ проситъ меня остаться у него до утра, что теперь поздно, на улицахъ темно, да и не при-

лично иновѣрцу такъ поздно выходить изъ Сераскирскихъ палатъ. Я отвѣчалъ, что охотно исполню волю его, но опасаюсь только, чтобъ не встревожились обо мнѣ дома, и не отнеслись-бы объ этомъ нашему Посланнику, который, не бывши мною предупрежденъ, не будетъ знать что подумать, Сераскиръ отвѣчалъ: «*пеки, пеки*, я пошлю въ домъ вашъ адъютанта.» Тутъ, поблагодаривъ его за угощеніе, и прося продолжить благосклонность ко мнѣ, я пожелалъ ему доброй ночи и поплелся изъ комнаты; шелъ довольно твердо, только голова немного кружилась. Мнѣ приготовлена была маленькая комната, гдѣ, на мягкомъ диванѣ, лежала львиная кожа, а въ изголовьѣ сафьянныя подушки. Невольникъ снялъ съ меня сапоги, фракъ, и когда я легъ, покрылъ меня тонкимъ кисейнымъ покрываломъ отъ мухъ. Я скоро и крѣпко заснулъ. По утру рано, когда я проснулся, тотъ-же невольникъ подалъ мнѣ умыться, и потомъ принесъ кофе. За нимъ вошелъ вчерашній толмачъ, спросилъ меня отъ имени Сераскира о здоровьѣ, и когда я хотѣлъ идти самъ къ нему, поблагодарить за угощенье, онъ сказалъ мнѣ, что Хозревъ уже давно сидитъ въ Диванѣ, прини-

маетъ просьбы и даетъ аудіенціи; что онъ поручилъ ему просить меня не безпокоиться, и что шлюпка и провожатые для меня готовы. Я далъ 10 піастровъ бакчиза служившему мнѣ невольнику, раскланялся съ толмачемъ и отправился домой. Меня провели какимъ-то корридоромъ, на маленькое крыльцо, и я вышелъ совсѣмъ не на ту улицу, по которой наканунѣ пріѣхалъ. Тутъ ожидали меня два Турка. Одинъ, съ большой палкой, пошелъ впереди, другой шелъ со мною рядомъ. Довольно долго кружились мы по переулкамъ, и всѣ встрѣчные почтительно отсторанивались. Наконецъ мы вышли, черезъ Балукъ-Базаръ, на пристань, гдѣ ожидала меня Сераскирская шлюпка. Тамъ кормчій взялъ меня подъ руку и осторожно свелъ въ шлюпку; провожатые, также получивъ бакчиза (*) 10 піастровъ, раскланялись и остались на берегу. Какъ скоро мы отвалили отъ берега, стоявшій на носу лодки Турокъ началъ что-то

(*) Здѣсь безъ бакчиза нигдѣ шагу нельзя ступить: сѣлъ-ли въ лодку, вышелъ-ли изъ кел, подвели-ли лошадь, или указали путь, вездѣ давай деньги, конечно не по десяти піастровъ, какъ я платилъ Хозревовымъ слугамъ; но за то я обѣдалъ и ночевалъ у Сераскира! Не бездѣлица!

кричать, и всѣ ближайшія и встрѣчныя намъ лодки разсыпались въ разныя стороны, какъ-бы со страхомъ спѣша очистить намъ путь. Я примѣтилъ даже, что и тѣ суда, которыя стояли на противоположной намъ пристани, спѣшили удалиться, такъ что на мѣстѣ не осталось ни одного изъ нихъ.

Вышедъ на берегъ, я далъ гребцамъ 25 піастровъ: они, казалось, были очень довольны моею щедростью. Тутъ ожидала меня богато-убранная верховая лошадь, и два невольника Сераскировы. Я поѣхалъ на крутую гору, къ своей квартирѣ, а невольники шли передо мной пѣшкомъ, до самаго дома. Трактирщикъ, хозяинъ мой, и мои люди, давно въ страхѣ и недоумѣніи ожидали меня у дверей: они обрадовались, когда увидѣли меня на богатомъ конѣ, живаго и здороваго. Давъ еще 15 піастровъ бакчиза Сераскирскимъ конюхамъ, я отпустилъ ихъ домой, и пошелъ къ себѣ, писать реляцію своего похожденія.

ГЛАВА VII.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(*Окончаніе*).

Не многое остается мнѣ описывать въ Константинополѣ. Здѣсь я хочу представить очеркъ Византіи при Римскихъ Императорахъ: это кажется мнѣ особенно любопытно, оживляя въ памяти славу знаменитаго города.

Римляне раздѣляли Константинополь на четырнадцать частей.

Первая часть находилась на первомъ холмѣ, на мѣстѣ древней Византіи, гдѣ нынѣ часть Сераля. Въ ней были особенно замѣчательны: дворецъ Плакидіи, дочери Императора Θеодосія, Аркадіевы теплицы (Thermes) и колонна Императрицы Θеодоры.

Вторая часть вошла теперь вся въ округъ Сераля: она была тамъ, гдѣ султановы дворцовыя кухни и бани. Въ ней находились: театръ, амфитеатръ, соборъ С. Софіи, Византійскій маякъ, арсеналъ, Зевксиповы теплицы, сенатъ, Самсонова богадѣльня и Евдокіина колонна.

Третья часть, расположенная по второму холму, заключала въ себѣ Циркъ, или Гипподромъ, дворецъ Пульхеріи, Аппуліанову пристань, и портикъ названный *Сигма*, по полуциркульной его формѣ.

Четвертая часть была въ первой долинѣ и на возвышеніи близъ Св. Софіи. Въ ней заслуживали вниманіе: прекрасная бронзовая колонна, воздвигнутая Императоромъ Юстиніаномъ, одна изъ Θеодосіевыхъ колоннъ, Стадій, Фаніоновъ портикъ, златая колонна, отъ которой начинались дороги во всю имперію, и памятникъ морской побѣды.

Пятая часть простиралась частію по сѣверной покатости втораго холма, частію по долинѣ къ морю. Въ ней были: Гоноріевы теплицы, Θеодосіевъ водоемъ, одинъ изъ форумовъ того-же государя, Пританей, Евдокіины теплицы, Страте-

гіонъ, и славный обелискъ, перевезенный изъ Египта.

Шестая часть, кромѣ вершины втораго холма, гдѣ теперь горѣлая колонна, красильные ряды, и и мечеть Али-Паши, занимала еще и правую сторону второй долины. Въ ней замѣчались колонна Константинова, церковь Св. Анастасіи и Коро-зіанскія теплицы.

Седьмая часть была на вершинѣ третьяго холма, гдѣ нынѣ безестейны, замѣстившіе, какъ кажется, древнее зданіе, называвшееся Лaмптерумъ: это были также ряды, какъ и безестейны. Въ ней находились еще: Тетрапилонъ, высокая пирамида, украшенная барельефами, и показывавшая направленіе вѣтровъ; главный Ѳеодосіевъ форумъ, посрединѣ котораго была поставлена его тріумфальная колонна.

Восьмая часть, за третьимъ холмомъ, къ полудню, нигдѣ не прикасалась къ морю. Въ ней были: длинный и обширный портикъ, начинавшійся отъ порфирной, что нынѣ горѣлая колонна, до колонны Ѳеодосіевой; соборъ того-же императора и Капитолій.

Девятая часть занимала все пространство между нынѣшнимъ водопроводомъ Солиманіей, и садами Влaнга-Бостонъ. Въ ней были: пристань, Ѳеодосіевы магазейны и форумъ его-же имени.

Десятая часть, въ долинѣ подъ водопроводомъ, заключала въ себѣ теплицы Константиновы, большой Нимфей, и водопроводъ Императора Валенса, доставляющій и нынѣ воду съ третьяго на четвертый холмъ.

Одиннадцатая часть, на вершинѣ четвертаго холма по сѣверной его сторонѣ, шла до самой стѣны, отдѣлявшей *Гевдомонъ* или 14-ю часть отъ города. Въ ней находились *Флаксиліановъ* дворецъ, Аркадіевы и Модестовы водоемы, великолѣпная церковь двѣнадцати Апостоловъ, и Колонна дѣвы, съ статуей Венеры, которая, по баснословному преданію, имѣла свойство узнавать дѣвицъ цѣломудренныхъ.

Двѣнадцатая часть была на седьмомъ холму, называемомъ *Ксеролофосъ,* отдѣленномъ отъ шести другихъ холмовъ широкою долиною. Тутъ были золотыя вороты, портики, Троады, и Аркадіевъ водоемъ.

Тринадцатая часть была уже внѣ города, по ту сторону Пристани, гдѣ нынѣ Галатское и Перское предмѣстія. Въ ней находились Гоноріевъ форумъ, театръ и наумахія.

Четырнадцатая часть, наконецъ, занимала шестой холмъ и отдѣлялась отъ прочихъ частей города особенной оградой. Въ ней были бани, театръ, и замѣчательный дворецъ, какъ думаютъ, Константина Великаго: видны и теперь нѣкоторые остатки его; Турки называютъ ихъ *Текиръ-Сарай.*

Я, кажется, еще не говорилъ ни о мечетяхъ, ни о молитвахъ Турокъ. Мнѣ много разъ случалось видѣть и то и другое. Не льзя вообразить ничего благоговѣйнѣе Турка на молитвѣ. Всѣ движенія его благородны, важны, означены тѣмъ чувствомъ, къ которому призываетъ молитва. Стоя-ли, на колѣняхъ-ли, или ницъ поверженный, онъ всегда молится съ жаромъ, не нарушающимъ однакожъ его важности. Онъ неподвиженъ, погруженъ въ созерцаніе! Ни что не можетъ развлечь его отъ молитвы! Величественная простота храма напоминаетъ ему присутствіе Всевышняго, предъ которымъ онъ повергается. Въ мечетяхъ нѣтъ ни

статуй, ни картинъ; единственное украшеніе тамъ вызолоченныя доски, на которыхъ написано по нѣскольку стиховъ изъ Алкорана. Когда Турки завоевали Восточную имперію, они обратили въ мечети лучшія и великолѣпнѣйшія церкви христіанскія. Потомъ, когда они вздумали сами строить новыя зданія, не имѣя никакихъ понятій объ архитектурѣ, они слѣпо подражали тому, что было у нихъ передъ глазами, и заняли у побѣжденныхъ планъ и расположеніе для своихъ мечетей, и даже бань и базаровъ. Въ Бруссѣ, въ Константинополѣ, всѣ большія мечети не что иное какъ подражаніе, болѣе или менѣе совершенное, Святой Софіи; только минареты прибавлены.

Мечети раздѣляются на три разряда: первый, мечети Султанскія, которыя находятся только въ главныхъ городахъ государства, какъ-то въ Бруссѣ, Адріанополѣ, Каирѣ, Константинополѣ, и проч. Здѣсь ихъ 14. Онѣ всѣ вообще великолѣпны, и обыкновенно окружены обширною оградой, отдѣльно отъ всѣхъ строеній. Второй разрядъ: мечети, построенныя частными людьми; ихъ насчитываютъ въ Константинополѣ до 200. Третій разрядъ: *Месджиди,* родъ часовень: этихъ есть до 300.

Вокругъ Султанскихъ мечетей обыкновенно строятся богоугодныя или общеполезныя заведенія, какъ-то имареты, или гостинницы, домы для ума лишенныхъ, школы, библіотеки, склепы, въ которыхъ похоронены бренные остатки Султановъ или членовъ ихъ фамиліи. Здѣсь кстати упомянуть о мечети *Эйюба,* въ которой коронуются Султаны.

При Магометѣ II-мъ, былъ одинъ шеихъ, который игралъ роль пророка. Султанъ научилъ его созвать народъ въ Св. Софію и тамъ провозгласить, что въ видѣніи представился ему правовѣрный *Эйюбъ,* современникъ и ученикъ пророка Магомета, тотъ самый, который предрекъ одному изъ Константиновъ, что царство его падетъ, столица будетъ завоевана Султаномъ Магометомъ, и этотъ Султанъ навсегда изгонитъ Римскихъ Императоровъ, утвердитъ свою державу въ Константинополѣ и распространитъ по всему свѣту исламизмъ, или вѣру Алкорана. *Эйюбъ* сказалъ, прибавилъ еще шеихъ, что тѣло его сохраняется неистлѣвшимъ, и что сколько ни старались невѣрные скрыть мѣсто, гдѣ оно находится, но онъ ему откроетъ это. Султанъ тотчасъ велѣлъ идти, и самъ торжественно пошелъ искать мѣсто, гдѣ лежитъ *Эйюбъ.*

Пришли въ ту часть города, которая нынѣ называется по имени этого мнимаго пророка, и стали рыть въ нетронутомъ, казалось, мѣстѣ, гдѣ не бывало никакой постройки. Довольно глубоко въ землѣ отрыли большой гробъ, съ надписью: «*Здѣсь лежитъ Эйюбъ Энсара, вѣрный другъ, совѣтникъ и апостолъ Божій; да будетъ помощь его болѣе и болѣе благопріятна!*» Въ гробу лежало тѣло, дѣйствительно, совершенно сохранившееся. Въ восторгѣ, съ радостными криками провозгласили новое чудо. Магометъ тотчасъ украсилъ великолѣпно гробницу, выстроилъ мечеть, и при ней публичное училище.

На разрушенной церкви св. Апостоловъ построена нынѣ, кажется, мечеть Магомета II. При ней лучшія и великолѣпнѣйшія въ Константинополѣ бани. Турки называютъ ихъ: *Тункуръ-Гамамъ* (малая баня). Тамъ три огромныя залы, вымощенныя мраморомъ, получаютъ свѣтъ, какъ Римскій Пантеонъ, сверху, изъ купола.

Не стану говорить обо всѣхъ мечетяхъ: многіе путешественники описывали ихъ, и я упомянулъ о мечетяхъ Эйюбовой и Магомета II потому только, что онѣ особенно достопамятны: въ первой коронуются Султаны, и слава ея основана на лже-

пророчествѣ и на смѣшной баснѣ, вымышленной Магометомъ II-мъ, для народа, тогда почти дикаго и варварскаго. Другая мечеть любопытна въ иномъ отношеніи: она занимаетъ мѣсто славной церкви св. Апостоловъ, которую равняли въ красотѣ съ церковью св. Софіи. Впрочемъ, многіе еще сомнѣваются, точно-ли здѣсь было мѣсто этого знаменитаго храма?

Мечеть, называемая Турками *Кучукъ-ая-Софія* (Малая св. Софія), передѣлана изъ древней церкви Сергія и Вакха. Она круглая, и куполъ въ ней поставленъ на восьми столбахъ, между которыми два ряда колоннъ Іоническаго ордена, изъ зеленаго агата и бѣлаго мрамора. Мечеть *Гюль-Джами*, близъ пристани, занимаетъ мѣсто церкви св. Анастасіи, построенной св. Григоріемъ Назіанзиномъ. Греки называютъ ее *Родонъ-Амерондонъ* (Роза неувядаемая), что значитъ тоже самое, что по-Турецки *Гюль-Джами*. Подъ ней обширные склепы, со сводами. Я входилъ въ одинъ изъ нихъ и смѣрялъ его: въ немъ шестьдесятъ шаговъ длины.

Почти при каждой изъ главныхъ мечетей въ Константинополѣ есть высшія училища, или школы, называемыя медресе. Въ нихъ обучаются и содержатся по 400 и болѣе учениковъ. Профессоры или учители называются софтасъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ одного ученика, который обыкновенно послѣ заступаетъ его мѣсто, а до тѣхъ поръ находится при немъ слугою. Тутъ воспитываются всѣ поступающіе въ улемы, или законовѣдцы, и никто не можетъ занять духовнаго или судейскаго мѣста, не получивъ диплома въ медресѣ, послѣ строгаго экзамена. Нисшія школы, *мектебъ*, открыты для всѣхъ дѣтей бѣдныхъ родителей: тамъ учатъ читать и писать, Магометанскому закону, и первымъ правиламъ Турецкаго языка.

Въ каждой изъ этихъ школъ содержится по нѣскольку учениковъ на счетъ мечети. Учители не требуютъ никакой платы отъ родственниковъ, и всякое приношеніе съ ихъ стороны, въ знакъ благодарности, зависитъ отъ воли.

Въ Константинополѣ при мечетяхъ есть до 13 публичныхъ библіотекъ; но Серальская почитается любопытнѣйшею и многочисленнѣйшею. Полагали, что въ ней сохраняется еще до ста двадцати манускриптовъ, принадлежавшихъ Константину Ве-

ликому. Въ послѣднее время, иностранцы, видѣвшіе Серальскую библіотеку, отрицаютъ это; однако я, зная хорошо Турокъ, легко повѣрю, что посѣтителямъ не все показали, тѣмъ больше, что аббатъ *Тодерини* уже давно издалъ каталогъ этимъ манускриптамъ. Изъ каталога его видно также, что никакой нѣтъ надежды отыскать потерянныя Декады Тита Ливія, сочиненія Тацита, и стихотворенія поэтовъ.

Турецкія кладбища въ Константинополѣ вездѣ. Они расположены вокругъ города, посреди предмѣстій его, и даже около садовъ и загородныхъ домовъ. Тѣла умершихъ выносятся туда прямо изъ домовъ, потому что строго запрещается вносить мертвыхъ въ мечети и тамъ творить о нихъ молитвы. Кладбища усажены деревьями, по большей части кипарисовыми, и потому служатъ не рѣдко мѣстомъ гулянья для городскихъ жителей. Они до такой степени размножились и увеличились, что стѣснили городъ со всѣхъ сторонъ. Это особенно замѣтно въ Скутари. Главныя кладбища Эйюбское и Гейванъ-Сарайское, въ которыхъ покоятся останки 26-ти учениковъ лже-пророка; потомъ Жидовское и Греческое кладбища, при Прѣсныхъ

водахъ; Турецкое, Римско-Католическое и Армянское въ Перѣ.

Гробница Графа Боневаля, который изъ Австрійскихъ генераловъ перешелъ въ Турецкую службу, перемѣнилъ законъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Ахмета-Паши, находится въ небольшомъ кладбищѣ дервишей Мевлеви, въ Перѣ. Она ничѣмъ не отличается отъ прочихъ гробницъ; только отгорожена отъ нихъ простой деревянной рѣшеткой. Ее давно забыли-бы, потому что Боневаль Туркамъ никакихъ важныхъ услугъ не оказалъ, и никогда не былъ у нихъ въ большомъ уваженіи; къ тому-же отступника отъ вѣры и измѣнника царю вездѣ презираютъ; но преданія Франковъ и любопытство путешественниковъ, сохранили нѣкоторую извѣстность его гробницѣ.

Каждый Султанъ выстроиваетъ для себя, при какой нибудь мечети, могильный склепъ, или родъ часовни, называемой *тюрбе*. Только матери Султановъ имѣютъ право строить такія-же для себя. Стѣны этихъ тюрбе, внутри обыкновенно украшаются фарфоровыми изразцами, на которыхъ написаны золотыми буквами стихи, по большей части во славу Магомета. Посрединѣ дѣлается мо-

гила, надъ которою ставятъ родъ катафалка, покрытаго дорогими парчами, а въ головахъ, у Султанскихъ и княжескихъ гробницъ, кладутъ кисейную чалму. По сторонамъ стоятъ подсвѣчники; но свѣчь въ нихъ никогда не зажигаютъ; за то лампады, привѣшенныя къ своду, горятъ днемъ и ночью. При каждомъ Тюрбе живетъ четверо или шестеро сторожей, и содержатся 10 и до 15 стариковъ, читающихъ по утрамъ молитвы по усопшемъ.

Родная сестра нынѣшняго Султана, бывшая за Гассанъ-Пашею, а теперь вдовствующая, устроила почти противъ самаго дворца своего, страннопріимный домъ, вплоть подлѣ кладбища. Тутъ воздвигла она гробницу мужу своему; подлѣ богатый мавзолей Султанши, сестры Селима Втораго. Но что удивило меня, это двѣ гробницы, богато вызолоченныя и отличныя отъ всѣхъ необыкновеннымъ блескомъ. Онѣ конечно здѣсь единственныя въ своемъ родѣ. Я спросилъ, кто погребенъ подъ ними, и мнѣ сказали — два придворные шута Махмудова Двора! Султанъ приказалъ соорудить и вызолотить эти гробницы.

Не помню, говорилъ-ли я о кханахъ: это родъ

постоялыхъ дворовъ, построенныхъ во всемъ государствѣ для отдохновенія и убѣжища путешественниковъ, купцовъ, каравановъ и проч. Кханы по большей части выстроены частными людьми, по чувству набожности и духу Магометанскаго закона, который велитъ покоить странника. Въ нихъ не берутъ никакой платы съ проѣзжающихъ и останавливающихся. Они вездѣ построены одинаково. Просторный дворъ, окруженный конюшнями, надъ которыми въ одинъ, въ два, и даже въ три этажа комнаты для путешественниковъ; посреди двора, а иногда у воротъ, фонтанъ, или ключъ хорошей воды: вотъ что найдете во всѣхъ кханахъ. Въ Константинополѣ они всѣ каменные, и безопасны отъ пожаровъ, потому что удалены отъ всякаго строенія. Великолѣпнѣйшій изъ нихъ находится между Османовою мечетью и Старымъ Сералемъ. Въ немъ купцы, пріѣзжающіе изо всѣхъ частей государства, живутъ и довольствуются, за самую умѣренную плату, всѣми нужными для нихъ припасами. Мнѣ случилось здѣсь, и потомъ въ Малой Азіи, посѣщать многіе кханы, и, къ сожалѣнію, я замѣтилъ, что эти полезныя и можно сказать необходимыя заведенія въ странахъ, гдѣ пу-

тешественникъ никакого пособія и спокойствія найдти не можетъ, вездѣ приходятъ въ совершенный упадокъ. Они, какъ все въ Турецкой Имперіи, со времени своего построенія, остаются безъ присмотра, починки и содержанія: стоятъ еще, покамѣстъ не развалились и не пришли въ совершенное разрушеніе.

Любезный мой товарищъ, докторъ Пиннеръ, не занимавшійся ничѣмъ въ Константинополѣ кромѣ Еврейскихъ манускриптовъ, Талмуда и посѣщеній къ Жидовскому Каганъ-Пашѣ для его библіотеки, вдругъ, къ удивленію моему, изъявилъ желаніе видѣть Семибашенный замокъ! Онъ возвращался въ Россію и готовился къ отъѣзду. Хотя я уже осматривалъ Едикуль, но, желая удовлетворить его любопытство, отправился съ нимъ опять. Кстати, говоря о Золотыхъ воротахъ, я только слегка коснулся Семибашеннаго замка, и воспользуюсь этимъ случаемъ описать его подробнѣе. Въ стѣнѣ города къ Марморному морю была, въ древности, крѣпостца, которую Греки называли Кикловіонъ. Въ царствованіе Императора Исаака Ангела, жители города, видя, что она разрушается, и боясь прибытія Французскихъ рыцарей, возобновили ее;

но непріятель напалъ на городъ со стороны Златыхъ воротъ и разрушилъ защищавшій ихъ Кикловіонъ. Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ выстроилъ укрѣпленіе вновь и хвалился, что сдѣлалъ его неприступнымъ; но взять его Палеологъ взялъ и опять раззорилъ Кикловіонъ; онъ пожалѣлъ объ этомъ, когда увидѣлъ приближеніе грознаго Баязета. Наконецъ Магометъ II, взявши Константинополь, перестроилъ эту крѣпость, на томъ-же мѣстѣ, и прибавилъ нѣсколько башенъ. Греки называютъ ее нынѣ *Гептапиргіонъ* (Семибашенная), а Турки *Едикулеръ*. Въ нее-то они заключали прежде пословъ непріятельскихъ державъ, и часто содержали ихъ тамъ дурно. Въ ней долго оставались и наши: Резидентъ Левашевъ и Полномочные Министры А. М. Обресковъ и Я. И. Булгаковъ. Съ послѣднимъ однакожъ обходились почтительно и вѣжливо. Теперь, кажется, навсегда оставленъ варварскій обычай: сажать въ Семибашенный.

Видъ Едикуля съ его башнями удивительно красивъ со стороны Геллеспонта. При мнѣ чинили и отдѣлывали двѣ башни, по сторонамъ древнихъ Золотыхъ воротъ.

Турецкое адмиралтейство, которое называютъ

здѣсь *Теріана*, выстроено по берегу Золотаго Рога, или пристани. Селимъ I-й началъ заводить флоты; при немъ построили доки и устроили все нужное для кораблей. Теперь адмиралтейство обширно и окружено высокими стѣнами. Въ немъ есть магазины и казармы на множество рабочихъ людей и невольниковъ. Здѣсь Капитанъ-Паша пользуется неограниченною властію. Когда Гассанъ-Паша отправлялъ эту должность при Султанѣ Абдулъ-Гамидѣ, онъ усилилъ флотъ и значительно умножилъ число кораблей. Онъ никакихъ наукъ не зналъ и ничего не разумѣлъ въ морской службѣ; но имѣя при себѣ Французскихъ инженеровъ, Леруа, а потомъ Лебрёнъ Сентъ-Катерина, который послѣ перешелъ въ нашу службу, успѣлъ очень усовершенствовать эту часть. Теперь у Султана кораблей много: не льзя не отдать справедливости ихъ красотѣ, опрятности и стройности; блескъ бронзовыхъ орудій, широкіе алые флаги, все это вмѣстѣ производитъ прекрасный эффектъ. Красивая форма кораблей, особенно 130-ти пушечнаго Махмуда, на которомъ развѣвается генералъ-адмиральскій флагъ, приводитъ въ удивленіе Европейскихъ морскихъ офицеровъ. Одинъ кор-

ветъ построенъ въ Америкѣ, но лучшіе корабли въ Константинополѣ, подъ руководствомъ Французскихъ, Англійскихъ и Американскихъ инженеровъ. Признаюсь, меня удивляетъ это постоянное усиліе Оттоманскихъ государей содержать флотъ! И какъ всегда находили они средства для этого! Послѣ Лепантской битвы, послѣ сожженія всего ихъ флота подъ Чесмою, наконецъ послѣ четырехъ несчастныхъ экспедицій противу Грековъ и совершеннаго истребленія Наваринскаго флота, при разстройствѣ финансовъ, опять возникла грозная армада, носящая флаги трехъ Адмираловъ! Это конечно роскошь, совершенно безполезная, и для Турціи излишняя. Безъ матросовъ, безъ боцмановъ, безъ офицеровъ, съ тѣхъ поръ какъ не стало матросовъ изъ Специи и Идры, какой можетъ быть флотъ! Теперь ловятъ и гонятъ насильно на корабли всякой сбродъ съ Константинопольскихъ улицъ, и держатъ на службѣ, пока кончится кампанія; потомъ возвращается всякой къ своимъ занятіямъ. Офицеры или ничего не знаютъ, или знаютъ очень мало, и практики никакой не имѣли: ни одинъ секстанта въ руки не бралъ! Про Адмираловъ и говорить нечего: извѣстно, что ихъ

по большой части жалуетъ Султанъ изъ своихъ царедворцевъ; рѣдкій изъ нихъ, до назначенія своего, всходилъ когда нибудь на корабль. Прибавьте еще, что на каждомъ кораблѣ двойной, а часто и тройной комплектъ людей, на случай чумы, почти безпрестанно свирѣпствующей во флотѣ, и отъ того тѣснота, безтолочь, невозможность маневрировать; никто не знаетъ даже своего мѣста. Такой флотъ, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, какъ-бы хороши ни были корабли, неминуемо долженъ погибнуть. Не разъ покушались имѣть иностранныхъ офицеровъ; но Турки не терпѣли учителей гяуровъ, а командировъ не хотѣли и видѣть. Теперь ни одного иностранца не осталось. Истиннымъ друзьямъ Его Султанскаго Величества остается желать, чтобы флотъ его никогда не вступалъ въ бой съ непріятелемъ.

До послѣднихъ дней моего житья въ Константинополѣ откладывалъ я обозрѣніе Галаты, Перы, и посѣщеніе дервишей Мевлеви, живущихъ также въ Перѣ. Галата занимаетъ ту часть города за пристанью, которая во времена Римлянъ называлась смоковичною или фиговою пристанью. Тогда было въ ней больше 700 домовъ и много велико-

лѣпныхъ зданій, которыхъ теперь и слѣда не видно. Гораздо позже, Михаилъ Палеологъ, видя что множество иностранныхъ купцовъ и всякаго рода пришельцевъ и бродягъ наводнили Константинополь, рѣшился, боясь безпорядковъ и бунта отъ такой необузданной сволочи, перевести ихъ всѣхъ на житье въ Галату (*). По взятіи столицы Турками, жители этого предмѣстія покинули свои домы и бѣжали со всѣмъ имуществомъ, какое только могли спасти. Магометъ II, занявъ Галату, приказалъ подробно описать оставшееся послѣ бѣглецовъ имѣніе, хранить его въ цѣлости, и отдать тѣмъ изъ нихъ, которые возвратятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Онъ также приказалъ разломать и срыть стѣны Галаты, и оставилъ ее простою подгородною слободой. Съ того времени Галата сдѣлалась жилищемъ всѣхъ иностранныхъ купцовъ: они здѣсь имѣютъ лавки и складочные магазины, наполненные товарами всѣхъ странъ Европы. Въ Галатѣ есть также прекрасныя мечети, артиллерійскіе магазины, *Топгана,* и славная башня *Буюкъ-Куле*, построенная Императоромъ Анастасіемъ:

(*) Пахимеръ, кн. 2, гл. 35. Григор., кн. 4. стр. 69.

съ нея видѣнъ весь Константинополь и часть его окрестностей. Когда Галатою владѣли Генуэзцы, она была обнесена стѣнами; кое-гдѣ видны и теперь остатки ихъ. Изъ матеріяловъ стѣнъ построены новые домы и мечети. Въ иныхъ мѣстахъ примазали къ стѣнѣ, по обѣ стороны, домики, и кровли ихъ составляютъ надъ нею пестрый вѣнецъ. Галата въ древности составляла 13-й и послѣдній *Регіонъ* Константинополя; теперь это, какъ я сказалъ, сбродъ всѣхъ народовъ міра, вонючее предмѣстіе, гдѣ грязныя, кривыя, узкія улицы довольно отвратительны. Возлѣ Галаты, по горѣ, расположена Пера.

Выходцы всѣхъ народовъ Европы, поселившіеся въ Перѣ, размножились и составили, такъ называемыхъ, *Перотовъ*. Это какъ-бы особый народъ; они приняли даже свой особый костюмъ, полуевропейскій и полутурецкій, въ которомъ расхаживаютъ по улицамъ, суетятся по базарамъ, важничаютъ и гуляютъ по кладбищамъ. Это 15 Европейскихъ племенъ, и всѣ вмѣстѣ они едва составляютъ десятую долю народонаселенія Перы, гдѣ считается до 50 тысячь жителей обоего пола; но они шумятъ, и чванятся тѣмъ, что не признаютъ надъ собой власти Султана, что могутъ безбоязненно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадіямъ, и что ихъ не смѣютъ бить палками по пятамъ. Видя это, право, скорѣе можно почесть ихъ завоевателями Стамбула, а не мирными иностранцами, которые пользуются только правомъ гостепріимства въ чужой имъ державѣ. Это однако не мѣшаетъ Туркамъ честить ихъ, по старой привычкѣ, гяурами, и даже собаками; но Пероты знаютъ, особенно со времени послѣдней Русской войны, что никто прикоснуться къ нимъ не смѣетъ. Всякой изъ нихъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ посла или агента какой нибудь Европейской державы, потому что онъ принадлежитъ къ ея народу.

Лѣтомъ, высшее общество Перы, т. е. дипломатическій корпусъ и семейства богатыхъ банкировъ, живутъ на берегахъ Босфора, въ Терапіи, Буюкдере и на Принцевыхъ островахъ. Пожаръ 1831 года превратилъ это богатое предмѣстіе въ пепелъ. Въ бытность мою еще вездѣ строились. Россійскій посольскій дворецъ также сгорѣлъ; его снова выстроили, и онъ ужь приходилъ къ отдѣлкѣ, но не совсѣмъ еще былъ готовъ.

По вечерамъ, въ хорошую погоду, жители Перы, всѣхъ сословій, пускаются гулять въ *Кючюкъ-Мезарлыкъ,* или на малое кладбище и садятся тамъ, между надгробными мраморами, со всѣмъ безстрастіемъ, какое внушаетъ привычка къ смертности въ странѣ чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Турки, по крайней мѣрѣ, сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность, въ которой, какъ и во всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но мнѣ всегда досадно было смотрѣть на Перотовъ и Перотокъ, которые сходятся сюда съ веселостію своего Левантскаго нрава, со всѣми сплетнями своихъ тѣсныхъ круговъ, толкуютъ о своихъ оборотахъ, выказываютъ свой мѣлкій житейскій бытъ на величіи могильномъ, или назначаютъ любовныя свиданія среди обширнаго поля смерти. Я не понимаю, какъ Турки, имѣя столь строгія понятія о неприкосновенности гробницъ, допускаютъ осквернять могильную святыню, ненарушимую у всѣхъ другихъ народовъ.

Въ Перѣ есть кладбище дервишей Мевлеви, расположенное вокругъ ихъ монастыря *Теккіе*. Оно занимаетъ тамъ одно изъ красивѣйшихъ

мѣстъ. На немъ воздвигнутъ надгробный памятникъ славному *Халедъ-Эфендію* (*), который принадлежалъ къ сословію дервишей, и по смерти оставилъ имъ большіе вклады и богатую библіотеку. Еще при жизни своей онъ украсилъ и обновилъ *Теккіе*, гдѣ совершаются ихъ мистическія пляски (**). Я два раза присутствовалъ при этой церемоніи. Женщины также допускаются, но онѣ занимаютъ особенную галлерею, закрытую рѣшеткою.

Я и свита моя, надѣвши сверхъ сапоговъ желтыя бабуши, вошли въ *Теккіе.* Внутренность его проста. Здѣсь я опять займу у Г-на Базили опи-

---

(*) Всѣмъ извѣстно, какою неограниченною довѣренностію и любовію нынѣшняго Султана пользовался Халедъ-Эфенди. Конечно ему принадлежитъ первая мысль объ истребленіи янычаръ; но Султанъ былъ принужденъ пожертвовать любимцемъ своимъ интригамъ его непріятелей, особенно янычаровъ, которыхъ еще не могъ онъ укротить. Халеда сперва сослали, а потомъ удушили.

(**) Это зрѣлище можно видѣть каждую недѣлю, по вторникамъ и по пятницамъ. Туда довольно свободно допускаютъ всякаго, не смотря къ какому вѣроисповѣданію кто принадлежитъ.

саніе, потому что оно совершенно вѣрно. «Архи-«тектура залы представляетъ полигонъ подъ «остроконечною кровлею; нѣсколько колоннъ и «рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ средины, «или того мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ «дверьми, на хорахъ, находится оркестръ, со-«ставленный изъ нѣсколькихъ восточныхъ флейтъ «и литавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огром-«наго размѣра Арабскія надписи, изъ Корана, «украшаютъ стѣну съ восточной стороны.» Зеленая подушка, для настоятеля ордена, и нѣсколько цыновокъ для братій — вотъ все внутреннее убранство. Средина залы, оставленная для круженія, выполирована какъ стекло. Настоятель, небольшой старикъ, въ зеленой мантіи и въ огромномъ дервишскомъ калпакѣ, неподвижно сидѣлъ на подушкѣ въ восточной сторонѣ залы, обратясь къ зрителямъ. Три дервиша стояли по сторонамъ его, сложивъ руки, потупивъ взоры и не измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тутъ вошло тринадцать дервишей въ парадномъ платьѣ ордена: въ узкихъ суконныхъ доломанахъ до земли, съ широкой драпировкой, перетянутыхъ ремнемъ кругомъ пояса. Они стали въ срединѣ круга, въ

равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Недвижность ихъ потупленныхъ глазъ, болѣзненная блѣдность лицъ, высокіе калпаки, и одежда фантастическаго покроя придавали имъ невыразимую таинственность. Иные были съ длинными бородами, у другихъ-же, очень молодыхъ, совсѣмъ не было бороды. Хоръ запѣлъ, вмѣстѣ съ музыкою, свое *Ля Илляге илль Аллахъ*; потомъ настоятель произнесъ протяжнымъ голосомъ молитву, при которой всѣ дервиши стали на колѣни. Отъ времени до времени они клали земные поклоны и согласно издавали глухой звукъ — *Гу!* (онъ), выходившій какъ будто изъ груди. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ протяжное и тихое пѣніе, сопровождаемое чуть слышными вздохами инструментовъ. Дервиши, за настоятелемъ своимъ, проходили мѣрными шагами передъ зеленой подушкой, на которой, вѣроятно, вышито какое нибудь священное для нихъ имя, останавливались, кланялись ей до земли, и начали свое круженіе на пятахъ, сперва медленно и сложивъ руки на груди. Музыка постепенно дѣлалась громче, хоръ издавалъ восклицанія во славу Аллаха, и круженіе дервишей

становилось живѣе. Они протянули свои руки, подняли глаза къ небу; полы ихъ широкой драпировки наполнились воздухомъ и образовали большіе вертящіеся круги. Блѣдные дервиши казались восторженными. Музыка, пѣніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный гулъ; казалось все *Теккіе* содрогалось; но среди самой большой суматохи — знакъ, данный невидимо, мгновенно остановилъ разомъ и музыку и дервишей. Они очутились въ томъ-же разстояніи одинъ отъ другаго, какъ были при началѣ представленія, опять недвижные и блѣдные какъ мертвецы. Послѣ краткаго отдыха, дервиши опять начали кружиться прежнимъ порядкомъ, только быстрѣе и продолжительнѣе; музыка издавала звуки рѣзче, и усиливалась до самыхъ дикихъ и раздирающихъ слухъ тоновъ; пѣніе дервишей превратилось въ бѣшеныя, дрожащія восклицанія, и такимъ образомъ до трехъ разъ, и все *crescendo*. Глаза ихъ были опущены и почти закрыты, потъ лился съ нихъ градомъ, блѣдность лицъ отѣнялась желтыми и синими отливами; но когда они останавливались, ни малѣйшее движеніе усталости не измѣняло ихъ глубокому

смиренію; даже дыханіе не становилось сильнѣе и грудь не подымалась.

Невозможно представить себѣ, какой эффектъ производитъ все это на зрителей! Дикая гармонія такъ овладѣла и мною, что я былъ какъ подъ вліяніемъ волшебной силы. Вдругъ все прекратилось, омертвѣло— будто съ послѣднимъ трескомъ оркестра лопнула пружина огромной машины! Я невольно содрогнулся, когда послѣ этой бури, постепенно возраставшей, сдѣлалась вдругъ глубокая тишина, и все какъ-бы окаменѣло.

Въ томъ состоитъ все богослуженіе Мевлеви. Этотъ орденъ дервишей болѣе всѣхъ другихъ уважается въ Турціи, и къ чести ихъ должно сказать, что они вообще ведутъ жизнь тихую. Есть слухъ, что они довольно любятъ непозволительный имъ напитокъ (вино); теперь смотрятъ на это сквозь пальцы, и большихъ безпорядковъ нѣтъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о новыхъ перемѣнахъ, введенныхъ Махмудомъ въ его войскѣ. Послѣ войны съ Россіей, Султанъ тщательно занялся устройствомъ регулярныхъ войскъ; безпрестанно и передъ своими глазами училъ

новыхъ воиновъ, формировалъ полки; наконецъ обмундировалъ и вооружилъ ихъ по-Европейски. Новая армія простиралась до 40 тысячъ человѣкъ; но она пришла въ совершенное разстройство послѣ Иконійской битвы, гдѣ не оправдала ожиданій Султана. У противника его, Ибрагима, есть генералы и много офицеровъ изъ Европейцевъ, принявшихъ Магометанскую вѣру; а у Султана именно этого недоставало. Командиры и офицеры несвѣдущіе, по неволѣ принявшіе нововведенныя правила, не понимающіе пользы ихъ, и солдаты, не имѣющіе на нихъ надежды, все это вмѣстѣ сдѣлало большой перевѣсъ въ пользу Ибрагима. Надобно сказать однакожь, что сначала сраженія они дрались храбро и стойко; но противники лучше маневрировали и обошли ихъ почти въ тылъ; тогда все побѣжало, и Султанскія регулярныя войска частію легли на мѣстѣ сраженія, а большею частію погибли въ бѣгствѣ, отъ кавалеріи Ибрагима. Теперь ихъ комплектуютъ; но очень замѣтно, что въ Султанѣ уже нѣтъ прежняго рвенія; онъ унылъ отъ неудачи. Я разсматривалъ подробно Турецкіе полки. Они составлены по большей части изъ ребятишекъ, лѣтъ

16 и 17-ти, которые не знаютъ ни опрятности, ни выправки. Солдатъ стоитъ подъ ружьемъ и ходитъ рохлею; иной въ галстухѣ, иной разстегаемъ и съ голою грудью. Я видѣлъ даже босыхъ на караулѣ! На ученьѣ солдаты равняются худо, а офицеры, по небреженію-ли, или по неопытности не взыскиваютъ за это. Ружья заряжаютъ они и стрѣляютъ мѣшкатно; а хуже всего то, что они отъ нововведеній ничего не ждутъ добраго, и внутренно презираютъ ихъ, какъ выдумку невѣрныхъ, которыхъ, говорятъ они, предки наши всегда бивали по старой своей методѣ. Сераскиръ и другіе вельможи говорятъ: Петръ Великій такъ-же началъ, а послѣ поражалъ своего побѣдителя; но они не знаютъ, что у Петра Великаго, исключая двухъ или трехъ главнокомандующихъ, какъ-то: Шеина, Шереметева, Голицына, и потомъ уже Менщикова, почти всѣ дивизіонные, бригадные и даже полковые командиры были сперва иностранцы. Они образовали офицеровъ, а изъ нихъ впослѣдствіи вышли генералы: Минихъ, Кейтъ, Ласси, Левендаль. Въ царствованіе Императрицъ Анны и Елисаветы явились Салтыковы, Румянцевы, Чернышевы, Дол-

горукіе. Эти, въ свою очередь, при Великой Екатеринѣ, произвели Орлова-Чесменскаго, Каменскаго, великаго Суворова, Репнина, Ферзена. Съ тѣхъ поръ у насъ всегда были знаменитые полководцы. Вообще теперь всѣ генералы хороши, но изъ среды ихъ являются отличные, даже великіе! Сколько ихъ вдругъ вышло при Александрѣ! Кто изъ насъ не помнитъ Барклая де Толли, Багратіона, Ермолова! кто не чтитъ памяти безсмертнаго Кутузова! Въ нынѣшнее-же благополучное время Николая I, когда знамена побѣдоноснаго войска Его развѣвались съ одной стороны въ Эрзерумѣ, а съ другой въ Адріанополѣ, и угрожали самой столицѣ Султановъ, Турки безъ трепета не вспоминаютъ имени Паскевича-Эриванскаго. Вотъ что насадилъ Петръ Великій! Но у него были учители и командиры. Турки этого никогда имѣть не будутъ. Надо принять ихъ вѣру, чтобы поступить въ службу и надѣяться потомъ командовать; но чего можно ждать отъ ренегатовъ, которыхъ сами Турки внутренно презираютъ? Науки у нихъ вообще въ презрѣніи, и офицеры, кромѣ фрунтовой службы, и то по навыку, ничему не учатся. По моему мнѣнію, никогда у нихъ не будетъ арміи, и кажется не къ тому идетъ Турецкое государство.

Регулярная кавалерія у Турокъ вся легкая. Она состоитъ изъ гусаръ и улановъ, сформированныхъ Наполеоновскимъ офицеромъ, Піемонтцемъ *Коллосомъ*. Я смотрѣлъ любимые Султанскіе эскадроны гвардіи. Во время маневровъ Султанъ любитъ командовать ими самъ. Они отлично богато одѣты: синія куртки съ желтыми шелковыми снурками весьма красивы. Трудно сначала было заставить ихъ ѣздить на длинныхъ стременахъ, съ вытянутой ногою; самая форма Европейскаго сѣдла была для нихъ противна. И теперь даже, новообразованные кавалеристы, если чуть не досмотрятъ за ними, тайкомъ укорачиваютъ свои стремена. Это происходитъ отъ привычки ихъ сидѣть въ казармахъ, и даже въ караульняхъ, на полу, по прежнему, поджавши подъ себя ноги. Кавалерія точно цвѣтокъ Турецкаго регулярнаго войска: лучшіе рекруты поступаютъ въ нее; всѣ Константинопольскіе щеголи служатъ въ ней. Золотое шитье идетъ къ ихъ Азіятской осанкѣ; они любятъ брянчать саблею и шпорами по мосто-

вой. Офицеры затвердили нѣсколько привѣтствій по-Французски, начинаютъ шаркать и кланяться по-Европейски, и слывутъ между молодежью примѣромъ хорошаго тона. Молодые Турки вообще радушны и привѣтливы, особенно къ Европейскимъ офицерамъ; стараются перенять ихъ манеры и непринужденность; но тѣмъ ограничивается все ихъ образованіе.

На маневрахъ кавалерія атакуетъ съ перваго шагу быстро, но фронтъ скоро разстроивается, и потомъ выравнивается мѣшкатно. Заѣзды также плохи; дистанціи между дивизіонами, или взводами, худо соблюдаются; но я видѣлъ построеніе полка, сдѣланное на всемъ скаку по третьему эскадрону очень хорошо, быстро, и линія соблюдена была исправно. Лошади вообще мѣлки; рѣдкая въ два вершка; но онѣ крѣпки, горячи и хорошо выдержаны. Могу ошибаться, но, по мнѣнію моему, для легкой кавалеріи ничего лучше не надобно.

Вообще, во всей арміи нѣтъ опредѣленной границы между офицерами и нижними чинами. По новому положенію о регулярныхъ войскахъ, и офицеры, до маіорскаго чина, подвержены тѣле-

снымъ наказаніямъ: ихъ такъ-же какъ солдатъ сѣкутъ розгами по груди; вѣроятно для того, чтобы привыкли получать раны въ грудь, а не въ спину.

Полевая артиллерія всегда была у Турокъ въ лучшемъ устройствѣ, чѣмъ остальныя войска, и теперь сохранила свое первенство. Но пушки теперь несравненно лучше отлиты, и способнѣе къ употребленію. Этимъ обязаны они Французамъ. Корпусъ *Топчи* и *Кумбараджи* (канонеровъ и бомбардировъ) ввѣренъ *Халиль-Пашѣ*, который усердно занимается улучшеніемъ этой части. Офицеры даже учатся математикѣ, и изъ нихъ есть довольно хорошіе артиллеристы.

Краткое обозрѣніе мое регулярнаго Турецкаго войска, такъ-же какъ всѣхъ ихъ нововведеній, ясно доказываетъ, что всѣ улучшенія въ Турціи вводятся личными побужденіями одного вельможи, одного Султана. Народъ равнодушенъ ко всему, и, неподвижный въ своихъ понятіяхъ, не хочетъ постигнуть, къ чему ведутъ новыя изобрѣтенія. Возьмите въ примѣръ книгопечатаніе, которое, можно сказать, въ одно мгновеніе разбудило спящій геній Европы: здѣсь существуетъ оно уже

цѣлый вѣкъ, и нѣсколько разъ почти уничтожалось; вліяніе его до сихъ поръ вяло и безжизненно. Махмудъ, болѣе занятой военными преобразованіями, не забылъ и книгопечатанія: новыя и красивыя литеры отлиты для его типографіи въ Парижѣ, у Дидота, и новаго изобрѣтенія станки выписаны изъ Англіи. Уже напечатано нѣсколько книгъ: это новые военные регламенты, опыты о Европейской тактикѣ, и Исторія истребленія янычаръ (*). Все это доказываетъ только, что Махмудъ усиливается пересоздать свой народъ и свое царство; но народъ мало его понимаетъ, и вовсе ему не сочувствуетъ.

На третій день послѣ визита моего къ Сераскиру, Ахметъ-Паша прислалъ спросить меня, когда ѣду я въ Бруссу. Онъ велѣлъ сказать съ своей стороны, что отправляется туда на другой-же день, и что если я скоро поѣду, то застану его въ Никомидіи; не то, онъ распорядится такъ, что я найду лошадей, провожатыхъ, и все, что

(*) Я очень удивился, когда увидѣлъ какъ работаютъ здѣсь наборщики: они сидятъ на коврѣ, обставлены со всѣхъ сторонъ ящиками литеръ, набираютъ, и въ то-же время курятъ свою трубку.

только мнѣ угодно будетъ, въ Никомидіи; а ожидать меня будетъ онъ въ Бруссѣ. Я велѣлъ благодарить Пашу за его вѣжливость, и сказать, что мнѣ раньше двухъ дней выѣхать невозможно; что я ожидаю писемъ изъ Россіи съ Одесскимъ пароходомъ, и заѣду еще на Принцевы острова, гдѣ пробуду сутки, а оттуда уже отправлюсь въ Никомидію. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ Ахметѣ Пашѣ.

Онъ теперь въ большой милости у своего Государя, который недавно пожаловалъ его Генералъ-Адъютантомъ. Ахметъ считается въ числѣ первыхъ ревнителей нововведеній; онъ болѣе занимается по части промышленности и сельскаго хозяйства, командуетъ въ Анатоліи, и носитъ на груди знаки отличія: это награжденіе замѣнило у Турокъ жалованныя прежде Пашамъ шубы. Онъ человѣкъ лѣтъ сорока, пріятной наружности, привѣтливъ и особенно вѣжливъ; но бывши съ нимъ въ Азіи, я замѣтилъ, что подчиненные боятся его чрезвычайно.

Въ это время житья моего въ Константинополѣ начали поговаривать о чумѣ. Я не хотѣлъ, чтобъ она застала меня врасплохъ, въ гостинницѣ, и

сталъ торопиться отъѣздомъ. Можетъ быть не всѣ знаютъ, что Русскій докторъ Самойловичъ первый открылъ и началъ утверждать, что чума существуетъ не въ воздухѣ, и не сообщается иначе какъ прикосновеніемъ. Тогда Французы сильно оспоривали это, особенно Докторъ Парисъ (Pâris) исписалъ кучу бумагъ на возраженія. Теперь уже вся Европа признала справедливость замѣчаній нашего знаменитаго врача. Нѣкоторые ученые приписываютъ эту болѣзнь даже насѣкомымъ, ускользающимъ отъ микроскопическихъ наблюденій, и говорятъ, что шелуди и другія накожныя болѣзни имѣютъ такое-же начало. Это еще не доказано, однако мнѣ кажется вѣроятно. Опытъ показываетъ, что продающіе и разливающіе масло, имѣя бѣлье и часто платье напитанное масломъ, никогда или по крайней мѣрѣ очень рѣдко подвергаются заразѣ; водоносы также почти не заражаются; а извѣстно, что вода и масло истребляютъ насѣкомыхъ.

Я нанялъ *кирлангичъ* (*), съ шестью гребцами, до Принцевыхъ острововъ, и условился, чтобы тамъ ждали меня сутки, или двои, а потомъ доставили въ Никомидію. Я распрощался съ нашимъ Посланникомъ и его семействомъ: благодарилъ ихъ за добрый, благосклонный пріемъ, обнялъ всѣхъ своихъ пріятелей Константинопольскихъ, особенно Г-на Фродинга и Г-на Богданова, которымъ остаюсь благодаренъ за ихъ дружбу, совѣты и помощь въ моихъ разысканіяхъ, и приготовился къ отъѣзду. Еще разъ объѣхалъ я вокругъ стѣнъ Константинополя, вздохнулъ и подумалъ: Вотъ остатки этого знаменитаго города! Нѣсколько изувѣченныхъ колоннъ, развалина одного царскаго дворца, и православные храмы, обращенные въ мечети и звѣринцы! Водопроводы и стѣны — вотъ главное, что осталось отъ столицы Константина Великаго, вмѣстѣ съ семью холмами ея. Эти холмы будто предзнаменовали, что на прелестномъ берегу Босфора Ѳракійскаго должна была возстать столица преобразованной Имперіи, преемница семихолмнаго Рима!

(*) Легкая гондола, или лодка, остроконечной формы. Такія лодки служатъ для самого Султана. Онѣ плаваютъ быстро, и по фигурѣ своей и быстротѣ прозваны *кирлангичъ* (ласточка).

ГЛАВА VIII.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА, НИКОМИДІЯ, БРУССА, ОЛИМПЪ, ДАРДАНЕЛЛЫ, ТРОЯ.

Рано поутру сѣлъ я на кирлангичъ, со своимъ камердинеромъ. Я взялъ еще съ собой панятаго слугу, переводчика стараго Франческо. Погода была прекрасная, море совершенно тихо. Какъ хорошъ Константинополь съ моря! Поравнявшись съ устьемъ Босфора, гдѣ столько разъ гулялъ я по берегамъ, я съ невольною грустію подумалъ, что въ послѣдній разъ вижу эту очаровательную картину. Прости Беглербейскій дворецъ (*)! Про-

(*) Беглербейскій дворецъ, на Азіятскомъ берегу Босфора, любимое мѣстопребываніе Султана.

сти Буюкдере, съ знаменитыми чинарами Балдуина! Прости прелестная Хуньяръ-Скелеская долина, на которой Турки видѣли стройные ряды побѣдоносныхъ войскъ Николая! Праздникъ, данный въ этой долинѣ Графомъ Орловымъ, передъ обратнымъ походомъ Рускихъ, служитъ предметомъ разсказовъ для Турокъ: они описываютъ его какъ чудо, достойное древнихъ Халифовъ!

Скоро миновалъ я Скутари. Принцевы острова означались яснѣе. Послѣ двухъ часовъ съ половиной плаванія, я присталъ къ главному изъ нихъ, *Принкипосъ*. Два другіе, *Прота* и *Антигона*, остались у меня далеко вправо; но четвертый, *Халкисъ*, былъ очень близко. Городъ Принкипосъ находится на восточной сторонѣ острова того-же имени. Онъ расположенъ вдоль берега. Жители его по большей части Греки, моряки и земледѣльцы. Ихъ считаютъ здѣсь до трехъ тысячь. Берегъ Азіи очень виденъ: онъ верстахъ въ семи, не больше, и корабли во всякое время года находятъ вѣрное пристанище въ этомъ узкомъ проливѣ, особенно становясь саженяхъ въ 20-ти отъ Халкиса или Принкипоса. Мѣлкія суда причаливаютъ къ самой набережной.

Принцевыхъ острововъ всего девять; изъ нихъ четыре большихъ и пять маленькихъ. На полдень отъ Принкипоса небольшой *Кроличій* островъ; на западъ два маленькіе: *Оксія* и *Плата*; еще два безъимянные: это просто двѣ каменныя скалы.

Принкипосъ, самый большой и плодородный изъ девяти острововъ, долженъ быть произведеніе волканическое, потому, что весь составленъ изъ кварца и гранита, совершенно разложенныхъ и пришедшихъ въ большое измѣненіе. Почва земли возвышенная, неровная и гористая, вездѣ показываетъ, что подземный огонь работалъ: она суха и безплодна на высотахъ, красновата, но довольно жирна въ низкихъ мѣстахъ, особенно на полдень отъ города. Между растеніями я замѣтилъ: Алепскую сосну, кадъ (родъ можжевельника), много душистыхъ травъ, цистръ и проч. На этомъ островѣ сѣютъ немного пшеницы, ячменя, гороху, бобовъ, Турецкихъ и простыхъ; содержатъ виноградъ, но вина изъ него не дѣлаютъ, потому что выгоднѣе продавать его кистями на Константинопольскихъ рынкахъ. Смоквы здѣсь удивительно вкусны: плодъ снаружи зеленый, а внутри яркокраснаго цвѣта, сочный и усладительный.

Принкипосъ часто служилъ мѣстомъ ссылки для Греческихъ Князей. Здѣсь-же была изгнанница и больше знаменитая: это Ирина, жена Льва Багрянороднаго. Она родилась въ Аѳинахъ, и достигла престола не знатностью рода, а красотой и умомъ; но она не знала предѣловъ своему честолюбію, и послѣ смерти мужа обезчестила себя всякаго рода злодѣяніями. Одинъ изъ приближенныхъ ея, Никифоръ, свергнулъ съ престола недостойную вдову Императора, сослалъ сюда и велѣлъ заключить въ монастырь, ею-же самою построенный.

Жители Принцевыхъ острововъ ловятъ множество рыбы всякаго рода, также устрицъ и муфелей. Дичь здѣсь только перелетная, зайцевъ мало, а кроликовъ вовсе нѣтъ; за то на островѣ, который носитъ ихъ имя, они безчисленны. Впрочемъ, на Принкипосѣ не встрѣтилъ я ничего особенно замѣчательнаго; древнихъ памятниковъ нѣтъ никакихъ. Но благорастворенiе воздуха и мѣстоположеніе очаровательны. Вдалекѣ видны Константинополь и Азіятскій берегъ (*). Отъ Принки-

(*) Если-бъ я жилъ въ Константинополѣ, то на лѣтнее время не имѣлъ-бы, по примѣру всѣхъ живущихъ тамъ Европей-

поса до Халкиса версты четыре. Я плавалъ туда осмотрѣть Троицкій монастырь. Настоятель и монахи его, люди кроткіе, гостепріимные, ведутъ жизнь тихую и строгую. Монастырь построенъ на горѣ, посрединѣ острова; видъ изъ него прекрасенъ! На воротахъ монастырскихъ есть картина, изображающая Рай и Адъ. Въ аду множество Мусульманъ; въ раю только монахи, простые священники, и простолюдины въ бѣдномъ платьѣ. Я замѣтилъ одному монаху, что Турки, увидя себя въ аду, могутъ разсердиться; онъ отвѣчалъ мнѣ, что это уже не разъ и случалось, но монахи всегда откупались деньгами, а картиной такъ дорожатъ, что никакъ не согласятся снять ея. Не потому-ли, что она удивительно дурно написана и конечно не древняя? На Халкисѣ есть и другіе монастыри; на Принкипосѣ ихъ два, на возвышеннѣйшихъ мѣстахъ острова; но я не имѣлъ времени осмотрѣть всѣ. Во всѣхъ этихъ

цевъ, дачи, ни въ Бѣлградѣ, ни въ Буюкдере, ни на Европейскомъ берегу Босфора, хотя онѣ очень пріятны. Я непремѣнно избралъ-бы мѣсто на Принцевыхъ островахъ, или на обворожительномъ Азіятскомъ берегу Босфора.

монастыряхъ братія живутъ скромно, можно сказать примѣрно; занимаются земледѣліемъ, ремеслами для нихъ нужными, и не знаютъ никакихъ страстей. За то они здоровы и достигаютъ глубокой старости. Турки не тревожатъ ихъ и живутъ съ ними въ мирѣ. Смѣненный не задолго до моего пріѣзда Патріархъ, извѣстный своими познаніями и украшенный добродѣтелями, жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, куда сослали его. Я не имѣлъ чести видѣть его: онъ былъ очень боленъ и велѣлъ изъявить мнѣ свое сожалѣніе, что не можетъ меня принять.

Рано по утру отправился я съ Принцевыхъ острововъ. Кирлангичъ мой взялъ направленіе къ востоку. Мы подняли парусъ, и при самомъ умѣренномъ вѣтрѣ, не теряя изъ вида Азіятскаго берега, шли довольно быстро. Скоро мы повернули круто къ полудню и обогнули Кафтальскій мысъ. По этому направленію плыли мы часа полтора, прошли мимо Георгіевскаго монастыря, мимо Акритскаго мыса, и пристали къ берегу близъ Туслы, у деревеньки, которую Турки называютъ Хевиса. Деревенька эта на большой дорогѣ, ведущей изъ Скутари въ Никомидію. Такъ вотъ

она, древняя Ливисса!... Тутъ кончилъ дни величайшій полководецъ своего времени, Аннибалъ, побѣдитель Римлянъ! Этотъ бугоръ, на сѣверъ отъ селенія, Аннибалова могила (*). Пока гребцы мои обѣдали и отдыхали, я осмотрѣлъ бугоръ. Нѣтъ никакихъ остатковъ, по которымъ можно было-бы навѣрное признать это мѣсто могильнымъ холмомъ Аннибала. Извѣстно только, что изгнанный неблагодарнымъ отечествомъ, преслѣдуемый Римлянами, не перестававшими страшиться его, оставленный даже послѣднимъ покровителемъ, Царемъ Антіохомъ, онъ скончался въ Ливиссѣ, еще замышляя нанесть новые удары Риму. Удивительная судьба великаго человѣка! Аннибалъ, ужасъ Рима, герой, едва не измѣнившій всей исторіи и просвѣщенія Европы въ пользу Африки, почіетъ смиренно, въ бѣдной и почти никому неизвѣстной деревенькѣ, въ углу Пропонтиды! Я тщательно осматривалъ холмъ, и, кажется, могу сказать съ увѣренностью, что онъ еще никогда не былъ разрываемъ. Я не могъ тутъ долго останавливаться, и возвратился къ лодкѣ, гдѣ нашелъ гребцовъ

(*) Евтропій, кн. 4, гл. 11.

своихъ, ожидающихъ моего приказанія. Мы поплыли возлѣ самаго берега, обогнули Филокренскій мысъ, и, круто поворотя къ востоку, вошли въ Никомидійскій заливъ. Онъ далеко врѣзывается въ землю; берега его гористы и живописны; въ самомъ концѣ его, гдѣ заливъ довольно съуживается, была нѣкогда знаменитая Никомидія.

Филокренскій мысъ получилъ свое названіе отъ города того-же имени. Здѣсь-то погибавшая Греческая имперія, въ послѣдній разъ осмѣлилась сразиться съ Турками. Греками предводительствовалъ Императоръ Андроникъ; Турки сражались подъ начальствомъ славнаго Султана своего Оркана. Хотя Византійскіе писатели приписываютъ побѣду своимъ соотчичамъ, но, судя по слѣдствіямъ сраженія, скорѣе должно приписать ее Туркамъ. Раненый Андроникъ спасся бѣгствомъ въ Константинополь. Турки овладѣли лагеремъ, всѣмъ обозомъ, и черезъ два дни послѣ битвы взяли Филокрено, а скоро потомъ и Никомидію.

Никомидію (нынѣшній Ис-никъ) основалъ Никомедъ II, сынъ и наслѣдникъ вѣроломнаго Прусіаса, Царя Виѳинскаго. Онъ перенесъ туда свою столицу, и роскошный дворъ его славился на вос-

токѣ. Извѣстно, что Юлій Цезарь, въ молодыхъ лѣтахъ, жилъ нѣсколько времени у Никомеда Втораго. При Римскихъ Цезаряхъ, этотъ городъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Въ немъ славился великолѣпный театръ; стѣны города, если вѣрить Византійскимъ писателямъ, не уступали твердостію стѣнамъ Вавилонскимъ. Никомидіи покровительствовалъ Августъ; Траянъ украсилъ ее многими зданіями; но Діоклитіанъ особенно возвеличилъ ее, перенесъ въ нее свою резиденцію, и усилилъ великолѣпіе до такой степени, что вскорѣ Никомидія сдѣлалась соперницей Рима. И теперь видны еще остатки развалинъ дворца Діоклитіанова. Въ наше время, Ис-никъ бѣдное мѣстечко. Я тщетно искалъ какихъ нибудь остатковъ его величія: все погибло; даже имя его не существуетъ и едва угадывается въ Ис-никѣ, нынѣшнемъ его названіи.

Османъ-Ага, командующій здѣсь, встрѣтилъ меня и объявилъ, что Ахметъ Паша приказалъ ему быть совершенно въ моемъ повелѣніи. Онъ приготовилъ мнѣ квартиру у одного Грека, и сказалъ, что я могу отъ него требовать всего, что мнѣ угодно будетъ, а лошади и проводники готовы, когда только я захочу ѣхать въ Бруссу,

гдѣ Ахметъ Паша пробудетъ еще недѣлю. Я благодарилъ Османа за его вѣжливость, и отвѣчалъ, что теперь мнѣ ничего не надобно кромѣ покоя; но что квартирой я воспользуюсь, и на другой день около обѣда поѣду въ Бруссу. Козмосъ, мой хозяинъ, ожидалъ меня у себя, принялъ съ радушіемъ и повелъ въ пріуготовленный покой. Онъ очистилъ для меня свои собственныя комнаты, а самъ съ женою и тремя дочерьми помѣстился въ какомъ-то чердачкѣ. Я совѣстился, что невольно стѣснилъ это бѣдное семейство; но дѣлать было нечего: одна ночь скоро пройдетъ, и я хотѣлъ за нее щедро вознаградить. Выкуривъ трубку славнаго своего Бострскаго табаку, я взялъ Грека, моего хозяина, и пошелъ съ нимъ къ Осману-Агѣ. Улица, по которой мы проходили, была узкая; всѣ строенія здѣсь бѣдны; жители на половину Греки, однако есть и Жиды. Въ Ис-никѣ двѣ мечети; одна передѣлана изъ старой христіанской церкви. Османъ-Ага встрѣтилъ меня у дверей, и мы пошли съ нимъ въ его покои, а когда усѣлись на диванѣ, то, послѣ обычныхъ привѣтствій, намъ принесли кофе и трубки. Османъ сказалъ мнѣ, что онъ за счастіе почитаетъ видѣть у

себя въ домѣ друга своего начальника; что Ахметъ-Паша приказывалъ ему угощать меня, какъ-бы самого его. Я поблагодарилъ старика Агу, и распрашивалъ, не осталось-ли въ городѣ какихъ нибудь древностей, или замѣчательныхъ зданій?— Какихъ рѣдкостей вы хотите здѣсь найти!— отвѣчалъ Ага. — У насъ по недѣлѣ и баранины не бываетъ! Какой-то Грекъ перестроивалъ домъ, и нашелъ въ стѣнѣ каменную руку съ однимъ пальцемъ. Онъ эту дрянь, вообразите, продалъ Жиду, за червонецъ. А на что-бы она годилась Жиду? Развѣ на ворожбу! Эти нечестивцы колдуютъ. Одинъ изъ нихъ, знаете-ли какъ отмстилъ своему врагу? Сдѣлалъ изъ тѣста куклу и прокололъ ей иголкой сердце, проговоря какую-то чертовщину: въ ту-же минуту, врагъ его, жившій въ Константинополѣ, палъ мертвъ! Можетъ статься, и руку эту Жидъ купилъ на такое-же дѣло.— Я сказалъ Осману, что ворожбамъ не вѣрю, а ежели есть люди, которые дозволяютъ себѣ дѣлать зло, то надобно молиться Богу, чтобы онъ просвѣтилъ ихъ неразуміе и очистилъ сердце. — Вотъ еще! сказалъ Османъ.—Молиться о собакѣ. — Посидѣвъ съ старымъ Туркомъ, я пошелъ къ тому мѣсту,

гдѣ, какъ полагаютъ, былъ Діоклитіановъ дворецъ. Груды кирпичей, черепицы, и нѣсколько камней показываютъ ясно, что тутъ было когда-то значительное строеніе; но ни колоннъ, ни мрамора не видно. Вѣроятно, всѣ такіе матеріялы перевезены въ Константинополь, для какого нибудь новаго строенія. Отъ этого мѣста начинается большое поле; оно незамѣтною покатостью идетъ къ заливу. За полемъ, близъ залива, видѣнъ замокъ, гдѣ уцѣлѣло нѣсколько башень: это древній *Анкиронъ*, а нынѣ Гереке. Невольно впадешь въ размышленіе на этомъ полѣ и при этомъ замкѣ. Тутъ совершилось большое событіе въ Исторіи, а тамъ сошелъ въ вѣчность великій человѣкъ. Здѣсь сложилъ съ себя корону Діоклитіанъ, и потомъ удалился въ Салону, жить въ уединеніи, частнымъ человѣкомъ; въ Анкирѣ скончался Константинъ Великій. Разсматривая это поле, засѣянное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арбузами, я нашелъ, на самомъ высокомъ его мѣстѣ, небольшую кучку камней: они были тесаные, и должны были составлять что-то цѣлое, но, навѣрно, не строеніе; для этого мѣсто слишкомъ тѣсно; къ тому-же, никакихъ другихъ остатковъ, никакихъ признаковъ разва-

линъ нѣтъ. Неужто это была та самая каѳедра, съ которой Діоклитіанъ въ послѣдній разъ держалъ рѣчь къ народу? Отрѣченіе его отъ престола останется навсегда загадкою для потомства. Многіе современники его думали, что если-бы народъ изъявилъ малѣйшее сожалѣніе, малѣйшее участіе, если-бы хоть одинъ голосъ закричалъ Августу, чтобы онъ не покидалъ правленія, Діоклитіанъ остался-бы. Я остановился при этихъ камняхъ, и вся картина событія представилась моему воображенію: поле усыпанное народомъ, ожидающимъ чего-то новаго, необыкновеннаго. Весь дворъ, духовенство, военные и гражданскіе чиновники стояли здѣсь въ торжественномъ нарядѣ. Вотъ мѣста, приготовленныя для Августа, для его семейства, и для знатныхъ женщинъ города. Вдругъ показалась Августова колесница: она тихо подъѣзжала, сопровождаемая множествомъ конныхъ; Цезарь Галерій, молодой Константинъ (тогда еще не Цезарь), Консулы, Трибуны, Царь Армянскій, были въ томъ числѣ. Они сошли съ лошадей. Августова колесница доѣхала до изготовленной ему каѳедры. Поддерживаемый двумя ликторами, онъ съ трудомъ взошелъ по ступе-

нямъ, и сказалъ къ народу рѣчь, искусно сочиненную: напомнилъ ему о многочисленныхъ своихъ благодѣяніяхъ, о мирѣ, столько лѣтъ ненарушимомъ, о торжествѣ своемъ надъ Персами. Онъ останавливался нѣсколько разъ, вѣроятно желая видѣть, какое дѣйствіе производила рѣчь его.... Но не слышно было ни одного голоса, который-бы началъ благодарить его и умолять, чтобъ онъ продолжалъ управлять Имперіею; всѣ показывали только любопытство. Наконецъ онъ сталъ говорить о слабости своего здоровья, о невозможности переносить труды правленія, объявилъ намѣреніе свое удалиться и отдать верховное правленіе государства въ руки больше крѣпкія. Тутъ онъ еще остановился. Молчаніе продолжалось. ... Тогда, подозвавъ Галерія, онъ представилъ его народу какъ Августа, снялъ съ себя порфиру, надѣлъ ее на новаго Императора и сошелъ съ каѳедры. Раздались радостныя восклицанія, но не общія, и трудно было судить, чему радовались? выбору-ли наслѣдника, или отрѣченію Діоклитіанову? Галерій тотчасъ сталъ на мѣсто Діоклитіана, а тотъ сѣлъ опять въ колесницу, и никѣмъ не провожаемый, поспѣшно возвратился въ городъ,

гдѣ уже все изготовлено было для отъѣзда его въ Салону. Такъ заключилось царствованіе Діоклитіаново. Вся эта картина живо представилась мнѣ. Я стоялъ на Діоклитіановомъ, на Галеріевомъ мѣстѣ! . . . Но поле было пусто! Нѣтъ Консуловъ, Трибуновъ, нѣтъ Римлянъ! Нѣтъ Никомидіи! — Бѣдное мѣстечко Ис-никъ, засѣянное арбузами поле, непросвѣщенные Турки, никогда не слыхавшіе о Діоклитіанѣ, о Константинѣ, заступили ихъ мѣсто. Потупивъ голову, съ грустью пошелъ я далѣе; мнѣ была приготовлена лошадь. Я поѣхалъ въ Анкиру. Ни гдѣ, мнѣ кажется, не льзя видѣть такого прелестнаго мѣста, какое представляютъ берега Никомидійскаго залива. Природа истощила здѣсь всѣ свои сокровища! Богатая почва, голубое небо, прекрасныя рощи, множество плодовъ, винограда, огромные чинары, все это вмѣстѣ составляетъ дикую, но несравненную картину! Я не дивился, что Діоклитіанъ любилъ жить въ этомъ мѣстѣ. Селенія вокругъ теперь рѣдки, или, лучше сказать, ихъ почти во все нѣтъ. Турки все опустошили, все раззорили, и не думаютъ что нибудь исправить. Козмосъ ѣхалъ со мною и дивился, отъ чего я задумался, и зачѣмъ такъ долго раз-

сматривалъ пустую арбузную бахчу. Я старался разсказать ему; но онъ меня не понималъ, и спросилъ: зачѣмъ я ѣду въ Анкиру? — Видѣть мѣсто, гдѣ скончался Константинъ Великій.—Онъ качалъ головой, говоря мнѣ: Не правду вамъ сказали; онъ умеръ въ церкви Св. Софіи, откуда ангелы перенесли его прямо предъ престолъ Всевышняго!

Въ полчаса мы доѣхали до Анкира. Предмѣстія уже нѣтъ. Замокъ, нѣсколько разъ завоеванный, то Турками, то Греками, и даже отрядомъ войскъ Тамерлановыхъ, совершенно опустошенъ и раззоренъ. Глубокіе рвы его почти вездѣ вровень засыпаны. Въ комнаты верхняго этажа и лѣстницы нѣтъ; въ нижнемъ живутъ два Турецкія семейства, которыя насъ довольно дурно приняли; но когда узнали, что я ничего не требую, а смотрю ихъ жилище изъ одного любопытства, то оставили меня въ покоѣ. Видъ отсюда прекрасенъ. Въ отдаленіи на землѣ видны голубыя горы, рощи и рѣка. Бѣдная Никомидія! Вотъ и ея лачуги въ правой сторонѣ! Заливъ, при заходившемъ солнцѣ, былъ освѣщенъ прелестно. Болѣе ничего я видѣть не могъ: въ покояхъ Константина вездѣ провалились своды; тамъ живутъ мыши летучія и совы.

Суета суетъ, и всяческая суета! Я не слѣзалъ даже съ лошади; далъ Туркамъ бакчизъ и возвратился въ Никомидію.

Пріѣхавъ домой, я замѣтилъ, что было какое-то приготовленіе. Въ комнатѣ моей были разсыпаны цвѣты, накрытъ столъ скатертью; молодыя хозяйки въ нарядѣ, и хозяинъ казался довольнымъ, улыбался. Дѣвицы встрѣтили меня у дверей; большая взяла мою руку и поцѣловала; я не успѣлъ предупредить этой вѣжливости, и когда хотѣлъ ей заплатить тѣмъ-же, то отецъ сказалъ: О! о! ну стоитъ-ли этого дѣвка.—Я сѣлъ на диванъ и пригласилъ хозяина сѣсть со мною. Старая хозяйка, съ дочерьми, убирала столъ цвѣтами; онѣ просили меня ужинать. Тщетно отговаривался я тѣмъ, что никогда не ѣмъ по вечерамъ; онѣ мнѣ сказали, что я вѣроятно не захочу ихъ обидѣть, что дѣвицы Козмосъ сами для меня готовили, и провизія пашинская. Я наконецъ согласился, но видя одинъ мой дорожный приборъ на столѣ, спросилъ, отъ чего-же нѣтъ и имъ приборовъ? Козмосъ сказалъ, что они всѣ будутъ мнѣ служить, а сами поѣдятъ послѣ; тогда я рѣшительно отказался отъ ужина, или хотѣлъ, чтобы они ужи-

нали со мной. Прибавили еще одинъ приборъ, для Козмоса; я опять заспорилъ и насилу упросилъ, чтобъ и старуха съ нами сѣла. Но дочерей посадить за тотъ-же столъ Козмосъ никакъ не согласился: онѣ носили намъ кушанья и служили. По восточному обычаю, прежде всего подали умыться. Кушаньевъ было много, но я только отвѣдывалъ ихъ, не привыкши ужинать. Старики ѣли аппетитно и много; дѣвицы стояли скромно, перемѣняли тарелки, и съ любопытствомъ глядѣли на меня. Я однакожь таки поѣлъ козленка, прекрасно зажаренато, и приказалъ своему слугѣ подать бутылку шампанскаго, которая находилась въ моихъ дорожныхъ припасахъ. Хозяева мои сначала отказывались; но я, въ свою очередь, увѣрилъ ихъ, что это будетъ мнѣ обидно, и что на прощаньѣ надо выпить за здоровье Православнаго Царя, и пожелать мнѣ на завтра добраго пути. Они согласились. Я налилъ Козмосу добрый стаканъ. Онъ всталъ, снялъ свою скуфейку, поднялъ глаза къ небу, и почтительно выпилъ за здоровье Русскаго Царя. Старуха не смѣла отказаться и выпила полстакана; дѣвицы только отвѣдали, поморщились и поклонились. Я, въ свою очередь, от-

благодарилъ ихъ, и просилъ не забыть меня. Старикъ, которому шампанское, кажется, полюбилось, протянулъ руку со стаканомъ, выпилъ, и передалъ стаканъ женѣ. Она ужь не отговаривалась, и такимъ образомъ бутылку осушили. Разговоръ сталъ гораздо веселѣе и откровеннѣе. Тутъ я узналъ, что у старшей дочери есть женихъ, но что они не смѣли представить его мнѣ, что онъ рейсъ (морякъ), имѣетъ собственную лодку и шесть товарищей (гребцовъ); ѣздитъ даже въ Архипелагъ, и очень искусенъ въ мореплаваніи. Я на другой день съ нимъ познакомился и нанялъ его лодку. Послѣ ужина, старикъ хозяинъ взялъ мандолину, родъ торбана, и заигралъ, а дочери его, какъ три Граціи, пошли танцовать ромейку. Онѣ дѣйствительно были прелестны, веселы, и, ознакомившись со мною, очень свободны и любезны въ обхожденіи. Я пріятно провелъ съ ними часа два вечера. Мнѣ подали разныхъ плодовъ и арбуза; я, въ свою очередь, подчивалъ ихъ плодами, присланными ко мнѣ отъ имени Ахмета-Паши. Передъ тѣмъ какъ надобно было расходиться спать, я подарилъ старшей дѣвицѣ ожерелье, а двумъ меньшимъ по парѣ браслетъ изъ хрисокала. Я не

видывалъ такой радости, можно сказать, такого восторга! Онѣ не отводили глазъ отъ своихъ сокровищъ; отецъ былъ внѣ себя; онъ кланялся, и приказалъ дочерямъ цѣловать мои руки. Я сказалъ ему, что у насъ это не водится, но чтобъ онъ позволилъ мнѣ поцѣловать своихъ красавицъ. Онѣ очень благосклонно протянули губки, и мы разошлись дружелюбно. Рано по утру, лошади и конвой изъ четырехъ вооруженныхъ кавасовъ ожидали меня у дверей. Османъ-Ага пришелъ самъ проводить меня. Онъ очень любовался моими Тульскими двуствольными пистолетами, но не понималъ, какъ можно изъ нихъ стрѣлять. Я растолковалъ ему механизмъ, и подарилъ ихъ, съ коробочкой капсулей для затравки. Добрый Ага былъ въ восхищеніи и проводилъ меня до заставы своей деревушки, нѣкогда пышной Никомидіи. Все семейство моихъ хозяевъ плакало при прощаньи со мной.

Утро было прекрасное; день еще не жарокъ; вдали виднѣлась цѣпь горъ Арганѳонскихъ, которыя казались голубыми. Поля, довольно обработанныя, и кой-гдѣ рощи, представляли очаровательный ландшафтъ. Часовъ черезъ пять мы въѣха-

ли въ горы, и остановились, покормить лошадей и пообѣдать, въ небольшой деревенькѣ *Таушанджи*, на горѣ, принадлежащей къ Арганѳонской цѣпи горъ. Я узналъ, что у здѣшнихъ жителей есть довольно странная обязанность: они должны всходить на самую вершину Олимпа, наблюдать минуту появленія луны во время рамазана, и тотчасъ скакать въ Константинополь, съ извѣстіемъ объ этомъ. Видъ изъ Таушанджи прекрасенъ и обширенъ: Никейское озеро разстилается вдали, во всей своей красотѣ. Я очень жалѣлъ, что не могъ посѣтить Никеи, знаменитой своимъ древнимъ великолѣпіемъ, двумя вселенскими соборами, и осадою во время Крестовыхъ походовъ. На поѣздку туда понадобилось-бы дни два, а я боялся не застать Ахмета-Пашу въ Бруссѣ. Не знаю почему Герцогъ Рагузскій, въ своемъ Путешествіи, говоритъ, что Никея не существуетъ болѣе, но что въ Никомидіи видно еще много остатковъ древности. Я могу удостовѣрить, послѣ моего личнаго обозрѣнія, что, напротивъ того, въ Никомидіи не осталось ничего, кромѣ кучь мусору, которыя почитаютъ остатками Діоклитіанова дворца; а въ Никеѣ, какъ сказывали мнѣ Греки, тамъ

живущіе, да и самъ Ахметъ-Паша, въ Никеѣ есть много развалинъ, надписей, задѣланныхъ въ новыхъ строеніяхъ, и даже колоннъ, правда, лежащихъ на землѣ. Никея находится на берегу озера того-же имени, и обсажена вокругъ кипарисовыми рощами. Въ древности тамъ была архіепископія. Въ Никеѣ былъ избранъ легіонами, послѣ смерти Іовіана, Императоръ Валентиніанъ.

Цѣпь Арганѳонскихъ горъ раздѣляетъ два залива: Никомидійскій, *Astacenus Sinus*, и Никейскій, *Cianus Sinus*. Въ здѣшнихъ горахъ, какъ говоритъ Миѳологія, нимфы похитили Гилласа, сопутника Геркулесова, и во времена Страбона еще праздновали это происшествіе. Вакханки разсыпались по горамъ, вызывая съ криками потеряннаго Гилласа.

Мы опять пустились въ путь и пріѣхали въ Гіо, или Гемлекъ, мѣстечко при Никейскомъ заливѣ (нынѣ заливъ Муданіа). Въ древности оно называлось *Ціусъ:* его раззорилъ Филиппъ, отецъ Персеевъ (*). Утомясь отъ ѣзды, я остался здѣсь но-

(*) Страбонъ, кн. 12.

чевать. Въ Гемлекѣ я узналъ, что это мѣстечко производитъ довольно значительный торгъ съ Константинополемъ, пшеницей, виномъ, плодами и шелкомъ.

Я сказалъ, что въ Никомидіи нанялъ я лодку молодаго рейса, жениха старшей дочери моего хозяина Козмоса. Вотъ въ чемъ состояло наше условіе: онъ долженъ былъ тотчасъ отправиться и ждать меня въ самомъ устьѣ рѣки Рындака, а оттуда доставить къ острову Мармара, гдѣ полагалъ я найти Мессинскій корабль; въ случаѣ-же неудачи, онъ обязывался плыть со мною въ Геллеспонтъ, до послѣдняго замка, за условленную между нами плату. Такимъ образомъ обезпечивалъ я возвращеніе свое изъ Бруссы. На другой день, напившись чаю, рано по утру сѣлъ я на коня и выѣхалъ изъ Гемлека. Олимпъ, хотя еще отдаленный, являлся передо мной во всей своей красотѣ: лучи восходящаго солнца освѣщали вершину его, которая казалась ярко-розоваго цвѣта, и блистала въ конечностяхъ и на бокахъ снѣжно-бѣлыми отливами. Ни изобразить, ни описать этой картины невозможно: живописецъ, который-бы захотѣлъ списать эти цвѣта, конечно былъ-бы об-

виненъ всѣми за отступленіе отъ природы; а, мнѣ кажется, онъ-бы къ ней еще и не приблизился.

Мы ѣхали часа два по равнинѣ, нечувствительно возвышающейся; деревень на дорогѣ не было; но я видѣлъ ихъ много по сторонамъ. Въ первый разъ замѣтилъ я въ Турецкой Имперіи хорошо обдѣланныя поля, повсюду изобиліе, и селенія не раззоренныя; жители, какъ Турки такъ и Христіане, казались довольны и счастливы. Среди богатой страны, окруженный благорастворенным воздухомъ лучшаго въ мірѣ климата, я вполнѣ наслаждался жизнію!... Мы проѣхали въ бродъ двѣ рѣчки; одна изъ нихъ Ассеръ, другой имени не знаю и не спросилъ о немъ. Черезъ часъ показалась Брусса. Дорога къ ней шла подъ гору. На возвышеніи, у подошвы Олимпа разстилался большой городъ: видъ его великолѣпенъ; вокругъ обширная и плодоносная долина, усаженная шелковичными деревьями и орошаемая тысячью ручьевъ, въ числѣ которыхъ есть два горячіе ключа, изобильные водой; теплота ея равняется кипятку.

Въ Бруссѣ считается около 100 тысячь жителей, Турокъ, Грековъ, Жидовъ и Армянъ, и есть до ста сорока мечетей. Великолѣпнѣйшія изъ нихъ:

Баязидова, *Ильдеримъ-Джами*, и Мурата I-го, *Мурадіа-Джами.* Мечеть Оркана Побѣдоноснаго была прежде Греческій монастырь. Христіанскіе писатели, и между прочими Г-нъ Шевалье, полагаютъ, что подъ самыми стѣнами Бруссы Тамерланъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Баязида, а завоеванный городъ раззорилъ. Шевалье утверждается на томъ, чко онъ нашелъ здѣсь фонтанъ, или ключъ, называемый Турками *Персіанъ Аджіанилеръ Чесме*, вокругъ котораго часто отрываютъ заржавѣлыя оружія; но это ничего не доказываетъ, и мнѣніе Христіанскихъ писателей, такъ-же какъ и Г-на Шевалье (обыкновенно столь достовѣрнаго) здѣсь совершенно ложно. Битва, проигранная Баязидомъ, гдѣ онъ попался въ плѣнъ Тамерлану, была подъ Ангорою, болѣе 200 верстъ отсюда. Старшій сынъ Баязида, Солиманъ, бѣжалъ послѣ сраженія, и преслѣдуемый однимъ изъ начальниковъ Тамерланова войска, Магометомъ Мирзой Джиганъ Гиромъ, проскакалъ Бруссу, едва остановился въ ней, и спасся въ Константинополѣ. Магометъ Мирза, послѣ слабаго сопротивленія, овладѣлъ городомъ, захватилъ въ немъ женъ и весь гаремъ Баязидовъ, множество знатныхъ чи-

новниковъ и казну царскую, а городъ разграбилъ и жителей умертвилъ или увелъ въ плѣнъ; самъ-же Тамерланъ никогда въ Бруссѣ и не бывалъ. Битва его подъ этимъ городомъ—сказка Христіанскихъ писателей, такъ-же какъ и выдуманная ими желѣзная клѣтка, въ которой будто-бы возили несчастнаго Баязида.

Я довольно поздно въѣхалъ въ Бруссу. У воротъ города ожидалъ меня чиновникъ Ахмета-Паши и проводилъ въ приготовленную ктартиру. Тамъ нашелъ я три или четыре хорошо убранныя, въ Азіятскомъ вкусѣ, комнаты; въ одной былъ фонтанъ съ мраморнымъ бассейномъ. Когда я вошелъ къ себѣ, Ахметовъ чиновникъ спросилъ меня о здоровьѣ, отъ имени Паши. Прося его благодарить Пашу за вниманіе, я сказалъ, что я здоровъ, но очень усталъ; а отдохнувъ, завтра непремѣнно самъ буду у Его Превосходительства и лично поблагодарю за вниманіе, которымъ пользовался съ самаго выѣзда моего изъ Константинополя. Спросивъ о здоровьѣ Ахметовомъ, я откланялся чиновнику, напился чаю и легъ спать.

Я проснулся очень рано, и тотчасъ вышелъ на террасу. Олимпъ казался въ туманѣ; солнце чуть

всходило; но множество птицъ пѣло по садамъ; особенно жаворонки распѣвали такъ громко, что, кажется, я и не слыхивалъ такихъ голосистыхъ. Голубыя горлицы перелетали съ дому на домъ: онѣ здѣсь ручныя и распложаются чрезвычайно. Одѣвшись, я пошелъ къ Ахмету-Пашѣ. Онъ сидѣлъ въ диванной залѣ и принималъ прошенія. Увидѣвъ меня, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, и спрашивалъ о моемъ здоровьѣ; я благодарилъ его за всѣ ласки и вниманіе. Онъ просилъ меня обѣдать, въ три часа, и сказалъ, что три каваса назначены отъ него исполнять въ точности мои приказанія. Я опять благодарилъ его, и оставилъ заниматься дѣлами, а самъ пошелъ осматривать городъ. Нельзя вообразить, какое уваженіе оказывали мнѣ вездѣ, зная что я знакомъ съ Пашею. Повсюду говорили: это другъ Паши. Кавасъ не отходилъ отъ меня и можно сказать смотрѣлъ мнѣ въ глаза, стараясь предупредить малѣйшее мое желаніе. Улицы здѣсь, какъ и въ Константинополѣ, узкія, кривыя, но гораздо чище; городъ вообще опрятнѣе; фонтаны вездѣ прохлаждаютъ воздухъ. Жители Бруссы Турки: они вѣжливы, кротки и живутъ съ Христіанами въ ладу. Базаровъ здѣсь

много обширныхъ, и въ нихъ множество лавокъ съ парчевыми и шелковыми товарами: послѣдніе славятся по всей Азіи. Фабрики шелковыхъ матерій есть значительныя; здѣсь также ткутъ хорошіе ковры. Я видѣлъ великолѣпныя бани, съ мраморными бассейнами и съ мозаическими полами. Олимпъ изобильно снабжаетъ городъ водою, которая искусно проведена почти во всѣ части его. Земля и климатъ здѣсь истинно благодатные. Я понимаю, что въ Бруссѣ и ея окрестностяхъ можно жить славно, и народъ точно живетъ въ изобиліи, отъ чего и кажется добрѣе и гостепріимнѣе. Въ городѣ есть минеральныя горячія воды, и при нихъ выстроены великолѣпныя купальни. Турки собираются туда во множествѣ и проводятъ цѣлые дни въ тихихъ увеселеніяхъ и нѣгѣ. Недалеко отъ города извѣстна деревня Чирчіа; тамъ, въ небольшой мечети, покоится прахъ основателей Турецкаго владычества, двухъ первыхъ Султановъ: *Отмана* и *Оркана*. Изъ какого маленькаго источника, и какъ быстро эта небольшая орда Турокъ, подъ предводительствомъ Ортогула, въ числѣ 400 кибитокъ вышедшая изъ Азіи, сдѣлалась обширною и всенаводняющею рѣкою! Причины быстраго воз-

вышенія и столько-же быстраго упадка Турецкой Имперіи не затруднятъ будущаго Гиббона: онѣ явны для человѣка размышляющаго.

Кончивъ мою прогулку по Бруссѣ, я возвратился обѣдать къ Ахмету-Пашѣ. Онъ меня ожидалъ, хотя еще не было трехъ часовъ. Не стану повторять разсказа обо всѣхъ церемоніяхъ передъ обѣдомъ, за обѣдомъ и послѣ обѣда. Все это было почти такъ-же какъ у Сераскира Хозрева: только не было шампанскаго вина. Когда убрали кушанье и подали намъ трубки, мы остались одни, при толмачѣ, и бесѣдовали очень пріятно часа два. Ахметъ любезенъ; онъ много читаетъ, любитъ Политическую Экономію, и даже занимается земледѣліемъ и хозяйствомъ частнымъ. Онъ распрашивалъ меня подробно о крестьянскомъ бытѣ въ Россіи, объ овцеводствѣ, о свеклосахарныхъ заводахъ, о средствахъ удобренія земли, внимательно выслушивалъ мои отвѣты, и сказалъ мнѣ, что читалъ Домбаля, котораго для него перевели на Турецкій языкъ въ Парижѣ. Наконецъ онъ спросилъ, что я думаю о Малой Азіи, и о Пашалыкѣ, въ которомъ теперь нахожусь.—Я отвѣчалъ, что природа, мнѣ кажется, истощила всѣ свои дары на эту благодатную землю, и что я съ удовольствіемъ замѣтилъ довольство поселянъ въ окружности Бруссы; что раисы даже благословляютъ его управленіе. Онъ скромно отклонилъ отъ себя мой комплиментъ, отвѣчая, что онъ управляетъ этимъ краемъ очень недавно; но что оба предмѣстника его были люди почтенные, наклонные къ добру и совершенно безкорыстные. Ахметъ сказалъ мнѣ еще, что онъ выписалъ изъ Одессы стадо мериносовъ, и хочетъ ихъ здѣсь размножить. Я похвалилъ его намѣреніе и прибавилъ, что нигдѣ не видывалъ я пастьбищъ столько удобныхъ для овцеводства какъ Арганѳонскія горы и окружности Никомидіи. Ахметъ былъ очень радъ моему замѣчанію, но сказалъ, что около Ангоры мѣста еще способнѣе для этого. Мы разстались дружески, и кажется были другъ другомъ довольны. Онъ просилъ меня къ себѣ на вечеръ, и я обѣщалъ исполнить его желаніе.

Отдохнувъ дома, я пошелъ курить трубку и пить чай на террасу моего дома. Олимпъ, при заходящемъ солнцѣ, былъ передо мной во всей красѣ своей! Я не могъ наглядѣться на него, потому что никогда не видалъ подобнаго великана на землѣ, которую можно назвать земнымъ раемъ.

Вскорѣ потомъ я увидѣлъ Иду и Гаргаръ: они съ Олимпомъ сравняться не могутъ; но я тогда еще не видалъ все затмѣвающей Этны. Мнѣ пришла мысль посѣтить Олимпъ, и увидѣтъ тамъ Юпитера, Юнону и другихъ чудесниковъ древней Миѳологіи. А если и не застану ихъ дома, то, по крайней мѣрѣ, отдамъ визитныя карточки. Мнѣ очень понравилась эта мысль, и я рѣшился въ тотъ-же вечеръ поговорить о ней съ Ахметъ-Пашею и попросить для моего путешествія пособій, а потомъ, рано поутру, отправиться на Олимпъ. Меня, признаюсь, обольщало и то, что навѣрное ни одинъ Русскій тамъ не бывалъ, и я буду первый.

Ввечеру, когда я пришелъ къ Ахмету-Пашѣ, онъ спросилъ меня, чѣмъ занимался я разставшись съ нимъ, и прибавилъ, что онъ боится, чтобы я не соскучился въ Бруссѣ. Я увѣрилъ его, напротивъ, что провелъ время очень пріятно; да пользуясь его дружбой, его бесѣдой, и непростительно было-бы мнѣ скучать. Я сообщилъ ему намѣреніе свое ѣхать на Олимпъ; онъ покачалъ головой и сказалъ: «Дивлюсь и завидую этой дѣятельности и подвижности Европейцевъ! Я давно живу въ этой сторонѣ, и, повѣрите-ли, никогда тамъ

не бывалъ; а человѣкъ вашихъ лѣтъ въ минуту рѣшился предпринять такое трудное путешествіе! Знаете-ли однакожъ, что едва-ли можно вамъ будетъ на лошади добраться до самаго верху?» — Поѣду сколько можно будетъ, Паша; а гдѣ нельзя ѣхать верхомъ, побреду пѣшкомъ.—«Помоги вамъ Богъ,» сказалъ Ахметъ. «Я возьму всѣ мѣры для вашей безопасности. Теперь въ сосѣдствѣ горы кочуютъ Туркмены: я пошлю предувѣдомить ихъ, что мой гость гуляетъ вблизи. Они не осмѣлятся потревожить васъ, но чтобъ не произошло какого нибудь недоразумѣнія.» Этотъ добрый ко мнѣ Паша не пропускалъ ни малѣйшаго случая обязать меня своею вѣжливостію и вниманіемъ: я искренне былъ ему благодаренъ!—Мы сѣли опять на диванъ и стали курить. Опять возобновился разговоръ о хозяйствѣ, и я наконецъ сказалъ ему:» Хотите-ли, Паша, я открою вамъ секретъ, который послужитъ здѣсь несравненно лучше чѣмъ Ахардъ, Ларозьеръ и Домбаль, къ улучшенію вашей экономіи? Моимъ средствомъ вы во сто разъ умножите доходы ваши. Вамъ долго еще не понадобятся ни удобреніе земли, ни Англійскіе плуги, ни раздѣленіе полей.—Сдѣлайте милость! — вскричалъ Ах-

метъ.—Да какъ-же это сдѣлать?—«Раздайте пустыя, ничѣмъ не засѣянныя земли пахарямъ, Туркамъ и Грекамъ, въ ихъ полную собственность, и обезопасьте ихъ твердымъ закономъ отъ всякаго насильства и самоуправства подчиненныхъ вашихъ, отъ всякихъ самопроизвольныхъ конфискацій. Сдѣлайте такъ, чтобъ всякой изъ нихъ былъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла, и вы увидите, что, года черезъ два, вмѣсто 10 тысячь мѣшковъ пшеницы, отправятъ изъ Гемлека 100 тысячь въ Константинополь. Вино и шелкъ умножатся въ такой-же пропорціи; а Султану это ничего не будетъ стоить, потому что эти земли теперь ему никакого дохода не приносятъ.—«Много правды сказали вы,» отвѣчалъ Махметъ, «но въ исполненіи этого встрѣтятся большія затрудненія.—Это дѣло правительства, Ахметъ; я смотрю только съ точки хозяйственной; далѣе не позволяю себѣ никакихъ замѣчаній. — «Ахъ! много еще намъ надо учиться!» вскричалъ Паша. «Да Богъ поможетъ! Всему надо начало.

Здѣсь Ахметъ приказалъ ввести музыкантовъ. Загремѣла нестройная музыка; вошли четыре алме и стали танцовать. Я увидѣлъ ихъ въ первый

разъ. Эти дѣвицы были пригожи и стройны, а одна изъ нихъ дѣйствительно прекрасна. Всѣ движенія ихъ были сладострастны, и чтобъ не отступить отъ истины, надобно сказать, иногда и неблагопристойны. Я долго не понималъ, что онѣ хотѣли выразить? Онѣ вскрикивали томнымъ голосомъ, какъ-бы жаловались на что-то, и не переставая танцовать начали раздѣваться. Снимая одинъ по одному свои уборы, онѣ остались почти въ совершенной наготѣ. Ахметъ, кажется, очень радовался, глядя на нихъ. Онъ растолковалъ мнѣ, что пчела закралась подъ ихъ платье, и онѣ, боясь ея жала, стараются сыскать ее и скидаютъ свое платье. Скоро потомъ онѣ представили себя довольными и опять одѣлись (вѣроятно пчелу поймали). Тѣмъ и представленіе кончилось. Я понимаю, что Азіятцы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, не зная никакой любви кромѣ физической, и проводя много времени въ праздности, находятъ большое удовольствіе въ этихъ представленіяхъ. Альме то-же что наши Цыганки, но сладострастнѣе, чище и даже богато одѣтыя. Изъ нихъ, какъ сказывали мнѣ, есть много прелестныхъ. Я самъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

На другой день, ранехонько поутру, я былъ уже на конѣ. Паша прислалъ ко мнѣ еще двухъ вооруженныхъ кавасовъ, и приказалъ сказать, что Туркмены пасутъ свой скотъ на горѣ и обо мнѣ предувѣдомлены. Мы подымались часа три въ гору, заростшую огромными орѣховыми и каштановыми деревьями: многія изъ нихъ были охвата въ три толщиной. Скоро взобрались мы на первую площадку: тамъ было пять кибитокъ Туркменовъ, которые, вмѣстѣ съ своими женами стояли на площадкѣ, вѣроятно ожидая меня. Я слѣзъ съ лошади, вошелъ, по приглашенію, въ одну изъ кибитокъ, и замѣтилъ, что онѣ во всемъ сходны съ нашими Калмыцкими; только войлокъ здѣсь черный, а у иныхъ кибитокъ верхи бѣлые. Старикъ Туркменъ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что, не ждавъ меня, теперь ничѣмъ не можетъ угостить. Я велѣлъ сказать имъ, что располагаюсь, на возвратномъ пути съ горы, обѣдать на этомъ мѣстѣ съ людьми моими, и прошу ихъ дать намъ молодаго барашка, за котораго и за все имъ съ благодарностью заплачу. Тутъ одинъ изъ кавасовъ сказалъ мнѣ, что съ нами Пашинскій поваръ, и что съ нимъ есть всякая провизія, кромѣ мяса. Старикъ увѣрилъ меня,

что все будетъ, и мы поѣхали дальше. Часа два поднимались мы въ гору и достигли до небольшаго озерка. До него еще были растенія, кустарникъ и травы; далѣе уже совершенная пустыня: однѣ скалы. Тутъ я долженъ былъ оставить лошадей и идти пѣшкомъ. Черезъ часъ былъ я на самой вершинѣ Олимпа, и стоялъ выше Фригійскихъ горъ. Вдали былъ видѣнъ Константинополь и Принцевы острова; у ногъ моихъ блистали озеро *Авуйльоктъ* и рѣка Уферъ, извивающаяся по Брусской долинѣ и падающая въ море. Берега Пропонтиды и всѣ окрестности Кизическаго полуострова рисовались передъ глазами моими. Иногда, облака, проходя ниже меня, совершенно застилали отъ глазъ землю; тогда какъ будто всякое сношеніе между смертными и мной прекращалось!... Не это-ли восторженное ощущеніе внушило древнимъ поэтамъ мысль: назначить жилищемъ боговъ верхи Олимпа?

Я нашелъ, что отнюдь не трудно взойти на самый верхъ конуса этой горы: онъ съ трехъ сторонъ доступенъ; четвертая стоитъ стѣною. Гора эта известковая; вездѣ видѣнъ мраморъ. Сѣверная сторона была покрыта льдомъ, и снѣгъ

лежалъ версты на полторы по вершинѣ ея. Я обрадовался увидя земляка своего и ходилъ по немъ съ восхищеніемъ: онъ былъ твердъ, и рѣдко нога обрывалась по колѣно. Я измѣрилъ гигрометрическимъ термометромъ моимъ высоту горы, и нашелъ ее въ 10 тысячь футовъ слишкомъ, выше горизонта моря. Холодъ на верху былъ самый умѣренный и температура довольно пріятная. Пастухи сказали мнѣ, что ледъ и снѣгъ совершенно пропадаютъ въ половинѣ Іюля мѣсяца. Налюбовавшись прелестнымъ видомъ съ Олимпа, я пошелъ потихоньку внизъ. Кавасъ Давудъ, данный мнѣ Пашею, ходя со мною по снѣгу, часто, подымая глаза, говорилъ, тихонько и про себя: *Дели, Дели Паша!* Я не спрашивалъ его до времени, почему онъ называетъ меня дуракомъ или сумасшедшимъ, но угадывалъ его хорошо, и рѣшился, возвратившись къ Туркменамъ, поговорить съ нимъ объ этомъ. На площадкѣ, гдѣ кочевали Туркмены, я нашелъ все изготовленнымъ къ обѣду. Конвой мой и переводчикъ сѣли всѣ въ круговеньку. Я пригласилъ стараго Туркмена, но онъ отказался. Подали цѣлый котелъ пилаву съ бараниной; потомъ жареную баранину, и наконецъ множество плодовъ всякаго рода. Поѣвши, я закурилъ трубку, подозвалъ Давуда, и велѣлъ переводчику спросить у него, за что онъ, когда мы были на горѣ, честилъ меня дуракомъ? потому что я слышалъ очень хорошо, какъ онъ говорилъ: *Дели Московъ Паша!* Давудъ сперва оробѣлъ, но я увѣрилъ его, что не сержусь, а только хочу знать: чѣмъ я заслужилъ такое названіе? — Вотъ что, Паша — сказалъ онъ тогда — вы человѣкъ знатный: мы это всѣ видимъ, потому что вы безпрестанно бываете съ нашимъ Пашею, сидите и ѣдите вмѣстѣ; да мы слышали, что вы и у Султана были. — Пусть такъ, Давудъ, да вѣдь это не показываетъ еще, что я дуракъ. — Вы человѣкъ богатый: за все платите деньги, когда могли-бы все брать даромъ. Вотъ теперь, напримѣръ, скушали мальнькій кусочекъ баранины, а платите за цѣлаго барана, котораго мы ѣдимъ. Какая-же была вамъ надобность, безъ нужды, лазать съ такимъ трудомъ на верхъ этой ужасной горы, и вязнуть въ снѣгу, гдѣ я, ходя поневолѣ за вами, промочилъ ноги. Вѣдь, и вы ужь вѣрно промочили свои? — «Промочилъ, Давудъ.» — Такъ не лучше-ли было-бы вамъ спокойно

сидѣть у себя, или у нашего Паши, и оттуда смотрѣть на эту гору? Вы и оттуда видѣли-бы ее, да спокойно кушали и курили. А вы вздумали напрасно уставать. Отъ васъ зависитъ имѣть всѣ удовольствія безъ труда, а вы добровольно мучите себя. Мы по неволѣ ѣздимъ: начальники велятъ; а вамъ здѣсь никто приказать не можетъ. —Тщетно старался я увѣрить Давуда, что надобно было въ точности измѣрить высоту этой горы, и что я опредѣлилъ ея положеніе относительно другихъ горъ. Онъ качалъ головой, и только сказалъ: — А на что это? — Отдохнувши немного, мы сѣли на лошадей, и черезъ тотъ-же каштановый и орѣховый лѣсъ возвратились въ Бруссу, довольно поздно вечеромъ.

Здѣсь скажу, кстати, слова два о Туркменахъ. Это кочующій народъ, весьма сходный своимъ бытомъ и домашнимъ управленіемъ съ Ногайцами. Они вышли, какъ и Турки, изъ Монголіи, подъ предводительствомъ разныхъ старшинъ; были, какъ Турки, народъ воинственный, но всегда кочевой. Они до сихъ поръ не смѣшиваются съ другими народами и переходятъ съ мѣста на мѣсто, соображаясь съ удобствами пастьбищъ.

Богатство ихъ состоитъ въ скотѣ: имъ они питаются, одѣваются, и достаютъ продажею излишняго все нужное имъ: порохъ, уборы и даже принадлежности своей роскоши, которая ограничивается очень малымъ. Они статны и красивы; черты лица ихъ довольно правильны. Всѣ Туркмены исповѣдуютъ Магометанскую вѣру, но слабо къ ней привязаны; они гостепріимны, какъ всѣ кочующіе народы, и особенно склонны къ воровству. Женщины ихъ не закрываютъ лицъ, какъ Турчанки; у этого народа гаремовъ нѣтъ. Въ Малой Азіи Туркмены переходятъ съ одного мѣста на другое, по согласію съ помѣщиками земель и съ позволенія Пашей.

Рано поутру, распрощавшись съ Ахметомъ Пашей, и поблагодаривъ его за гостепріимство и ласки, я поѣхалъ изъ Бруссы, по направленію къ озеру Адуліонту, сквозь которое протекаетъ рѣка Рындакъ. Я торопился и нигдѣ не останавливался, боясь не застать своего Мессинскаго корабля. На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Рындакъ вытекаетъ изъ озера, я оставилъ лошадей, и расплатился со свитой своей, то есть далъ хорошій бакчизъ всѣмъ служившимъ при мнѣ приста-

вамъ Ахмета. Они остались довольны, поочередно подходили ко мнѣ и цѣловали полу моего сертука. Здѣсь ожидала меня широкая плоскодонная лодка. Я, Франческо, мой толмачъ, и слуга мой, сѣли въ нее и поплыли внизъ по Рындаку. Рѣка безпрестанно извивалась. По берегамъ ея паслось множество скота : буйволы , коровы , верблюды и овцы. Эта картина придавала жизнь ландшафту. Отъ шуму нашихъ веселъ безпрестанно вылетали изъ прибрежныхъ камышей утки и кулики ; ближе къ морю я видѣлъ лебедей , но эти насъ не пугались и допускали лодку очень близко къ себѣ. Хотя со мной было ружье , но мнѣ и въ мысль не приходило по нимъ стрѣлять: я любовался, напротивъ, величавой ихъ осанкой , красивыми ихъ движеніями , и заплатилъ за ихъ довѣренность , или неосторожность , самымъ миролюбивымъ обхожденіемъ съ ними.

Не знаю почему Турнефоръ называетъ Рындакъ Граникомъ; развѣ за ширину этой рѣки почтилъ онъ ее знаменитымъ именемъ; но въ самомъ дѣлѣ Граникъ , ознаменованный первою побѣдою Александра надъ Персами , не тутъ: онъ далѣе къ западу и гораздо ближе къ цѣпи Идайскихъ

горъ. Шатобріанъ несравненно вѣрнѣе обозначилъ его географическое положеніе.

Море стало видно , и мы вскорѣ доплыли до устья рѣки. Женихъ Козмосовой дочери сдержалъ свое слово; онъ дожидался меня со своимъ суденышкомъ , и я тотчасъ перебрался на него. Мы снялись съ якоря, и гребцы весело принялись за работу. Шесть отличныхъ молодцовъ гребли дружно, и какъ скоро мы удалились отъ берега , подняли парусъ. Вѣтеръ былъ попутный; но я робѣлъ: маленькое суденышко, безъ груза, и огромнѣйшій парусъ, устрашали меня : при малѣйшемъ порывѣ вѣтра очень легко было опрокинуться. Но Греки мои смѣялись и увѣряли меня , что невозможно имѣть благопріятнѣе погоды : мы летѣли ! Скоро островъ *Калолимно* остался въ правой рукѣ за нами, и мы быстро приближались къ Кизическому полуострову; въ полдень мы плыли вдоль берега его. Уже виднѣлся маякъ на островѣ Мармара, когда вѣтеръ стихъ ; мы пошли опять на греблѣ, проливомъ, между Кизическимъ полуостровомъ съ лѣвой стороны и островомъ Мармарою съ правой. Здѣсь , на берегу Пропонтиды, *Граникъ* (нынѣ Утсвола-су , у Турокъ) впа-

даетъ въ море. Не видя Мессинскаго корабля, я призадумался. Мы стали обѣдать; гребцы отдыхали и пѣли заунывно. На морѣ былъ совершенный штиль. Вдругъ Николаки, хозяинъ лодки, увидѣлъ корабль, неподвижно стоящій по ту сторону острова, у самой западной оконечности его. Я велѣлъ тотчасъ приняться за весла, и къ неизъяснимой радости моей скоро узнали мы *Ментора,* тотъ самый Мессинскій корабль, на которомъ я въ Константинополѣ условился плыть: его задерживали сперва противные вѣтры, а теперь штиль, и онъ, какъ будто по приказу, дожидался меня передъ входомъ въ Дарданеллы. Скоро мы узнали другъ друга; капитанъ и матросы махали намъ платками, и мы, часа за два до вечера, пристали къ кораблю. Я расплатился съ Николаки, послалъ съ нимъ пару Константинопольскихъ туфель, шитыхъ золотомъ, его невѣстѣ, и переселился на корабль.

Корабль нашъ подвигался впередъ очень тихо, отъ совершеннаго безвѣтрія. Онъ шелъ только теченіемъ пролива, въ который мы вступали. Мы находились между *Пактіе* (Palio patino) на Европейской сторонѣ, и Пріапусомъ (Кара-Бья) на

Азіятской. Здѣсь проливъ еще широкъ: въ немъ верстъ 16. Многіе писатели полагаютъ, и вѣроятно, что въ этомъ мѣстѣ Александръ съ войскомъ своимъ переправлялся въ Азію, когда шелъ на Персовъ. Далѣе въ правой рукѣ Галлиполи, древняя Каллиполисъ. Мѣстоположеніе этого городка такъ выгодно, что всѣ Государи, которые хотѣли завладѣть Ѳракіей, старались прежде занять его. Юстиніанъ велѣлъ построить въ немъ обширные магазины, для снабженія аммуниціей и съѣстными припасами войскъ, охраняющихъ входъ въ Пропонтиду; а теперь Турецкіе флоты, идущіе въ Архипелагъ, тутъ-же получаютъ сухари и порохъ. На лѣвомъ берегу я узнаю въ Лапсаки древній Лампсакусъ, и радуюсь его плодородными высотами: онѣ покрыты виноградниками, какъ были въ древности, когда Ксерксъ подарилъ это мѣсто Ѳемистоклу.

Мы проходили мимо рѣкъ *Перкота* и *Практія,* что нынѣ у Турокъ Бургасъ-су и Мусса-Кев-су; это также на Азіятскомъ берегу; по правую сторону, на Европейскомъ берегу, была у насъ *Эгосъ,* нынѣ Кара Ова-су, гдѣ рѣшительная битва положила конецъ Пелопонесской войнѣ.

На Европейскомъ берегу здѣсь три небольшіе залива: первый отъ Пропонтиды Турки называютъ Ак-Баши-Лиманъ (пристань бѣлой головы); это древняя пристань *Сестоса*. На горѣ, у залива, видна развалина Земеникской крѣпостцы; это первое мѣсто, которымъ Турки овладѣли переправясь изъ Азіи въ Европу, подъ начальствомъ Султана Оркана, въ 1356 году.

Страбонъ повѣствуетъ, что Ксерксъ перекинулъ для своей арміи мостъ, изъ Сестоса въ Авидосъ. Смѣлый подвигъ Леандра, воспѣтый Музеемъ и другими древними поэтами, кажется дѣломъ очень обыкновеннымъ нынѣшнимъ жителямъ Дарданельскихъ береговъ. Еще недавно видѣли они Жида, который въ томъ-же самомъ мѣстѣ переплылъ проливъ, потому что любимая имъ дѣвица не хотѣла иначе идти за него.

Кто не знаетъ, что Лордъ Байронъ переплылъ тутъ-же Дарданеллы, просто изъ доброй воли, и желая только похвастать!

Второй заливъ древніе называли *Койлосъ*, по причинѣ его глубины: онъ и теперь называется такъ-же, но немного испорченнымъ именемъ Койлія; жители произносятъ Киліа.

Внутри третьяго залива есть деревня Майто, гдѣ живутъ Греки, на развалинахъ древняго Майтидоса. Здѣсь Аѳиняне одержали знаменитую побѣду надъ Лакедемонцами и воздвигли трофей на Гекубиной гробницѣ. Повыше Султанье-Калеси выдается изъ Азіятскаго берега, и довольно далеко, мысъ, Турками называемый *Нагара-Бурунъ*. На берегахъ его есть нѣсколько развалинъ; онѣ, вѣроятно, принадлежатъ къ древнему *Авидосу*, потому что разстояніе отъ мыса *Кепосъ-Бурунъ* (мысъ Бородобрѣевъ) до Нагара Бурунъ то самое, которое Страбонъ назначаетъ между Дарданомъ и Авидосомъ. Тотъ-же писатель говоритъ, что Киносема, или гробница Гекубы, стояла противъ паденія въ море рѣки Родіуса, на противоположномъ берегу Геллеспонта. На мѣстѣ ея, вѣроятно, нынѣ Европейскій замокъ *Келидиръ-Багаръ* (замокъ или ключъ моря). Родіусъ, послѣ Симоиса, значительнѣйшій изъ потоковъ, вливающихся въ Геллеспонтъ: онъ быстръ и излучистъ, влечетъ съ собою камни и песокъ, такъ что принуждены иногда ограждать отъ него плотинами Турецкую крѣпость на Азіятскомъ берегу, подъ которую онъ подрывается. Потому-то Омиръ въ Иліадѣ сказалъ, что

Нептунъ соединилъ воды его съ Симоисомъ и другими рѣками, текущими съ Иды, чтобы раззорить Греческіе окопы.

На мысѣ *Кепосъ-Бурунъ* былъ въ древности городъ Дарданусъ, знаменитый мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ въ немъ Суллою и Митридатомъ Евпаторомъ (*).

Около полудня, когда мы проплыли нѣсколько далѣе, почти въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива подулъ сильный противный намъ вѣтеръ, такъ, что корабль не могъ лавировать. Капитанъ рѣшился бросить якорь у самаго Азіятскаго замка (**), и я чрезвычайно обрадовался этому: неожиданный случай давалъ мнѣ возможность осмотрѣть Троянскую долину и мѣсто древней Трои. Товарищъ капитана, я, мой переводчикъ и четыре матроса отправились на берегъ. Мы условились, что я останусь ночевать на берегу, съ переводчикомъ и однимъ матросомъ, и на другой день лодка придетъ за мной. Капитанскій товарищъ плылъ за дровами. Мы благополучно вышли на берегъ у

(*) Страбонъ, Кассій, кн. 13, стр. 889.

(**) Кумъ Кале.

самаго устья Симоиса (*). Часть нынѣшняго берега не существовала во время Троянской войны: она составлена изъ наносннаго песку и земли, теченіемъ рѣкъ; слѣдовательно надобно идти около полуверсты далѣе по землѣ, чтобы опредѣлить мѣсто Греческаго лагеря и окопа. У меня были съ собой Иліада и Путешествіе въ Троаду Шевалье. Съ такими путеводителями непростительно было-бы заплутаться. У Шевалье все такъ вѣрно описано, что, кажется, живешь посреди героевъ, воспѣтыхъ Омиромъ, и видишь бои, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Долина, разстилающаяся передо мной, между пригоркомъ у *Кумъ-Кале* и берегами Имвриса, непремѣнно то мѣсто, гдѣ стоялъ Греческій флотъ. Пристань надежна и въ ней удобно было, по тогдашнему обычаю, вытаскивать корабли на берегъ. Окопъ, устроенный передъ ними, защищалъ ихъ: онъ опирался правымъ флангомъ на высоты, ограничивающія съ этой стороны долину и оканчивающіяся Сигейскимъ мысомъ; лѣвый флангъ былъ подлѣ устья рѣки, или, еще вѣроят-

(*) Мендере Су.

нѣе, за рѣкой, такъ что она оставалась внутри лагеря, который упирался въ Риѳейскій мысъ. Окопъ и палисадникъ окружали лагерь. Вправо отъ него были гробницы Ахиллеса и Патрокла: я ихъ вижу! Вотъ курганы, означающіе мѣста, и понынѣ называемые ихъ именами.... Графъ Шуазёль разрывалъ Ахиллесовъ курганъ, и вдругъ усомнился, не знаю въ чемъ. Онъ подумалъ, что это курганъ надъ гробомъ Фестуса, подлаго любимца изверга Каракаллы, который вздумалъ почтить его великолѣпными похоронами, въ подражаніе сдѣланнымъ Ахиллесомъ другу своему Патроклу. Но Г-нъ Шуазёль могъ-бы сообразить, что Александръ Великій приносилъ жертвы гробницѣ Ахиллеса и почтилъ ее празднествомъ, и что не льзя было Императору Каракаллѣ не знать мѣста ея. Онъ, обезьянствуя великаго человѣка, также почтилъ прахъ героя, а потомъ уже хотѣлъ, какъ Ахиллесъ Патрокла, похоронить и своего подлаго друга. Но Геродіанъ именно говоритъ, что близъ Ахиллесовой гробницы только сожгли тѣло Фестуса на кострѣ, и пепелъ его собрали въ золотой ковчегъ, увезенный потомъ Императоромъ. Послѣ этого ясно, что здѣсь Фесту-

сова кургана нѣтъ, а этотъ Ахиллесовъ, тотъ самый, на которомъ приносилъ жертву Александръ и потомъ Каракалла.

Не вдалекѣ видны еще небольшіе остатки Минервина храма и курганъ Антилоховой гробницы. Антилохъ, сынъ Нестора и другъ Ахиллеса, былъ одною изъ первыхъ жертвъ Троянской войны. Не льзя не узнать рѣкъ Скамандра и Симоиса, орошающихъ долину: первая—тихій ручей, наполняемый изобильными ключами близъ самой Трои, а другая—быстрая и шумная рѣка; они сливаются, и во время Троянской войны протекали сквозь самый лагерь Грековъ. На этой плодоносной долинѣ, раздѣлявшей Греческій лагерь отъ лагеря Троянъ и самой Трои, происходили всѣ битвы между двумя народами. Не трудно узнать мѣсто, гдѣ были Скейскія ворота, изъ которыхъ выходили Трояне: это ясно означаютъ источники Скамандра. Тутъ была слабѣйшая сторона города; напротивъ, задняя часть его владѣла всей долиной, составляя какъ-бы отдѣльную высоту, окруженную и защищенную быстрымъ Симоисомъ и дикими, крутыми скалами Идайской горы, въ иныхъ мѣстахъ даже неприступной. Эта

часть совершенно соотвѣтствуетъ Акрополису, или верхнему городу, гдѣ былъ Минервинъ храмъ, и гдѣ поставили деревяннаго коня съ скрытыми въ немъ воинами. Тутъ-же видѣнъ и надгробный курганъ Гектора; онъ не похожъ на другіе тѣмъ, что не насыпанъ, какъ они, изъ земли, но весь складенъ изъ камней. Отъ мѣста Трои легко можно видѣть Айсьетову гробницу: тамъ Трояне легко могли наблюдать всѣ движенія Грековъ. Словомъ, нѣтъ мѣста, упомянутаго въ Иліадѣ, котораго ясно и вѣрно не узналъ-бы я по описанію Шевалье. Послѣ него не остается ничего сказать.

Ночевать отправился я въ Бурнабаши: эта деревенька хуторъ Капитана-Паши. Еще долго читалъ я Омира, перебиралъ Энеиду, Квинта Смирнскаго, и заснулъ, такъ сказать, наполненный картинами и описаніями божественнаго Омира. Обстоятельство совсѣмъ не поэтическое разбудило меня и не дало покоя во всю ночь: тысячи насѣкомыхъ объявили мнѣ войну, и я, не смотря на смертельную усталость свою, не могъ лечь въ постель до самаго утра. Къ утру я вздремнулъ немного, но съ первыми лучами солн-

ца проснулся, и побѣжалъ купаться въ Симоисъ. Купанье совершенно освѣжило меня. Симоисъ такъ быстръ, что въ немъ я съ трудомъ могъ стоять на ногахъ; дно его усыпано мѣлкимъ камешникомъ. На память, я взялъ нѣсколько камешковъ, сорвалъ вѣтку тростнику, и возвратился въ Бунаръ-Баши пить кофе. Времени оставалось еще довольно, и я пошелъ чрезъ Скейскія ворота въ Трою, сѣлъ на возвышеніи и началъ опять читать Омира. Этотъ очарователь заставилъ меня совершенно переселиться въ его міръ: вотъ Гекторъ выходитъ на защиту отечества, Гекторъ, сильнѣйшій, и можно сказать послѣдній оплотъ Трои. Нѣжная Андромаха, держа на рукахъ сына, провожаетъ супруга своего до Скейскихъ воротъ. Картина этого прощанья неподражаема; въ ней Омиръ превзошелъ себя, проникъ до глубины сердца человѣческаго, и представилъ всѣ чувства матери, и супруги, и невиннаго младенца, робко не узнающаго отца подъ грознымъ шлемомъ. Я, кажется, видѣлъ ихъ передъ собою, жалѣлъ объ Андромахѣ, но понималъ Гектора, и хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ идти защищать отечество. Какія нѣжныя чувства могутъ устоять противъ любви

къ отечеству! Посмотримъ, какъ Омиръ описываетъ эту сцену:

Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе, младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ, граждане Трояне
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, взглянувши на сына безмолвный.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему, и такія слова говорила:
«Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
«Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери; скоро
«Буду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
«Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
«Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
«Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
«Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
«Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій,
«Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
«Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
«Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ:
«Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
«Создалъ надъ прахомъ могилу, и окрестъ могилы той ульмы
«Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
«Братья мои однокровные: семь оставалось ихъ въ домѣ:
«Всѣ, и въ единый день, преселились въ обитель Аида.
«Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,

«Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
«Матерь мою, при долинахъ дубровнаго Плака царицу,
«Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
. . . .
. . . .
«Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
«Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
«Сжалься-же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
«Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
«Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
«Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
«Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
«Оба Аяксы могучіе, Идоменей знаменитый,
«Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
«Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой либо мудрой,
«Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце.»
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
«Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,
«Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
«Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
«Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ;
«Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
. . . .
. . . .
. . . .
«Но, да погибну, и буду засыпанъ я перстью земною,

«Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»
Рекъ, и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида;
Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій, и на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его, и поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
«Зевсъ и безсмертные боги! О, сотворите, да будетъ
«Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
«Такъ-же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
«Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
«Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
«Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!

Гнѣдичъ, Иліады Пѣснь VI.

Капитанъ прислалъ ко мнѣ матроса, сказать, что я могу пробыть на берегу до вечера, если мнѣ угодно, потому что онъ запасается дровами и водою. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, и слазить на Иду и Гаргаръ. Въ Бурнабаши нанялъ яословъ, провожатаго, и пустился въ горы. За самой Троей начинаешь подыматься на одну изъ высочайшихъ горъ, принадле-

жащихъ къ Идайской цѣпи. Здѣсь-то Парисъ имѣлъ свиданія съ Эноной, Нимфой, которой измѣнилъ потомъ для Елены; тутъ-же судилъ онъ красоту трехъ богинь, и далъ несчастное яблоко предпочтенія Венерѣ: яблоко раздора, эту причину войны и паденія Трои. Теперь гора заросла Алепскими соснами. Я видѣлъ на ней козъ, и пастуха, но не похожаго на Париса: запачканый, дикій Турокъ, онъ незнакомъ съ богинями и кажется не слыхивалъ про нихъ. Взобравшись на самый верхъ горы, я разсматривалъ окрестности. Къ морю лучше всего видѣнъ Аяксовъ курганъ; по другую сторону распозналъ я дорогу между горъ, ведущую въ Адрамити; дальше, чрезъ другія тѣснины, легко пробраться на дорогу, пролегающую горами къ Гранику. Слѣдовательно, и во время осады Трои, сообщенія города оставались свободны съ Смирной и всею полуденною Азіей и Сиріей. Неудивительно, что Эней, Антеноръ и Гелленъ безпрепятственно вышли изъ Трои; большая часть жителей спасались въ этихъ горахъ. Греки жгли, грабили городъ и спѣшили нагружать свою добычу на корабли, не заботясь о бѣглецахъ.

Верхи Гаргара были покрыты черными тучами: это напомнило мнѣ прелестный эпизодъ Иліады, гдѣ Омиръ описываетъ Юнону, похитившую поясъ Венеры, чтобы прельстить и усыпить Юпитера, наблюдавшаго съ высоты горы за успѣхами Троянъ:

Гера владычица быстро всходила на Гаргаръ высокій,
Иды горы на вершину, и проч.

Гнѣдичъ, Иліады Пѣснь XIV.

. . . .

Такъ беззаботно, любовью и сномъ побѣжденный, Кроніонъ,
Спалъ на вершинѣ Идейской, въ объятіяхъ Геры супруги.

Гнѣдичъ, Иліады Пѣснь XIV.

Я чрезвычайно усталъ, и очень разочаровался когда сошелъ съ горъ и остановился пообѣдать у подошвы ихъ, съ моими провожатыми. Они глядѣли на все хладнокровно и не понимали меня. Имена Иды, Гаргара, Трои и самого Омира были имъ чужды. Гораздо больше занимали ихъ двухствольное ружье мое, кинжалъ и пистолеты. Мы поѣли, и я потихоньку началъ возвратный путь мой къ кораблю, куда довольно поздно вечеромъ дотащился благополучно. Въ каютѣ я легъ отдохнуть, и опять сталъ думать о Троѣ. Передо

мною уже не было кургановъ Гектора и Ахиллеса; Ида, Гаргаръ и Симоисъ съ Скамандромъ не вспоминались мнѣ; Омиръ и Шевалье лежали смиренно въ чемоданѣ. Но я представилъ себѣ эту осаду и эти бои. Не льзя полагать, чтобы во всемъ событіи Троянской войны не было истины. Греки, тогда еще дикіе, не имѣли ни малѣйшаго понятія о фортификаціи и средствахъ брать города. Они даже не обложили города, и не отняли у него сообщеній. Они просто вышли на берегъ, стали таборомъ у кораблей, окопались, дѣлали набѣги на сосѣдственные берега, потому что надобно было кормиться; жгли, грабили, стояли десять лѣтъ подъ Троей, и никогда-бы, вѣроятно, не взяли ея, если-бъ случайно не успѣли обмануть бдительности стражей. Трояне, не далеко ушедшіе отъ нихъ въ просвѣщеніи, выставили противъ Грековъ такой-же лагерь близъ стѣнъ своей столицы, и чрезъ дефилеи Идайскихъ горъ всегда сохраняли сообщеніе съ прочими народами Малой Азіи, получали отъ нихъ всѣ нужные запасы и даже вспомогательное войско. На обширную долину выходили они сражаться съ Греками; но что были ихъ сраженія? Кулачный бой стѣна на стѣну.

Начальники были вооружены получше простыхъ воиновъ, и тутъ-то отличались молодцы. Сегодня Греки прогнали Троянъ, завтра Трояне Грековъ; на ночь расходились по таборамъ, а потомъ снова начиналась потѣха. Вы сознаетесь, что такая война, такая осада, могли-бы продолжиться цѣлыя столѣтія, и отъ отцовъ переходить въ наслѣдство дѣтямъ; но о герояхъ, дѣйствовавшихъ на этихъ бояхъ, мы такъ-же-бы мало знали, какъ о нашихъ славныхъ кулачныхъ бойцахъ Трещалѣ, Ботовѣ и Канашкѣ. Омиръ, безвѣстный, полубаснословный, воспѣлъ Трою, ея бои, ея героевъ, прославилъ Греческихъ бойцовъ, и имена Агамемнона, Улисса, Аякса, Діомида и Ахиллеса сдѣлались безсмертны. Начали отыскивать ихъ памятники, стали твердить ихъ имена, и я, неизвѣстный Варягъ, сынъ снѣговъ своихъ, пришелъ взглянуть на Трою и усладиться воспоминаніями Омира. Таково очарованіе поэзіи.

ГЛАВА IX.

АЛЕКСАНДРІЯ-ТРОЯ, ТЕНЕДОСЪ, МИТИЛЕНА, ЧЕСМА, АТТИКА, ЭГИНА, САЛАМИНЪ, КОРИНѲЪ, АРГОСЪ, НАВПЛІЯ.

Погода стихла; мы снялись съ якоря, но до утра не могли выбраться изъ Дарданеллъ. Я вышелъ очень рано на палубу: мы огибали Сигейскій мысъ. Вправо отъ насъ, на Европейскомъ берегу, оставался Елесъ-Бурунъ (мысъ Еллесы), гдѣ былъ въ древности знаменитый городъ Еллесъ; его теперь и развалинъ не осталось; одна гробница Протезилая, еще существующая, можетъ указать мѣсто, на которомъ онъ стоялъ. Наконецъ мы вышли изъ пролива. Острова Имвросъ и Лемносъ были видны противъ самаго корабля. Мы поворотили круто на лѣво и пошли къ полудню,

вдоль Азіятскаго берега. Около вечера мы находились близъ Тенедоса, но совершенный штиль опять остановилъ корабль, и капитанъ, опасаясь близости Кроличьихъ острововъ, гдѣ есть подводные камни, бросилъ якорь.

Геллеспонтскій проливъ, который мы прошли, болѣе похожъ на широкую, величественную рѣку, чѣмъ на море. Воды его текутъ между двухъ, довольно значительныхъ возвышеній, вездѣ обработанныхъ и показывающихъ плодородіе; на склонѣ ихъ пасутся многочисленныя стада, и пастухи часто перекликаются въ пѣсняхъ съ матросами, быстро плывущими мимо, на легкихъ своихъ корабляхъ. Это должно располагать къ веселымъ ощущеніямъ; но путешественникъ безпрестанно вспоминаетъ о событіяхъ самыхъ грустныхъ. Ѳукидидъ, Иродотъ и Ксенофонтъ описали много кровопролитныхъ сраженій и достопамятныхъ дѣлъ, бывшихъ на берегахъ Геллеспонта. Здѣсь Аѳиняне разбили Лакедемонцевъ; тамъ, они сами были разбиты и потеряли свободу; далѣе проходили Ксерксовы и Александровы арміи. Я вижу Геллеспонтъ, обагренный кровію Персовъ, Грековъ, Венеціянъ и Мусульманъ; но какія событія еще

будутъ совершаться на его берегахъ? Вѣроятно, долго еще грустныя. Еще много пройдетъ времени, покуда просвѣщеніе и миръ не воцарятся на прелестныхъ берегахъ его.

Мы стояли между Тенедосомъ и берегомъ Азіи, на которомъ любопытно было видѣть развалины Александровой Трои. Штиль не давалъ намъ ни малѣйшаго хода, и я рѣшился сойти на берегъ. Александръ Великій не подражалъ другимъ завоевателямъ: онъ не ознаменовывалъ, подобно имъ, путя побѣдъ своихъ опустошеніями и раззореніемъ, но благоразумно оставлялъ на немъ памятники, больше славные и прочные, воздвигалъ храмы, основывалъ города и начертывалъ планы для будущаго ихъ благосостоянія и величія. Онъ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, и поручалъ исполненіе своихъ благородныхъ намѣреній избраннымъ имъ правителямъ: въ этомъ онъ былъ такъ счастливъ, или, лучше сказать, такъ хорошо умѣлъ избирать людей, достойныхъ понять его и служить государю великому и щедрому, что исполненіе его воли доставалось всегда людямъ необыкновеннымъ. Александрія-Троя была однимъ изъ осмнадцати городовъ, получившихъ имя слав-

наго завоевателя. Сначала ее называли *Антигонiею*, по имени Антигона, заложившаго ее по приказанiю Александра. Но Лизимахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ Александровыхъ, которому досталась она, почтилъ ее именемъ великаго Македонскаго государя.

Впослѣдствiи Александрiя отличилась вѣрностiю своею Римлянамъ, и за то они дали ей преимущества, равныя съ тѣми, которыми пользовались города Италiи. При Императорѣ Августѣ тутъ поселили Римскую колонiю: это значительно увеличило городъ, между всѣми другими, носившими то-же названiе. Только Александрiя Египетская была великолѣпнѣе и красивѣе.

Здѣшняя Александрiя была построена на покатости горы, понижающейся къ морю и отдѣленной отъ Идайскаго хребта только глубокою долиной; по обѣ стороны разстилались пространныя поля, орошаемыя текучими водами. Пристань, близъ которой я сошелъ на берегъ, окружена полукруглою горою и покрыта древними развалинами. Я входилъ въ пещеры, обитаемыя теперь летучими мышами. Пещеры эти подъ обширнымъ храмомъ, еще замѣтнымъ въ остаткахъ своихъ.

Въ развалинахъ города можно легко распознать стадiй и одеонъ. Я видѣлъ нѣсколько огромныхъ колоннъ: большею частью онѣ лежатъ на землѣ, и ихъ распиливаютъ на жернова; другiя еще стоятъ. Почти всѣ онѣ Коринѳскаго ордена. Я прочелъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ надписей; въ трехъ изъ нихъ упоминается имя Императора Адрiана. Передъ большою пристанью образовалась песчаная отмѣль, которая препятствуетъ сообщенiю съ моремъ; она-же почти вся заросла тростникомъ. Малая пристань совершенно высохла. При обѣихъ видно по нѣскольку гранитныхъ столбиковъ, гдѣ, вѣроятно, привязывали корабли. Въ обѣихъ пристаняхъ соль осѣла кристаллами на поверхности береговъ. Въ оставшихся стѣнахъ города вездѣ большiя трещины, и зубцы на нихъ поломаны; но стѣны эти простираются на нѣсколько верстъ, и будучи толсты, еще тверды, и фланкированы по мѣстамъ четвероугольными башнями. Многiе путешественники думали, что здѣсь была древняя Троя, покуда не узнали мѣста настоящей Трои. Я не имѣлъ времени хорошо осмотрѣть и не могу подробно описывать этого, нѣкогда знаменитаго города. Многiе изслѣдователи древности описывали

его, какъ-то Графъ Шуазёль-Гуфье, Шевалье, Шатобріанъ, и наконецъ Мишо и Пужула.

Александрія-Троя рано обратилась къ христіянской вѣрѣ: въ пятомъ столѣтіи уже видимъ въ ней Епископа Сильвана, творящаго чудеса; но городъ скоро сталъ приходить въ упадокъ, и вѣроятно былъ совершенно раззоренъ еще до паденія Греческой имперіи. Это ясно уже и потому, что въ Константинополѣ давно употребляли, на частныя и публичныя постройки, матеріялы, взятые изъ здѣшнихъ разрушенныхъ зданій. Имя Александріи-Трои было еще не вовсе забыто въ 1389 году.

Возвратившись на корабль, я еще успѣлъ побывать на Тенедосѣ, отъ котораго мы стояли на пушечный выстрѣлъ. Островъ Тенедосъ усѣянъ каменными горами, однако чрезвычайно плодороденъ. Положеніе его, почти у самаго устья Геллеспонта, придаетъ ему большую значительность. Пристань его представляетъ удобное убѣжище кораблямъ, плывущимъ въ Константинополь: они останавливаются на здѣшнемъ рейдѣ въ бурное время, когда противные вѣтры не допускаютъ ихъ войти въ Дарданеллы.

Императоръ Юстиніанъ велѣлъ построить на Тенедосѣ магазинъ для складки хлѣба, провозимаго изъ Александріи въ Константинополь, но задерживаемаго противными вѣтрами или непогодою. Въ мятежныя и несчастныя для имперіи времена, Тенедосъ былъ много лѣтъ сборищемъ морскихъ разбойниковъ, и Отманъ, овладѣвъ имъ въ 1302 году, нашелъ въ немъ довольно кораблей, которые послужили ему средствомъ для завоеванія другихъ острововъ Архипелага.

Тенедосскій портъ былъ прежде закрытъ насыпью, но теперь не видно и остатковъ ея; однакожъ Турки навалили на старый грунтъ кучи камней, которые довольно хорошо замѣняютъ бывшую насыпь, удерживая сильное стремленіе волнъ. Цѣпь горъ окружаетъ пристань. Къ полуденной сторонѣ видѣнъ цѣлый рядъ вѣтреныхъ мѣльницъ, и незначительный редутъ. Противъ самаго порта есть крѣпостца: Венеціяне, послѣ четырехдневной осады, завладѣли ею въ 1656 году, но скоро оставили ее, какъ совершенно неспособную къ защитѣ. На Тенедосѣ довольно много домовъ: они всѣ построены у подошвы и на покатѣ горы. Ихъ отдѣляетъ отъ моря грязное болото, которое со-

ставилось изъ наносу съ моря, а больше изъ земли, увлекаемой съ горъ сильными дождями. Жителей здѣсь считаютъ семей тысячу Турокъ и четыреста Грековъ. Я заходилъ въ церковь Греческую: она содержится въ порядкѣ и довольно благолѣпно. Древностей здѣсь очень мало, да и тѣ не заслуживаютъ большаго вниманія. Я видѣлъ близъ города гробницу, изъ которой сдѣлали родъ бассейна: вода втекаетъ въ него черезъ небольшое отверстіе, пробитое въ крышѣ, и выходитъ въ кранъ, сдѣланный внизу. Кажется, это описывалъ Чандлеръ.

Въ рѣдкомъ домѣ здѣсь нѣтъ мраморныхъ обломковъ колоннъ, или плитъ съ надписями, задѣланныхъ въ стѣны. Я полагаю, что и эти остатки большею частію завезены сюда изъ Александріи-Трои. Тенедосъ можно назвать ключемъ Константинополя. Владѣя имъ, можно держать Константинополь въ совершенной блокадѣ, и тѣмъ легче, что проливъ между Азіятскимъ берегомъ и островомъ не что иное какъ обширный рейдъ, гдѣ флотъ можетъ во всякое время стоять на якоряхъ и останавливать всѣ корабли, идущіе въ Дарданеллы. Но Турки, кажется, не понимаютъ этого,

и не думаютъ о сохраненіи столь важнаго для нихъ пункта.

Тенедосское вино славится, и мускатное не уступаетъ Самосскому; оно единственная отрасль здѣшней торговли.

Кажется, не льзя ничего сравнить съ прелестью вечеровъ здѣшняго климата! Небо сіяетъ тогда всѣми красками заходящаго солнца, и лучи, разливаясь по небосклону, будто сближаютъ и ставятъ передъ нами отдаленные верхи Европейскихъ горъ. Я увидѣлъ ясно коническій верхъ Аѳонской горы, въ направленіи 55 градусовъ отъ сѣвера къ западу: вершина ея такъ высока, что живущіе на ней видятъ восхожденіе солнца тремя часами раньше, чѣмъ жители берега морскаго. Въ Іюнѣ тѣнь этой горы простирается даже до Агоры, или рыночной площади города Мирины, на островѣ Лемносѣ, что составляетъ къ востоку болѣе 150 верстъ.

Близъ самаго Тенедоса, часть Русскаго флота, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Сенявина, одержала побѣду надъ Турецкимъ флотомъ: въ этомъ сраженіи убитъ ядромъ храбрый офицеръ нашъ, извѣстный силачъ Лукинъ.

Мы снялись съ якоря, рано поутру, почти ночью. Вѣтерокъ дулъ самый легонькій; мы могли идти на нижнихъ парусахъ, и скоро обогнули мысъ Баба, въ древности Лектосъ. Онъ не что иное какъ оконечность Идайскихъ горъ. Корабль взялъ направленіе правѣе, удаляясь отъ Азіятскаго берега и Адрамитійскаго залива. Около вечера стала видна Митилена; вѣтеръ опять стихъ, и мы лавировали; но къ ночи, близъ самаго берега, который былъ отъ насъ влѣво, насталъ совершенный штиль. Я отправился на островъ, и благодаря безвѣтрію пробылъ тамъ цѣлые сутки. Въ такое короткое время я не могъ обозрѣть всего: опишу что знаю и видѣлъ. Островъ этотъ прекрасенъ. На немъ много горъ, рощей, текучихъ водъ. Померанцовыя, лимонныя, шелковичныя и всякія плодовитыя деревья растутъ на немъ въ изобиліи. Виноградники видны по всѣмъ возвышеніямъ. Исключая Малую Азію, я ничего прелестнѣе не видывалъ! Городъ Митилену еще можно узнать по описаніямъ, оставшимся намъ отъ древнихъ. Страбонъ пишетъ: «Въ Митиленѣ двѣ «пристани; полуденная неприступна для триремъ, «но можетъ свободно вмѣстить 50 мѣлкихъ су«довъ; сѣверная обширна и глубока; она закры«та насыпью. Передъ пристанями есть островъ, «на которомъ построена часть города.» — Лонгусъ пишетъ почти то-же. Нынѣшній городъ Митилена построенъ на развалинахъ древняго. Вокругъ него еще видно множество прекрасныхъ остатковъ древняго его великолѣпія. Пристань нынѣ очень плоха, но на островѣ есть другія пристани, какъ-то на западной оконечности его *Сигри*, и недалеко отъ Митилены, позади, *Оливьера;* эта всего больше посѣщается кораблями, и почти весь торгъ острова производится въ ней, хотя входъ въ нее узокъ и длиненъ; но она безопасна и спокойна.

На каждомъ шагу встрѣчается здѣсь множество развалинъ и древнихъ остатковъ, что совершенно согласно съ описаніями Страбона, Витрувія и Цицерона, о древней пышности Митилены. Пристань ея напоминаетъ историческое событіе Пелопонезской войны. Во время осады города Каликратидомъ, Аѳинскій флотъ пришелъ на помощь осажденнымъ. Каликратидъ неосторожно оставилъ часть войска и флота своего для продолженія осады, а съ другою частью вышелъ на встрѣчу непрія-

теля, котораго силы были превосходнѣе. Онъ нашелъ его у Аргинузскихъ острововъ, и началъ неравный бой, былъ разбитъ, и самъ лишился жизни. Сраженіе это на нѣсколько времени дало совершенное превосходство Аѳинянамъ, и Исторія не говоритъ болѣе ничего достопамятнаго о древнемъ Лесбосѣ. Островъ этотъ былъ славенъ не столько историческими событіями, сколько именами нѣкоторыхъ его урожденцевъ. Довольно было-бы одного *Питтака,* чтобы прославить цѣлую страну. Греція причислила его къ своимъ семи мудрецамъ, а родъ человѣческій долженъ принять въ число своихъ благотворителей. Онъ показалъ невиданный примѣръ философа, дерзнувшаго поработить свое отечество единственно для того, чтобы дать ему законы, утвердить его свободу, и, сдѣлавшись царемъ самовластнымъ, сойти добровольно съ престола и стать на ряду съ послѣднимъ гражданиномъ. Послѣ этого безсмертнаго имени, почти не смѣю напоминать о *Сафѣ,* хотя и она знаменита своею любовью къ *Фаону,* своими стихами, несчастіями и смертію; о *Терпандрѣ,* изобрѣтателѣ семиструнной лиры; объ *Аріонѣ,* спасенномъ на спинѣ дельфина....

Трудно опредѣлить, когда именно островъ Лесбосъ потерялъ свое древнее названіе и сталъ называться по имени главнаго своего города, Митиленой. Евстафій, Епископъ Ѳессалоникскій, въ толкованіяхъ на 3-ю книгу Омировой Одиссеи, стр. 1462-я, говоритъ: «На Лесвосѣ пять городовъ: 1-й *Лесвосъ,* по немъ и островъ именуется; 2-й — *Актисса,* или Исса; 3-й Пирра, «4-й *Меѳимнъ* и 5-й *Митилена,* по имени котораго «нынѣ островъ называется, какъ прежде именовался отъ Лесвоса.» — Все, что я успѣлъ видѣть на Митиленѣ, это множество развалинъ и остатковъ древности, разбросанныхъ по городу и въ окрестности его; но со всѣмъ усиліемъ воображенія не льзя составить изъ нихъ ничего цѣлаго. Да и всѣ памятники, которые потомъ видѣлъ я въ Греціи, почти въ такомъ-же состояніи. Хлѣва для скота построены изъ богатѣйшихъ обломковъ, принадлежавшихъ храмамъ! Тутъ, искаженный барельефъ, тамъ фризъ, великолѣпная колонна, и часто цѣлыя статуи заклaдены въ стѣну простаго дома, кабака, или конюшни. Въ этихъ странахъ на всякомъ шагу встрѣчаются изящные остатки, напоминающіе, что была Греція и чего она лишилась.

Митилена въ равномъ разстояніи отъ Константинополя и Смирны. Находясь почти посреди Архипелага, этотъ островъ, плодородный, обильный водою, надѣленный хорошими пристанями, долженъ быть важнымъ и цвѣтущимъ владѣніемъ; но, по несчастію, онъ принадлежитъ Туркамъ: этимъ словомъ сказано все. Онъ бѣденъ, раззоренъ, и народонаселеніе его уменьшается съ каждымъ годомъ, земледѣліе упадаетъ, промышленность исчезаетъ совершенно. Переночевавъ въ пристани, мы поплыли въ Хіоскій проливъ. Я нетерпѣливо желалъ видѣть Чесму.

Мы шли къ Хіоскому проливу тѣмъ самымъ направленіемъ, которымъ шелъ Турецкій флотъ въ 1770 году, преслѣдуемый Русскимъ флотомъ подъ начальствомъ Графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. У Турокъ было 15 линейныхъ кораблей и 10 фрегатовъ; Графъ Орловъ имѣлъ только 9 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ. Турки остановились при входѣ въ проливъ, опираясь на Спальмадорскіе острова; но, видя приготовленіе Рускихъ къ атакѣ, они подняли паруса и вошли въ проливъ, гдѣ построились въ боевой порядокъ, вдоль Азіятскаго берега, повыше Чесменской бух-

ты: въ нее отправили они всѣ транспортныя суда свои, которыхъ при флотѣ ихъ было около ста. На другой день, 24 Іюня, Русскій флотъ раздѣлился на три части и пошелъ въ атаку, при благопріятномъ вѣтрѣ. Первымъ отдѣленіемъ командовалъ Адмиралъ Спиридовъ: его флагманскій корабль былъ *Евстафій;* тутъ-же находился Графъ Ѳ. Г. Орловъ. Вторымъ отдѣленіемъ командовалъ Графъ А. Г. Орловъ; на флагманскомъ его кораблѣ, *Ростиславѣ,* развѣвался кайзеръ-флагъ; при немъ былъ Контръ-Адмиралъ Грейгъ. Третье отдѣленіе было поручено Контръ-Адмиралу Эльфинстону. Лѣвое крыло Русскаго флота подошло къ Турецкому на ружейный выстрѣлъ, и корабль *Евстафій* скоро сцѣпился съ Турецкимъ адмиральскимъ кораблемъ, крайнимъ на правомъ крылѣ; съ другой стороны подошелъ къ нему фрегатъ *Орловъ,* а съ средняго или втораго отдѣленія корабли: *Три Іерарха,* адмиральскій *Ростиславъ, Европа,* и *Трехъ Святителей.* Они вступили въ бой. Эльфинстонова эскадра долго не могла войти въ линію, потому что была принуждена обходить отмѣль. Ея движеніе даже почли неисполненіемъ сигналовъ и хотѣли судить Ад-

мирала. Въ это время вспыхнулъ Турецкій адмиральскій корабль. Адмиралъ Спиридовъ всячески старался удалиться, чтобы спасти свой корабль, но не было возможности: наконецъ обгорѣлая мачта упала на Русскій корабль, и онъ взлетѣлъ на воздухъ (*). Вслѣдъ за нимъ взорвало и Турецкій. Флотъ непріятельскій, видя свой адмиральскій корабль погибшимъ, пустился на всѣхъ парусахъ и искалъ спасенія въ тѣсной Чесменской бухтѣ. Рускіе преслѣдовали его, и на другой день совершенно блокировали въ пристани. Турки стѣснились тамъ въ три линіи, имѣя еще за собою весь транспортный флотъ. Графъ А. Г. Орловъ, со своимъ кораблемъ и *Европой*, вошелъ за ними почти въ самую гавань; прочіе корабли и фрегаты составили вторую линію и совершенно заперли входъ. На другой день, 26-го, рано поутру, пустили въ Турецкій флотъ четыре бранде-

(*) Адмиралъ Спиридовъ и Графъ Ѳ. Г. Орловъ, за минуту до взрыва, успѣли спастись на шлюпкѣ; но капитанъ корабля, потомъ знаменитый Адмиралъ Крузъ, и поручикъ Шлизовъ, также потомъ Контръ-Адмиралъ, взлетѣли съ кораблемъ. Первый стоялъ на бортѣ и его спихнуло въ море; второй, находясь ближе къ срединѣ корабля, взлетѣлъ и остался живъ.

ра. Два первые, изъ которыхъ однимъ командовалъ Англичанинъ Дугласъ, прошли между кораблями *Не тронь меня* и фрегатомъ *Надежда,* но были остановлены мѣлью; третій брандеръ, подъ командою Русскаго офицера Ильина, прошелъ мимо *Ростислава*, удачно присталъ къ Турецкому кораблю и первый зажегъ его (*). Скоро и два первые брандера сошли съ мѣли, пристали къ другимъ кораблямъ, и также зажгли ихъ; четвертый брандеръ не дошелъ. Турки совершенно потерялись, когда распространился пожаръ, и вмѣсто того, чтобъ стараться тушить огонь или съ негорѣвшими еще кораблями пробиться сквозь Русскую эскадру, они бросались въ воду, спасались на берегъ, и оставляли корабли на произволъ судьбы. Весь флотъ ихъ, за исключеніемъ одного корабля, спасеннаго и взятаго Русскими, всѣ ихъ транспортныя суда и галеры были истреблены огнемъ.

(*) Иностранцы говорили, что Англичанинъ Дугласъ зажегъ первый своимъ брандеромъ Турецкій флотъ; но его зажегъ не Англичанинъ, а Русскій Ильинъ; Дугласъ съ брандеромъ подоспѣлъ тогда, когда одинъ Турецкій корабль горѣлъ уже: онъ зажегъ другой.

Менѣе чѣмъ въ три или четыре часа, болѣе ста судовъ погибло. Взрывы кораблей слѣдовали одинъ за другимъ ежеминутно: картина была изящная, но ужасная! Даже въ Смирнѣ, около ста верстъ оттуда, чувствовали потрясеніе. Иностранцы, вообще завидующіе славѣ Русскаго народа, и тогда, въ особенности Англичане, непремѣнно хотѣли приписать всю честь этой побѣды Англійскимъ Адмираламъ, Эльфинстону и Грейгу. Я никакъ не отнимаю чести у послѣдняго: онъ и послѣ служилъ съ отличіемъ, и одержалъ побѣду; всѣ знаютъ, что Адмиралъ Грейгъ былъ отличный морякъ; но здѣсь справедливость требуетъ сказать, что Чесменскій бой и сожженіе Турецкаго флота принадлежатъ безъ раздѣла Графу Орлову: ему и честь и слава! Прозваніе Чесменскаго пожаловано ему Великой Екатериной по всей справедливости. Эльфинстонъ, по стеченію, конечно для него несчастныхъ обстоятельствъ, не могъ даже участвовать въ первомъ сраженіи. Грейгъ, находясь на кораблѣ Графа А. Г. Орлова, безъ сомнѣнія распоряжалъ маневрами корабля, и могъ даже совѣтовать многое Графу; но всѣ знаютъ, что когда взлетѣлъ на воздухъ *Евстафій*, Графъ Орловъ,

полагая, что на немъ погибъ братъ его, упалъ въ обморокъ; но какъ скоро пришелъ въ себя, онъ приказалъ всѣмъ кораблямъ двинуться впередъ, не дожидаясь Эльфинстоновой эскадры, еще не вошедшей въ линію. Грейгъ былъ противнаго мнѣнія; но это движеніе рѣшило побѣду. Наши корабли заперли на другой день флотъ непріятельскій въ гавани: это послѣдствіе глупаго распоряженія Турокъ. Не надобно быть морякомъ, чтобы приказать идти брандерамъ, въ такую тѣсную и неподвижную массу кораблей. Но все ясно доказываетъ, что честь побѣды точно принадлежитъ Орлову-Чесменскому. Едва нѣсколько человѣкъ спаслось отъ гибели, да и тѣ достались въ плѣнъ побѣдителямъ. Послѣ этого пораженія, у Турецкаго Султана осталось два корабля, къ счастью ихъ не успѣвшіе присоединиться къ флоту, да третій, ветхій, находившійся въ Константинопольскомъ каналѣ. Крѣпостцу Чесму Графъ Орловъ взялъ, на другой день сожженія флота: въ ней нашли много раненыхъ и изувѣченныхъ въ сраженіи Турокъ, которыхъ побѣдитель призрѣлъ, сколько могъ успокоилъ, снабдилъ съѣстными припасами, и потомъ отпустилъ. Ничего не было легче, по-

слѣ этой побѣды, какъ войти въ Дарданеллы, гдѣ страхъ овладѣлъ всѣми, и ничто не было готово къ защитѣ; Графъ испрашивалъ на то повелѣнія Императрицы; но уже трактовали о мирѣ; иностранные дворы и даже Русскій кабинетъ всячески отклоняли Государыню отъ продолженія войны.

Мы вошли въ гавань, и вообразите мое удивленіе: я увидѣлъ, черезъ 54 года послѣ Чесменскаго боя, еще торчащія изъ воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мачты потопленныхъ кораблей! Онѣ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о славѣ этого достопамятнаго для Рускихъ сраженія! Я осмотрѣлъ крѣпостцу: въ ней ничего нѣтъ достойнаго замѣчанія. Это древній *Кизусъ*, построенный на покатости пригорка, у самой пристани. Я вырылъ довольно глубоко ямку, выклалъ ее камешками, и положилъ туда большую бронзовую медаль, выбитую, по повелѣнію Екатерины II, въ память Чесменской побѣды и въ честь Графа А. Г. Орлова. По всей Греціи встрѣчалъ я слѣды нашихъ побѣдъ: таковы завоеваніе Тенедоса и побѣда у береговъ его, одержанная Адмираломъ Сенявинымъ, взятіе Пароса и основаніе на немъ магазиновъ, госпиталя и верфи Графомъ

Ѳ. Г. Орловымъ, взятіе Наварина и Миситры въ Пелопоннезѣ, Кн. Юрьемъ Владимировичемъ Долгорукимъ и другими нашими начальниками. Рускій невольно гордится и благословляетъ своихъ Царей, ведущихъ народы свои къ государственному благосостоянію и славѣ!

Невдалекѣ отъ Чесмы, Сципіонъ одержалъ морскую побѣду надъ царемъ Антіохомъ. Здѣсь также былъ городъ Ериѳрія, гдѣ родилась Сивилла Гіерофила. Посѣтивъ Чесму, я заплатилъ дань памяти Графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, друга моего отца, а моего благодѣтеля. Корабль нашъ прошелъ Хіосскій проливъ и взялъ направленіе къ западу, при легкомъ вѣтеркѣ. Мы плыли довольно быстро, и рано поутру прошли между острова Андроса и Негропонтскаго берега. Здѣсь находились мы уже въ Греціи, и вышли изъ Турецкихъ владѣній. Вѣтеръ стихъ. Мы проходили мимо острова Цеа и къ полудню были въ виду Суніумскаго мыса, нынѣ *Capo colonna*. Скоро корабль нашъ шелъ подлѣ самаго мыса. Развалины Минервина храма были видны совершенно. Я непремѣнно хотѣлъ сойти на берегъ и отправился туда на шлюпкѣ. Суні-

умъ въ Аттикѣ, противъ самыхъ Цикладскихъ острововъ и Егейскаго моря; отъ него считаютъ 360 стадій, или 37 миль, до послѣдняго Негропонтскаго мыса Левка (бѣлаго). Солнце блистало на серебряныхъ морскихъ волнахъ. Съ одной стороны окружали ихъ берега Аттики, съ другой берега Пелопоннеза. Повсюду видны были мысы, горы, острова, и между ними голый и безплодный островъ Идра; онъ подлѣ береговъ Мореи. Идріоты выростаютъ и воспитываются на морѣ, привыкаютъ къ нему съ младенчества, и за то искони слывутъ лучшими моряками Леванта. Они безстрашно плаваютъ во всякую погоду. Въ послѣднюю войну, за независимость Греціи, они храбро дрались и никогда не допускали ни одного Турка на свой островъ. Я вышелъ на берегъ у Суніума. Онъ крутъ, утесистъ и усѣянъ каменьями. На самомъ верху его остатки храма Минервы Суніумской, далеко видные съ моря. Подплывая къ берегу мы проходили между нимъ и островомъ Макронизи (длиннымъ островомъ). Въ древности называли его Еленинымъ островомъ, потому, будто-бы, что супруга Менелая, возвращаясь изъ Трои въ Лакедемонъ, отды-

хала на немъ. Островъ этотъ принадлежалъ Аѳинянамъ, но не приносилъ имъ никакого дохода онъ весь усѣянъ камнями; длина его семь миль.

Матросы остались на берегу купаться, а я пошелъ къ храму. Суніумъ, какъ полагали древніе географы, былъ въ 330 стадіяхъ, или въ $41\frac{3}{4}$ миляхъ отъ Пирея, главной Аѳинской пристани; онъ считался Демосомъ, или Аттической слободой, принадлежащей Атталисову колѣну. Въ Пелопоннезскую войну, Аѳиняне укрѣпили его для защиты транспортныхъ своихъ судовъ. Въ наше время, мѣсто это долго оставалось совершенно голымъ, но теперь заросло кустарникомъ, всегда сохраняющимъ зелень. Еще видны и остатки стѣнъ, окружавшихъ высоту, посрединѣ которой былъ построенъ храмъ: онѣ продолжались до самой пристани. Особеннаго рода кладка ихъ называлась у Грековъ *Псевдисодомумъ*. Я нашелъ здѣсь круглый колодезь, а подалѣе, у самой подошвы горы, прудъ или озерко; вода въ немъ свѣжа и пріятна для вкуса, но черновата.

Храмъ Минервы Суніумской былъ весь изъ бѣлаго мрамора. Аѳиняне построили его, вѣро-

ятно, въ одно время съ Пароенономъ. Судя по архитектурѣ, я даже полагаю, что онъ принадлежитъ къ временамъ Перикла. Несомнѣнно то, что онъ Дорическаго ордена, какъ Пароенонъ, и построенъ въ такихъ-же размѣрахъ; только не такъ обширенъ, какъ Аоинскій храмъ. По остаткамъ еще можно судить о красотѣ его. Фронтонъ храма былъ на шести колоннахъ; теперь осталось ихъ четыре; уцѣлѣло еще, съ боку, на юго-западной сторонѣ, пять столбовъ, да съ противоположной четыре. Часть преддверія и два пиластра съ полуденнаго фаса также цѣлы; всѣ другія колонны разбиты и лежатъ въ кучѣ. Мнѣ разсказывали послѣ, что это чудесное зданіе разрушено не такъ давно, лѣтъ за пятьдесятъ, извѣстнымъ Джіафаръ-Беемъ, командовавшимъ Турецкимъ гальотомъ: варваръ хотѣлъ воспользоваться желѣзомъ и свинцомъ, связывавшимъ камни!... Преддверіе совсѣмъ разрушается, и столбы, скатившіеся къ морю, обломаны и потерты; это я приписываю уже не столько людямъ, какъ морскимъ волнамъ, безпрестанно разбивающимся о берегъ. Сколько ни старался я сыскать какую нибудь надпись, но не нашелъ ни одной. За то

путешественники разныхъ временъ испачкали мраморъ безвѣстными своими именами. Мѣсто и храмъ потеряли даже названіе Суніума: ихъ называютъ обыкновенно *Capo-Colonna*, потому, что колонны видны далеко съ моря.

Мы плыли вдоль Аттическихъ береговъ, и они казались мнѣ дики и голы. Но картина заходящаго солнца на морѣ великолѣпна. Скоро она смѣнилась другою картиной, въ своемъ родѣ не меньше прелестною: это восхожденіе луны, сіяющей посреди лазурнаго неба. Мы тихо подвигались впередъ, при легкомъ вѣтеркѣ, безпрестанно въ виду береговъ, и мнѣ казалось, что мы все плывемъ по широкой рѣкѣ. Къ утру, на самомъ разсвѣтѣ, достигли мы острова Эгины и вошли въ бухту. Здѣсь увидѣли мы Пангеленіонъ, гору, покрытую лѣсомъ, и на вершинѣ ея храмъ. Разстояніе отъ насъ было не больше, какъ на одинъ часъ обыкновенной ходьбы, и я сошелъ на берегъ, осмотрѣть это зданіе. Храмъ посвященъ былъ нѣкогда *Юпитеру-Пангеленіуму*. Дорога къ нему, на крутую каменистую гору, идетъ среди благоухающихъ мастиковыхъ, кедровыхъ и сосновыхъ деревъ. Но въ иныхъ мѣ-

стахъ земля совершенно голая. Я взошелъ на вершину горы и былъ щедро вознагражденъ за трудъ свой. Видъ съ горы очарователенъ: оттуда ясно видны берега Аттики и Пелопоннеза; далѣе открываются горы внутри земель; море, тогда блиставшее отъ солнечныхъ лучей, усыпано островами, которыхъ большая часть вблизи берега твердой земли. Аѳинская цитадель казалась такъ близко; но, увы! мнѣ не суждено было подойти къ ней. Видны были даже масличныя рощи подлѣ Аѳинъ. Храмъ Юпитера Пангеленіона построенъ въ самой глубокой древности, какъ увѣряли древніе, Эакомъ, сыномъ Эгины, дочери Юпитера и Азопы. Эллада терпѣла ужасныя бѣдствія отъ засухи во времена Эака. Баснословная исторія прибавляетъ, что наконецъ рѣшились спросить оракула Дельфійскаго, и Пиѳія отвѣчала, что одинъ Эакъ можетъ умилостивить Юпитера. Онъ принесъ жертвы на алтарѣ Юпитера Пангеленіона, и тотчасъ пролились обильные дожди.

Этотъ знаменитый храмъ Дорическаго ордена. Видно, что на переднемъ фасѣ его было шесть колоннъ: изъ нихъ осталось двѣ въ пронаосѣ, да шестнадцать въ наружной части; во внутренней

еще цѣлы три. Карнизъ упалъ весь, кромѣ принадлежащаго къ архитраву. Изветшалый камень храма принялъ буроватый цвѣтъ, и во многихъ мѣстахъ поломанъ. Это также показываетъ глубокую древность зданія. Колонны были просверлены для ввода въ нихъ металлическихъ связей; это нѣсколько повредило нѣкоторыя; но различныя части ихъ такъ хорошо сплочены, что многія колонны кажутся монолитами. Я порылся около портика, и хотя нашелъ кусокъ барельефа, но изломанный, такъ что ничего не могъ узнать по немъ. По нѣкоторымъ остаткамъ видно, что храмъ былъ окруженъ оградой. Я долго разсматривалъ эти развалины, достопамятныя своею древностью. Не знаю даже, есть-ли гдѣ нибудь остатки строеній, столько-же древніе какъ эти? Они сохранились конечно потому только, что находятся на высокой горѣ, и отдалены отъ моря и отъ всякаго сообщенія съ ближайшими селеніями.

Оставивъ это мѣсто, я поспѣшилъ сѣсть въ лодку, боясь пропустить благопріятный вѣтеръ, всегда начинающій дуть около вечера въ этотъ мѣсяцъ. Мнѣ хотѣлось рано поспѣть въ древнюю

Эгину. Дѣйствительно, на другой день, мы рано бросили якорь въ ея пристани, подлѣ одного Греческаго корабля. Древніе жители Эгины, какъ нынѣшніе Идріоты, сдѣлались моряками по необходимости: бѣдность острова заставляла ихъ нуждаться въ самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни, и они прибѣгнули къ размѣнной торговлѣ. Тогда, не взирая на безплодіе своей земли, Эгина сдѣлалась соперницей сосѣдственныхъ Аѳинъ. Я увидѣлъ здѣсь почти пустыню: на островѣ есть нѣсколько смоковницъ, уголокъ засѣянный пшеницей, да вмѣсто храмовъ, описанныхъ Павзаніемъ, до 13-ти разрушенныхъ церквей, весьма неважныхъ. Не вдалекѣ отъ моря замѣтилъ я двѣ колонны Дорическаго ордена. Не принадлежали-ль онѣ къ храму Венеры? потому что театръ, о которомъ упоминаютъ путешественники какъ о зданіи, достойномъ примѣчанія и похожемъ на Епидаврскій, былъ не тутъ, а въ особенной пристани, хотя и не далеко. Еще можно видѣть остатки стѣнъ, пристани, и арсенала, покрывающіе большое пространство. При входѣ въ портъ, на лѣвой рукѣ, есть часовня во имя Николая Чудотворца, а прямо противъ нея четвероуголь-

ная башня, построенная Венеціанами, во время войны ихъ съ Турками въ 1693 году. Въ этомъ удостовѣрился я надписью, которую насилу могъ разобрать: такъ высоко она отъ земли. Вотъ надпись:

D. O ΟΔΗΜΟΣ.
FRANCISU MAVROCENI
DUCIS VENET. Q. C. G. MIVSSV
ALOVSIO MOCENIGO
G. GVLPHI CURANTE
ERECTA
A. MDCXCIII.

Не вдалекѣ видны еще остатки древней гробницы, вѣроятно Фокаса, сына Эакова. Его нечаянно убили братья, Теламонъ и Пелей, въ игрѣ, метая камни. Павзаній упоминаетъ объ этой гробницѣ. Теперешній городъ вѣроятно тотъ, который прежде назывался *Оя.* Онъ на покатости высокой скалы. Это мѣстоположеніе предпочли древнему, вѣроятно потому, что оно не такъ подвержено нападенію морскихъ разбойниковъ. Въ городѣ считается до 400 домовъ. Всѣ они низенькіе, съ плоскими крышами, построены изъ земли и не-

ску, и расположены амфитеатромъ по склону горы. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни комаровъ, ни другихъ докучливыхъ насѣкомыхъ, которыми преизобилуютъ почти всѣ селенія въ Греціи. Колодезная вода здѣсь прекрасна; за то говорятъ— воздухъ не здоровъ. Выше города видны вѣтряныя мѣльницы, водоемы, и остатки Венеціянской крѣпости, построенной въ 1654-мъ году.

На островѣ Эгинѣ есть Епископъ и множество церквей. Почва земли здѣсь каменистая, однакожъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родится довольно пшеницы, есть также масличныя деревья, множество миндальныхъ, и виноградъ. Я не знаю ни одного острова въ Архипелагѣ, на которомъ было-бы столько горлицъ, голубей и куропатокъ: изъ подъ ногъ моихъ вспархивали цѣлыми стаями красноногія куропатки, и бывшій при мнѣ Грекъ поймалъ одну живую. За то здѣсь вовсе нѣтъ ни зайцевъ, ни лисицъ, ни волковъ. Ручьи лѣтомъ почти всѣ пересыхаютъ, и тогда жители принуждены довольствоваться колодезною водою. Периклъ называлъ Эгину бѣльмомъ на глазу Пирея.

Грустно мнѣ было, такъ близко быть отъ Аѳинъ и не посѣтить этого знаменитаго города. Я чув-

ствовалъ, что почти главная цѣль моего путешествія удаляется отъ меня! Великія имена тревожили мысли и душу; но должно было покориться судьбѣ. Время летѣло и влекло далѣе. Меня предупредили, что карантинъ, учрежденный Греческимъ правительствомъ въ Скиросѣ, ничѣмъ не снабженъ; что тамъ едва можно найти пріютъ для путешественника, и нѣтъ для него ни пищи, ни постели, ни какого спокойствія; что онъ остается среди нечистоты, на съѣденіе клопамъ и всякой гадинѣ, и нѣтъ даже порядочнаго лекаря и нужныхъ лекарствъ: а между тѣмъ надобно высидѣть въ этой гадкой тюрьмѣ 40 дней, въ несносномъ жару, безъ всякаго общества и почти безъ пропитанія. Отъ этого одного легко можно занемочь, да и корабль не станетъ дожидаться; надобно будетъ дорогою цѣною нанять дурную Греческую лодку до Аѳинъ; а тамъ опять новыя затрудненія! Отъ повальныхъ лихорадокъ вымеръ почти весь Пирей, и въ самыхъ Аѳинахъ она въ это время такъ свирѣпствовала, что жители разсѣялись по другимъ мѣстамъ; Король былъ въ Германіи, иностранные министры разъѣхались, правительство было безъ силы, и раздо-

ры волновали всю страну. Если-бъ даже, не взирая на всѣ описанныя мною неудобства, я рѣшился туда ѣхать, то встрѣтились-бы другія затрудненія. Какъ оттуда выѣхать? Въ Константинополѣ и Смирнѣ появилась чума; пароходы перестали туда ходить; купеческія суда очень рѣдко заходятъ въ Аѳины, потому что торговли тамъ нѣтъ. И такъ понадобилось-бы пробираться сухимъ путемъ до Патраса, и оттуда въ Корфу. Кромѣ опасности проѣзжать мѣстами, гдѣ тма разбойниковъ, а правительство безсильно, мнѣ должно-бы было изъ Корфу плыть въ Анкону, а оттуда ѣхать въ Римъ, слѣдовательно миновать Мальту, Сицилію, Неаполь. А ѣхать туда изъ Рима и опять ворочаться по той-же дорогѣ въ Римъ, было-бы и долго и слишкомъ дорого. Соображая все это, я горевалъ о драгоцѣнныхъ мнѣ Аѳинахъ, и рѣшился заѣхать украдкой и мимоходомъ въ Коринѳъ, Аргосъ и Навплію. Добрый Капитанъ согласился на это. Я утѣшалъ себя еще тѣмъ, что Аѳины мало представляютъ теперъ любопытнаго для путешественника. Послѣдняя осада ихъ и пожары истребили почти все древнее, а если что и осталось еще, то сдѣлать новыя ра-

зысканія, послѣ Страбона, Павзанія, Плинія, и множества новыхъ писателей, начиная съ Жиля, Веллера, Чандлера, Стуарта, Руэ, Шуазёля, до Шатобріана, Мишо, и больше всѣхъ Фовеля, было-бы съ моей стороны пустое требованіе. Развѣ для того только надо было заѣхать туда, не смотря на всѣ препятствія, чтобъ сказать послѣ: я былъ въ Аѳинахъ! Я пишу не ученое путешествіе, а составляю только нѣкоторыя замѣтки. Ограничусь тѣмъ, что самъ видѣлъ; кажется съ меня будетъ довольно.

Я условился съ Капитаномъ такимъ образомъ: онъ долженъ былъ идти прямо въ Навплію и дожидаться меня тамъ, даже цѣлую недѣлю, потому что ему надобно было сложить въ Навпліи часть своего груза, состоявшаго въ Русскихъ кожахъ. Въ это время я могъ нанять въ Эгинѣ лодку и отправиться на ней въ Коринѳъ, а оттуда верхомъ пробраться въ Навплію. Такъ, не теряя времени, я могъ увидѣть часть Мореи.

Распрощавшись на время съ моими спутниками, я сѣлъ въ четырехвесельную шлюпку, съ моимъ старымъ переводчикомъ, въ которомъ, впрочемъ, уже мало имѣлъ нужды, потому что по-

Гречески могъ самъ объясняться, и поплылъ, при попутномъ вѣтрѣ, прямо въ Коринѳъ, придерживаясь береговъ Аттики! Хозяинъ лодки увѣрилъ меня, что надобно только выдавать себя за проѣзжающаго изъ Аѳинъ, или просто съ Эгины, и я не встрѣчу ни малѣйшаго затрудненія отъ карантинныхъ смотрителей, которыхъ впрочемъ и нѣтъ. Счастье до сихъ поръ не покидало меня, и я спокойно поплылъ съ моими Греками. Скоро мы были у острова Саламина (нынѣ Колури) (*). Онъ миляхъ въ 12-ти отъ Эгины. Островъ этотъ знаменитъ своимъ Аяксомъ, Теламоновымъ сыномъ, воспѣтымъ Омиромъ въ Иліадѣ, а еще больше побѣдой, одержанной при берегахъ его Ѳемистокломъ надъ Ксерксовымъ флотомъ. Саламинъ составляетъ неправильную фигуру, и въ немъ полагали 70 или 80 стадій длины. Аѳиняне и Мегарійцы долго оспоривали другъ у друга владѣніе этими островами. Я вышелъ на берегъ Саламина, бродилъ по немъ, разсматривалъ найден-

(*) Тамъ я видѣлъ, что жители ловили рыбу острогой, точно какъ у насъ въ Россіи; только они били ее на ходу, потому что это было днемъ.

ные мною обломки, въ томъ числѣ и мраморные; потомъ пошелъ на мѣсто города Саламина. Павзаній пишетъ, что въ этой части острова былъ Діанинъ храмъ, подлѣ котораго Греки ставили трофеи, въ память одержанной Ѳемистокломъ побѣды. Теперь не видно и слѣдовъ храма. Тутъ-же былъ другой храмъ, Кихревса, героя, будто-бы принявшаго, по повелѣнію Аполлона, образъ змія и присутствовавшаго въ такомъ видѣ на Аѳинскомъ флотѣ во время сраженія. Вѣроятно на этомъ мѣстѣ построена небольшая церковь во имя Св. Николая. Саламинъ раззорили Аѳиняне за то, что во время Македонской войны онъ сдался Царю Кассандру. Во второмъ столѣтіи, когда Павзаній посѣщалъ эту страну, еще были остатки агоры (рынка), съ храмомъ и статуей Аякса. Близъ пристани еще показывали тогда камень, на которомъ будто-бы сидѣлъ Теламонъ, когда Саламинскіе воины, подъ начальствомъ сына его Аякса, садились на суда, отплывая въ Авлиду, гдѣ сбирался Греческій флотъ противъ Трои. Я видѣлъ еще фундаментъ бывшихъ стѣнъ города. Судя по нимъ, городъ былъ мили четыре въ окружности. Измѣрить этого самъ я не могъ, потому что все

вокругъ было засѣяно хлѣбомъ. Пристань занесло иломъ и большая часть ея высохла. На нѣкоторыхъ обломкахъ мрамора есть надписи: одна, особенно, показалась мнѣ принадлежащею къ глубокой древности, потому что буквы въ ней совсѣмъ не такія, какія употреблялись до введенія Іонической азбуки. На другой, близъ пристани, я прочелъ имя Солона. Извѣстно, что этотъ великій законодатель былъ родомъ изъ Саламина; ему была воздвигнута статуя, на площади города: тамъ представили его держащимъ руку свою подъ мантіей, въ томъ скромномъ положеніи, въ которомъ обыкновенно говаривалъ онъ Аѳинскому народу.

На Саламинѣ живутъ нынѣ Албанцы, пахари; деревня ихъ, *Ампелаки* (виноградникъ), не далеко отъ пристани, внутри острова. Ботаники могутъ отыскивать цвѣтокъ, который, по разсказамъ древнихъ, явился здѣсь въ самую минуту Аяксовой смерти на Троянскихъ берегахъ: онъ былъ красноватый, и на листьяхъ его, которые были меньше лилейныхъ, изображалась та-же буква, какая видна на гіацинтѣ.

Я сошелъ въ лодку и поплылъ къ Коринѳскому перешейку. Въ Кенхріи, тамошней гавани, мы наняли ословъ и поѣхали въ городъ. Никто даже не спросилъ меня: откуда и куда ѣду?

Коринѳъ сохранилъ свое древнее названіе. Онъ простоенъ у подошвы горы Геранiонъ, ближе къ Хрисейскому морю, чѣмъ къ Саламинскому заливу, откуда я пріѣхалъ. Въ немъ есть домы довольно богатыхъ купцовъ, которыхъ удерживаетъ корысть въ этомъ нездоровомъ мѣстѣ. Акрокоринѳъ, по нашему Вышгородъ, повелѣваетъ городомъ. При Туркахъ, не пускали въ него христіанъ. По высотѣ горы, кажется, что пушки, поставленныя на ней, не могли-бы защищать города. Пукевиль не безъ основанія сказалъ, что эта цитадель построена, кажется, для орловъ, летающихъ надъ нею.

Не стану описывать великолѣпія, богатства, роскоши древняго Коринѳа. Читатели найдутъ въ Павзаніи и Страбонѣ описаніе всѣхъ изящныхъ памятниковъ Коринѳа, отъ которыхъ теперь почти ничего не осталось.

Коринѳъ не разъ былъ разграбленъ и раззоренъ до основанія. Римляне, въ 3188 году, дали повелѣніе Консулу своему Муммію, раззорить го-

родъ въ конецъ, продать съ публичнаго торга женъ и дѣтей, и не оставить камня на камнѣ. Цезарь возстановилъ его, и Павзаній, посѣщавшій Коринѳъ через 270 лѣтъ послѣ этого возстановленія, нашелъ въ немъ еще множество зданій, храмовъ и статуй. Императоръ Адріанъ украсилъ городъ банями и снабдилъ водой.

Послѣ этого возрожденія Коринѳа, было второе его разрушеніе, еще болѣе перваго ужасное. Аларикъ, раззоритель Аѳинъ и всей Греціи, сжегъ и истребилъ здѣсь все. Едва начиналъ городъ оживать послѣ втораго потрясенія, какъ Султанъ Мурадъ обложилъ его данью, въ 1447 году. Легко понять, что въ странѣ, тревожимой безпрестанными войнами, Акрокоринѳъ былъ пунктомъ слишкомъ важнымъ, и необходимымъ той или другой воюющей сторонѣ. Морейскіе деспоты, братья послѣдняго Императора Константинополя, отказались платить дань Туркамъ. Магометъ II осадилъ и взялъ Коринѳъ въ 1459 году. Съ тѣхъ поръ вся страна покорилась Туркамъ, и Коринѳъ уже не могъ возстать.

Теперь городъ представляетъ разбросанные кучи развалинъ и куреніи. Есть и изрядные домы, но жителей мало.

Одна часть города, вокругъ базара, населеннѣе. Вездѣ видны брошенныя и пустыя мечети; вокругъ нихъ кипарисовыя деревья; кое-гдѣ поля засѣяны хлѣбомъ; есть апельсинные и лимонные сады. Все это вмѣстѣ довольно живописно, но мертво. Воздухъ здѣсь лѣтомъ не здоровъ, а осенью становится даже смертоносенъ, и потому достаточные жители удаляются въ деревни. Въ бытность мою въ Коринѳѣ жаръ былъ несносенъ, и я торопился осмотрѣть мѣстоположеніе его. Единственный красотою видъ изъ Акрокоринѳа привлекъ мое вниманіе: безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что отсюда видна почти вся Греція. Съ одной стороны представляется Ахаія, Сикіонъ, Аргосъ, горы Парѳеніусъ и Тайгетъ, Навплія и Паламиди, величественный Аргосскій заливъ, и берега Лаконіи; внизу видѣнъ Лепантскій заливъ; съ другой стороны видны Мегара, Саламинъ и Элевзисъ. Въ зрительную трубку можно было-бы разсмотрѣть корабли, выходящіе изъ Пирея! Аѳины, Эпидавръ, Эгина, Калабрія, Киѳеронъ.... о, всей души недовольно для полноты чувства три такихъ предметахъ!...

Я нашелъ въ Акрокоринѳѣ одиннадцать Дори-

ческихъ колоннъ; но гдѣ великолѣпныя палаты, въ которыхъ царствовали роскошь и сладострастіе? Гдѣ юныя жрицы Венеры, привлекавшія изо всей Греціи молодежъ на праздники и веселье? Все исчезло! Нищета и болѣзни гнѣздятся здѣсь. Въ тысячу разъ пріятнѣе читать исторію Коринѳа, нежели отыскивать мѣсто его и угадывать, гдѣ былъ этотъ Коринѳъ. Усладительно однакожъ думать, что, когда забыто все, остается незабвеннымъ на вѣки бѣдный странникъ, посѣщавшій нѣкогда этотъ городъ, и въ тиши воздвигавшій памятникъ безсмертный, одинъ оставшійся непоколебимымъ посреди развалинъ Греціи. Этотъ странникъ тотъ самый, который писалъ посланія къ Коринѳянамъ, и донынѣ утѣшаетъ въ горестяхъ и укрѣпляетъ въ надеждѣ жителей здѣшняго раззореннаго края. Вѣра православная, имъ проповѣданная, можно сказать—одна уцѣлѣла, какъ негибнущее—вѣчное.

Нѣмецъ Маіоръ, коммендантъ здѣшній, охотно пускаетъ въ Акрополисъ. Г-нъ М*** человѣкъ добрый, словоохотливый, и если не очень твердъ въ Исторіи, Археологіи, и часто путается въ именахъ, то щедро вознаграждаетъ эти недостатки

своимъ радушіемъ, вѣжливостію и готовностію угодить посѣщающимъ его развалины.

На Акрокоринѳъ надобно карабкаться съ часъ, и по дорогѣ вездѣ разбросаны обломки колоннъ, капителей; есть и цѣлыя, изъ лучшаго мрамора. На вершинѣ можно узнать, гдѣ былъ Пріенскій ключъ. Я увѣренъ, что нѣкоторые здѣшніе барельефы и надписи еще не описаны ни кѣмъ. Мнѣ показывалъ Греческій священникъ бюстъ, недавно вырытый; этотъ бюстъ изъ дикаго мрамора; у него отшибенъ носъ, но мнѣ показалось, что онъ изображалъ Императора Адріана; работа его, кажется, не славнаго ваятеля.

Коринѳскій перешеекъ очень узокъ. Древніе пишутъ, что въ одномъ мѣстѣ его было только 40 стадій ширины, и тутъ-то находился *Діолкосъ*, или волокъ, по которому, посредствомъ машинъ, перетаскивали небольшіе корабли изъ одного моря въ другое. Это дѣлалось еще и въ послѣднюю войну Турокъ съ Венеціянами. Не разъ покушались соединить оба моря, Іонійское и Эгейское, посредствомъ канала. Димитрій Поліорцетъ предпринялъ это первый; но производатели работъ увѣрили его, что воды Коринѳскаго залива го-

раздо выше Кенхрейскихъ, и потому неминуемо затопятъ острова Эгину и прочіе, безъ всякой пользы. Онъ оставилъ свое намѣреніе.

Потомъ Юлій Цезарь, Калигула, Неронъ хотѣли исполнить то же; послѣдній началъ уже работы со стороны Лехеума; но прорылъ только четыре стадіи. Всякой разъ останавливалъ работающихъ гранитъ: они не умѣли побѣдить твердости его. Я смотрѣлъ слѣды работъ и увѣрился, что въ наше время, посредствомъ пороха, легко уничтожили-бы гранитный слой.

На перешейкѣ была нѣкогда стѣна, отъ одного моря до другаго. Ее сдѣлали для защиты Пелопоннеза. Греческіе Императоры починивали ее, и даже вновь строили. Послѣднимъ возобновителемъ этой стѣны былъ Константинъ Деспотъ, владѣлецъ Лакедемонскій. На срединѣ ея былъ городокъ, названный Гексимилія, потому, что въ этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, стѣна простиралась на шесть миль. Въ 1447 году, Султанъ Мурадъ, не взирая на сильное сопротивленіе почти всѣхъ жителей Пелопоннеза, собравшихся сюда для защиты стѣны и города, взялъ ихъ. Въ 1451 году, Магометъ II велѣлъ разрушить стѣну; но въ

1463 году, во время войны Венеціянъ съ Турками, первая забота Грековъ и Албанцевъ была: возстановить ее по прежнему. Венеціяне помогали имъ, привозя камни и прочіе матеріялы; но работъ не успѣли кончить, потому что Турки приближались, и Баязетъ вошелъ въ Морею въ 1500 году.

На этомъ-же перешейкѣ, близъ Ехенской пристани, былъ въ древности храмъ Нептуна Истмейскаго. По одну сторону его была насажена регулярная сосновая роща, а по другую стояли статуи тѣхъ, кто одержалъ побѣду на играхъ Истмейскихъ. На срединѣ площади были бронзовые тритоны, а при входѣ на нее двѣ статуи Нептуна, изображавшія Амфитриту и море, также бронзовыя. Изъ приношеній, украшавшихъ храмъ, замѣчательно было сдѣланное Геродомъ-Аттикомъ: Нептунъ и Амфитрита, на колесницѣ, и при нихъ юный Палемонъ на дельфинѣ; все это было изъ слоновой кости и золота. Четыре коня впереди колесницы, и тритоны подлѣ нихъ, были вызолочены, а копыты коней и нижняя часть тритоновъ сдѣланы изъ кости. Барельефы колесницы изображали рожденіе Венеры, выходящей изъ волнъ и сопровождаемой Нереидами. На пьедесталѣ Неп-

туновой статуи видны были Касторъ и Поллуксъ, покровители кораблей и мореплавателей. Въ Оградѣ находился другой храмъ, посвященный Палемону, и украшенный статуями самого Палемона, Нептуна и Левкотои. Съ другой стороны, въ подземельномъ проходѣ, какъ думали, скрылся Палемонъ. Если Коринѳянинъ, или кто другой, осмѣливался на этомъ мѣстѣ произнести ложную клятву, то, какъ полагали, онъ не могъ избѣжать наказанія. Здѣсь былъ еще театръ и стадіумъ изъ бѣлаго мрамора. Я долго разсматривалъ мѣсто, въ давнія времена украшенное такими богатствами. Что-же осталось отъ нихъ? Нѣсколько круговъ колоннъ, Дорическая капитель, и еще кой-какіе обломки. Тутъ-же видна раззоренная церковь, въ которой престоломъ служилъ, кажется, обломокъ колонны. Я видѣлъ остатки ограды и древней стѣны. Впрочемъ, тутъ запустѣніе совершенное, и остаются одни горестныя воспоминанія.

Нанявъ двухъ вооруженныхъ проводниковъ, я отправился верхомъ въ Аргосъ. Сперва поднимались мы безпрестанно въ гору, потомъ начали спускаться въ Аргосскую долину. Я съ нетерпѣ-

ніемъ ожидалъ появленія знаменитаго города Юноны, и дѣйствительно, что-то великолѣпное, огромное увидѣлъ передъ собой; но приблизившись разочаровался совершенно. Холмъ, на покатости котораго разбросаны строенія города, окружающія его скалы, Лернская гора, заливъ — все это вмѣстѣ составляло вдалекѣ что-то величественное. Когда мы приблизились къ новому городишку, я невольно вскричалъ: « Такъ вотъ Аргосъ! вотъ этотъ пышный городъ, прославленный и воспѣтый всѣми поэтами древности! Имя его по праву должно было дойдти до позднягo потомства. Гдѣ-же его храмы? Куда дѣвались мраморы, изображавшіе героевъ, которыхъ имена еще живы? Гдѣ дворецъ царя царей, Агамемнона? Гдѣ театръ? гдѣ стадій, мѣсто Немейскихъ игръ? Гдѣ, наконецъ, Пиррова гробница?... » Напрасно было-бы искать этихъ памятниковъ въ бѣдномъ городишкѣ, нынѣшнемъ Аргосѣ, сохранившемъ одно имя свое. Но и теперь еще есть нѣкоторые остатки прежняго его величія. Въ нынѣшнемъ своемъ объемѣ, городъ занимаетъ около пяти верстъ. Мѣстоположеніе его, внутри залива, прекрасно: съ одной стороны Кинурійскія и Аркадскія горы, а съ

другой Эпидаврскія и Трезенскія высоты представляютъ величественную картину. Городъ кажется обширенъ, потому что неправильныя его улицы и домики, раздѣленные садами и пустырями, занимаютъ большое пространство. Вода его ключей и колодцевъ чище и здоровѣе всѣхъ другихъ въ Мореѣ; она течетъ изъ полугоры, гдѣ расположенъ городъ. Къ полудню еще видна стѣна, принадлежавша, можетъ статься, къ древней крѣпости. Кто знаетъ, не съ нея-ли старуха бросила черепицу, положившую конецъ огромнымъ замысламъ Пирра? Близко этого мѣста есть укрѣпленьице, родъ замка, въ которомъ я видѣлъ пушки. Наконецъ, на ближней скалѣ я нашелъ нѣсколько обломанныхъ барельефовъ и полуизглаженныхъ надписей. На здѣшнемъ базарѣ, довольно многолюдномъ, также можно видѣть нѣсколько обломковъ древнихъ колоннъ. Павзаній пишетъ, что въ его время еще была въ Аргосѣ Юпитерова статуя, та самая, у подножія которой закололъ Ахиллесовъ сынъ Пріама, въ собственномъ его дворцѣ, и которую Стеннель вывезъ потомъ изъ Трои.

Въ Средніе Вѣка Аргосъ сдѣлался достояніемъ

какой-то Венеціянской вдовы; она продала его Республикѣ своей, за двѣсти червонцевъ годоваго дохода, и пять сотъ червонцевъ единовременной уплаты. Агамемнонову столицу! О суета суетъ!

Древній Инахъ, отецъ Іо, столько прославленной ревностью къ ней Юноны, впадаетъ въ море къ западной сторонѣ холма, гдѣ построенъ былъ Ѳиринѳъ. Воды его чисты и прозрачны, но лѣтомъ рѣка почти пересыхаетъ, не смотря на то, что въ нее впадаютъ многія рѣчки и ключи, и что она долго течетъ среди густыхъ лѣсовъ. Нынѣ въ Аргосѣ считаютъ до десяти тысячъ жителей; они почти всѣ занимаются извозами и лошадиной торговлей. Я пробылъ здѣсь такъ мало, что не могъ заняться какими нибудь разысканіями древностей, но увѣренъ, что человѣкъ свободный и имѣющій достаточныя познанія, могъ-бы съ пользою что нибудь предпринять, особенно если-бы обратилъ свое вниманіе къ Немеѣ, около которой есть еще много нетронутыхъ кургановъ, а въ лѣсу любопытныя пещеры; тамъ-же часто находятъ обломки барельефовъ. Теперь время самое благопріятное для такихъ разысканій: никто не препятствуетъ, да Баварцы и сами начинаютъ этимъ заниматься.

Видъ изъ Аргоса прекрасенъ. Тутъ передъ вами весь заливъ, до острова Специіи (древняя *Типарена*); по другую сторону богатая долина, покрытая масличными деревьями. Ясно видны Навплія, Лерна, и весь берегъ моря до Эпидавра Лимерскаго (нынѣ *Монемвазія*). На западъ пашни, виноградники, на востокъ Микена и Коринѳскія горы, рисующіяся въ перспективѣ. Какъ отъ Аргоса до Микены съ небольшимъ пять верстъ, то непростительно было-бы мнѣ не заглянуть и въ эту древнюю столицу. Я нанялъ лошадь и отправился туда съ проводникомъ. Надо было переѣзжать Планицу (Инахъ), по весьма худому мосту. Потомъ я ѣхалъ по лѣвому берегу рѣки, среди обработанныхъ полей, въѣхалъ въ лѣсъ и скоро добрался до деревни Свят. Георгія (это древняя Немея). Бѣдные жители ея сѣютъ сарачинское пшено. Тутъ нашелъ я остатки древняго храма, и ворота, надъ которыми еще видѣнъ Немейскій левъ. Это тѣ самыя ворота, которыя описывалъ Павзаній. Не понимаю какъ могло уцѣлѣть это зданіе, и тогда уже бывшее развалиной.

Тотчасъ за деревнею Св. Георгія, уже видны

Карвати, или древняя Микена, и гробницы преступнаго семейства Атридовъ, къ которымъ я подъѣзжалъ съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ. Памятникъ этотъ цѣлъ; въ немъ есть куски мрамора непомѣрной величины. Я видѣлъ барельефы и другія украшенія; но послѣ Шуазёля и Шатобріана, что̀ стану я разсказывать! Я видѣлъ только, что здѣшніе крестьяне, не подозрѣвающіе важности этого памятника, и не слыхавшіе ничего объ Атридахъ, загоняютъ на ночь своихъ барановъ въ ихъ гробницу! (*) Я увѣренъ, что

(*) Нельзя не упомянуть однакожь, въ какомъ видѣ представилась мнѣ эта гробница. Это подземельное строеніе, со сводомъ; посерединѣ его отверстіе, черезъ которое оно, вѣроятно, освѣщалось. Была-ли когда часть этого строенія поверхъ земли, какъ напримѣръ въ гробницѣ Цециліи-Метеллы близъ Рима, или просто состояла она въ этомъ подземельѣ, какъ Александрійскія пещеры, опредѣлить не льзя. Въ ней ничего не нашли, и потому не льзя даже утвердительно сказать, чтобы это точно была гробница Агамемнонова; правда, что Павзаній насчиталъ пять гробницъ въ Микенѣ: Атрееву, Агамемнонову, Эвримедонтову, Теледамову и Пелопсову. Эгистова и Клитемнестрина находилась по другую сторону города. Лакедемоняне хвалились, что Агамемнонъ похороненъ у нихъ; но это не только ни чѣмъ не доказано, но и невѣроятно.

здѣсь можно найдти гробницы Эгиста и Клитемнестры, которыя, какъ извѣстно по описаніямъ, находились вблизи.

Отправившись въ Микену, я оставилъ въ Аргосѣ моего слугу и чемоданчикъ съ пожитками, слѣдовательно долженъ былъ возвратиться тѣмъ-же путемъ, и не мѣшкавъ ни часу добрался до залива, нанялъ въ Лернѣ лодку, которая меня въ нѣсколько часовъ и доставила въ Навплію (Napoli di Romania). Здѣсь я нашелъ свой корабль и добраго Мессинскаго Капитана, моего Формента и товарища его Кафьери: они были готовы къ отплытію, и уже цѣлыя сутки ожидали только меня; потому я не могъ подробно разсмотрѣть Навпліи: однакожъ пробывъ въ ней почти 24 часа, и гуляя цѣлый день по ея улицамъ, кое что замѣтилъ.

Подплывая съ моря, видишь крѣпостцу, построенную на отдѣльной скалѣ, почти вровень съ моремъ: это просто худая башня, къ которой пристроено два домишка. Въ ней двѣ или три пушки, и она, положеніемъ своимъ, ни мало не опасна для кораблей, которые захотѣли-бы атаковать Навплію съ этой стороны. Достаточно

было-бы двухъ залповъ, чтобъ опрокинуть ее совершенно. Проплывъ мимо нея, подходишь подъ выстрѣлы другой, уже значительной батареи, устроенной на мысу того мѣста, гдѣ корабли становятся на якорь. Здѣсь вышелъ я на набережную и вошелъ въ городъ. Улицы въ Навпліи широки, прямы, красивы, но онѣ показались мнѣ пусты и скучны. Всходя по первой изъ нихъ шаговъ 600 въ гору, подошелъ я къ валу, съ воротами и амбразурами, и осмотрѣвъ эту гору, съ удивленіемъ увидѣлъ цѣлые ряды батарей, уставленныхъ по ней ступенями, и съ которыхъ можно стрѣлять черезъ нижній городъ по всѣмъ направленіямъ пристани. Красивые домы выстроены амфитеатромъ по горѣ, и все показываетъ здѣсь избытокъ, даже нѣкоторую роскошь. Другая стѣна отдѣляетъ этотъ второй городъ отъ Паламиди, или цитадели. Въ ней то-же ворота и амбразуры съ пушками.

Паламиди (получившая названіе свое вѣроятно отъ Паламида, сына Навпліева, который погибъ жертвою хитростей коварнаго Одиссея), не что иное какъ высокая каменная скала, на которой построена цитадель Навпліи. Она хорошо снабжена припаса-

ми, пушками, и взять ее очень трудно, потому что скала эта чрезмѣрно крута и возвышается утесомъ съ трехъ сторонъ. Она приступна только съ запада, но и тутъ защищена покрытымъ путемъ и казематами, такъ устроенными, что этажи ихъ допускаютъ довольно свѣта для лѣстницъ и раскатовъ, которые они защищаютъ. Надо около получаса времени, чтобъ отъ подошвы Паламиди добраться до вершины, на которой построена цитадель. Это укрѣпленіе состоитъ изъ пятіугольника, фланкированнаго пятью регулярными бастіонами, вооруженными 36 и 40-ка фунтовыми мѣдными пушками, очень исправными. Тутъ еще есть обширные водоемы, для скопленія и храненія воды. Слѣдовъ древности никакихъ нѣтъ. Я не хочу подробно описывать Навпліи, и не стану излагать исторіи осадъ ея и всей послѣдней революціи. Я слишкомъ мало времени пробылъ здѣсь, и не могъ хорошо узнать подробностей, которыя, впрочемъ, столько разъ были описаны, что, вѣроятно, новаго ничего сказать не можно. Пока Аѳины не отстроятся, Навплія можетъ почитаться столицею новаго Греческаго государства. Сюда собираются депутаты; здѣсь

главные магазины, верховный судъ; но какъ Король Оттонъ и Правительствующій Совѣтъ основались въ Аѳинахъ, то, вѣроятно, Навплія скоро опустѣетъ. За всѣмъ тѣмъ, она всегда останется однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ для обороны и для торговли Пелопоннеза.

Здѣсь окончилось мое странствованіе по Греціи. Я старался сколько можно меньше говорить о своихъ обѣдахъ, ночлегахъ, знакомствахъ, не слѣдуя въ этомъ примѣру многихъ путешественниковъ, которые почитаютъ ихъ, какъ видно, очень занимательными событіями. Мнѣ кажется, любопытнѣе прибавить здѣсь мои замѣчанія о жителяхъ страны.

Морейскіе жители, вообще, крѣпкаго сложенія, сильны, и отличаются выразительными чертами лица. Они изнурены продолжительнымъ рабствомъ, и, можетъ быть отъ того, хотя по большей части умны, но скрытны, хитры, тщеславны, большіе разсказчики, лгуны и не надежны въ обѣщаніяхъ. Ни одного слова не скажетъ Мореецъ, никакой бездѣлицы не продастъ безъ божбы. Нравъ у нихъ живой, веселый; они склонны къ сладострастію, умѣютъ развеселить, но мало внушаютъ

довѣренности. Отъ живости воображенія, въ ихъ рѣчахъ всегда тма фигуръ, сравненій, и они обыкновенно преувеличиваютъ дѣла и поступки свои. Говоритъ-ли Мореецъ о свободѣ? Подумаете, что онъ готовъ все совершить, всѣмъ пожертвовать для нея; а на дѣлѣ онъ гораздо меньше заботится о ней, нежели о первенствѣ своего вѣроисповѣданія. Нынѣшніе Греки ищутъ въ револющіи болѣе торжества своей вѣры, и мало заботятся о политической свободѣ. Этому трудно повѣрить, но я удостовѣрился въ этомъ. Они меньше ненавидятъ Турокъ, чѣмъ Римскихъ католиковъ; а лютеранъ не почитаютъ и христіаналиками, прощая этихъ еретиковъ только за то, что они отвергаютъ власть Папы.

Греки въ полной мѣрѣ показали, въ 1770 году, что на ихъ слова и на ихъ хвастливое усердіе къ свободѣ полагаться не должно. Даже Великая Екатерина была обманута ихъ разсказами. Депутаты, присланные отъ нихъ, сперва въ С. Петербургъ, потомъ въ Ливорно, къ Графу Орлову, хвалились и хвастали, что изгонятъ Турокъ, лишь только-бы показались въ Архипелагѣ Русскіе корабли: они обѣщали возстать единодушно!

По ихъ словамъ, не нужно было имъ вспомогательнаго войска: они просили только пороху, свинцу, и человѣка три предводителей, говоря, что для нихъ достаточно этой помощи, и они готовы лечь головами до послѣдняго, за вѣру и свободу. Имъ повѣрили. Требованія казались справедливы и легки для исполненія. Графъ Орловъ отправилъ къ нимъ всего съ избыткомъ, и даже послалъ пушекъ, снарядовъ и ружей. Екатерина II, давно обольщенная мыслью объ избавленіи Греціи, и воцареніи новаго Кесаря въ возрожденномъ ею Константинополѣ, тѣмъ больше положилась на Грековъ, что въ это время дѣйствительно у Турокъ почти не было тамъ войска. Ихъ арміи были заняты и разбиты на Дунаѣ, и они едва могли противупоставить тысячь тридцать, худо вооруженнаго войска, милліону единодушно возстающихъ, какъ казалось, Грековъ. Съ другой стороны, нашъ флотъ, истребивъ Турецкій, свободно могъ, на всѣхъ берегахъ Аттики и Мореи, содѣйствовать имъ и подкрѣплять ихъ.

Что-жь вышло? Греческіе депутаты были, по большей части, интриганы, пройдохи, искавшіе

всякими средствами счастья. Многіе изъ нихъ и порученій ни отъ кого не имѣли, а тѣ, которыхъ дѣйствительно послали, основывали всѣ свои надежды на пустыхъ словахъ, на разсказахъ, на хвастовствѣ своихъ соотечественниковъ. Конечно, повѣрили имъ неосторожно; но и великіе геніи ошибаются, особливо въ томъ, что льститъ давно лелѣянной въ воображеніи, любимой мысли ихъ. Екатерина знала Грековъ только изъ Исторіи: ей были памятны и близки Александры, Периклы, Эпаминонды, и по нимъ она судила о нынѣшнихъ потомкахъ ихъ. Напротивъ, надобно было-бы послать надежныхъ людей, знающихъ языкъ Ново-Греческій, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ, чего можно ждать отъ этого народа, и какъ расположить дѣйствія. Тогда увидѣли-бы, что не тысячу человѣкъ Русскихъ солдатъ надобно было послать въ Грецію; что непремѣнно нужно имѣть десантный корпусъ тысячь изъ тридцати, и вести войну наступательную. Флотъ нашъ, послѣ Чесменской побѣды, не имѣлъ нужды въ подкрѣпленіи; но необходимо было его исправить и снабдить всѣмъ. Вмѣсто того заключили миръ съ Турками, и хотя въ трактатѣ было сказано о всепрощеніи Морей-

скихъ Грековъ и забвеніи прошедшаго, но, по отбытіи Русскаго флота, эта статья трактата не могла быть ни чѣмъ поддержана существенно, а Турки отклонили отвѣтственность тѣмъ, что не посылали войскъ въ Морею, но, какъ извѣстно, дозволили Албанцамъ войдти въ Пелопоннезъ, рѣзать и грабить безъ пощады всѣхъ Грековъ. Эти, послѣ отбытія Рускихъ, совершенно упали духомъ, и вмѣсто того чтобы защищать, уже не свободу, какъ хвастали прежде, но жизнь свою, дѣтей своихъ, женъ и свое имущество, покуда Императрица могла-бы вступиться за неисполненіе трактата — протянули горло подъ ножи какихъ нибудь пяти тысячь, хуже ихъ вооруженныхъ варваровъ, и ни одинъ Грекъ не покусился даже защищаться противъ горсти разбойниковъ! Когда Русскій посолъ въ Константинополѣ сталъ жаловаться на этотъ поступокъ, то Диванъ увѣрилъ его, что тотчасъ пошлетъ войско унять и наказать разбойниковъ. Дѣйствительно, послали Гассанъ-Пашу; а этотъ Паша, подъ предлогомъ унять бунтъ, перерѣзалъ и дограбилъ остальныхъ! Правда, онъ выгналъ и Албанцевъ; но Морея съ тѣхъ поръ уже не могла поправиться. Я знаю,

что со всѣхъ сторонъ возстали упреки и укоризны противъ Екатерины Великой, противъ военачальника ея Орлова, и вообще противъ всѣхъ Рускихъ. Больше всѣхъ кричали Французы, писали всякой вздоръ, увѣряли, что мы обманули и погубили Грековъ, и что на нашъ союзъ имъ никогда полагаться не должно. Я согласенъ, что Морейская экспедиція не имѣла ожиданнаго отъ нея успѣха; но безпристрастные люди согласятся, что если мы виноваты, то конечно только въ томъ, что повѣрили Грекамъ, и, положась на слова ихъ депутатовъ, допустили, даже поощрили возстаніе, которое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, кромѣ гибели Грековъ, никакой пользы намъ принести не могло. Болѣе пятидесяти лѣтъ протекло послѣ этихъ гибельныхъ событій. Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Съ одной стороны, Турки переполнили чашу горестей и бѣдствій Грековъ, особенно отымая у нихъ дѣтей и насильно обращая ихъ въ магометанство. Примѣръ Французской революціи, частыя возстанія въ Италіи, бунтъ Али-Паши, гдѣ и они приняли нѣкоторымъ образомъ участіе; завоеваніе Наполеономъ Египта, все это дало Грекамъ больше

смѣлости и какъ-бы ознакомило съ мыслью, что еще можно бороться съ Турками. Они попросвѣтились, и въ послѣднюю инсуррекцію были ужь гораздо мужественнѣе и храбрѣе прежняго. Но и тутъ они неминуемо погибли-бы, еслибъ Наваринская битва — можно сказать — неожиданно и случайно данная въ ихъ пользу, не удалила Египтянъ изъ Мореи, и не заставила Европейскія державы, какъ-бы невольно за нихъ вступиться. Но и теперь властолюбіе Грековъ, безпокойный и сварливый ихъ нравъ, склонность къ интригантству, и разныя отношенія политическія, долго будутъ препятствіемъ къ установленію между ними порядка. Таковы нынѣшніе Греки; по крайней мѣрѣ такими они мнѣ показались. Мнѣніе мое, признаюсь, не въ ихъ пользу; но увѣряю, что одна истина руководствовала мной, и я почитаю это обязанностью всякаго безпристрастнаго писателя.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о женщинахъ нынѣшней Греціи. Онѣ, особенно въ Мореѣ, вообще прекрасны. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія; но тутъ исключенія рѣдки. Я думаю,

что красотой своей онѣ обязаны физическимъ причинамъ: солнце круглый годъ согрѣваетъ Морею; воздухъ тамъ совершенно сухъ, наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ, чистъ и животворенъ; температура теплая; небо всегда ясное, какъ въ Египтѣ или южной Италіи въ лучшіе весенніе дни. Прибавьте къ этому умѣренную работу и правильную жизнь Востока: вотъ причины красоты Морейскихъ женщинъ!.. Образцы Апеллесовъ и Фидіевъ существуютъ въ Греціи и теперь. Гречанки вообще роста высокаго, стройны, благородны физіогноміей; глаза ихъ исполнены огня. Ротикъ молодыхъ Гречанокъ, кажется, созданъ для поцѣлуя! Зубы у нихъ настоящіе перлы. Но онѣ различны красотой въ разныхъ областяхъ. Спартанки, по большой части, бѣлокуры, тонки, и походка у нихъ важная; живущія въ горахъ Тайгета похожи на Палладу (какъ описываютъ ее намъ поэты), грозящую оружіемъ своимъ. Мессенянки дороднѣе, но лица у нихъ правильныя, глаза голубые, волосы черные, и когда онѣ танцуютъ по травѣ, босыми, но нѣжными ногами, то каждую изъ нихъ можно почесть Флорой, посреди испещренныхъ цвѣтами луговъ. Арка-

діянка закутана въ толстую одежду, подъ которой едва замѣтить можно ея стройный станъ; но черты лица ея тонки, правильны, и улыбка показываетъ невинность. Архипелажскія островитянки не могутъ равняться въ красотѣ съ Морейками, хотя и онѣ вообще пригожи. Мнѣ случилось видѣть въ Митиленѣ совершенную красавицу! Въ Греціи, женщины, даже самыя богатыя, мало наряжаются. Цѣломудренныя въ дѣвицахъ, онѣ скромны и постоянны въ замужствѣ; въ нихъ есть какая-то строгость характера, которая удаляетъ отъ нихъ прикосновеніе Азіятскаго сладострастія. Здѣсь рѣдко услышите, чтобы послѣ смерти мужа, избраннаго сердцемъ, Морейка вновь выходила замужъ. Эти нѣжныя сердца съ трудомъ переносятъ потерю любимаго ими человѣка, и часто проводятъ остальные дни жизни въ слезахъ. Гречанки мало употребляютъ дорогихъ тканей для одежды, кромѣ Индійскихъ шалей, которыя любятъ богатыя женщины. Онѣ носятъ платья, ими самими сотканныя и сшитыя, а голову убираютъ въ лѣтнее время свѣжими цвѣтами. Вообще онѣ охотницы пѣть, и у рѣдкой голосъ не хорошъ: онѣ подлаживаютъ ему

тетрахордомъ (трехъструнная гитара, а по нашему балалайка).

Если природа щетро одарила Гречанокъ красотой, нѣжностью, и постоянствомъ въ любви, то надо сознаться, что онѣ въ тоже время тщеславны, скупы и честолюбивы до крайности, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя находятся въ высшихъ рядахъ общества. Безъ всякихъ познаній и образованности, онѣ, въ разговорахъ и бесѣдахъ совершенно ничтожны, скучны и не замѣняютъ этихъ недостатковъ даже веселостію или шутками, которыя такъ нравятся даже въ необразованныхъ женщинахъ другихъ странъ. О Гречанкахъ можно рѣшительно сказать, что онѣ ничего не знаютъ, и никакъ не въ состояніи принимать и занимать гостей: имъ ни сколько не извѣстна эта наука, столько знакомая женщинамъ другихъ странъ. Еще черта худаго воспитанія, даже тѣхъ, которыхъ честятъ княгинями: это ихъ обхожденіе съ своими служанками. Мнѣ случалось видѣть въ Константинополѣ очень молодыхъ дамъ-Гречанокъ, ругающихъ своихъ рабынь даже при чужихъ, при посѣтителяхъ, и когда онѣ зовутъ ихъ къ себѣ, то вмѣсто того чтобы назвать по

имени: Анна, Катерина, и проч., онѣ кричатъ: *скотина, дура, сука,* и даже хуже. И все для того, чтобы показать ихъ ничтожность и свою важность! Послѣ этого можете судить, какое удовольствіе ожидаетъ образованнаго человѣка въ обществѣ такихъ дамъ.

Гречанки, въ разговорѣ, часто божатся: онѣ клянутся жизнію, *να ζίο,* зрѣніемъ, *να χαρῶ τα μάτιαμȣ*. Случается, что Гречанка лжетъ, а между тѣмъ хочетъ увѣрить, что говоритъ правду; тогда прибавляетъ она: *чтобы мнѣ ослѣпнуть, να ςραβοθᾶ*. Эти женщины боятся сглазу и вѣрятъ всякимъ причудамъ, что также показываетъ недостатокъ въ воспитаніи.

Вотъ безпристрастный очеркъ того, что я могъ увидѣть и узнать, въ короткое время моего пребыванія посреди Гречанокъ.

ГЛАВА X.

БЕРЕГА АФРИКИ, БЕНГАЗИ, ПОѢЗДКА ВЪ СТЕПЬ.

Изъ Наполи ди Романіи мы быстро поплыли къ полудню. Корабль нашъ шелъ девять узловъ въ часъ, и скоро миновалъ островъ Чериго, древнюю Цитеру. Вѣтеръ дулъ постоянно съ сѣвера, и мы совершенно потеряли изъ виду берега. Къ вечеру погода разыгралась: корабль нашъ метало порывами, и килевая качка стала несносна. Всю эту ночь никто не спалъ на кораблѣ, которымъ управлять было очень трудно. Спустили всѣ парусы, и всячески старались удержаться посрединѣ моря; но капитанъ нашъ полагалъ, что насъ сильно относитъ къ Африканскимъ берегамъ. Наконецъ

разсвѣло и на минуту показалось солнце; мы сняли высоту его и увидѣли, что дѣйствительно, въ ночь сбились миль на 60 къ полудню. Вѣтеръ не стихалъ, и къ вечеру капитанъ сказалъ мнѣ, что какъ Африканскіе берега очень низки, и ихъ невозможно усмотрѣть въ самомъ близкомъ разстояніи, а къ тому-же въ большой Сиртѣ (Африканскій заливъ), около котораго мы, вѣроятно, находимся, множество песчаныхъ мѣлей, то онъ полагаетъ гораздо благоразумнѣе укрыться въ гавань пока еще свѣтло. Мы должны были, по его мнѣнію, находиться близко Бенгази; а какъ вѣтеръ не перемѣнялся и дулъ гораздо сильнѣе, то не было возможности поворотить корабль вправо, къ Адріатическому морю, и онъ рѣшился укрыться въ Бенгази. Къ счастью нашему, предположеніе его оказалось вѣрно: онъ приказалъ поднять нижній парусъ, повернулъ руль налѣво, и насъ понесло стрѣлой. Черезъ четверть часа усмотрѣли мы, хотя съ трудомъ, берегъ, и черезъ полчаса, то есть за часъ до захожденія солнца, уже преспокойно стояли на якорѣ, посреди Бенгазійской пристани, въ которой тогда не было ни одного корабля.

Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ безъ сна, въ ужасную бурю, съ какимъ наслажденіемъ каждый изъ насъ располагался уснуть! Мы стояли въ тиши, корабль чуть чуть колыхался; но капитанъ наистрожайше приказалъ матросамъ не всѣмъ ложиться спать, обѣщалъ наблюдать за этимъ самъ, и строго наказать ослушниковъ. Я удивился такой строгости, но онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вы не можете вообразить, какіе воры береговые жители Африки! Если они замѣтятъ, что на кораблѣ оплошно, то съумѣютъ подплыть неслышимо, заберутся на него, и потомъ, ползкомъ на брюхѣ, въ темную ночь, оберутъ все, что имъ попадется: компасъ, инструменты, обрѣжутъ канаты, веревки, паруса. Были примѣры такой дерзости, что спускались въ каюты и тамъ брали деньги и пожитки.» Я разсмѣялся и сказалъ капитану, что, вѣроятно, такъ крѣпко засну, что если ворамъ вздумается меня самого украсть, то я не проснусь, и они легко унесутъ меня до берега. Къ счастію нашему, и благодаря бдительности добраго Форментія, мы провели ночь благополучно. Я спалъ какъ мертвый, и проснулся на другой день когда солнце ужь было довольно высоко

Бенгази въ древности назывался *Вереника.* Онъ былъ одинъ изъ городовъ, составлявшихъ пятиградное Киринейское владѣніе (Pentapolis). Птоломей Землеописатель полагаетъ, что еще древнѣе онъ именовался Гесперисъ; да и нынѣ нѣкоторые называютъ его *Берикъ, Верниxъ* и *Верениxъ.* Онъ былъ великъ, украшенъ и богатъ, какъ столица царства Барки. На Арабскомъ языкѣ, Бенгази значитъ: *дщерь войны.* Въ старину пристань его была обширна и хороша, но теперь она почти совсѣмъ занесена пескомъ: при входѣ въ нее нѣтъ болѣе 14 фут. глубины; слѣдовательно, только корабли тоннъ въ 200 могутъ входить въ нее, и то не болѣе 30-ти. Зимою, говорятъ, входъ въ пристань труденъ, но стоянка въ ней во всякое время надежна и безопасна. Теперь Бенгази небольшая слобода, въ которой домовъ до тысячи, не больше. Есть двѣ или три мечети, и строеніе вообще плохое. Городомъ управляетъ Ага, подъ верховною властію Триполискаго Дея. Бенгази на самомъ краю песчаной Варварійской пустыни. Бедуины часто прикочевываютъ сюда, для торгу съ приходящими изъ Мальты и изъ Генуи кораблями. Они стерегутъ ихъ нетерпѣливо, продаютъ

быковъ, кожи и много верблюжей шерсти, а берутъ въ обмѣнъ порохъ, свинецъ, небольшое количество толстаго сукна, щепетильный товаръ, и разные предметы нужные для вооруженія; притомъ небольшое количество муки и пшена. Въ городѣ, какъ я самъ могъ удостовѣриться, остатковъ древности никакихъ нѣтъ; попадаются однакожъ Римскія монеты, и въ довольно большомъ количествѣ; но онѣ по большей части не ясны, и почти всѣ съ изображеніями Клавдія, Нерона, Адріана и проч. Я старался найдти медаль Гордіана, того Императора, который и не выѣзжалъ изъ Африки, но не могъ достать ни одной: онѣ очень рѣдки.

Рано поутру яв.лись на корабль нашъ два Бедуина. Одинъ изъ нихъ хорошо говорилъ по-Италіянски. Узнавъ о прибытіи корабля, они пришли навѣдаться, не изъ Мальты-ли, и не могутъ-ли они продать быковъ, съ которыми прикочевали наканунѣ? Я тотчасъ спросилъ: далеко-ли ихъ таборы, и возьмутся-ли проводить меня въ нихъ? Я хотѣлъ воспользоваться случаемъ видѣть этотъ народъ, о которомъ столько начитался во всѣхъ новѣйшихъ путешествіяхъ. Бедуинъ отвѣчалъ: до ихъ лагеря не болѣе пяти часовъ доброй верблю-

жей ѣзды. Мы съ нимъ сторговались за пять Неаполитанскихъ дукатовъ. Онъ взялся проводить меня впередъ и обратно. Я нанялъ въ городѣ двухъ верблюдовъ и пять ословъ, и какъ нашъ капитанъ увѣрилъ меня, что никакой нѣтъ возможности, за сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, выйдти изъ гавани, то я и рѣшился съѣздить въ песчаную пустыню къ Бедуинамъ. Капитанскій товарищъ, Кафьери, четыре матроса, я и слуга мой, всѣ хорошо вооруженные, пустились на другой день очень рано, въ сопровожденіи Бедуина Ибрагима, въ походъ; другой Бедуинъ остался залогомъ на кораблѣ. Я не имѣлъ понятія объ этихъ песчаныхъ пустыняхъ, и никогда не ѣзжалъ на верблюдахъ. Къ назначенному для меня подошелъ *корнакъ* (вожатый), легонько ударилъ его палочкой по переднимъ ногамъ, и тотъ началъ становиться на колѣни. Корнакъ подсадилъ меня, и, когда я вскарабкался на сѣдло, подалъ мнѣ въ руку веревку, опутанную около шеи моего рысака, вѣроятно чтобы я могъ за нее держаться. Съ трудомъ могъ я окинуть ногами деревянное широкое сѣдло, или родъ креселъ; но, къ счастью, я догадался положить на него дорожную сафьян-

ную подушку. Стремена, привязанныя пеньковою веревкой, сзади плащъ мой, зонтикъ, да двухствольное ружье, составляли весь мой багажъ. Корнакъ сѣлъ на того-же верблюда, позади меня, спустя ноги на одну сторону. На другомъ верблюдѣ—на котораго товарищъ мой Кафьери ни за что не хотѣлъ сѣсть, а взялъ осла—были нагружены кожаные мѣхи съ водою; онъ также везъ нашъ запасъ вина, состоявшій въ шести бутылкахъ, моего слугу, одного матроса, мою постелю, или просто сказать войлокъ, да еще что-то принадлежащее Ибрагиму. Три матроса и Ибрагимъ размѣстились на остальныхъ ослахъ, и такимъ образомъ караванъ нашъ двинулся съ мѣста. Мы ѣхали къ западу, гадательно верстъ десять, по гладкому лугу. По пути виднѣлась тропинка, и я сидѣлъ довольно спокойно, кромѣ того, что ноги были слишкомъ расширены. Скоро я рѣшился послѣдовать примѣру моего корнака, и перекинулъ ихъ на одну, противуположную ему сторону. Верблюдъ мой шелъ скорою ходою; ослы едва поспѣвали за нимъ рысью. Передовой оселъ былъ привязанъ къ моему верблюду, безпрестанно бѣжалъ, и на немъ звенѣли бубенчики. Лугъ, по

которому мы ѣхали, начиналъ уже перерываться песчаными наносами, и вдругъ потомъ мы вступили въ необозримую песчаную пустыню. По правую сторону еще виднѣлось море, по лѣвую-же и впереди насъ былъ желтый песокъ. Вихри образовали на немъ неравенства, подобныя въ иныхъ мѣстахъ морскимъ волнамъ; лазуревый небосклонъ съ палящимъ солнцемъ довершалъ эту грустную, но величественную картину. Верблюды продолжали идти довольно бодро; но ослы часа черезъ два опустили головы, и ихъ часто начали понуждать палкою. Наконецъ мы остановились, попоить ихъ, дали имъ по пучку рѣпейнику, и когда они этимъ позавтракали, караванъ тронулся опять впередъ. Меня несносно пекло солнцемъ, уже высоко взошедшимъ, и я раскинулъ свой зонтикъ.

Утомительный и молчаливый походъ нашъ продолжался часа четыре; наконецъ мой корнакъ громогласно затянулъ какую-то дикую пѣсню, и ему отвѣчалъ, или подтягивалъ, товарищъ его, сидѣвшій на ослѣ. Мнѣ стало что-то казаться впереди. Я глядѣлъ пристальнѣе: это казалось пятнышко на горизонтѣ; оно болѣе и болѣе увеличивалось, по мѣрѣ нашего приближенія. Наконецъ

я разглядѣлъ нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ расположился таборъ Бедуиновъ; но до нихъ было еще версты четыре. Въ степи, какъ на морѣ, предметы видны издалека. Верблюды и ослы будто чувствовали близкій отдыхъ: шли веселѣе, да и мы всѣ встрепенулись и стали нетерпѣливѣе, желая поскорѣе сойдти съ своихъ подвижныхъ кораблей. Подъѣзжая къ табору, Ибрагимъ поскакалъ впередъ, и тамъ все зашевелилось: толпа Бедуиновъ собралась въ кучу, и изъ средины ихъ шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Ибрагимъ, шли намъ на встрѣчу. Мы остановились, сошли съ верблюдовъ, и Бедуины, черезъ толмача нашего, сказали мнѣ, что Шеихъ велѣлъ сказать мнѣ *добро пожаловать.* Меня повели въ начальничью палатку, а за мной шла моя свита, по два въ рядъ. Бедуины окружали насъ, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки остановились. Шеихъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу: при немъ были двое стариковъ, и мальчикъ лѣтъ десяти, сынъ его. Шеихъ казался лѣтъ 60-ти, довольно высокій ростомъ, сухощавый, съ бородою, довольно длинною и сѣдою; на головѣ его былъ круглый фесъ, родъ скуфьи, и безъ кисти. Онъ поклонил-

ся мнѣ по восточному обряду, положивъ руку на грудь, и потомъ приложилъ ее къ головѣ. Я началъ рѣчь, говоря, что наслышался о его гостепріимствѣ; что я дальній путешественникъ изъ сѣверныхъ странъ, и пришелъ познакомиться съ храбрыми сынами пустыни. «Мы рады тебѣ,» отвѣчалъ Шеихъ. «Войди въ мою палатку.» Когда я и Кафьери тамъ сѣли, Шеихъ сталъ поодаль; вошли двѣ женщины, и принесли мѣдную лахань и кувшинъ съ водою. Зная это обыкновеніе, я велѣлъ слугѣ своему разуть меня; женщины обмыли мнѣ ноги, а самъ я умылъ себѣ лицо и голову: пыль и потъ, дорогою, сдѣлали изъ меня почти арапа. Умыванье совершенно оживило меня. Женщины ушли за занавѣсъ, раздѣлявшій палатку на двѣ части, а Шеихъ подошелъ и сѣлъ съ нами. Я забылъ сказать, что мы сидѣли на Египетской цыновкѣ, по восточному обычаю, поджавъ ноги. Ибрагимъ стоялъ за Шеихомъ. Никто не говорилъ ни слова. Подали трубку; Шеихъ курнулъ одинъ разъ и передалъ ее мнѣ; принесли другія, для Кафьери и для него самого; мы всѣ стали курить. За этимъ слѣдовалъ кофе. Подали тоненькія круглыя лепешки на блюдѣ, и Шеихъ, раз-

ломивъ одну на трое, раздѣлилъ ее съ нами; а когда мы съѣли свои части, онъ сказалъ намъ, что теперь мы его гости, и въ палаткѣ совершенные хозяева, какъ онъ самъ.

Бедуины носятъ рубахи по колѣно, сверхъ шараваровъ; на рубахѣ у нихъ спереди прорѣха, и отъ того грудь голая; рукава по локоть; подпояска изъ шерстянаго снурка. На плеча обыкновенно накинутъ суконный плащъ съ капишономъ; онъ сѣро-бѣловатаго цвѣта. У всѣхъ Бедуиновъ длинные, бѣлые зубы, глаза большіе, черные и блестящіе какъ жаръ: въ нихъ есть что-то звѣриное. Неопрятность и нечистота, какъ на самихъ людяхъ, такъ и въ палаткахъ ихъ, чрезмѣрная: въ этомъ они превзошли, кажется, нашихъ кочующихъ Цыганъ, а въ потребностяхъ домашняго быта, и нѣкоторой роскоши этихъ, даже отстали отъ нихъ. Лошади у нихъ прикованы за переднія ноги къ кольямъ, вбитымъ въ песокъ: онѣ стоятъ въ самый жестокій зной на солнцѣ, повѣсивъ головы почти до самой земли. Рѣдкая изъ нихъ двухъ аршинъ; но онѣ крѣпки и скачутъ рѣзво. Пригнанный на продажу скотъ пасся довольно далеко отъ табора, и ближе къ

морю, гдѣ есть еще трава; его стерегъ конный отрядъ Бедуиновъ. Быки ихъ всѣ темнобурые шерстью; ростомъ они не больше нашего годовалаго черкасскаго теленка. Я думаю, ни въ одномъ нѣтъ болѣе пяти пудовъ мяса; но въ Мальтѣ они скоро отъѣдаются и становятся жирны. Мясо ихъ тамъ хорошо и вкусно.

Когда мы осматривали таборъ, лошадей, колодезь, меня повсюду провожалъ мальчикъ, шеиховъ сынъ. Въ это время у хозяина нашего готовили обѣдъ. Возвратившись, я нашелъ у него двухъ стариковъ, тѣхъ самыхъ, которые встрѣтили насъ вмѣстѣ съ нимъ у его палатки. Мы сѣли въ кружокъ: сперва Шеихъ, а по сторонамъ его, по правую я, по лѣвую Кафьери; потомъ два старика и наконецъ Ибрагимъ. Вошли три женщины, и принесли на кругломъ подносѣ кушанье, поставили его передъ нами, подали намъ поочереди свѣжей воды, умыть руки и ротъ, и стали почтительно поодаль, для прислуги. Это были жена и двѣ дочери шеиховы. Онѣ оставались безъ покрывалъ. На нихъ были короткія синія бумажныя юпки, пристегнутыя у пояса ремнемъ, украшеннымъ мѣдными бляхами; черезъ лѣвое плечо была перекп-

нута коротенькая епанечка, которая оставляла руки и грудь почти обнаженными. Волосы ихъ были заплетены косами, обернуты поверхъ головы, и удерживались на ней серебряной иглой; сверхъ этого синее покрывало, но не опущенное и не закрывающее лица. Я замѣтилъ также ожерелья, серьги и нарукавники восточной работы, серебряныя, позолоченныя, перемѣшанныя съ королькамi, и полагаю, что, въ честь прiѣзжихъ гостей, онѣ въ этотъ день надѣли лучшiе свои наряды. Большой красоты не видѣлъ я ни въ которой; но онѣ были стройны; кожа на лицѣ у нихъ нѣжная, глаза прелестные, какъ у серны; но зубы длинные, хотя очень бѣлые. Старшей дочери было лѣтъ 17. Женщины не спускали глазъ своихъ съ насъ, и съ большимъ любопытствомъ смотрѣли. Шеихъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманiя, и съ ними никто не сказалъ ни слова. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ; это были: пилавъ, прекрасно приготовленный, почти сухой; кебабъ изъ баранины, да зажареная дикая коза. Я всего ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, а товарищъ мой еще вдвое противъ меня. Хозяинъ нашъ казался этимъ очень доволенъ. Онъ подавалъ намъ куски рукою, потому что ни ложекъ, ни ножей не было. Когда

мы досыта наѣлись, хозяйки вынесли подносъ за занавѣсъ, доѣдать тамъ нашъ обѣдъ, а мальчикъ, сынъ шеиховъ, принесъ плетушку съ гранатами. Я имъ очень обрадовался, потому что мнѣ давно хотѣлось пить. Этотъ плодъ, на востокѣ, во время жаровъ, неоцѣненъ; въ немъ есть самый прiятный и освѣжительный сокъ. Умывъ руки и закуривъ трубки, мы начали бесѣду. Только тутъ Шеихъ и оба старика позволили себѣ сдѣлать намъ нѣкоторые вопросы.—Какой вы вѣры?— спросилъ меня Шеихъ. «Богъ великъ!» отвѣчалъ я ему. «Вся вселенная подъ Его рукою!»—*Аллахъ акбаръ!*—повторилъ онъ.—Есть-ли у васъ Султанъ? и великъ-ли его царство? — «Государь нашъ великъ и силенъ, а царство его занимаетъ почти половину всей вселенной!»—Аллахъ! Аллахъ!—воскликнулъ онъ.—Далеко-ли это отъ Падишаха Турецкаго?— «Земли ихъ граничатъ между собою.» — Такъ вы съ нимъ воюете?—«Прежде были войны; нынѣ живемъ дружно; я теперь ѣду изъ Стамбула, и былъ у Падишаха, который меня принялъ милостиво.» —Хорошо, хорошо!—сказалъ Шеихъ. Потомъ старики спрашивали: покупаютъ-ли наши быковъ? Я

сказалъ, что у насъ своихъ много, но что верблюжьей шерсти мы покупаемъ довольно.—Для чего-же ваши корабли не берутъ ее у насъ? — «Къ намъ возятъ ее Бухарцы; но теперь я скажу своимъ, и они, можетъ статься, пришлютъ и сюда свои корабли.» — Не забудьте этого, пожалуста! наша шерсть лучше даже Марокской. — Я обѣщалъ извѣстить объ этомъ, и они казались довольны. Потомъ спросили у Кафьери: когда придутъ Мальтійцы за быками? Онъ имъ смѣло обѣщалъ, что дня черезъ два непремѣнно придутъ корабли. Это такъ обрадовало ихъ, что они потрепали его по плечу и подали еще гранатовъ. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ я могъ заключить только, что понятія Бедуиновъ очень ограниченны: далѣе своего быта, своихъ нуждъ и небольшаго торговаго прибытка, они не любопытствуютъ знать ни о чемъ; живутъ патріархально, и, можетъ быть, счастливо! Одно горе, одна бѣда ихъ—симунъ (*), да скотскіе падежи, когда они случа-

(*) Симунъ, полуденный вѣтеръ, гибельный въ песчаной пустынѣ Африки. Онъ мгновенно разслабляетъ человѣка и всѣхъ животныхъ, распаляя кровь, и приводя въ неподвижность всѣ

ются. Я замѣтилъ, что во время нашего разговора женщины нѣсколько поотдернули занавѣсъ, и смотрѣли на насъ. Скоро потомъ одна изъ молодыхъ вышла, неся кувшинъ на головѣ; за нею бѣжала ручная газель (*). Бедуинка шла за водой, и въ этомъ положеніи была такъ живописна, что напомнила мнѣ картину Горація Вернета, гдѣ изображенъ станъ Бедуиновъ. Любуясь газелью, я сталъ ласкать ее: Шеихъ воспользовался этимъ и

члены. Притомъ онъ несетъ съ собою мѣлкій и даже незамѣтный для глазъ песокъ, который человѣкъ невольно вдыхаетъ въ себя, а это вредитъ его легкимъ. Песокъ также набивается въ глаза, въ ротъ и уши путешественниковъ, когда симунъ застаетъ караваны на походѣ, въ пустынѣ. Тогда онъ почти всегда гибеленъ и людямъ и скоту. Въ Италіи, куда симунъ доходитъ черезъ море, онъ все еще тяжелъ и томителенъ. Тамъ называютъ его *Sirocco*.

(*) Gazella, по-Латыни, по-Французски Gazelle. Это родъ дикой козочки, но гораздо меньше извѣстныхъ въ Европѣ. Онѣ водятся въ Сѣверной Африкѣ, есть и въ Индіи; но, по описаніямъ путешественниковъ, тамъ онѣ еще меньше Африканскихъ. Газели скоро становятся ручными; онѣ стройны и очень красивы. Черные глаза ихъ такъ нѣжны, что когда Арабы хотятъ похвалить глаза своихъ красавицъ, они сравниваютъ ихъ съ глазами газели.

предложилъ мнѣ ее въ подарокъ. «Возьми, въ память нашего знакомства,» говорилъ онъ. Я не могъ отговориться, боясь оскорбить его; но, признаюсь, не зналъ куда дѣваться съ нею.

Вечеръ становился утомительно душенъ; онъ не принесъ ни малѣйшаго прохлажденія, послѣ знойнаго дня. Я ослабѣлъ и чувствовалъ нужду въ отдыхѣ. Добрый хозяинъ нашъ простился съ нами и пошелъ въ женскую половину; мнѣ принесли мой Русскій войлокъ и мою подушку, а Кафьери Египетскую цыновку. Я только снялъ сапоги, да платокъ съ шеи, и мы легли спать.

Усталость и утомленіе скоро усыпили меня, но не надолго; часа черезъ два я проснулся, весь въ поту, чувствуя непомѣрную слабость въ тѣлѣ и боль въ головѣ. Кафьери совсѣмъ не могъ заснуть. Кажется не льзя было дышать! Мы выпили по стакану вина, и это насъ немного подкрѣпило. Ночь была темная; звѣзды хотя свѣтили, но не тѣмъ обыкновеннымъ свѣтомъ, къ которому мы такъ привыкли въ Малой Азіи и Греціи. Вдругъ услышали мы, что по табору ходятъ, какъ будто тревожась о чемъ-то. Я всталъ и вышелъ изъ палатки. Кто-то шелъ прямо ко мнѣ; я скоро узналъ Ибрагима. Онъ говорилъ мнѣ жалкимъ голосомъ: *Son perduti, signor, il Simmoun.* Скоро и Шеихъ вышелъ къ намъ. Онъ то-же былъ грустенъ: боялся за своихъ быковъ. Онъ сказалъ мнѣ, что совѣтуетъ намъ уѣхать до восхода солнечнаго, чтобы прежде большаго жару можно было добраться до Бенгази. «Вы человѣкъ сѣверный, и навѣрное занеможете отъ симуну, когда и мы отъ него часто умираемъ.» Матросы мои и Кафьери суетились, вьючили, сѣдлали; Ибрагимъ робѣлъ, и боялся сбиться съ пути въ пустынѣ. Я ободрялъ его, говоря, что какъ симунъ дуетъ всегда съ полудня, то намъ должно наблюдать, чтобъ онъ былъ у насъ съ правой стороны, и такимъ образомъ мы не собьемся. Шеихъ упорно настаивалъ, чтобы я взялъ у него для себя и для Кафьери лошадей, которыхъ Ибрагимъ приведетъ ему обратно. Искренне поблагодаря его, мы согласились на это. Газель мою посадили въ плетушку и привязали на верблюда. Разставаясь съ Шеихомъ, я подарилъ ему пару Тульскихъ пистолетовъ. Онъ приложилъ ихъ къ головѣ; поцѣловалъ, и мы распрощались дружески.

Я такъ ослабѣлъ, что едва держался на лошади,

хотя она была спокойна и доброй ѣзды. Верблюды кричали, будто предчувствуя бѣду. Первые два часа ѣхали мы изрядно; казалось только, что воздухъ сгустился и дышать было тяжело; но песокъ еще мало безпокоилъ насъ. Небосклонъ началъ озаряться краснымъ свѣтомъ, и скоро показались лучи блѣднаго солнца. Все небо казалось въ туманѣ. Верблюды и лошади шли хорошо, но ословъ погоняли. Я ѣхалъ мокрый отъ сильной испарины, и голова болѣла. Послѣ двухъ слѣдующихъ часовъ, ослы совершенно стали. Я насилу сползъ съ лошади и повалился недвижимъ на пескѣ; товарищи мои, такъ-же какъ я, никуда не годились; но Аравитяне и корнаки наши, казалось, не унывали, напоили лошадей, верблюдовъ и ословъ, но только послѣднихъ досыта. Съ нами было четыре мѣха воды. Я намочилъ губку и вложилъ ее въ ротъ, но вода уже была теплая и ни сколько не освѣжила меня. Послѣдняя бутылка вина совершенно согрѣлась, и я не сталъ пить вина: оно показалось мнѣ уксусомъ. Мы лежали часа два безъ движенія. Солнце было ужь довольно высоко, и я рѣшился приказать идти впередъ. Мы пошли. Вѣтеръ будто стихалъ; песку совсѣмъ не несло, и караванъ

шелъ довольно бодро. Я поглядѣлъ на часы: было 7 часовъ утра. Мнѣ очень хотѣлось прежде полудня добраться до моря, гдѣ начиналась луговая долина; но я боялся утомить лошадей и ословъ. Странно, что головная боль моя не только не усиливалась, но вдругъ совершенно прекратилась, и я, кромѣ чрезмѣрной слабости и усталости, ничего не чувствовалъ. Въ 10 часовъ увидѣли мы вдалекѣ, по лѣвую руку, море. Не льзя описать какъ всѣ обрадовались, и потому больше, что вѣтеръ начиналъ дуть сильнѣе и уже наносилъ песокъ. Черезъ часъ добрались мы до луга. Ослы останавливались щипать коротенькую, пересохлую траву, но ихъ били и безпрестанно погоняли. Наконецъ, истомленные, измученные, съ пересохшими горлами, дотащились мы до пристани. Я едва сидѣлъ на лошади; добрый мой капитанъ ожидалъ насъ съ шлюпкой. Меня сняли съ лошади и донесли до шлюпки на рукахъ. Я просилъ капитана расплатиться съ Ибрагимомъ, съ корнаками, и дать имъ больше договорной платы, а самъ спѣшилъ на корабль. Тамъ меня раздѣли, перемѣнили мнѣ бѣлье и положили въ каютѣ. Я выпилъ лимонаду, и тотчасъ уснулъ мертвымъ сномъ. Не

знаю, долго-ли я спалъ; но когда проснулся, корабль былъ подъ парусами, и мы шли въ открытомъ морѣ. Капитанъ стоялъ передъ моей каютой и сказалъ мнѣ, что этотъ полуденный вѣтеръ, столько впрочемъ вредный, былъ для хода нашего самый благопріятный; что хотя изъ пристани онъ вышелъ на буксирѣ, но теперь, если вѣтеръ не перемѣнится еще сутки, онъ навѣрное доставитъ насъ въ это время въ Мальту. Я поокрѣпъ на кораблѣ, хорошо поѣлъ, выпилъ стакана два портеру, и сталъ совершенно здоровъ; только чувствовалъ, какъ и спутники мои въ песчаную пустыню, сильный зудъ по всему тѣлу. Газель моя была здорова и гуляла свободно по кораблю.

ГЛАВА XI.

МАЛЬТА.

Въ Середу, 18 Іюня, въ ясное утро, мы приблизились къ Мальтѣ. Сперва показались бѣлые берега острова, и башни такого-же цвѣта, въ разныхъ мѣстахъ на немъ построенныя. Это сторожевыя укрѣпленія, съ которыхъ прежде извѣщали жителей о приближеніи морскихъ разбойниковъ, или о высадкѣ непріятелей. Нынѣ они способствуютъ карантинному надзору и помогаютъ таможнѣ предупреждать тайный провозъ товаровъ. Подплывая къ городу Лавалеттѣ, иностранецъ не можетъ не придти въ удивленіе и восторгъ. Построенный на возвышеніи и окруженный каменными ба-

стіонами, городъ раздѣляетъ двѣ обширнѣйшія и надежнѣйшія пристани, какія только есть въ Средиземномъ морѣ. По одну сторону, такъ называемая, Большая пристань: она защищена съ одной стороны Сентъ-Эльмской, а съ другой Рикосольской крѣпостями; посрединѣ ея замокъ *Сентъ-Анжъ.* При немъ четыре ряда батарей, амфитеатромъ устроенныхъ, и глубокіе рвы, изсѣченные въ каменной скалѣ; по лѣвую руку два огромныя укрѣпленія, называемыя *baragues*. Въ нихъ хранятся провіантъ и военные припасы. Живописный видъ вокругъ Лавалетты къ морю образуютъ три города: *Виторіоза, Коспикуа* и *Сенглея.* Послѣдній занимаетъ полуостровъ Св. Михаила. Два Гроссмейстера, оба изъ фамиліи *Котонерсъ,* хотѣли-было соединить эти три города общею оградою, составленною изъ бастіоновъ, которые не только служили-бы защитой, но въ случаѣ нападенія непріятельскаго и убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, съ ихъ имуществомъ и скотомъ. Это огромное предпріятіе, изумившее самого Людовика XIV-го, не было исполнено. Въ малой внутренней пристани, окружающей три города и отдѣляющей ихъ отъ Лавалетты,

помѣщены морская госпиталь, коммиссаріатъ, магазины, словомъ, всѣ принадлежности флота.

Едва корабль нашъ сталъ входить въ первую пристань, какъ его окружили карантинные приставы на лодкахъ, и повели прямо во вторую пристань, назначенную единственно для карантинныхъ судовъ. Она называется *Марсамухети.* Въ ней есть большіе магазины; лазаретъ для живущихъ въ карантинѣ обширенъ и удобно расположенъ на многія отдѣленія; всѣ предосторожности для разобщенія съ городомъ приняты благоразумно и соблюдаются строго, но со всею вѣжливостію. Впрочемъ, путешественникъ, сидящій въ карантинѣ, можетъ пользоваться всѣмъ, что ему угодно, получать самую роскошную пищу, и все что только можетъ облегчить скуку его уединенія. Онъ легко получаетъ изъ города книги, журналы, музыкальные инструменты, ноты, однимъ словомъ все, что ему вздумается. Правда, Англичане за все берутъ дорого, но правда и то, что все хорошо. Мнѣ отвели особенную комнату, съ балкономъ на пристань. Я нашелъ въ ней мебель изъ краснаго дерева, хорошую постелю съ занавѣсами отъ комаровъ, чистое и тонкое бѣлье. Но

всего пріятнѣе было для меня общество земляка, Ѳ. Ѳ. Фурмана, съ прекрасною супругой его и съ тещей, которыя вошли въ карантинъ вмѣстѣ со мной, слѣдовательно и время нашего заключенія должно было кончиться въ одинъ день. Мы скоро познакомились. Родной дядя Гна Фурмана былъ мой хорошій пріятель. Мы соединили наше хозяйство, и всякой день обѣдали вмѣстѣ.

Вотъ какъ мы проводили время: поутру входилъ опредѣленный къ намъ приставъ (онъ былъ и слуга), освѣдомлялся о нашемъ здоровьѣ, и принималъ наши приказанія о столѣ и обо всемъ, для насъ нужномъ на этотъ день; онъ отдавалъ намъ письма, когда они получались съ почтой, и бралъ наши для отсылки; рапортовалъ о насъ доктору и главному смотрителю. Когда мы выходили гулять по набережной (намъ опредѣлено было по ней отгороженное пространство, на 75 шаговъ въ длину), приставъ находился при насъ, чтобы и случайно не могли мы съ кѣмъ нибудь сообщиться. Когда мы возвращались домой, онъ запиралъ наружную дверь ключемъ; впрочемъ, онъ жилъ и обѣдалъ съ нашими людьми. Кромѣ

доктора, который былъ Англичанинъ, всѣ прочіе чиновники въ карантинѣ были Мальтійцы, или Итальянцы. Докторъ навѣщалъ насъ раза два въ недѣлю, и осматривалъ издали. Главный надзиратель бывалъ, мимоходомъ, почти всякой день, и всякой разъ спрашивалъ: довольны-ли мы, и не имѣемъ-ли въ чемъ нужды? Каждая просьба наша была тотчасъ удовлетворена; но мы рѣдко просили о чемъ нибудь, потому что всегда были довольны, и, благодаря Бога, здоровы. Пища у насъ была прекрасная: намъ приносили, изъ лучшаго трактира въ городѣ, всегда шесть блюдъ и десертъ. Рыба лучшая, и всякаго рода, здѣсь въ изобиліи; говядина и баранина хороши; зелень есть какая угодно. Столъ обходился намъ, кромѣ вина, которое мы брали, каждый по своему вкусу, по пяти рублей съ человѣка; за мебель и бѣлье постельное платили мы по два рубли, итого около десяти рублей въ сутки. Со стола нашего съ избыткомъ оставалось приставу и двумъ камердинерамъ нашимъ. По вечерамъ, послѣ прогулки, мы читали съ Г-мъ Фурманомъ, часто вслухъ, по очереди. Супруга его одарена голосомъ, какихъ я мало слыхивалъ; она пѣла съ не-

обыкновеннымъ искуствомъ, акомпанируя себѣ на фортепьяно.

Я каждый день окачивался морскою водой, и въ первый разъ очень удивился, когда увидѣлъ, что съ меня брызжутъ искры: это дѣйствiе фосфора, которымъ насыщена здѣсь морская вода. Одно было тяжело: это въ продолженiе дня несносный жаръ, а вечеромъ и ночью комары, называемые здѣсь *занзарами*. Они несравненно злѣе нашихъ, и жало ихъ гораздо долѣе оставляетъ по себѣ опухоль и чесотку. Изъ окошекъ и съ балкона моего я видѣлъ только крѣпость, да вдали большую дорогу; нѣсколько Англiйскихъ часовыхъ смѣнялись на бастiонахъ, и составляли цѣпь вокругъ карантинной пристани. По Воскресеньямъ растворяли родъ воротъ, на верху одного бастiона, и ударяли въ колоколъ; тогда съ карантинныхъ судовъ подплывали къ воротамъ молельщики; другiе на самой набережной (съ которой, такъ-же какъ съ моего балкона, видно было въ эти ворота) становились на колѣни. Внутри была тамъ церковь, и священникъ служилъ обѣдню, которую всѣ карантинные жители могли, если не слышать,

по отдаленiю и высотѣ бастiона, то по крайней мѣрѣ видѣть, и при этомъ молиться.

По срединѣ Марсамухетской пристани есть островъ, и на немъ небольшая крѣпость *Мануилъ*: она служитъ защитой пристани. При входѣ въ нее возвышенiе, называемое *Драгутовъ* мысъ, по имени того славнаго Турецкаго корсара, извѣстнаго у Турокъ подъ именемъ *Торгоута*, который во время осады Мальты, въ 1565 году, устроилъ тутъ батарею и былъ на ней убитъ обломкомъ камня, расшибеннаго ядромъ изъ крѣпости.

Продержавъ 20 дней въ карантинѣ, насъ выпустили. Россiйскiй Консулъ, Г-нъ Тальяфери, самъ прiѣхалъ за нами, и со всею вѣжливостью и свойственною ему любезностью, предложилъ намъ домъ свой и услуги. Мы искренно благодарили его, но не хотѣли безпокоить, а просили только показать намъ лучшую гостинницу. Консулъ, въ домѣ своемъ, представилъ меня своей супругѣ, очень милой дамѣ. Напившись съ ними кофе, я отправился въ Англiйскiй трактиръ Мореля, противъ самаго консульскаго дома, на той-же улицѣ. Комнаты мои были покойно расположены и прекрасно убраны. Г-нъ Фурманъ остановился въ томъ-же

домѣ. Черезъ четверть часа по пріѣздѣ моемъ, загремѣла подъ окошками моими музыка, и слуга сказалъ, что это поздравленіе съ пріѣздомъ. Такъ привѣтствуютъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ трактиръ, и, разумѣется, берутъ съ нихъ дань. Эта потѣха стоила мнѣ пять рублей.

Располагаясь пробыть нѣсколько времени въ Мальтѣ, я пустился визитировать, сперва къ начальникамъ города. Хотя Генералъ-Губернатора, Лорда Понсонби, тогда не было въ Мальтѣ (онъ находился въ Лондонѣ), но Адмиралъ Бригсъ, комендантъ крѣпости, и прочіе чиновники, у которыхъ я былъ, приняли меня весьма вѣжливо. На другой день они отдали мнѣ визиты, и начали поочередно приглашать къ себѣ. Въ Мальтѣ много предметовъ, достойныхъ любопытства. Я стану описывать ихъ, по порядку, какъ посѣщалъ и осматривалъ. Не стану излагать исторіи этого острова: она слишкомъ извѣстна; къ тому-же, кромѣ славной осады и храброй защиты Мальты, Гроссмейстеромъ Лавалетомъ, въ 1565 году, особенно любопытныхъ событій на самомъ островѣ не было.

Сколько извѣстно, первые поселились на острове Мальтѣ Финикійцы; потомъ Карѳагеняне, Римляне, Арабы. Когда, вмѣстѣ съ королевствомъ Неаполитанскимъ, островъ перешелъ во владѣніе Императора Карла V-го, этотъ государь подарилъ его, въ 1530 году, рыцарямъ, или кавалерамъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, называвшимся потомъ Мальтійскими кавалерами. Наполеонъ завоевалъ Мальту плывя въ Египетъ; наконецъ она досталась, *per fas et nefas*, теперешнимъ обладателямъ ея, Англичанамъ.

Путешественникъ съ удовольствіемъ замѣтитъ здѣсь правильныя улицы, хорошіе троттуары, всегда содержимые въ большой чистотѣ, и красоту каменныхъ, почти однообразныхъ домовъ, украшенныхъ террасами и балконами, гдѣ здѣшнія дамы проводятъ большую часть времени. Въ здѣшней библіотекѣ, благодаря ученому директору ея, аббату Беланти, я нашелъ много рѣдкихъ и мало извѣстныхъ манускриптовъ, относящихся къ исторіи ордена кавалеровъ Св. Іоанна. Тамъ-же находятся: Вальтонова Библія *polyglotta*, Финикійская надгробная ваза, можетъ статься единственная въ своемъ родѣ, и при ней *лакриматорія* (слезохранительница). Не разъ посѣщая би-

бліотеку, я часто встрѣчалъ тамъ Испанскаго Генерала Кампану, довольно извѣстнаго въ частыхъ революціяхъ Испаніи. Но я видѣлъ въ немъ только человѣка съ обширными познаніями, и старика очень любезнаго.

Въ Мальтѣ много церквей и монастырей; но главное и великолѣпнѣйшее зданіе города, конечно, соборъ Іоанна Крестителя. Величественный входъ въ него, съ площади, посрединѣ города, превосходенъ. Желая сдѣлать эту церковь достойною быть соборомъ такого славнаго ордена, не щадили ничего. Знаменитый живописецъ, кавалеръ Матіасъ Прети (*), расписывалъ въ ней своды и плафоны; онъ-же написалъ много образовъ и картинъ. При входѣ въ церковь, по правую руку, въ придѣлѣ, находится превосходная картина Корреджіо, представляющая Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Надобно знать, что Мальтійскій орденъ раздѣлялся на языки или народы, какъ-то: Испанскій, Итальянскій, Французскій; послѣдній имѣлъ еще подраздѣленіе: просто *Французскій, Овернскій, Провансскій* и проч. Вся-

(*) **Извѣстный подъ именемъ Калабреза.**

кое подраздѣленіе имѣло въ соборѣ собственный придѣлъ, въ которомъ кавалеры каждаго языка собирались при выборахъ Гроссмейстера. Въ этихъ-же придѣлахъ находятся и гробницы многихъ Гроссмейстеровъ, между которыми достойны замѣчанія гробницы *Котонеро* и *Зондондари*. Но что въ этомъ соборѣ единственно въ своемъ родѣ, это помостъ его: онъ составленъ изъ богатыхъ мраморныхъ и даже мозаичныхъ надгробныхъ камней, надъ похороненными тутъ-же кавалерами. Право на это было предоставлено только имѣвшимъ большіе кресты. Камни покрыты надписями и гербами усопшихъ кавалеровъ. Многіе составлены изъ яшмы, лаписа и другихъ рѣдкихъ камней. На лѣвой рукѣ, подъ церковью, склепъ съ часовнею: тамъ хоронили только Гроссмейстеровъ, когда они заблаговременно не приготовили для себя особеннаго придѣла въ церкви. Еще достоинъ замѣчанія богатствомъ алтарь: онъ весь изъ восточнаго алебастра, лаписа и яшмы. Колоссальная группа изъ бѣлаго мрамора, поставленная за алтаремъ, представляетъ Іоанна Крестителя, льющаго воду крещенія на главу Іисуса Христа; рѣзецъ хорошъ, фигуры велико-

лѣпны, но мнѣ-бы хотѣлось видѣть въ нихъ болѣе простоты и менѣе изломанности, что-бы дало имъ болѣе важности и вѣроятія. Теперь, ни прежняго богатства, ни пышности въ служеніи нѣтъ, хотя въ большіе праздники Епископъ и каноники еще отправляютъ службу. Въ короткое владѣніе Французовъ, всѣ драгоцѣнности изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшія церкви, были ими расхищены и исчезли.

Гроссмейстерскій дворецъ, занимаемый нынѣ Англійскимъ Генералъ-Губернаторомъ, составляетъ четвероугольное зданіе, твердо и правильно построенное въ одинъ этажъ. Въ немъ пять большихъ входовъ, и онъ раздѣляется на двѣ половины, на зимнюю и лѣтнюю. Комнаты въ нихъ хорошо убраны; на обѣихъ половинахъ есть большія залы, гдѣ прежде собирался кавалерскій совѣтъ.

Замѣчателенъ въ городѣ великолѣпный водопроводъ: это зданіе, достойное древнихъ Римлянъ, построилъ, въ 1616 году, Гроссмейстеръ *Алофъ де Виньякуръ*. Вода проведена на главную площадь, черезъ весь островъ, изъ старой сто-

лицы, *Мелиты*, или *Медины*, какъ называли ее Сарацины.

Мальтійцы представляютъ внимательному наблюдателю два, совершенно различныя народонаселенія: это жители городовъ и жители селъ. Въ городахъ, особенно въ Лавалеттѣ, отъ вседневнаго сообщенія съ иностранцами, они уже потеряли характеръ и свою національность. Тутъ, кромѣ Мальтійскаго языка, говорятъ по-Французски, по-Итальянски, по-Англійски, по-Нѣмецки, и одежда мѣняется по народамъ; однако женщины, хотя дома и подражаютъ чужестраннымъ модамъ, являются на улицахъ и въ церквахъ всегда въ національномъ костюмѣ. Онъ состоитъ въ черномъ платьѣ и епанечкѣ, или мантильѣ, свободно наброшенной на голову и на плеча; ею онѣ закрываютъ лицо, или оставляютъ его открытымъ, смотря по приличію и собственной волѣ.

Женщины здѣсь проводятъ всю жизнь внутри своихъ домовъ, и потому почти никогда не повстрѣчаешь ихъ на рынкахъ, или въ магазинахъ. Дома онѣ читаютъ, или пишутъ; но и это у нихъ, говорятъ, недавно ввелось и дозволяется. Впрочемъ, если воспитаніе женщинъ здѣсь не

очень блистательно, то надобно признаться, что и воспитаніе мужчинъ не далеко ушло впередъ. Я полагаю, что это происходитъ отъ ихъ безпрестанныхъ занятій мѣлочною торговлею, которая не способна раждать высокія мысли, ни въ какой землѣ. Потому-то молодые люди, желающіе вступить въ гражданскую службу, или посвятить себя ученымъ занятіямъ, уѣзжаютъ, для пріобрѣтенія нужныхъ имъ познаній, въ чужіе краи.

И такъ, слабое просвѣщеніе въ городахъ только изгладило туземные обычаи и характеръ. Но за заставой города все принимаетъ иной видъ: тамъ не услышишь другаго языка, кромѣ природнаго, то есть Арабскаго, но искаженнаго; національный костюмъ, перешедшій отъ отца къ сыну, сохраняется съ давнихъ временъ. Мужчины носятъ полосатые, изъ бумажной матеріи, панталоны, жилетъ или камзолъ, изъ такой-же матеріи, застегиваемый только по праздникамъ, круглыми серебряными пуговицами, и бѣлый или цвѣтной бумажный калпакъ. Простые работники ходятъ босые; но земледѣльцы, которые побогаче, подвязываютъ къ ступнямъ, тесемками или ремнями, сыромятныя подошвы, родъ сандалій. Женщины

носятъ, какъ и горожанки, епанечку, но не шелковую, а суконную, и надѣваютъ ее только идя въ церковь.

Я съ особымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на добронравный Мальтійскій народъ. Здѣсь на всемъ островѣ не найдешь ни одного пьяницы; за то люди сильны, свѣжи, и даже старики крѣпки. Работа, вліяніе здороваго климата, привычная умѣренность во всемъ, сохраняютъ нравственность, здоровье, *la robustezza* (какъ здѣсь говорятъ). Это удѣлъ счастливыхъ деревенскихъ жителей въ Мальтѣ! Проѣзжайте, какъ я, по всему острову, и вы увидите этихъ работниковъ, вынуждающихъ сухую, неблагодарную почву, вознаградить усильные и постоянные ихъ труды. Вы замѣтите девяносто-лѣтнихъ стариковъ, не отстающихъ отъ молодыхъ въ работахъ и трудахъ.

Но жадность сильныхъ народовъ не допускаетъ насладиться и этими благами! Мальтійцы съ горемъ воспоминаютъ своихъ духовныхъ рыцарей, которые блюли ихъ независимость и благоденствіе. Теперь Англійскій проконсулъ, подъ именемъ Генералъ-Губернатора, управляетъ этою страною безотчетно, и можно ска-

зать самодержавно, какъ военный диктаторъ. Онъ издаетъ законы, отклоняетъ ихъ, даже опять отмѣняетъ по собственной волѣ; избираетъ судей и отставляетъ когда хочетъ; помѣщаетъ во всѣ мѣста чиновниковъ и отрѣшаетъ ихъ, когда вздумается ему. Воля Мальтійскаго губернатора здѣсь неограниченна! Отъ того прихоти его, и окружающихъ его и помѣщаемыхъ имъ почти на всѣ мѣста Англичанъ, несносно отяготительны, не законными поборами и притѣсненіями всякаго рода, для бѣдныхъ жителей Мальты. Англичане пріѣзжаютъ сюда обогащаться, и спѣшатъ это исполнить, желая скорѣе возвратиться домой.

Во время орденскаго управленія, всѣ должности занимали жители острова. Хотя и нынѣ нѣтъ закона, которымъ-бы это возбранялось, но Англичане вездѣ предпочтительно опредѣляютъ своихъ соотечественниковъ, оставляя Мальтійцамъ самыя послѣднія и ничего не значащія должности. За то Мальтійцы громко ропщутъ и искренно ненавидятъ Англичанъ.

Островъ Мальта не что иное какъ голая каменная скала; но труды и промышленность человѣческая умѣли сдѣлать его плодоноснымъ. Онъ служитъ доказательствомъ, что можетъ произвести трудолюбивый человѣкъ, когда онъ терпѣливо и постоянно занимается однимъ предметомъ, даже, какъ здѣсь, въ знойномъ климатѣ, на безплодной землѣ, на голомъ камнѣ. Куда ни посмотришь на островъ, вездѣ мѣловато-бѣлый камень: по мягкости, его удобно тесать; а между тѣмъ всюду встрѣчаешь прекрасные сады, кое-гдѣ небольшія поля съ ячменемъ, пшеницей и хлопчатою бумагой; рощи апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. На грядахъ растутъ всякаго рода лучшіе овощи. Многіе путешественники разсказывали, что Мальтійцы навозили себѣ земли изъ Сициліи; но это сказки. Самый ближній берегъ Сициліи отъ Мальты болѣе ста верстъ разстояніемъ; на малыхъ судахъ не навозишься земли, а большія занимать этимъ слишкомъ дорого. Земля на Мальтѣ не что иное какъ пыль и сгнившій соръ, набранный въ береговыхъ расщелинахъ; большая-же часть ея произошла отъ разложенія временемъ самого камня, и отъ собираемаго много лѣтъ навоза. Земля здѣсь драгоцѣнна, и потому-то самые маленькіе удѣлы дачь огорожены камнемъ, во-первыхъ для обозначенія собственности, а болѣе для предо-

храненія земли, которую иначе могло-бы разнести, бывающими здѣсь порывистыми и сильными вѣтрами.

Островъ, можно сказать, усѣянъ деревнями. Имя каждой изъ нихъ начанается съ слова *Казаль,* что по-Арабски значитъ *деревня.* И такъ, *Казаль-ново*, *Казаль-Николо*, Новая деревня, деревня Никольская, и проч. Жители всѣхъ ихъ занимаются садоводствомъ и земледѣліемъ. Овощи и плоды растутъ здѣсь превосходные; цвѣтная капуста, бронколь, дыни по справедливости славятся. Съ гладкокожими зелеными дынями никакія сравняться не могутъ, запахомъ, сладостью и пріятностью вкуса; къ тому-же ихъ можно сохранять круглый годъ. Въ Мальтѣ есть еще особенный родъ абрикоса, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *александрини.* Изъ него дѣлаютъ сухіе конфекты и разсылаютъ ихъ повсюду. Плодъ этотъ очень пріятенъ и замѣчателенъ еще тѣмъ, что косточка его удивительно тонка: ее легко можно раздавить пальцами. Апельсины, лимоны и гранаты составляютъ значательную часть здѣшней торговли, такъ-же какъ померанцевый цвѣтъ, и померанцевая вода, которую вывозятъ отсюда

въ большомъ количествѣ, въ мѣдныхъ луженыхъ флягахъ, называемыхъ въ Мальтѣ *станьоне.* Здѣсь особенно уважаются два рода апельсиновъ; но они такъ нѣжны, что вывозить ихъ отсюда почти невозможно. Первый родъ: маленькіе, краснотѣлые, а второй, еще превосходнѣйшій, называется *мандарини* и *мандолини.* Они чрезвычайно тонкокожи и имѣютъ свойство, когда созрѣютъ, не гнить: внутренность ихъ начнетъ сжиматься и изсыхать, до такой степени, что они становятся совершенно пусты, а между тѣмъ наружность долго еще сохраняетъ свой видъ и всю свою свѣжесть. Изъ острова Мальты вывозятъ въ значительномъ количествѣ цвѣточныя и овощныя сѣмена, гіацинтовыя и другія цвѣточныя луковицы, туберозовые корни и проч.

Медъ здѣшній славится съ самой глубокой древности; потому-то, вѣроятно, и островъ по немъ былъ названъ *Мелите.* Дѣйствительно, этотъ медъ превосходнаго вкуса, и въ немъ еще то отличительное свойство, что онъ совершенно розоваго цвѣта, всегда жидокъ, и никогда не сгущается.

Сады здѣсь требуютъ частой поливки, и для

того при каждомъ изъ нихъ есть колодцы. Простая машина приводится въ движеніе ослами; одна бадья выливается въ жолобъ, а другая въ то-же время зачерпываетъ воду. Ослы удивительно привыкли къ этой работѣ: какъ скоро услышатъ, что вода льется, они сами собою оборачиваются и начинаютъ обратный кругъ, для второй бадьи.

Земли здѣсь не пашутъ, по малости полей и по неудобству, въ тѣсныхъ каменныхъ загородкахъ, поворачиваться съ лошадью или быкомъ; къ тому-же много пропадало-бы земли отъ недоѣздовъ плуга, и для того ее роютъ заступами или мотыгами. Отъ излишняго населенія, у жителей никогда не достаетъ своего хлѣба. Правительство имѣетъ большіе магазины, какъ у себя, такъ и въ Сициліи, по большой части въ Сиракузахъ и Мессинѣ. Лошадей на островѣ мало; но они хороши и крѣпки, хотя малаго роста. Ихъ держатъ богатые люди, для своей охоты и роскоши; ослы здѣсь необыкновенно крупны и сильны; ихъ употребляютъ для верховой и каретной ѣзды; на нихъ-же крестьяне возятъ, что имъ нужно, въ городъ на базары, и они здѣсь полезны, даже необходимы. Козы всѣ вислоухія, бурой шерсти, и очень велики; быковъ на мясо привозятъ изъ Африки, большею частью изъ Бенгази.

Живность, какъ-то куры, гуси, утки, индѣйки, во множествѣ выкармливаются по деревнямъ; они хороши и вкусны. Дичи на островѣ почти нѣтъ никакой, кромѣ залетныхъ куропатокъ и вяхирей, гнѣздящихся въ крутыхъ морскихъ берегахъ. Они особаго рода, и называются здѣсь *Поломба*. Бываетъ еще много пролетныхъ перепелокъ.

Мальтійскія деревни вообще хорошо выстроены. Улицы въ нихъ широки, вездѣ вымощены и всегда чисты; домы каменные, вообще въ два этажа, съ плоскими кровлями, какъ на востокѣ. На кровляхъ вездѣ подѣланы террасы, на которыхъ жители по вечерамъ отдыхаютъ отъ дневняго зноя. Почти въ каждой деревнѣ есть большая и хорошей архитектуры церковь. На островѣ водятся скорпіоны, но они почти не вредны; за то комары несносны, и ихъ множество.

Народъ здѣсь крупный и здоровый. Мальтійцы вообще не глупы и понятливы; но одѣваются странно. Дѣвки почти всѣ ходятъ босыя, и только женщины носятъ башмаки. На головахъ у нихъ по-

крывалы изъ голубаго полотна, юпки и спенсеры синіе, изъ толстой матеріи. И мужчины и женщины носятъ соломенныя шляпы.

Въ Мальтѣ превосходныя устрицы. Я видѣлъ здѣсь особенный ихъ родъ, у котораго раковины покрыты иглами: этихъ устрицъ зовутъ вооруженными. Рыбы всякой ловится множество, и она очень вкусна, какъ вообще рыба Средиземнаго моря. Для ловли ея по большей части употребляютъ здѣсь неріôты, которыя чисто и искусно плетутъ изъ тростнику. Особый родъ промышленности, въ городахъ Мальтійскихъ, это выдѣлываніе изъ мягкаго здѣшняго камня разныхъ фигуръ, особенно вазъ, въ подражаніе древнимъ, находимымъ въ Геркуланѣ и Помпеѣ. Рѣзьба на нихъ тонкая, фигуры всегда правильны, и ни въ чемъ не уступаютъ оригиналамъ. Здѣсь все это можно имѣть за дешевую цѣну, потому что работа идетъ скоро и легко, по мягкости камня. Между издѣліями замѣчательны также золотыя цѣпочки и другія вещицы, на подобіе антиковъ. Продавать ихъ не смѣютъ иначе, какъ подъ клеймомъ пробирнаго мастера, что также для покупщика очень удобно.

Я ѣздилъ въ старую столицу: она-то настоящій городъ Мальта, который у Аравитянъ назывался Медина. Онъ внутри острова, не великъ, но очень древенъ. Улицы въ немъ такъ узки, что даже въ маленькой повозкѣ съ трудомъ можно проѣхать. Здѣсь находится великолѣпный и обширный соборъ Св. Апостола Павла, построенный въ новѣйшемъ вкусѣ. За престоломъ можно видѣть одну изъ лучшихъ картинъ Матѳея Прети, или *Калабреза*: она представляетъ Апостола, ужаленнаго змѣей, послѣ кораблекрушенія его на берегахъ Мальты. Близъ собора еще виденъ домъ, въ которомъ нашли убѣжище герои, ушедшіе изъ Родоса, когда Карлъ V подарилъ имъ Мальту; нынѣшняя столица, городъ Лавалетта, тогда еще не существовала. Въ нѣкоторомъ разстояніи находится пещера, гдѣ, по преданію, Апостолъ Павелъ, послѣ кораблекрушенія, укрылся, и гдѣ ужалила его змѣя, безъ всякаго ему вреда. Пещера эта, въ которую я входилъ, раздѣляется на трое желѣзными рѣшетками; въ самой задней части престолъ и изваяніе Св. Павла изъ бѣлаго мрамора; во второй части, которую должно почитать настоящею церковью, есть вещь, действительно родъ

чуда: это дикій камень, безпрестанно растущій и производящій родъ земли, столько извѣстной и прославленной для излеченія отъ лихорадки; ее называютъ Мальтійскою землею. По мѣрѣ того, какъ отдѣляютъ ее отъ камня (въ которомъ три фута съ половиною высоты и сажень въ окружности), для раздачи вѣрующимъ и даже любопытствующимъ, она возобновляется сама собою. Это родъ магнезіи, которая, по свойству своему (*absorbante*), должна дѣйствительно помогать во многихъ болѣзняхъ, требующихъ разрѣшенія мокротъ.—Въ третьемъ отдѣленіи пещеры становится народъ во время богослуженія.

Возлѣ острова Мальты есть еще островокъ, къ нему принадлежащій: это *Годзо*. Я ѣздилъ на него. Тамъ еще видны подземелья, въ которыхъ жили Карѳагеняне, или Финикійцы, первые поселенцы его. Осматривая подземелья, я нашелъ, что они были неудобны для житья, потому что узки и очень низки. На островкѣ есть также двѣ крѣпости; въ одной изъ нихъ живетъ комендантъ. На Годзо много земли, и зелень повсюду радуетъ зрѣніе. Хлопчатую бумагу сѣютъ на каменной скалѣ, составляющей особый островокъ. Здѣсь-же

родится во множествѣ славный грибъ, называемый *Fungus Melitensis*. Его никому не позволяется срывать, потому что это составляетъ доходъ правительства. Грибы сушатъ, потомъ толкутъ въ порошокъ, и развозятъ въ такомъ видѣ не только по всей Италіи, но и по всей Европѣ, какъ вѣрнѣйшее средство для излеченія отъ кровавыхъ поносовъ.

Кстати сказать слова два о торговлѣ снѣгомъ, которую прежде производили въ Мальтѣ Катанскіе купцы, слишкомъ на тысячу Голландскихъ червонцевъ въ годъ. Сосѣдство двухъ острововъ служило къ этому удобствомъ; и кто-бы могъ представить себѣ, что эту промышленность отобьютъ у Катанцевъ Сѣверо-Американцы? Но это истина. Я самъ видѣлъ Американскіе корабли, сюда пришедшіе, и единственный грузъ на нихъ былъ ледъ и снѣгъ. Американцы изобрѣли средство сохранять товаръ свой посредствомъ соломы и соли, и получаютъ значительный барышъ. Въ Мальтѣ, какъ и въ Неаполѣ, мороженое и вода со льдомъ — первое лакомство и роскошь въ жизни. Самые небогатые люди не отказываютъ себѣ въ

этомъ, и едва появится корабль со льдомъ, какъ товаръ его тотчасъ распродастся.

Я проводилъ время въ Мальтѣ довольно пріятно. Англичане здѣсь, какъ и вездѣ, живутъ своимъ отдѣльнымъ обществомъ. Г-нъ Нодженть звалъ меня обѣдать; мы сѣли за столъ въ 8 часовъ вечера и просидѣли до одиннадцати. Покуда изъ-за стола не вышли дамы, бесѣда была довольно молчаливая; но когда мужчины остались пить, разговоръ сталъ довольно шуменъ, хотя не занимателенъ: ждали возвращенія Лорда Понсонби, много говорили о Константинопольскомъ приключеніи Чорчиля, хваля настойчивость своего посла, и хотѣли, кажется, завлечь меня въ этотъ разговоръ; однакожъ я отклонилъ его, сказавъ, что я, правда, былъ тамъ, но мало слышалъ объ этомъ дѣлѣ, занимаясь древностями и готовясь къ отъѣзду въ Азію. Я прибавилъ, что все дѣло, кажется, кончилось деньгами, и послѣ этого всѣ остались довольны. Вставши изъ-за стола, мы пошли къ дамамъ, которыя, въ другой комнатѣ, уже разливали чай. Между ними была одна дѣвица рѣдкой красоты. Я не видывалъ такой бѣлизны и правильности лица, такой нѣжности кожи и живости ру-

мянца. Особенно цвѣтъ волосъ ея былъ чудесенъ: совершенно красный, съ золотымъ отливомъ, но не льзя было назвать ее рыжею. Это что-то невообразимо прелестное! Къ тому-же, дѣвица была очень любезна, веселаго характера, и разговаривая со мною спросила:—Видалъ-ли я такіе какъ у нея волосы? — Когда я отвѣчалъ, что не видывалъ, она прибавила: — Я думаю потому, что и у насъ они рѣдки: я свои очень берегу, и боюсь, чтобы они не потеряли этого отлива; тогда была-бы я рыжею: а это очень гадко.—Она распрашивала меня о моей газели, и убѣдительно просила ее себѣ. Я охотно согласился, хотя жаль было разстаться съ моей милой Африканкой. Я легко довезъ-бы ее до Италіи; но тамъ затруднился-бы: сажать съ собой въ дилижансъ, или въ коляску, невозможно. Тутъ по крайней мѣрѣ я доставлялъ ей хорошую хозяйку, которая могла о ней заботиться. Жена Адмирала Бригса, дама очень любезная и пріятная, сидѣла возлѣ меня и шутила надъ своей землячкой, которая такъ много думала о своихъ волосахъ. Супругъ Г-жи Бригсъ пригласилъ меня на другой день къ себѣ, предлагая показать мнѣ морской арсеналъ и новую ихъ

больницу. Вечеръ кончился очень пріятно музыкой. Златоволосая красавица прекрасно играла на арфѣ.

На другой день, Адмиралъ прислалъ мнѣ свою шлюпку, и я отправился къ нему. Мы поѣхали съ нимъ въ арсеналъ. Онъ показалъ мнѣ сперва мастерскія: все было въ чрезвычайномъ порядкѣ и чистотѣ. Въ запасномъ магазинѣ, онъ съ національнымъ самодовольствомъ сказалъ мнѣ: «Вы видите, что если я завтра получу повелѣніе адмиралтейства вооружить цѣлую эскадру, то меньше чѣмъ въ мѣсяцъ времени могу отпустить въ море четыре или пять линейныхъ кораблей: мнѣ ни въ чьей помощи нужды не будетъ.» — Это правда, Адмиралъ; но осматривая ваши запасы, я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ нужна для Англіи Русская торговля. — «А почему-же?»—Потому, что почти всѣ эти запасы изъ Россіи. Напримѣръ: вотъ эти огромные сосновые брусья, эти мачты, отъ насъ; полосное желѣзо....—«О, что касается желѣза—прервалъ Адмиралъ—у насъ своего пропасть.»—Это правда; только оно способно на оковку каретъ, колесъ, а въ корабли не годится; въ немъ слишкомъ много сѣрныхъ частей.—«Это мы умѣемъ очистить.—«Тогда оно вамъ станетъ

дороже Русскаго. А вотъ, напримѣръ, цѣлые сараи, наваленные парусиной, фламскими полотнами, а здѣсь канатами и веревками. Все изъ нашей пеньки и нашего льну! Вонъ бочки съ нашимъ саломъ; вотъ русскія доски.—«Пеньку мы достаемъ изъ Америки.» — Правда; но вы сознаетесь, Адмиралъ, что изъ Американской пеньки вы не дѣлаете якорныхъ канатовъ; они изъ нея слабы и никакъ не могутъ замѣнить Русскихъ? — Онъ въ этомъ сознался, только сказалъ мнѣ, что досокъ на половину получаютъ они изъ Норвегіи. «Но что-же вы заключаете изъ всего этого?» спросилъ меня Г-нъ Бригсъ.—Что Англія и Россія гораздо больше имѣютъ причинъ жить дружелюбно, какъ это всегда и бывало, чѣмъ враждовать между собою: обѣ державы, въ коммерческомъ отношеніи, имѣютъ одна въ другой нужду, да и привыкли издавна любить и уважать одна другую. — «Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ,» отвѣчалъ Адмиралъ.

Когда мы кончили обозрѣніе арсенала, онъ поѣхалъ домой, сказавъ, что будетъ ждать меня завтракать, а я отправился въ морскую госпиталь. Тамъ меня ожидали: на гауптвахтѣ, гдѣ стояли

въ караулѣ Шотландцы, отдали мнѣ честь, вышли къ ружью и сдѣлали на караулъ. Главный докторъ и надзиратель больницы провожали меня повсюду. Больница учреждена на 400 кроватей. Надо сознаться, что такого совершенства во всѣхъ частяхъ я и вообразить не могъ. Начиная отъ постелей больныхъ, до послѣдней кастрюли въ кухнѣ, все отдѣлано какъ игрушка, какъ лучшій математическій инструментъ. Кровати и мебель, изъ орѣховаго дерева, выполированы и покрыты лакомъ, полы вездѣ штучные, натерты и блестятъ какъ зеркало; занавѣсы вездѣ кисейные и совершенно охраняющіе больнаго отъ комаровъ; бѣлье самое тонкое, по двѣ перемѣны въ недѣлю, а иногда, смотря по нуждѣ, и каждый день; офицерскія комнаты (для каждаго больнаго особенная), меблированы съ роскошью. Словомъ, то что Англичане называютъ *confortable*, вездѣ съ избыткомъ. Для выздоравливающихъ есть вольтеровскія сафьянныя кресла, съ рессорами, и халаты ситцевые; кушанье подаютъ на серебрѣ; вездѣ хрусталь, фарфоръ, wedgewood, или лучшая оловянная посуда. Даже необходимые для больныхъ горшки трехъ или четырехъ фасоновъ, приспосо-

блены къ ихъ болѣзнямъ и положенію на кроватяхъ; ретирады съ текучею водой, безъ всякаго запаха, и чисты какъ самыя спальни. Аптека совершенная игрушка: всѣ баночки фарфоровыя, всѣ стклянки изъ хрусталя; кухня—совершенство: посуда въ ней вся изъ той твердой глины, которую называютъ Французы *terre de cailloux*; она похожа цвѣтомъ на кувшины съ зельтерскою водой, но лучше, и глазуровка превосходна.

Во всѣхъ камерахъ госпиталя воздухъ самый чистый, и обращается свободно, не обезпокоивая больныхъ, потому что окошки впускаютъ воздухъ только вверху; снаружи, при каждомъ плотные навѣсы, не допускающіе солнечныхъ лучей въ комнату; навѣсы эти по вечерамъ поднимаются. Много-бы надобно было писать, чтобы дать полное понятіе о порядкѣ, предусмотрительности и совершенствѣ всего въ этомъ заведеніи: оно дѣлаетъ честь Адмиралтейству и Правительству! Невозможно человѣколюбивѣе заняться больнымъ, ухаживать за нимъ, заботиться даже о его утѣшеніи. При этомъ заведеніи есть небольшая библіотека, и больные пользуются ею по своей волѣ. Когда я посѣщалъ госпиталь, больныхъ было очень ма-

ло: заняты были сорокъ кроватей матросами и морскими солдатами, да три офицерскія камеры. Я замѣтилъ, что больные на половину одержимы грудными болѣзнями, чахоткой; много глазныхъ болѣзней, нѣсколько горячечныхъ; сифилитическихъ не было ни одного. Я искренно поблагодарилъ провожавшихъ меня. При возвращеніи, отдана была мнѣ та-же честь карауломъ. Я пріѣхалъ къ Адмиралу въ восторгѣ отъ всего видѣннаго мной.

Леди Бригсъ приняла меня съ обыкновенною своею любезностію; Адмиралъ, казалось, былъ доволенъ произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ. Мы весело завтракали бифстекомъ, рыбою, и всякаго рода плодами; хересъ и шампанское смѣнялись поочередно. Съ нами было много офицеровъ. Разставаясь, я благодарилъ гостепріимное семейство, и подумалъ, что Адмиралъ хочетъ изломать мнѣ руку: такъ онъ пожалъ ее!

Въ тотъ-же вечеръ я прогуливался въ публичномъ саду, насажденномъ въ самой крѣпости, въ той части ея, которую называютъ *Baragues* (Баракъ). Въ немъ много большихъ деревъ, дающихъ тѣнь, а это весьма пріятно посреди голаго острова и камней, сильно отражающихъ пламенное

солнце. Съ высокаго мѣстоположенія этого гулянья видъ прелестенъ: вы видите пристань, весь городъ, и даже открытое море! Оттуда ѣздилъ я осмотрѣть загородный домъ прежнихъ Гроссмейстеровъ, а нынѣ Англійскаго Генералъ-Губернатора. Это *Вилла Сантъ-Антоніо*. Я нашелъ тамъ прекрасный регулярный садъ, много воды, вездѣ мраморные фонтаны, множество апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ, и всякія другія фруктовыя деревья. Виноградъ вьется по рѣшеткамъ и составляетъ крытыя аллеи.

На другой день мы отправились цѣлымъ обществомъ, въ другой загородный домъ, или виллу, принадлежащую Графинѣ Пречіоза; но съ нами не было ни одного Англичанина; всѣ гости были туземцы, или Италіянцы, да Г-нъ Фурманъ съ женою и я, Рускіе. Садъ Графини Пречіоза обширенъ и замѣчателенъ тѣмъ, что конечно на всемъ островѣ нѣтъ такихъ растеній. Здѣсь я нашелъ деревья въ охватъ толщиною, чинаровыя, орѣховыя и каштановыя; даже пальмовое дерево, приносящее плодъ! Можно подумать, что гуляешь въ Малой Азіи. Хозяйка любитъ цвѣты, и ихъ здѣсь множество. Гіацинты и туберозы отличной

красоты; розовые кусты такъ высоки, что изъ нихъ подѣланы бесѣдки, въ которыхъ мы пили чай и ѣли мороженое. Я провелъ вечеръ самый прiятный! Безъ Англичанъ Мальтiйцы веселы и словоохотны. Когда возвратились мы въ комнаты, начался концертъ. Пѣли артисты Итальянской оперы. Г-жа Фурманъ снисходительно согласилась участвовать въ концертѣ, и превосходно пропѣла арiю изъ Беллинiевой Нормы: голосъ очаровательный! Послѣ я слышалъ отъ славнаго композитера Донидзетти, въ Неаполѣ, что онъ сравнивалъ его съ голосомъ покойной Малибранъ: только искуство пѣвицъ было различно. На музыкальномъ вечерѣ нашемъ также очень прiятно пѣла первая пѣвица здѣшней оперы, Г-жа Дарбуа, милая и хорошенькая Француженка. Жаль, что грудь ея слаба; мнѣ кажется даже, что въ ней былъ зародышъ чахотки.

Послѣ Африки и Азiи, какъ восхищало меня образованное общество Европейское. Этотъ небольшой кругъ на островѣ Мальтѣ опять возвращалъ меня въ Европу, гдѣ я скоро долженъ былъ увидѣть весь блескъ просвѣщенiя, въ Неаполѣ, Римѣ, Флоренцiи и наконецъ Парижѣ. Послѣднее

обозрѣнiе мое на островѣ было посвящено дому трудолюбiя: полезное и человѣколюбивое учрежденiе, которымъ Мальта обязана Англичанамъ!

Домъ трудолюбiя учрежденъ для дѣвицъ бѣднаго состоянiя и для сиротъ. Благородная цѣль его: сохранить ихъ нравственность и потомъ обезпечить существованiе пристойнымъ замужствомъ, или помѣщенiемъ въ хорошiй домъ. Я нашелъ тамъ около двухъ сотъ дѣвицъ, отъ десяти и до двадцатилѣтняго возраста. Присмотръ за ними довольно строгiй; но содержатъ ихъ прекрасно, чисто, опрятно. Все, что можетъ способствовать къ сохраненiю здоровья, тщательно соблюдается. Пища у нихъ достаточная и хорошо изготовленная, постели опрятныя, и на нихъ тонкое бѣлье. Дѣвицы занимаются разными работами, приличными ихъ полу, прядутъ, сучатъ бумагу, ткутъ узорчатыя матерiи, вышиваютъ, плетутъ кружева и блонды, разматываютъ шелкъ, даже шьютъ башмаки. Всѣ ихъ работы продаются въ пользу дома. Отличившiяся получаютъ награды, которыя отдаются имъ только при выпускѣ. Законъ Божiй и чистѣйшая нравственность главные предметы ихъ ученiя и воспитанiя. Выпускаютъ изъ этого пи-

ститута только въ замужство, или когда прiискано приличное мѣсто. Меня очень удивило, когда я узналъ, что содержанiе каждой дѣвицы обходится въ годъ не дороже ста рублей. Конечно въ Мальтѣ пища недорога; но воспитанницы хорошо одѣты, а наставницы и учители получаютъ большое жалованье, и ни въ чемъ недостатка нѣтъ. Желательно-бъ было, чтобы въ другихъ земляхъ, въ подобныхъ заведенiяхъ, брали примѣръ съ этого: оно дѣлаетъ честь Англичанамъ и теперешнему директору его, Г-ну *Казалани,* особенно потому, что совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли.

Удобный случай заставилъ меня рѣшиться ѣхать въ Сицилiю и осмотрѣть часть этого знаменитаго острова. Пароходъ Фердинандъ I-й починивался, и вскорѣ долженъ былъ отправиться туда; а изъ Мессины дней черезъ пять долженъ былъ идти въ Неаполь другой пароходъ, на которомъ я могъ переправиться на твердую землю. За сутки до отъѣзда моего отыскалъ я здѣсь Греческую церковь, при которой жилъ священникъ нашего исповѣданiя, Сицилiянецъ. Я заказалъ обѣдню и молился въ церкви одинъ. Священникъ худо зналъ по-Гречески, дьячковъ и пѣвчихъ не было, и онъ

прочелъ мнѣ скороговоркой, кое-какъ, обѣдню, послѣ которой пригласилъ къ себѣ, говоря, что у него есть образа рѣдкой Греческой живописи. Что-же это было? Пять или шесть старыхъ иконъ, кажется, Суздальскаго письма; на двухъ изъ нихъ и надписи были Славянскiя. Священникъ предлагалъ мнѣ купить ихъ, и очень огорчился моимъ отказомъ: старикъ считалъ на барышокъ! Онъ жилъ съ семействомъ своимъ очень скудно: прихожанъ у него никого не было, и онъ существовалъ подаянiями отъ заходящихъ въ Мальту Греческихъ судовъ. Я, сколько могъ, вознаградилъ обманутое его ожиданiе, подаривъ ему десять Неаполитанскихъ дукатовъ (*), чѣмъ онъ кажется былъ очень доволенъ.

Распрощавшись со всѣми знакомыми, и съ нашимъ Консуломъ Г-мъ Тальяфери и его семействомъ, которые во всю бытность мою здѣсь всячески угощали меня и оказывали мнѣ дружескiя услуги, я сѣлъ на корабль 18-го Iюля, въ 10 часовъ утра. Товарищами себѣ на кораблѣ нашелъ я

(*) Неаполитанскiй дукатъ стоитъ пять рублей ассигнацiями на нашу монету.

людей разныхъ націй. Миледи Вольфъ, съ малолѣтнымъ сыномъ, Англичанка, была изъ знаменитой Вальполевой фамиліи. Она вышла, по страсти, за крещенаго жида Вольфа, который ѣздилъ миссіонеромъ, или проповѣдникомъ, среди дикихъ народовъ Африки, и въ это время находился въ Абиссиніи. Онъ не зналъ ни одного изъ тамошнихъ нарѣчій, и когда я спросилъ супругу его, какъ-же онъ проповѣдуетъ и учитъ, она мнѣ отвѣчала очень серьёзно: «Въ томъ-то и чудо! Узнайте еще, что онъ болѣе сутокъ нигдѣ не останавливается! Слово Божіе довольно разъ услышать: сила его дѣйствительна!» Нечего было сказать на это, и я замолчалъ; но, кажется, мой вопросъ не полюбился ей. Въ числѣ сопутниковъ моихъ были еще три Англичанина: Г-нъ *Аткинсъ*, ѣхавшій изъ Восточной Индіи чрезъ Александрію; другой, Г-нъ *Левисъ*, изъ Іерусалима, ѣхалъ чрезъ Байрутъ, а третій, *Диксонъ*, прямо изъ Мальты, къ отцу своему въ Неаполь: это былъ докторъ медицины. Всѣ трое они были образованные и любезные молодые люди, съ которыми я потомъ много разъ и съ удовольствіемъ встрѣчался въ Неаполѣ. Съ нами были еще: Г-нъ Чикалези, Неаполитанецъ, одинъ изъ директоровъ Королевскаго торговаго банка въ Неаполѣ, и наконецъ старый и богатый Константинопольскій Грекъ, который везъ на твердую землю свою дочь, сошедшую съ ума. Эта несчастная молодая женщина цѣлый день сидѣла на палубѣ корабля довольно смирно, и безпрестанно, какъ кошечка, мурлыкала себѣ подъ носъ какія-то пѣсенки; за то ночь всю напролетъ кричала дикимъ голосомъ: это было для насъ и жалко и безпокойно.

Въ тотъ-же день, въ 5 часовъ, показались берега Сициліи; въ 7 часовъ обозначился мысъ Песара и башня его съ маякомъ. Этна виднѣлась вдали. На другой день, въ 5 часовъ поутру, мы плыли у подошвы этаго великана: вверху жерла его былъ виденъ дымокъ. Картина величественная, истинное *grandioso*, какъ говорятъ Итальянцы! Здѣсь вступили мы въ Мессинскій проливъ. Я не могъ наглядѣться на виды, какъ по правую сторону, въ Калабріи, такъ и по лѣвую, въ Сициліи. Все напоминало мнѣ Босфоръ Ѳракійскій, съ тою разницею, что Мессинскій заливъ почти вездѣ шире Босфора, и отъ того предметы въ немъ кажутся отдаленнѣе. Впрочемъ, въ иныхъ

мѣстахъ мы плыли почти у самаго берега, такъ, что можно было разглядѣть физіогноміи людей, смотрѣвшихъ на насъ съ земли. Виды Калабріи величавы и строги: вездѣ горы, скалы, покрытыя пріятною зеленью; по мѣстамъ видны селенія и зáмки съ башнями, напоминающіе воображенію феодальныя времена, или романы съ разбойниками, такіе какъ Ринальдо Ринальдини. Сицилійскій берегъ настоящая діорама: тамъ Этна владѣетъ всѣмъ; окрестности Сиракузъ, съ алоевыми, кактусовыми растеніями, Таормина, съ огромными остатками древнихъ построеній, наконецъ Катана, съ черными, лавными грудами, представляютъ разнообразныя, прелестныя картины! Проливъ всегда наполненъ множествомъ рыбачьихъ лодокъ, занятыхъ ловомъ рыбы La Spada (мечъ): это главная промышленность здѣшнихъ береговыхъ жителей.

ГЛАВА XII.

СИЦИЛІЯ.

Наконецъ мы достигли Мессины. Окрестности города величавы; но входъ въ пристань, когда плывешь изъ Мальты, Африки или Греціи, довольно труденъ для парусныхъ судовъ: надо круто заворачиваться, огибая косу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ теченіе самое сильное, потому что уже близка Харибда. Корабли часто должны очень долго приноравливаться, а иногда и буксироваться. Портъ составляетъ полукружіе, по срединѣ котораго нашъ пароходъ остановился и бросилъ якорь.

Не смотря на то, что мы прибыли на Сицилійскомъ пароходѣ, и были снабжены карантинными

свидѣтельствами Сицилійскаго Консула, насъ окружили и цѣлый день продержали на кораблѣ: каждаго пассажира перекликали поодиначкѣ, и все подъ видомъ предосторожности отъ чумы. Признаюсь, мнѣ крѣпко наскучило это; я нетерпѣливо хотѣлъ сойти на берегъ и гулять по набережной, гдѣ уже собралось множество жителей, которые, кажется, также хотѣли видѣть новоприбывшихъ гостей. Но дѣлать было нечего! По крайней мѣрѣ былъ досугъ разсмотрѣть пристань. Ее образуетъ длинная коса, имѣющая направленіе отъ восточной стороны берега. Коса эта защищаетъ пристань отъ вѣтровъ и совершенно отдѣляетъ отъ прилива; потому Мессинская гавань самая надежная и самая спокойная, какая только быть можетъ. Къ тому еще она хорошо защищена крѣпостью, построенною у самаго начала косы, и четырьмя редутами при оконечности ея. Въ пристани, со стороны города, красивый фонтанъ представляетъ Нептуна, держащаго въ цѣпяхъ чудовищъ Харибду и Сциллу.

Наконецъ насъ спустили съ корабля. Я послалъ своего слугу занять для меня комнату въ трактирѣ, а самъ остался гулять по набережной. Она

прекрасна; протяженіе ея версты на двѣ, полумѣсяцомъ, и домы на ней великолѣпные, въ два и три этажа. Ширина набережной, отъ домовъ до моря, 16 саженъ. Здѣсь любимое и лучшее гулянье жителей, потому что воздухъ безпрестанно освѣжается морскимъ вѣтеркомъ, отъ быстраго теченія пролива. Нагулявшись до сыта, и кажется возбудивши любопытство здѣшней публики моей фуражкой и казацкимъ полукафтаномъ, я отправился отдыхать въ трактиръ.

Хозяинъ очень суетился вокругъ меня, называя то *Монсиньоръ*, то *Егеленца*, то *Синьоръ Прингипе*. Я очень понималъ, что, на другой день, счетъ мой въ трактирѣ отъ этого пораздуется, но не хотѣлъ противорѣчить ему. Синьоръ Принчипе поѣлъ немножко рыбы, выпилъ рюмку Сиракузскаго вина, и пошелъ спать. Къ счастью, постеля была мягкая, бѣлье довольно тонкое и чистое, и я до утра хорошо отдохнулъ.

Какъ ни древенъ городъ Мессина, а ему только 40-го лѣтъ; послѣднее землетрясеніе, 1783 года, разрушило его до основанія. Оно было пятое, или шестое, претерпѣнное имъ въ одно столѣтіе. Помаленьку, городъ возобновился, новыя зданія

замѣстили старыя; но ужасъ отъ землетрясенія повсюду еще примѣтенъ: исключая набережную, вновь выстроенные домы низки; рѣдко увидишь одинъ выше двухъ этажей. На краю города есть лачуги, въ которыхъ укрывались жители во время невзгодья; онѣ еще уцѣлѣли, какъ будто для того, чтобы служить убѣжищемъ въ случаѣ новой бѣды.

Землетрясеніе не только перемѣнило мѣстность Мессины, но и произвело измѣненіе въ ея торговлѣ. До того времени, она считалась однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и самыхъ богатыхъ городовъ Италіи; теперь совсѣмъ иное: торговля ея значительно упала, и не смотря на свое *porto franco*, она никакъ не можетъ стать на прежнюю степень. Жителей убыло до 75 тысячъ человѣкъ.

Въ теперешнемъ состояніи своемъ, Мессина однакожъ довольно веселый и живой городъ. Улицы въ немъ широки, а какъ домы въ нихъ не очень высоки, то онѣ кажутся еще шире. Лучшее въ городѣ зданіе соборъ: онъ великъ, и архитектура его сборная, начиная съ готической, двѣнадцатаго столѣтія, до узорчатой осмнадцатаго. Въ немъ прекрасны два ряда колоннъ Египетска-

го гранита: говорятъ, онѣ перевезены сюда изъ Нептунова храма. Ихъ благородная и строгая простота совершенно разнится отъ тяжелой и массивной позолоты алтарей, и всего этого сбора безвкусныхъ и непріятныхъ для глазъ внутреннихъ украшеній. Другихъ, достойныхъ замѣчанія зданій, я не видалъ. Здѣсь все вымазано желтою краской. Говорятъ, что Вице-Король объявилъ однажды о своемъ посѣщеніи городу, и Губернаторъ здѣшній, не зная какъ лучше показать свой городъ, велѣлъ все окрасить охрой; не пощадилъ даже мраморныхъ колоннъ: и тѣ обмазалъ!

Въ Мессинѣ была своя школа живописи. Іеронимъ Алибранди, жившій во времена Джорджніе, Мессинецъ, зналъ Леонарда да Винчи, подражалъ Корреджіо, и славился какъ одинъ изъ первыхъ живописцевъ своего времени. Возвратившись въ отечество, онъ, какъ трудолюбивая пчела приноситъ медъ въ свой улей, принесъ новыя познанія, правила, и преданія своего искуства. Потомъ Антонелло, первый передалъ Италіи искуство писать масляными красками, которое до тѣхъ поръ оставалось секретомъ Фламандцевъ. Полидоръ Ка-

раваджіо также принадлежитъ этому городу. Древняя Мессина была отечествомъ философа Эвгемера, писавшаго Исторію Небесъ: онъ утверждалъ, что боги ихъ не что иное были какъ великіе люди. Энній, стихотворецъ, перевелъ его сочиненіе Латинскими стихами. Теперь въ Мессинѣ нѣтъ философовъ, нѣтъ живописцевъ и стихотворцевъ; но природа такъ-же прекрасна, какъ была въ самые цвѣтущіе дни города. Омываемый водами пролива, городъ возвышается амфитеатромъ по покатости горы, на которой полуденныя растенія блистаютъ во всей своей пышности, и вѣнчаютъ Мессину гирляндою вѣчной зелени, на которую зима не имѣетъ никакого вліянія.

Бродя по улицамъ, я зашелъ однажды въ церковь, которая привлекла мое вниманіе своей Арабской физіогноміей. Это монастырь Св. Григорія. Съ высоты террасы его видъ прекрасный: передъ глазами весь городъ, всѣ улицы, площади и сады. Запахъ померанцевыхъ цвѣтовъ наполняетъ воздухъ; взоръ покоится на полуциркульной гавани, и наслаждается этимъ голубымъ, прозрачнымъ моремъ, этимъ величественнымъ и суровымъ берегомъ Калабріи, пышностію полу-Европейской и полу-Африканской природы! Все это утопало въ прозрачномъ и горящемъ лучами солнца воздухѣ; вдали серебрились парусы; вдоль берега тянулся крестный ходъ, съ хоругвями и образами.

Видъ горъ не уступаетъ красотою морскимъ видамъ: тамъ группами растущіе генеты (дрокъ), олеандріи, кактусы, вьются какъ ленты зелени и цвѣтовъ. Пониже ихъ оливныя деревья, мирты, алоэ, посреди сельскихъ домовъ и пустынекъ. Одной Этны не достаетъ для этой картины.

Я воротился въ городъ по узкимъ, крутымъ переулкамъ, гдѣ нищета и бѣдность заняли свои квартиры. Видя безпорядокъ домовъ и разсѣвшіяся стѣны, можно было подумать, что землетрясеніе только вчера кончилось. Изнуренныя зноемъ и работою, женщины здѣсь рано старѣются и худѣютъ; ихъ большіе, черные глаза блещутъ, кажется, лихорадочнымъ жаромъ. Національная ментія, въ которой онѣ закутаны, придаетъ имъ какую-то печальную физіогномію и сближаетъ съ Цыганами. Сицилійская ментія (*манто, плащъ*) большое черное покрывало, шелковое у богатыхъ, стамедное у бѣдныхъ. Женщины закрываются имъ

съ головы до ногъ; одни глаза остаются наружѣ. Точно такіе плащи видѣлъ я на Мавританкахъ, которыя называютъ ихъ *Гаикъ*. Молодыя дѣвицы носятъ иногда бѣлыя ментіи; но черный цвѣтъ настоящій національный для этого одѣянія.

Мужчины здѣсь не лучше женщинъ: они, въ лохмотьяхъ, цѣлыми кучами валяются у входа въ церкви, и ничего не дѣлаютъ. Прибрежные жители подѣятельнѣе: они безпрестанно занимаются ловлею рыбы, и безстрашно плаваютъ на лодочкахъ своихъ посреди Харибды и Сциллы.

Въ Мессинѣ нѣтъ никакихъ остатковъ древности, хотя она была одною изъ первыхъ Греческихъ колоній, основанныхъ на Сицилійскихъ берегахъ. Первое имя этого города: *Занкла,* значитъ *коса*. Оно было дано ему отъ того, что пристань его точно имѣетъ видъ косы. Язычники говорили, что Сатурнъ уронилъ свою косу, и образовалъ ею пристань. Оріонъ, звѣроловъ, одинъ изъ великановъ, посвятилъ Нептуну мысъ Пелоръ, нынѣ Фаросъ, гдѣ паслись Иракловы стада. Тутъ-же и дочери Солнца пасли стада отца своего; но храмы и боги ихъ исчезли, а землетрясеніе поглотило и совершенно зарыло ихъ остатки.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось видѣть въ Мессинѣ. Театръ хотѣлъ я посѣтить по возвращеніи моемъ съ Этны, на которую нетерпѣливо желалъ взобраться, и потому на другой день, рано по утру, отправился въ Таормину, гдѣ также хотѣлъ осмотрѣть любопытные остатки древности. Я поѣхалъ верхомъ на ослѣ, взявъ провожатыхъ и нѣсколько съѣстныхъ запасовъ. Мнѣ сказали въ Мессинѣ, что я смѣло могу надѣяться на моихъ провожатыхъ, потому, что всѣ трое они принадлежали къ какой-то извѣстной шайкѣ разбойниковъ, и слѣдственно могли за меня отвѣчать. Хозяинъ трактира, гдѣ я жилъ, зналъ ихъ, и уже не разъ поручалъ имъ путешественниковъ, которые всѣ остались ими очень довольны. Чудная сторона, гдѣ надобно отдаться на произволъ разбойниковъ, чтобъ отъ нихъ сохраниться, и гдѣ правительство явно терпитъ ихъ, или не въ силахъ укротить! Быть такъ! подружусь и я съ ними; по крайней мѣрѣ покажу имъ, что я ихъ не боюсь, или дешево имъ не отдамся. Хозяинъ представилъ мнѣ синьора Корниліо и двухъ его товарищей. Корниліо былъ средняго роста, сухощавъ, широкъ въ плечахъ и крѣпко сложенъ. Большой, покля-

ный носъ, широкія черныя брови, сростшіяся вмѣстѣ, и быстрые черные глаза, придавали физіогноміи его видъ очень суровый; но онъ былъ веселаго характера и охотно смѣялся, что̀ мнѣ понравилось. Я вынулъ кошелекъ, въ которомъ было рублей около пятидесяти мѣлкаго серебра, да наполеона два золотомъ. Отдавая ему эти деньги, я сказалъ, что дѣлаю его своимъ казначеемъ, и поручаю ему весь дорожный расходъ, потому что ничему цѣны не знаю, и слѣдовательно буду гораздо спокойнѣе, если онъ за это возмется. Онъ перечелъ деньги, положилъ кошелекъ къ себѣ въ карманъ, и сказалъ мнѣ: «Вы будете довольны.» Я обѣщалъ заплатить ему и его товарищамъ за труды по возвращеніи нашемъ въ Мессину, оставляя деньги и все свое имущество у Русскаго консула. *Bene, bene, Eccellenza!* И мы отправились... Забылъ сказать, что я вооружился парою пистолетовъ и кинжаломъ; камердинеръ мой также.

Дорога отъ Мессины въ Таормину, *Touromenium*, идетъ по морскому берегу. Заливъ и берега Калабріи безпрестанно въ глазахъ. Мы ѣхали тихо, потому что провожатые мои большею

частью шли пѣшкомъ. Часу въ двѣнадцатомъ, когда стало ужь очень жарко, Корниліо предложилъ мнѣ своротить съ дороги и заѣхать въ горы, пообѣдать къ какому-то *Fra Dominico*, его пріятелю, у котораго мы найдемъ—говорилъ онъ—прекрасный обѣдъ, тѣнь и хорошее убѣжище per far la siesta, то есть, поспать послѣ обѣда. Мы своротили, и пріѣхали въ какую-то корчму. Знакомаго Корниліева не было дома; но жена его, проворная баба лѣтъ тридцати, захлопотала, засуетилась, тотчасъ приготовила намъ яичницу, да жаренаго зайца, и довольно дурную лапшу, въ видѣ супа. Со мною была ветчина, и я довольно хорошо пообѣдалъ. Спать легъ я на соломѣ подъ тѣнью, прося моего провожатаго не мѣшкать, потому что мнѣ хотѣлось пріѣхать въ Таормину ночевать. Все исполнилось по желанію. Корниліо расплачивался, торговался, бранился съ хозяйкой; они кричали за грошъ, какъ будто дѣло шло о тысячахъ; но мой казначей оказывалъ свое усердіе къ моимъ интересамъ, и я въ его дѣло не мѣшался; только просилъ его нигдѣ не отказывать въ *la bonna mana*, которой просятъ безпрестанно и за все: то-же что наше *на водку*, или, какъ нынѣ

говорится, *на чай*. Жаръ схлынулъ; мы поѣхали гораздо скорѣе, выбрались на большую дорогу, и опять увидѣли море, опять вдали Калабрійскіе берега; наконецъ ихъ не стало видно. Не доѣзжая Таормины верстъ десять, два молодца, въ большихъ шляпахъ, стояли у самой дороги, опершись на ружья; Корниліо поскакалъ прямо къ нимъ; не знаю что̀ они говорили, только когда я съ ними поравнялся, они сняли шляпы и поклонились мнѣ вѣжливо. Одинъ изъ нихъ пожелалъ мнѣ добраго пути: *Bon voyagio, Signor Principe!* Я раскланялся съ ними и поблагодарилъ за привѣтствіе. Когда потомъ я спросилъ Корниліо, что это за люди? онъ мнѣ отвѣчалъ: «Это *Campieri* Герцога Салернскаго, гвардейцы, или оберегатели его, но они съ разбойниками въ дружбѣ и часто за одно.»

Мы пріѣхали, или, лучше сказать, вскарабкались въ Таормину ночью. Ничего не льзя было разсмотрѣть. Я не понимаю, какъ на такую круть могутъ подыматься лошади: кажется, дорожка эта создана для однѣхъ козъ. Я остановился въ домѣ у аптекаря, и тотчасъ легъ спать. На другой день, поутру, какъ только можно было осмотрѣться, я

вышелъ на улицу: городишко самый маленькій; въ немъ едва-ли есть четыре или пять тысячь жителей; но церквей множество, по числу народонаселенія, потому что ихъ считается съ монастырями тридцать три. Тавроминіумъ славился при Грекахъ и при Римлянахъ. Обращенные въ христіанство, жители его храбро защищались противъ Сарацинъ. Лѣтописцы утверждаютъ, что осада города продолжалась около двадцати лѣтъ, и онъ послѣдній изъ всѣхъ Сицилійскихъ городовъ понесъ иго невѣрныхъ. Тогда настало для него время бѣдствій, и въ 968 году Халифъ Алмоезъ приказалъ раззорить его до основанія. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ поправиться, и остался какимъ мы его и теперь видимъ. Однакожь по остаткамъ стѣнъ, и изъ готической надписи, сохранившейся на нихъ, видно, что укрѣпленія города были возобновлены въ 1430 году, хотя гораздо въ уменьшенномъ размѣрѣ: новыя стѣны далеко внутри старыхъ, что также видно по сохранившемуся фундаменту послѣднихъ. Городъ построенъ на каменной скалѣ, между оврагами, и можно сказать надъ пропастью; надъ нимъ висятъ другія ужасныя скалы, и будто безпрестанно угрожаютъ

ему своимъ паденіемъ. Одна скала сохранила свое древнее названіе: *Monte Venere* (Венерина гора), а другая Маврское названіе: Portella dei Saraceni.

Древній театръ здѣсь обширнѣйшій изъ всѣхъ оставшихся намъ Греческихъ театровъ: онъ былъ построенъ на мысу, выдавшемся въ море. Остатки его величественны, и видъ съ нихъ прелестный: съ одной стороны Этна оканчиваетъ горизонтъ, съ другой горы Калабріи, а между ними синѣется море! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще остались колонны; но ступеньки театра, вытесанныя въ камнѣ, уже покрыты землею. Нѣсколько портиковъ совершенно цѣлы, и украшаютъ пейзажъ, находящійся между ними. По срединѣ галлереи, назначенной для зрителей, видна другая, устроенная уступомъ: вѣроятно для женщинъ. Дѣйствительно былъ изданъ законъ (не помню какимъ Императоромъ), которымъ запрещалось женщинамъ находиться между мужчинами въ театрахъ, и для нихъ назначались особенныя мѣста. Посреди всего этого пасутся стада, довершающія разрушенія Сарацинъ. Я съ сожалѣніемъ оставилъ эти чудесные остатки древности, и сознаюсь, что нигдѣ въ Греціи я не

видалъ развалинъ великолѣпнѣе и занимательнѣе Таорминскаго театра.

Осмотрѣвъ театръ, я пошелъ въ наумахію: любители древности найдутъ эти остатки достойными ихъ разысканій и любопытства. Г-нъ Дорвиль издалъ на Латинскомъ языкѣ полное описаніе ихъ и рисунки; но съ тѣхъ поръ ужь многое исчезло, хотя и то, что осталось, еще очень занимательно. Я нашелъ уцѣлѣвшими 19 арокъ и 18 нишей, четвероугольныхъ, ровной вышины, и симметрически расположенныхъ. Въ самыхъ аркадахъ видны водопроводы, по которымъ, вѣроятно, стекала нечистая вода, падавшая сверху.

Г-нъ Дорвиль предполагаетъ, что мѣста для зрителей были выше стѣны, въ которой эти арки. *Spectantibus autem supra murum istum sedilia extructa fuisse, colligo ut hac foramina servire potuerint in aquis sordidis ex superioribus illis locis recipiendis*. Изъ этой древней наумахіи пошелъ я осмотрѣть обширные водоемы, гораздо выше ея, на курганѣ. Мнѣ кажется, они должны были принадлежать къ той-же наумахіи. Я насчиталъ ихъ пять; изъ нихъ четыре совершенно раззорены; но пятый, который меньше, остался

цѣлъ. Водоемъ этотъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ резервуаровъ, или каморъ, раздѣленныхъ осмью столбами. Каждый резервуаръ устроенъ на восьми аркахъ. Еще видны окошки, продѣланныя въ нѣкоторой вышинѣ, и отверстіе, чрезъ которое втекала вода изъ канала въ водоемъ; а изъ него она выходила уже въ наумахію, другимъ каналомъ, изсѣченнымъ въ камнѣ, и посредствомъ котораго наполнялось водою это пространство вмѣстилища, для представленія сраженій на корабляхъ и другихъ морскихъ маневровъ. Весь водоемъ построенъ изъ обожженнаго кирпича, а внутри обмазанъ, для удобнѣйшаго сохраненія воды, крѣпкимъ цементомъ.

Въ бытность мою въ Таорминѣ, мнѣ говорили о какихъ-то надписяхъ, находящихся тамъ въ дѣвичьемъ монастырѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи *di Valverde;* но у меня не доставало времени видѣть ихъ; къ тому-же я зналъ, что уже многіе путешественники описывали ихъ прежде меня. И такъ, въ тотъ-же день, около вечера, я отправился въ Катану. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ этому городу, тѣмъ прекраснѣе становилась страна. Такого плодородія земли, не исключая даже Малой Азіи, я

думаю, нигдѣ не льзя видѣть. Ночь настигла насъ, когда мы были отъ города верстъ за 15, и мы остановились ночевать у одного пустынника. Онъ снисходительно пустилъ насъ и уступилъ мнѣ свою келью. Я замѣтилъ, между прочимъ, что онъ уже знакомъ съ Корниліо и дружески обходился съ нимъ. Выпивши чашку парнаго козьяго молока, я легъ спать; но свита моя хотѣла ужинать. Нашли-ли они что, не знаю; только все успокоилось, и я до утра никого не видалъ. На разсвѣтѣ мы поднялись, и, поблагодаривъ пустынника, пустились далѣе. Корниліо, говоря мнѣ о монахѣ, часто повторялъ: *un brave huomo;* но я не любопытствовалъ знать, какъ завязалось ихъ знакомство. Около Катаны должно проѣзжать большимъ, возвышеннымъ полемъ, покрытымъ плодовитыми деревьями, откуда городъ представляется довольно красиво. Мы въѣхали широкою улицею, называемою *Strada Etnea,* и я остановился въ трактирѣ *Слона,* гдѣ мнѣ дали три большія комнаты, и скоро начали величать, какъ въ *Мессинѣ, Eccellenza* и *Signor Principe Russo.*

Катана, какъ и Мессина, должна быть причтена къ новымъ городамъ, потому что она выстроена

вновь, послѣ землетрясенія 1783 года, разрушившаго ее совершенно. Съ тѣхъ поръ городъ возродился съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ, и теперь правиленъ какъ Мангеймъ или Туринъ. Фасады домовъ его почти единообразны; улицы широки и всѣ вымощены волканическими плитами; но я нахожу, что, при малой высотѣ домовъ, эти улицы ужь слишкомъ широки. На нихъ нѣтъ ни малѣйшей защиты отъ солнца, и оно палитъ немилосердо.

Городъ Катана почитается третьимъ въ Сициліи, и потому называютъ его *Королевскимъ*. Здѣсь всегдашнее пребываніе Епископа, подчиненнаго однакожь (suffragant) Архіепископу Монтреальскому. Катана построена въ долинѣ, близъ небольшаго морскаго залива, называемаго ея именемъ. Полуденной стороной своей она достигаетъ почти до послѣднихъ уступовъ Этны. Жителей въ ней до 25 тысячь. Ее украшаютъ нѣсколько площадей, и посрединѣ одной изъ нихъ поставленъ, на прекрасномъ мраморномъ подножіи, монументъ, представляющій огромнаго слона изъ лавы, называемой здѣсь *sciarra*; на спинѣ его обелискъ изъ восточнаго гранита, покрытый іероглифическими

знаками; онъ по справедливости можетъ быть причтенъ къ самымъ рѣдкимъ остаткамъ древности.

Какъ во всѣхъ Италіянскихъ городахъ, здѣсь первый предметъ любопытства для путешественниковъ соборъ, и потому я пошелъ осмотрѣть его. Онъ обширенъ, правда, но слишкомъ свѣтелъ; стѣны его увѣшаны дурными картинами; наружныя колонны взяты изъ древняго амфитеатра; точно такія-же украшали внутренность церкви, но одному изъ Епископовъ показались онѣ тонки, можетъ статься отъ того, что были пропорціональны, и онъ запряталъ ихъ въ толстыя и дурныя пиластры, чѣмъ совершенно исказилъ все. Соборъ находится на той-же площади, гдѣ стоитъ слонъ съ обелискомъ. Зданіе, довольно замѣчательное въ Катанѣ, Сенатъ: онъ правильной и величественной архитектуры; но чудо зодчества, это монастырь Бенедиктиновъ. Онъ болѣе похожъ на дворецъ могущественнаго государя, чѣмъ на обитель смиренныхъ монаховъ. Всѣ принадлежности этого зданія соотвѣтствуютъ великолѣпному крыльцу его изъ бѣлаго мрамора. Монашескія кельи убраны какъ самые щегольскіе покои свѣтскаго человѣка; вездѣ кисейныя, разноцвѣтныя занавѣсы, и не рѣдко

встрѣчаете статую лежащей Венеры, посреди бюстовъ Богоматери и образовъ святыхъ. Все это вмѣстѣ составляетъ смѣшеніе, болѣе чѣмъ грѣшное. Библіотека, принадлежащая монастырю, хорошо составлена; при ней есть музеумъ, гдѣ много хорошихъ антиковъ и предметовъ Естественной Исторіи. Церковь велика, но въ ней я нашелъ тотъ-же недостатокъ, какой замѣтилъ въ соборѣ: мнѣ показалась она слишкомъ свѣтла. Органы здѣшніе почитаются одними изъ лучшихъ въ Италіи. Монастырь теперь стоитъ точно какъ на острову: во время изверженія Этны, въ 1783 году, огненные потоки лавы протекли по обѣимъ сторонамъ ограды монастыря, но его пощадили, и онъ остался невредимъ. Это ужасное изверженіе вездѣ оставило неизгладимые слѣды, и одинъ изъ любопытнѣйшихъ, это остатокъ древнихъ стѣнъ города, совершенно покрытый лавой. У подошвы ихъ ключъ воды, котораго свѣжесть достойна Ареѳузы; къ нему теперь сходятъ по шестидесяти двумъ ступенямъ: такъ возвысился уровень земли!

Повсюду разбросаны черныя, огромныя лавныя скалы. Теперь начали разрывать ихъ, и нѣтъ со-

мнѣнія, что найдутъ много любопытныхъ вещей. Герцогъ Каркачи уже отыскалъ, рывши фундаментъ для своего дома, мастерскую ваятеля, со всѣми его инструментами, а рядомъ съ нимъ другую, принадлежавшую дѣлателю глиняныхъ вазъ: все это было залито лавою. Катана, какъ Портичи въ Неаполѣ, была омываема моремъ, но возвышалась вѣками на слояхъ лавныхъ, смѣшанныхъ съ ея собственными обломками. Не льзя не предвидѣть судьбы этого города; но безпечные жители и не думаютъ о ней: одни пришельцы, какъ Кассандра, которой не вѣрили, кричатъ имъ въ уши ужасное пророчество: *Posteri, posteri, vestra res agitur*, но дующій съ моря вѣтерокъ уноситъ слова удаляющагося предвѣщателя, и Катанецъ, крѣпко надѣющійся на покровительство своей защитницы Святой Агаѳіи, продолжаетъ строить, для новаго разрушенія.

Смотря на обворожительныя окрестности Катаны, можно даже понять эту безпечность. Едва прекращая свои ужасныя бѣдствія, природа здѣшняя становится такъ милостива, такъ благодатна, такъ скоро и тщательно изглаживаетъ слѣды своего гнѣва, что невольно раздѣляешь съ жителями

ихъ безпечность: ничего нѣтъ, не скажу въ одной Сициліи, но въ цѣлой Европѣ прелестнѣе Катанскихъ окрестностей. Эта огненная земля чудесно плодотворна, и нельзя равнять ея съ плоскою и единообразною, хотя также плодородною Ломбардіей: здѣсь земля обогащаетъ человѣка восхищая его чувства. Куда ни обратитесь, вездѣ природа очаровательная. Разнообразіе сценъ, неожиданность мѣстоположеній, точно плѣнительны. Здѣсь соединены всѣ части богатыхъ пейзажей; море, лѣса, долины, горы, и еще какая одна гора, Этна!

Къ сторонѣ моря есть еще нѣсколько древнихъ укрѣпленій. Тамъ-же старый за̀мокъ *Урсино,* въ которомъ часто живали Сицилійскіе Короли, Арагонскаго поколѣнія, собирались ихъ парламенты, и судебныя палаты.

Катана, по баснословнымъ преданіямъ, считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ не только на всемъ островѣ, но даже въ цѣломъ свѣтѣ. Здѣшнія лѣтописи увѣряютъ, что этотъ городъ основали циклопы горы Этны, которыхъ называютъ первыми жителями Сициліи послѣ всемірнаго потопа. Другіе писатели утверждаютъ, что городъ построи-

ли Девкаліонъ и жена его Пирра, когда воды слились и очистили подошву горы, отъ чего будто-бы и названъ онъ былъ *Катъ-Этна,* то есть *городъ-Этны.*

Снѣгъ даетъ главный доходъ жителямъ Катаны, которые получаютъ за него, *за снѣгъ,* до двухъ тысячь Голландскихъ червонцевъ. Этна снабжаетъ льдомъ и снѣгомъ не только всю Сицилію, но Мальту и большую часть Италіи. Это здѣсь лакомство и роскошь; даже простые крестьяне глотаютъ снѣгъ съ восхищеніемъ, и нѣтъ богатаго дома въ Италіи, въ которомъ не подавали-бы раза три въ день мороженаго всякаго рода. Катанцы говорятъ: «Пусть лучше будетъ недородъ «хлѣба, чѣмъ недостатокъ въ снѣгѣ.» Этна прохлаждаетъ ихъ лѣтомъ, и грѣетъ зимою, обильно снабжая дровами.

Въ числѣ главныхъ изверженій, опустошившихъ Катану, конечно должно почитать случившееся въ 1669 году. Я ходилъ смотрѣть то мѣсто, гдѣ лава пролилась черезъ стѣну въ городъ: вотъ, конечно, было зрѣлище ужасное и чудесное! На этомъ мѣстѣ стѣна имѣетъ десять саженъ вышины; она толста и основаніе ея твердо; иначе она не

устояла-бы противъ прилива этой раскаленной, густой массы, которая поднялась до такой высоты, и потомъ уже опрокинулась въ городъ, гдѣ сломала и уничтожила все на своемъ пути. Тогда погибла большая часть города и жителей. Другое, также сильное изверженіе, случилось въ 1693 году. Землетрясеніе въ тотъ-же годъ довершило гибель Катаны. Почти всѣ домы попадали и большая часть жителей погибла подъ ихъ развалинами. Я упоминалъ о послѣднемъ, также гибельномъ землетрясеніи, бывшемъ въ 1783 году. Катанцы увѣрены въ помощи святой Агаѳіи; но каждый разъ, при появленіи опасности, объятые страхомъ, они негодуютъ на свою святую, тушатъ лампады, горящія передъ ея образомъ, и срываютъ съ него вѣнцы; а какъ скоро минетъ опасность, раскаяваются, молятся и плачутъ. Истинные Итальянцы!

Говоря объ изверженіяхъ Этны и раззореніяхъ Катаны, не могу не упомянуть о событіи чудесномъ: многіе почтутъ его даже баснословнымъ, однако оно дѣйствительно случилось здѣсь, хотя уже давно. Извѣстно, что городу недоставало только пристани, и Этна вдругъ произвела ее, въ XVI столѣтіи. Лава, при сильномъ изверженіи,

полилась въ море, составила въ немъ плотину, или стѣну, въ родѣ мола, столь обширную и твердую, что люди, никакимъ искуствомъ и никакими издержками, не могли-бы сдѣлать подобной. Это образовало спокойную пристань подлѣ города. Къ несчастію, слѣдующее изверженіе занесло эту гавань, и разрушило все, что произвело полезнаго первое.

Рано поутру собрался я наконецъ ѣхать на Этну. У меня былъ опытный проводникъ, *pratico assai* (довольно испытанный), и не меньше опытный лошакъ. Погода была благопріятная, потому что облачка застилали солнце; слѣдовательно было не очень жарко. Дорога изъ Катаны къ горѣ лежитъ на сѣверъ. Отъѣхавъ верстъ семь, встрѣчаете первую деревеньку, *Каналиггіо*. Дальше вступили мы въ большое селеніе *Трапито*. Отсюда дорога пошла въ гору, и мы, проѣхавъ еще нѣсколько деревень, остановились на постояломъ дворѣ, называемомъ *Фондако*. Здѣсь нашимъ осламъ и лошадямъ стоянка была прекрасная: въ конюшняхъ устроено стоелъ двѣсти; за то для людей нѣтъ ни уголка. Дворъ этотъ довольно похожъ на Турецкіе кханы; да и почему не предполо-

жить, что онъ былъ кханомъ во время Сарацинъ, такъ долго владѣвшихъ Сициліей? Мы не могли найти въ немъ ни куска хлѣба. Къ счастію, я запасся кое-чѣмъ въ Катанѣ, для себя и для людей своихъ. Надо было сѣсть на полъ, и такъ обѣдать: ни стула, ни стола, ни даже лавки не было. Я спросилъ полудикаго мужика, хозяина, далеко-ли еще до славнаго каштановаго дерева, Чентокавали (*)? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что часа четыре тихой ѣзды. Отдохнувъ немного, мы снова отправились въ путь. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ нижній покатъ Этны: отъ самого города до него страна была плодородная, богатая всякаго рода растеніями и плодами. Примѣтны становились, существовавшія когда-то въ отдаленной древности, и давно потухшія жерла. Послѣ одного часа ѣзды увидѣли мы слѣды стараго теченія лавы. Мнѣ сказали, что они принадлежатъ изверженію, бывшему въ XVI столѣтіи. Здѣсь земля была покрыта можжевельникомъ. Мы все подымались въ гору, и черезъ часъ въѣхали въ каштановый лѣсъ, гдѣ находится это славное дерево:

(*) Ста лошадей.

il castagno di cento cavalli. Я замѣтилъ тутъ много деревъ, чрезвычайно толстыхъ; между прочими то, которое называютъ *La Nave* (корабль), и въ которомъ около корня слишкомъ шесть саженъ окружности. Наконецъ мы подъѣхали къ знаменитому *сто-лошадиному* каштану: съ низу его видна одна кора, а выше семь дуплистыхъ отраслей. Обмѣрявъ окружность дерева, я счелъ 87 моихъ шаговъ. Пустота въ немъ, или, если хотите, дупло его, 15-ти шаговъ въ діаметрѣ, а въ иныхъ мѣстахъ и 20-ти; въ срединѣ дупла построена избушка, и крестьяне расказываютъ, что она существуетъ уже 200 лѣтъ. Кромѣ ея, въ той-же пустотѣ есть изрядная лужайка, на которую входятъ многими тропинками. Вѣтви этого великана не соотвѣтствуютъ толщинѣ мнимаго его корня, и я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы видимая кора принадлежала одному стволу. Проводникъ увѣрялъ меня, что недавно кто-то обрывалъ землю около всего дерева, и нашелъ, что внизу кора сплошная; а это ясно показываетъ, что она принадлежитъ одному и тому-же дереву. Такъ говорятъ!

Гора Этна раздѣляется на три, совершенно различныя возвышенности или полосы: первая, *Re-*

gione Culto, или *Piemontese,* т. е. плодородная, подгорная; вторая, *Regione Sylvosa,* или *nemorosa,* лѣсная, наконецъ, третья, *Regione Deserta,* или *Scoperta,* т. е. пустынная, безплодная. Онѣ также различны климатомъ и произведенiями своими, какъ полосы или зоны земнаго шара; приличнѣе было-бы назвать ихъ: *жаркая, умѣренная* и *ледяная.* Первая находится у подошвы горы, по всей ея окружности: тутъ плодороднѣйшая земля, на 15 миль въ высоту. Мѣстечко Николози находится на самой оконечности этой полосы. Отсюда вступили мы во вторую, или лѣсную полосу: она вся составлена изъ лавы, уже за нѣсколько сотъ лѣтъ обратившейся въ богатую растительную почву. Здѣсь совсѣмъ другой климатъ: у подошвы горы, въ Катанѣ на примѣръ, жатва созрѣла и жары стояли несносные, а въ Николози, во второй полосѣ, хлѣбъ былъ еще зеленъ и теплота самая умѣренная. Дорога наша становилась часъ отъ часу хуже; можно сказать даже, что она была прескверная: вездѣ ступаешь по старой лавѣ, и по потухшимъ жерламъ, обращеннымъ въ пашни и виноградники. Здѣшнiе плоды почитаются превосходнѣйшими во всей Сицилiи; особенно славятся смоквы различныхъ родовъ. Эта полоса покрыта холмами, почти вездѣ коническоой формы: они точно бородавки по горѣ, но уже покрыты зеленью и произрастенiями. Каждое изверженiе пораждаетъ одинъ такой холмъ. Кипѣнiе и взрывъ горящей массы не можетъ всегда достигнуть до самаго верхняго жерла или кратера, на 12 или 13 тысячь футовъ перпендикулярной вышины. Часто случается, что долго потрясая всю гору и окрестныя страны, кипящая лава прорываетъ отверстiе въ боку горы, и образуетъ тогда эти холмы. При изверженiи, сперва летитъ густой и черный дымъ; потомъ какъ-бы дождь золы или пепла начинаетъ опустошать всѣ окрестности; за тѣмъ начинаютъ выбрасываться на ужасную высоту раскаленные камни, иные огромнѣйшей величины. Камни эти, падая вмѣстѣ съ золою на гору, образуютъ коническiе холмы, которые составляются иногда въ самое короткое время, иногда-же, какъ во время изверженiя въ 1669 году, это продолжается нѣсколько мѣсяцевъ: тогда холмъ становится большою горою; нѣкоторые и теперь имѣютъ болѣе тысячи футовъ перпендикулярной высоты; другiе только отъ трехъ до четырехъ сотъ.

Какъ скоро новая гора образуется, тотчасъ изъ подножія ея показывается лава, которая и течетъ, пожигая и истребляя на своемъ пути все. Она почти всегда идетъ до моря, въ которомъ останавливается и застываетъ. Лѣсная полоса Этны занимаетъ пространство почти на девять миль въ высоту: это вокругъ горы настоящій поясъ лучшаго зеленаго цвѣта, какой только можно вообразить.

Прошедши эту полосу, мы должны были остановиться ночевать, въ пещерѣ, составленной изъ лавы, и называемой здѣсь *Spelonca del Capriole*, т. е. козья пещера, потому что въ ненастье мѣлкія животныя часто находятъ въ ней убѣжище. Отсюда видъ уже обширенъ и величественъ. Мнѣ казалось, что я стоялъ выше земнаго шара, какъ-бы въ другомъ свѣтѣ! Пещера окружена древними дубами, и ихъ сухіе листья пригодились намъ на постилку. Мы развели большой огонь, набравъ для этого сучьевъ. Уже близко насъ была снѣговая полоса, и за неимѣніемъ воды, мы употребили снѣгъ; сварили чаю, напились его съ хлѣбомъ и масломъ, привезенными съ собою, и тѣмъ совершенно подкрѣпили свои силы. Потомъ всѣ улег-

лись спать. Сперва, шумъ внутри горы, хотя довольно отдаленный, въ правой сторонѣ отъ насъ, мѣшалъ мнѣ заснуть. Тамъ видны были густыя, дымныя облака, и слышны разрывы, сильнѣе пушечныхъ выстрѣловъ; но ни малѣйшаго признака огня мы не примѣтили. Эта гора составилась года три назадъ, во время изверженія въ 1834 году; огонь въ ней еще не потухъ, и даже лава не совсѣмъ остыла. На нѣсколько верстъ истребленъ здѣсь дубовый лѣсъ, изрыты глубокіе овраги, и лава наполнила ихъ послѣ, по увѣренію проводника, футовъ на сто вышины. Въ этихъ-то мѣстахъ она еще сохраняетъ свой жаръ. Утомленные, усталые, мы, попривыкши къ шуму, всѣ наконецъ заснули крѣпко. На другой день, гораздо раньше разсвѣта, мы ступили на ледяную полосу, и я увидѣлъ главу великана: она рисовалась на темноголубомъ небѣ, окруженная вѣнцемъ звѣздъ. Облака исчезли, утро начиналось ясное, но холодное; вѣтеръ прохватывалъ меня насквозь; черкесская моя бурка едва защищала меня отъ стужи. Я почувствовалъ родимый морозъ, слѣзъ съ осла, и хотѣлъ пѣшкомъ обогрѣться, но не возможно было идти: мы находились среди ла-

вы, и такой жесткой, что ногамъ было больно, и я на каждомъ шагу спотыкался. Я опять сѣлъ на Аркадскаго своего коня. Привыкшій къ этимъ мѣстамъ, онъ искуснѣе меня пробирался, по неровностямъ пути, и я отдался его тихому, но вѣрному шагу. Мы достигли до *Casa degl'inglesi*: это каменная хижинка, построенная Англійскими офицерами, въ то время, когда, въ прошедшую войну, они занимали островъ. Она находится у подошвы главнаго жерла волкана, и состоитъ изъ небольшой конюшни дляословъ и крытаго сарайчика для людей. Какъ ни скуденъ этотъ пріютъ, а благодѣтеленъ для путешественника, когда застанетъ его непогода въ пустынной высотѣ. Мы тутъ остановились, покормили ословъ, и сами позавтракали.

Солнце начинало всходить: этого явленія нельзя описать, а не видавши нельзя вообразить! Мы стояли почти на самой вершинѣ Этны. Лучи солнца освѣщали дымъ, выходившій изъ жерла; тѣнь великана разстилалась по острову, точно какъ-бы другая гора темносиняго цвѣта. Этотъ призракъ такъ обманчивъ, что хотя я и былъ предупрежденъ, но совершенно обманулся. Видѣніе было

довольно продолжительно, однако начало мало по малу исчезать, и тогда началось явленіе новое и великое: такія сцены можно видѣть, чувствовать, но не описывать: для изображенія ихъ нѣтъ словъ. Какъ можно описать тысячи переходовъ, переливовъ тѣни, и борьбу ихъ съ солнцемъ, которое гонитъ тѣнь отвсюду, какъ побѣдоносный царь? Сперва овладѣваетъ оно высокими вершинами, потомъ покатостями, долинами, моремъ, и созданіе, освобожденное отъ мрака и призраковъ, радостно встрѣчаетъ своего избавителя! Оно чувствуетъ присутствіе животворнаго свѣтила и привѣтствуетъ его долгимъ трепетаніемъ. Но шорохъ листьевъ, плесканіе водъ морскихъ, тысячи звуковъ, пробужденныхъ появленіемъ солнца, до меня не доходили: шумъ земной всегда остается долу! Зрѣлище было великое, изящное, но нѣмое! Одно зрѣніе было приглашено къ этому торжеству природы, и если какой нибудь звукъ примѣшивался къ нему, то это былъ грозный голосъ волкана, визгъ вѣтра и ревъ вѣчной бури.

Когда тѣни исчезли, весь островъ былъ передо мною. Эти холмы, эти горы, на которыя я съ такимъ трудомъ взбирался, лежали у

ногъ моихъ, и я пробѣгалъ ихъ взглядомъ; они сливались всѣ вмѣстѣ и представляли одну, обширную, разнообразную долину. Отсюда вся Сицилія похожа на развернутую географическую карту: хочется взять ее въ руки! Всѣ подробности видны, всѣ раздѣленія, все разнообразіе острова передъ глазами, и взглядъ упирается, черезъ море, въ строгіе берега Калабріи.

Мнѣ оставалось взобраться на крутой край жерла. Съ часъ ѣхалъ я по золѣ, въ которую оселъ мой уходилъ по колѣно; наконецъ надобно было его оставить, и самому лѣзть по лавѣ, по льду, между пропастей. Признаюсь, у меня не стало ни силъ, ни духу! Я почувствовалъ, что въ 63 года такое предпріятіе превосходитъ возможность человѣка, и потому рѣшился воротиться тѣмъ-же путемъ. Впрочемъ, я ничего больше и увидѣть-бы не могъ. Развѣ увидѣлъ-бы какъ идетъ дымъ изъ жерла? Да я и безъ того видѣлъ его. Я могъ только сказать, что былъ на кратерѣ Этны. Но эту похвальбу я оставляю путешественникамъ помоложе меня. Не хочу хвалиться тѣмъ, чего не могъ видѣть.

Тутъ Корниліо предложилъ провести меня до-

рогой, неизвѣстной, какъ говорилъ онъ, никому кромѣ его. Мы выгадывали болѣе тридцати верстъ, и могли выѣхать къ самой Таорминѣ, миновавъ Катану. Катанскій провожатый, *pratico assai*, получивъ свою плату, согласился воротиться домой одинъ. Оставалось сладить съ хозяиномъ муловъ и лошадей; но этотъ заупрямился, говоря, что ему и муламъ будетъ лишняя дорога изъ Таормины въ Катану. Я предложилъ ему за то двойную плату; онъ упирался. Корниліо косился, и вдругъ подошедъ къ нему, грозно закричалъ: *andate!* (ступай), и упрямый извощикъ снялъ шляпу, почесалъ въ головѣ, поглядѣлъ изъ подлобья на храбреца, и сказалъ: *bene*, хорошо. Тогда Корниліо, оборотясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ имъ: *Per dio, il signor principe e un brave huomo;* по нашему это значило-бы: ну, право, князь молодецъ!

Сначала мы ѣхали прежнею дорогою, подалѣе той пещеры, въ которой ночевали. Корниліо, ѣхавшій впереди, своротилъ влѣво; извощикъ перекрестился. Скоро мы вступили въ густой лѣсъ, гдѣ едва виднѣлась тропинка, и по ней-то пробирались мы гуськомъ; по Корниліо, видно,

зналъ дорогу твердо, поворачивалъ то направо, то налѣво, оралъ пѣсню во все горло, и казался очень веселымъ. Мы ѣхали скоро, потому что дорога почти все шла подъ гору. Вдругъ всѣ остановились. Я увидѣлъ, что мы на краю ужаснаго оврага, и Корниліо размышлялъ, какъ его переѣхать. Я спросилъ: Гдѣ дорога? — Онъ указалъ мнѣ пальцемъ на высокій дубъ по ту сторону оврага, и я тотчасъ рѣшился: слѣзъ съ осла, и сталъ спускаться ползкомъ, ведя за собой моего глупаго буцефала. Сперва онъ очень упрямился, но наконецъ сползъ, можно сказать, на однѣхъ переднихъ ногахъ. Товарищи послѣдовали моему примѣру. Новое затрудненіе! Какъ вскарабкаться на другую сторону оврага? Долго искали средства, и пустились на удалую. Придерживаясь косой линіи, мы взобрались на гору, и дальше поѣхали еще скорѣе, такъ что часовъ въ пять благополучно прибыли въ Таормину. Тамъ, расплатясь съ Катанскимъ извощикомъ и перемѣня лошадей, я пріѣхалъ въ полночь въ Мессину.

На другой день, рано, Корниліо явился ко мнѣ, отдалъ отчетъ въ моихъ деньгахъ, и объявилъ, что пароходъ въ тотъ-же день отправляется въ

Неаполь. Я обрадовался этому извѣстію, и, сверхъ назначенной платы, подарилъ Корниліо оставшіеся у него отъ расхода два наполеона. Онъ такъ восхитился неожиданной щедротой моей, что бросился обнимать меня. Veramente, il signor principe e un grand huomo! Вотъ ужь я и великій человѣкъ!

Я распорядилъ свои дѣла и приготовился къ отъѣзду. Въ четыре часа пополудни я былъ уже на кораблѣ; мы снялись съ якоря, и при благополучномъ вѣтрѣ вышли изъ Мессинской пристани.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

стран.

стран.

